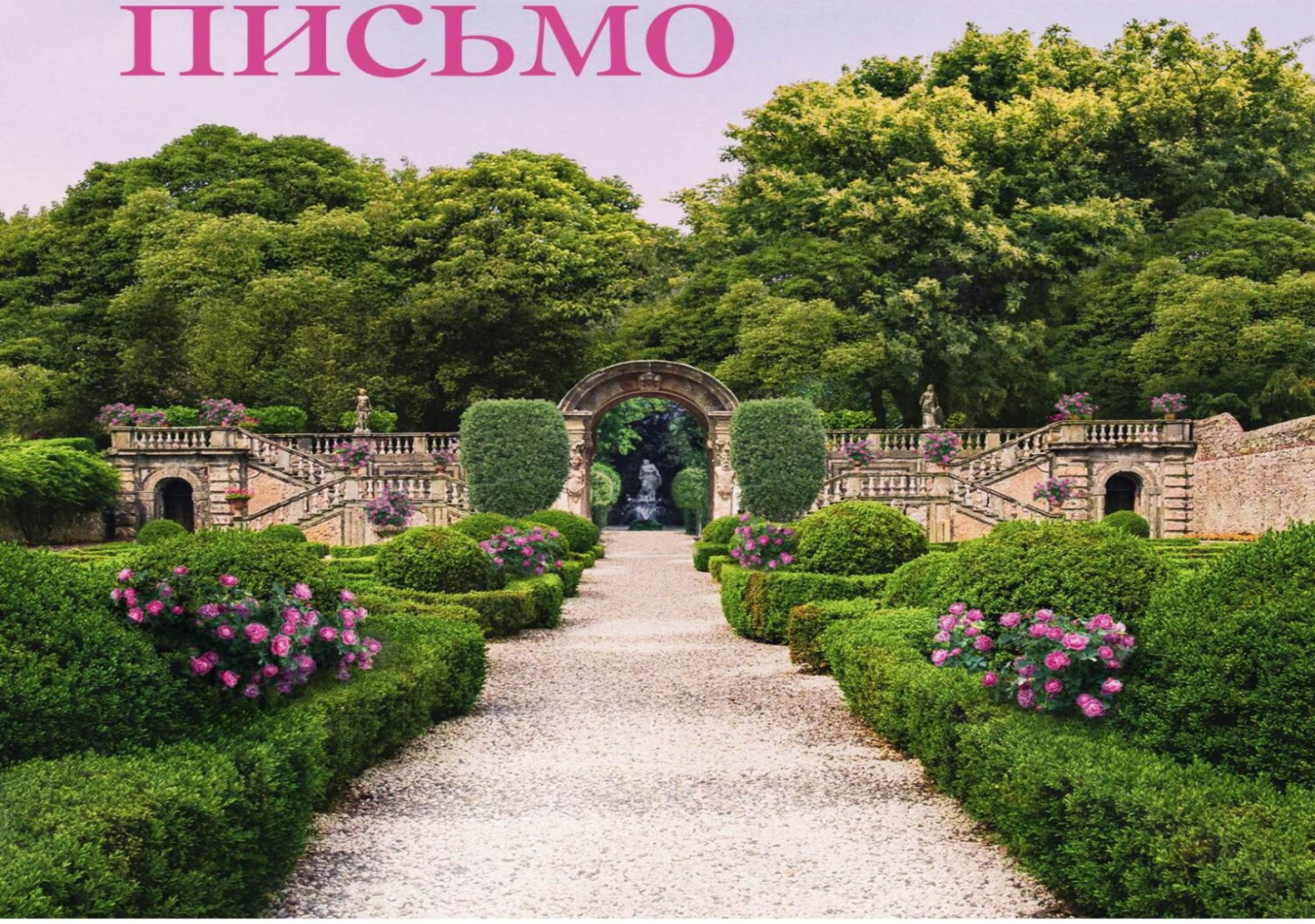
INSPIRIA

Люсинда Райли

Любовное письмо



INSPIRIA

Annotation

Новинка от автора цикла «Семь сестер»! В мире продано более 20 000 000 книг Люсинды Райли.

1995 год, Лондон. Один из величайших актеров своего поколения, сэр Джеймс Харрисон, умирает в возрасте девяноста пяти лет. После смерти он оставил тайны, которые точно шокируют его поклонников. Джоанна Хаслам – амбициозная молодая журналистка, освещающая в прессе похороны легендарного актера. Готовя материал, Джоанна узнает о письмах Харрисона, содержание которых отчаянно держалось в секрете более семидесяти лет.

Журналистка во что бы то ни стало решает добраться до них и приоткрыть завесу лжи и тайн, тщательно скрываемых от публики. Правда, сделать это не так просто: письма ищут агенты МИ-5, ведь их содержимое может нанести сокрушительный удар британской монархии.

«Идеальный роман для тех, кто обожает придворные интриги и скандалы». – Booklist

---

- Люсинда Райли
  -
  - Примечание автора
  - Королевский гамбит
    -
    - Пролог
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
  - Белый конь
    -
    - 5
    - 6
    - 7

- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- Пат
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19

- Рокировка
  -
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
- Изолированная пешка
  -
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
- Взятие
  -
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
- Шах
  -
  - 34
  - 35

        - 36
        - 37
        - 38
        - 39
    - Эндшпиль
        -
        - 40
        - 41
        - 42
    - Пешка становится ферзем
        -
        - 43
        - Эпилог
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23

- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34

Люсинда Райли
Любовное письмо

Посвящается
Джереми
Треватану

Lucinda Riley
THE LOVE LETTER
Copyright © Lucinda Riley, 2018
© Каштанова Е., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Примечание автора

За «Любовное письмо» я взялась ровно двадцать лет назад, в 1998 году, когда после нескольких успешно опубликованных романов решила написать триллер о вымышленной королевской семье Великобритании. В то время, после смерти Дианы, принцессы Уэльской, монархия была крайне непопулярна. В 2000 году королева-мать отмечала свой столетний юбилей, и официальное общенациональное празднование состоялось сразу после публикации книги. Теперь-то я понимаю, что в то время стоило, пожалуй, уделить больше внимания первым рецензиям, в одной из которых говорилось, что Сент-Джеймсскому дворцу не понравится эта тема. И в самом деле, в преддверии выхода романа по непонятным причинам отменялись рекламные акции в магазинах, заказы и PR-мероприятия, да и сама книга, в ту пору называвшаяся «Двойник», с трудом смогла увидеть свет.

А потом мой издатель расторг контракт на следующую рукопись. Чтобы найти нового, я стучалась во множество дверей, но все они захлопывались у меня перед носом. Моя карьера в одночасье пошла прахом.

К счастью, в то время я как раз вышла замуж, поэтому просто сосредоточилась на воспитании детей и написала три книги для собственного удовольствия. Как оказалось, подобный перерыв стал для меня неожиданным благом. Но когда младший ребенок пошел в школу, я решила, что пора возвращаться, и, собрав все свое мужество, отправила агенту свежую рукопись – на всякий случай под другой фамилией. К моей безумной радости, после стольких лет безвестности ее купил издатель.

Выпустив в свет несколько романов, мы решили, что пришло время дать «Двойнику» второй шанс.

Важно помнить, что «Любовное письмо» в какой-то степени отражает веяния той эпохи. Если бы действие книги происходило в современном мире с развитыми технологиями, сюжетная линия выглядела бы совершенно неправдоподобной, особенно с учетом высокотехнологичных приспособлений, которыми пользуются сейчас службы безопасности.

В заключение хочется еще раз повторить, что «Любовное письмо» – художественное произведение, не имеющее никакого сходства с жизнью нашей любимой королевы и ее семьи. Надеюсь, вам понравится «альтернативная» версия, если на этот раз она все-таки попадет к вам в руки…

Люсинда Райли
Февраль 2018

Королевский гамбит

Шахматный дебют, во время которого белые приносят в жертву свою пешку, чтобы отвлечь пешку черных

Пролог

Лондон 20 ноября 1995 года

– Джеймс, милый, что ты делаешь?

Он огляделся, сбитый с толку, затем нетвердой походкой двинулся вперед. Она поддержала его, не давая упасть.

– Ты что, ходил во сне? Пойдем-ка обратно в кровать, – мягко продолжил женский голос.

Внучка. А значит, его душа все еще в земном мире.

Он ведь не просто так встал с постели. Его гнало вперед какое-то срочное дело, которое вечно приходилось откладывать, но сейчас…

Нет, уже не вспомнить. Пришедший в негодность разум снова его предал. Впав в уныние, он позволил практически дотащить себя до кровати. Ненавистные хрупкие, истощенные конечности делали его беспомощным, словно младенец.

– Вот так. – Она устроила деда поудобнее. – Больно? Дать немного морфия?

– Нет, прошу. Я…

Именно из-за морфия в голове была каша. Завтра он обойдется без лекарства и тогда сумеет вспомнить, что должен сделать перед смертью.

– Ладно. Просто расслабься и попробуй немного поспать, – успокаивающе проговорила она, поглаживая ладонью его лоб. – Скоро придет доктор.

Понимая, что нельзя засыпать, он закрыл глаза, отчаянно копаясь в памяти в поисках лиц и обрывков воспоминаний…

И увидел ее, так же ясно, как в день первой встречи. Прекрасная, нежная…

– Помнишь, дорогой? Письмо, – прошептала она. – Ты обещал его вернуть…

«Ну конечно!»

Он открыл глаза и попытался сесть. Над ним нависло озабоченное лицо внучки, потом руку на сгибе локтя болезненно кольнуло.

– Джеймс, милый, сейчас доктор даст тебе успокоительное, – пояснила она.

«Нет, нет!» – мысленно закричал он, но слова не желали слетать с губ.

В руку вонзилась игла, и Джеймс понял, что опоздал. Он слишком долго тянул и теперь уже не успеет исполнить обещание.

– Прости, мне очень жаль, – выдохнул старик.

В конце концов он сомкнул веки, из тела ушло напряжение. Но когда внучка, склонившись над ним, прижалась гладкой щекой к морщинистому лицу деда, оно было мокрым от слез.

Безансон, Франция 24 ноября 1995 года

Она медленно добрела до камина в гостиной. День выдался холодный, и кашель сегодня одолевал ее сильнее обычного. Устроив свое хрупкое тело в кресле, она взяла со стола свежий номер «Таймс», чтобы, как всегда с утра, за чашкой английского чая почитать некрологи. Однако при виде заголовка на треть первой полосы со звоном опустила фарфоровую чашку на блюдце.

> *СКОНЧАЛСЯ ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА*
>
> *Девяностопятилетний сэр Джеймс Харрисон, которого многие считают величайшим актером своего поколения, скончался вчера в своем лондонском доме в окружении родных. Похороны в узком кругу близких лиц состоятся на следующей неделе. В январе в Лондоне пройдет поминальная служба.*

Сердце болезненно сжалось. Газета в руках затряслась так сильно, что она едва сумела дочитать страницу до конца. Рядом со статьей размещалась фотография, на которой он получал почетный орден из рук королевы. Полными слез глазами она рассматривала строгие очертания его профиля и густую копну седеющих волос…

Сможет ли она вернуться? Осмелится ли на такой шаг? В последний раз, просто чтобы попрощаться…

Позабыв об остывшем утреннем чае, она перевернула первую страницу и продолжила читать, смакуя подробности его жизни и карьеры. Потом ее внимание привлек еще один небольшой заголовок.

ИЗ БАШНИ ПРОПАЛИ ВОРОНЫ

Прошлой ночью стало известно, что из Тауэрской башни в Лондоне исчезли знаменитые вороны. Согласно легенде, птицы жили здесь уже более пяти сотен лет, в соответствии с указом Карла II охраняя Тауэр и королевскую семью. Об исчезновении воронов вчера вечером сообщил смотритель. В настоящее время ведутся масштабные поиски.

– Господи помилуй… – прошептала она, чувствуя, как страх разливается по старым венам.

Возможно, это всего лишь совпадение. Вот только она слишком хорошо знала, что скрывается за той легендой…

1

Лондон 5 января 1996 года

Джоанна Хаслам, с неизменным рюкзаком на плече, опрометью неслась через Ковент-Гарден. Она уже почти задыхалась, легкие молили о пощаде. Лавируя между туристами и группами школьников, Джо едва не сбила с ног уличного музыканта и умудрилась выскочить на Бедфорд-стрит как раз в тот момент, когда к кованым железным воротам возле церкви Святого Павла[1] подъехал лимузин. Машину тут же окружили фотографы. Шофер вышел, чтобы открыть заднюю дверцу.

«Черт возьми!»

Собрав последние крупицы сил, Джоанна пробежала еще несколько ярдов до ворот и оказалась в мощеном дворе. Часы на фасаде красной кирпичной церкви подтвердили, что она опоздала. Среди собравшихся у входа папарацци дежурил и ее фотограф Стив. Он стоял на ступеньках, заняв довольно выгодную позицию. Джоанна протиснулась сквозь толпу людей с фотокамерами, которые окружили появившуюся из лимузина знаменитость, и махнула Стиву рукой. Тот в ответ поднял большой палец.

Внутри церковь заливал мягкий свет люстр, свисающих с высокого потолка. Скамьи были забиты до отказа. Из глубины помещения доносились мрачные звуки органа.

Показав служителю на входе журналистское удостоверение, Джоанна проскользнула внутрь и с облегчением уселась на заднюю скамью. Пытаясь отдышаться, она принялась рыться в рюкзаке в поисках блокнота и ручки.

Несмотря на морозный воздух, на лбу выступили капельки пота. Черный свитер из овечьей шерсти с высоким воротом, который Джоанна натянула в спешке, неприятно лип к влажной коже. Она высморкалась в бумажный носовой платок, потом пригладила рукой длинные спутанные темные волосы и, закрыв глаза, откинулась на спинку скамьи, чтобы перевести дух.

Новогодние праздники сулили так много хорошего, но сейчас, всего несколько дней спустя, Джоанна чувствовала себя отвратно.

Такое ощущение, что ее швырнули вниз, да не откуда-нибудь, а с крыши Эмпайр-стейт-билдинг. Изо всех сил, без предупреждения.

А причиной всему стал ее возлюбленный Мэтью – хотя начиная со вчерашнего дня уместнее было бы называть его «бывшим».

Джоанна прикусила нижнюю губу, чтобы вновь не расплакаться, и взглянула на передний ряд скамей возле алтаря. К счастью, члены семьи, которых все ждали, еще не прибыли. Сквозь раскрытые двери главного входа она заметила, как на ступенях церкви папарацци прикуривают сигареты и возятся с объективами камер. Сидящие впереди уже начинали ерзать на неудобных деревянных скамьях и перешептываться с соседями. Джоанна поспешно обвела взглядом толпу в поисках наиболее достойных внимания знаменитостей, всеми силами стараясь различить их по затылкам, большинство из которых уже покрылись сединой, а то и вовсе побелели. Пока она записывала имена в блокнот, чтобы упомянуть их в статье, перед мысленным взором опять замелькали картины вчерашнего дня, когда Мэтью неожиданно возник на пороге ее квартиры в Крауч-Энде.

Они вместе отпраздновали Рождество и Новый год, а потом решили разойтись по домам и спокойно отдохнуть несколько дней, прежде чем заново окунуться в рабочие будни. К несчастью, Джоанна умудрилась где-то подцепить мерзкую простуду, самую сильную за последние годы, так что дверь она открыла в теплой заношенной пижаме и полосатых носках, сжимая в руках грелку с Винни-Пухом.

И сразу поняла – что-то случилось. Мэтью, не снимая куртку, топтался возле двери и старательно отводил глаза, глядя куда угодно, только не на нее. Потом он начал мямлить, что поразмыслил и не видит будущего в их отношениях – поэтому, наверное, пришло время расстаться.

– Мы начали встречаться после универа и вместе уже шесть лет, – объяснял Мэтью, теребя в руках перчатки, которые Джоанна подарила ему на Рождество. – Я всегда думал, что со временем созрею для нашего брака… ну, захочу официально связать с тобой свою жизнь… Но этого до сих пор не случилось. – Он безвольно пожал плечами. – Сомневаюсь, что в будущем мои чувства изменятся.

Мэтью выглядел виновато-настороженным. Джоанна крепче стиснула грелку и, сунув руку в карман пижамы, выудила влажную салфетку. Шумно высморкалась и спросила, глядя ему прямо в глаза:

– Кто она?

– Я не хотел… – пробормотал он, заливаясь румянцем. – Но так получилось… И больше я не могу притворяться.

А ведь всего четыре дня назад, накануне Нового года, они провели вместе ночь, и Мэтью чертовски здорово справлялся с притворством.

Как оказалось, он спутался с некоей Самантой, которая работала в том же рекламном агентстве, да не абы кем, а директором по работе с клиентами. Все закрутилось в тот вечер, когда Джоанна, гоняясь за скандальной историей, подкарауливала члена парламента от партии Тори и не успела приехать в офис Мэтью на рождественскую вечеринку. Банальная история? Вполне. А впрочем, люди редко бывают оригинальны, и почти любые человеческие поступки можно связать с тем или иным клише.

– Клянусь, я всеми силами старался выбросить Сэм из головы, – оправдывался Мэтью. – Все рождественские праздники гнал от себя ее образ. Пока мы гостили у твоих родных в Йоркшире, все было отлично, но на прошлой неделе мы с ней снова встретились, немного выпили и…

Что ж, все предельно ясно. Стоило Джоанне выйти за порог квартиры Мэтью, как ее место заняла Саманта.

Она не находила слов и молча смотрела на него, борясь со злостью, потрясением и страхом.

– Сперва я думал, это всего лишь увлечение, – продолжал тем временем Мэтью. – Но пойми, если меня так тянет к другой женщине, я просто не могу быть с тобой. Нужно поступить по совести и… – Он как будто бы ждал, что Джоанна поблагодарит его за такое благородство.

– По совести… – глухо повторила она, и по щекам потекли холодные, вызванные лихорадкой слезы.

Мэтью продолжал что-то лепетать в свое оправдание, но его голос доносился словно издалека. Джоанна с усилием открыла опухшие, блестящие от слез глаза. Он, весь сжавшийся и явно пристыженный, сидел в потертом кожаном кресле.

– Прочь отсюда, – хрипло выдохнула она. – Ты отвратительный, подлый, лживый, двуличный негодяй! Выметайся вон! Убирайся с глаз моих!

Мэтью даже не стал спорить, и от этого было больнее всего. Он поднялся на ноги и что-то пробормотал о вещах, которые оставил в ее квартире, потом заметил, что неплохо бы как-нибудь встретиться и поболтать – ну, когда страсти улягутся, – а после чуть ли не бегом бросился к выходу.

Весь остаток вчерашнего дня Джоанна провела в слезах. Она плакалась по телефону матери, рыдала, оставляя сообщение на голосовой почте Саймона, своего лучшего друга, и обильно орошала соленой влагой и так уже намокший мех грелки с Винни-Пухом.

В конце концов, напившись бренди и таблеток от простуды, Джоанна провалилась в сон, радуясь, что впереди два выходных – взятые в оплату сверхурочных, отработанных в отделе новостей перед Рождеством.

А в девять утра ее разбудил телефон. Очнувшись от навеянного лекарствами сна, Джоанна потянулась за мобильником, молясь, чтобы звонил убитый горем Мэтью, который осознал чудовищность собственного поступка и раскаялся.

– Это я, – донесся из трубки голос с ощутимым акцентом уроженца Глазго.

Джоанна молча выругалась, глядя в потолок.

– Привет, Алек, – пробормотала она, шмыгнув носом. – Что ты хотел? Я сегодня не работаю.

– Извини, но отдых отменяется. Элис, Билл и Ричи заболели. Отгуляешь положенные выходные в другой раз.

– Не только они болеют. – Джоанна специально кашлянула погромче. – Прости, Алек, но я тоже не в лучшей форме.

– Взгляни на это с другой стороны, – заметил он. – Сегодня поработаешь, а потом, когда придешь в норму, сполна насладишься заслуженным отдыхом.

– Слушай, я в самом деле не могу. У меня температура. Я едва держусь на ногах.

– Это не страшно. От тебя требуется лишь сидеть. В Актерской церкви в Ковент-Гардене. В десять состоится поминальная служба по сэру Джеймсу Харрисону.

– Алек, ты ведь не серьезно? Не хватало мне еще торчать в продуваемой насквозь церкви. С этой жуткой простудой я и сама могу

оказаться на поминальной службе – в качестве главного действующего лица.

– Извини, Джо, но выбора нет. Я оплачу тебе такси туда и обратно. После службы можешь ехать прямо домой, статью пришлешь по электронной почте. Попробуй задать пару вопросов Зои Харрисон. Я отправил Стива сделать фотографии. Если она явится разодетой в пух и прах, наверняка попадет на первую полосу. Ладно, поговорим позже.

– Черт! – простонала Джоанна, в отчаянии откидывая ноющую голову на подушку.

Потом позвонила в местную службу такси и, пошатываясь, направилась к гардеробу, чтобы найти подходящий случаю черный наряд.

По большей части она обожала свою работу, жила ради нее, как часто замечал Мэтью, но сегодня утром Джоанна всерьез задумалась о причинах подобной любви. Она уже успела поработать в паре местных газет и год назад получила должность младшего репортера в лондонском «Морнинг мейл», одном из самых популярных национальных ежедневных изданий в стране. Конечно, с таким трудом завоеванное место было более чем скромным, но отказываться точно не стоило. Ведь, как неустанно напоминал Алек, редактор отдела новостей, ей в затылок дышали сотни молодых голодных журналистов. Полтора месяца работы в редакции под его началом стали для Джоанны тяжким испытанием. Время тянулось бесконечно, и Алек, безжалостный эксплуататор и преданный делу профессионал, который сам выкладывался по полной, ожидал не меньшего от подчиненных.

– И угораздило же меня попасть в отдел новостей, – фыркнула Джоанна, натягивая – в знак уважения к предстоящей мрачной церемонии – не слишком чистый черный свитер, толстые шерстяные колготки и черную юбку.

Такси опоздало на десять минут, а потом еще и застряло в огромной пробке на Чаринг-Кросс-роуд.

– Простите, тут я бессилен, – развел руками водитель.

Взглянув на часы, Джоанна сунула ему десятифунтовую банкноту и выскочила из машины. Пока она неслась по улицам в направлении Ковент-Гардена, тяжело дыша и постоянно шмыгая носом, в голове крутился настойчивый вопрос: может ли жизнь стать еще хуже?

Собравшиеся в церкви вдруг прекратили шептаться, и тишина вырвала ее из мрачных мыслей. Джоанна открыла глаза и обернулась. В проходе церкви появились члены семьи покойного сэра Джеймса Харрисона.

Впереди шагал Чарльз Харрисон, единственный сын сэра Джеймса, который давно уже разменял седьмой десяток. Будучи известным режиссером, он жил в Лос-Анджелесе и снимал высокобюджетные боевики с кучей спецэффектов. Кажется, не столь давно даже получил «Оскара», однако Джоанна обычно не смотрела фильмы подобного рода.

Рядом с Чарльзом шла его дочь Зои Харрисон, своим внешним видом полностью оправдывая надежды Алека. В облегающем черном костюме с короткой юбкой, выгодно подчеркивающей длинные ноги, с собранными в гладкий шиньон волосами, эта английская красавица, свежая, словно роза, выглядела просто потрясающе. Зои была актрисой, ее карьера сейчас шла в гору. Мэтью с ума по ней сходил и вечно замечал, что Зои напоминает ему Грейс Келли – видимо, женщину его мечты. Джоанне оставалось лишь гадать, с чего в таком случае Мэтью начал встречаться с ней, нескладной темноглазой брюнеткой. Она проглотила комок в горле, готовая поспорить на грелку с Винни-Пухом, что уж Саманта наверняка миниатюрная блондинка.

Зои Харрисон вела за руку мальчика лет девяти или десяти, который в черном костюме и галстуке явно чувствовал себя неловко. То был ее сын, Джейми Харрисон, названный в честь прадеда. Зои родила его в девятнадцать лет, но от кого – до сих пор было неизвестно. Сэр Джеймс всячески поддерживал внучку в ее стремлении произвести на свет этого ребенка и сохранить в тайне имя отца Джейми.

Мальчик очень походил на мать: те же тонкие черты лица, молочно-розовая кожа и огромные голубые глаза. Зои Харрисон всеми силами старалась держать Джейми подальше от камер. Если Стив каким-то чудом умудрился сфотографировать мать и сына вместе, завтра снимок наверняка попадет на первую полосу.

Последним со скамьей Джоанны поравнялся Маркус Харрисон, брат Зои. И пусть мысли ее по-прежнему занимал Мэтью, стоило признать, что Маркус был настоящим «очаровашкой», как выразилась

бы ее коллега-репортер Элис. Совсем недавно он ухаживал за одной блондинкой, светской львицей с тройной фамилией из Великобритании, так что Джоанна знала его по колонкам светской хроники. Темноволосый, в отличие от сестры, но с такими же голубыми глазами, Маркус держался с некоей порочной самоуверенностью и даже в мятом черном пиджаке и белой рубашке с расстегнутым воротом, с волосами почти до плеч, всем своим видом излучал обаяние. Порывшись в памяти, Джоанна вспомнила, что Маркус, кажется, выбрал для себя карьеру кинопродюсера и сейчас делал первые шаги на этом поприще. Что ж, выглядел он соответствующе.

Она с трудом отвела от него взгляд и твердо пообещала себе, что в следующий раз выберет мужчину средних лет, который любит наблюдать за птицами и коллекционировать марки.

– Доброе утро, дамы и господа, – раздался с кафедры голос викария. Перед ним стояла большая фотография сэра Джеймса Харрисона в окружении венков из белых роз. – Родные сэра Джеймса приветствуют всех вас и выражают благодарность, что вы пришли сюда сегодня, дабы отдать дань уважения дорогому другу, коллеге, отцу, деду, прадеду и, пожалуй, лучшему актеру этого столетия. Для всех, кто имел счастье хорошо его знать, конечно же, не станет сюрпризом, что сэр Джеймс был решительно настроен отринуть всю мрачность и превратить сегодняшнюю службу в праздник. И мы с его родными исполнили эти пожелания. Поэтому начнем с любимого гимна сэра Джеймса «Я клянусь тебе, моя страна». Прошу всех встать.

Джоанна поднялась на многострадальные ноги и громко закашлялась. К счастью, в этот миг заиграл орган. Она уже хотела взять с широкой спинки скамьи впереди листок со словами гимна, но ее опередили. Тонкая маленькая ручка с прозрачной кожей, под которой проступали голубые вены, добралась до листка раньше.

Только теперь Джоанна обратила внимание на стоящую слева женщину, которая, сгибаясь под тяжестью прожитых лет, едва доходила ей до ребер. Старушка, одетая в длинное черное пальто до лодыжек, с черной сетчатой вуалью на лице, опиралась на спинку скамьи, чтобы не упасть. Единственной открытой частью тела была рука, в которой пожилая женщина держала листок. И эта самая рука так тряслась, что прочитать слова гимна было невозможно.

– Давайте я подержу? – предложила Джоанна, наклоняясь к незнакомке.

Та молча протянула ей листок. Опустив его пониже, чтобы женщина тоже видела слова, Джоанна хрипло пропела весь гимн. Когда музыка стихла, старушка сама с трудом опустилась на скамью, не обращая внимания на протянутую руку Джоанны.

– Сегодня мы откроем нашу службу любимым сонетом сэра Джеймса, «Сладкая роза благочестия» Данбара, в исполнении его близкого друга сэра Лоренса Салливана, – объявил викарий.

Собравшиеся терпеливо ждали, пока старый актер пробирался к кафедре, и наконец церковь наполнил его знаменитый звучный голос, который некогда завораживал тысячи зрителей в театрах по всему миру.

– «О, сладчайшая роза, благочестие и доброта, лилия-чаровница…»

Дальняя дверь церкви вдруг скрипнула, и внутрь ворвался порыв ледяного воздуха. Джоанна обернулась и заметила, что служитель толкает перед собой инвалидное кресло. Подкатив его к последнему ряду скамей, работник церкви удалился. Почти сразу рядом кто-то жутко захрипел – по сравнению с этим звуком простудный кашель Джоанны казался сущей мелочью. Она взглянула на сидевшую рядом старушку. Та хватала ртом воздух, словно в приступе астмы, и не отрываясь смотрела на фигуру в инвалидном кресле.

– Что с вами? – прошептала Джоанна.

Пожилая женщина приложила руку к груди, по-прежнему не отводя взгляда от мужчины-инвалида. Викарий объявил следующий гимн, и собравшиеся вновь поднялись. Старушка внезапно вцепилась в руку Джоанны и указала на входную дверь.

Придерживая незнакомку за талию, Джоанна помогла ей встать и практически дотащила до края скамьи. Когда они подошли к мужчине в инвалидном кресле, старушка прижалась к Джоанне, будто напуганный ребенок. Она и сама невольно вздрогнула под ледяным взглядом серо-стальных глаз незнакомца, затем поспешно отвернулась и помогла пожилой женщине пройти несколько шагов до двери, возле которой стоял служитель.

– Эта женщина… я… ей нужно…

– На воздух! – задыхаясь, прохрипела старушка.

Вдвоем со служителем они вывели несчастную в январскую серость и помогли спуститься по ступенькам к одной из скамеек, стоящих по бокам двора. Но не успела Джоанна открыть рот, чтобы попросить о дальнейшей помощи, как он поспешно нырнул обратно в церковь и снова закрыл дверь. Старушка, прерывисто дыша, привалилась к спинке скамьи.

– Может, вызвать скорую? – предложила Джоанна. – Кажется, вам в самом деле плохо.

– Нет! – просипела старушка. Для такого хрупкого тела ее голос звучал неожиданно сильно. – Вызови такси. Отвези меня домой. Пожалуйста.

– Думаю, вам лучше…

– Прошу! – Женщина вцепилась костлявыми пальцами в запястье Джоанны. – Такси!

– Хорошо, ждите здесь.

Джоанна выбежала из ворот на Бедфорд-стрит и махнула проезжавшему мимо черному такси. Водитель затормозил у обочины и вышел из машины, любезно согласившись помочь Джоанне довести женщину до автомобиля.

– Старушка точно в норме? Как-то странно она дышит, – заметил таксист, пока они вдвоем усаживали пожилую леди на заднее сиденье. – Может, отвезти ее в больницу?

– Она хочет поехать домой. – Джоанна просунула голову в салон. – А где вы, кстати, живете? – спросила она у женщины.

– Я… – прохрипела та, тяжело дыша. Видимо, забраться в такси ей оказалось непросто и несчастная вымоталась до предела.

Таксист покачал головой:

– Прости, дорогуша, но в таком состоянии я ее никуда не повезу. По крайней мере, одну. Не хватало мне еще покойника на заднем сиденье. Проблем не оберешься. Если поедешь с нами – лады. Тогда и отвечать в случае чего тебе.

– Но я ее не знаю. И я здесь по работе. Мне полагается быть в церкви…

– Простите, дорогуша. – Глянув на старушку, он развел руками. – Но вам придется вылезти обратно.

Женщина приподняла вуаль, и в ее молочно-голубых глазах Джоанна прочитала испуг.

– Пожалуйста, – взмолилась пожилая леди одними губами.

– Ладно, хорошо, – обреченно вздохнула Джоанна и забралась на заднее сиденье такси. – Куда едем? – мягко спросила она.

– Мэри… Мэри…

– В смысле, какой адрес? – уточнила Джоанна.

– Мэри… ле…

– Вы имеете в виду Мэрилебон, дорогуша? – подсказал таксист с переднего сиденья.

– Верно, – с видимым облегчением кивнула женщина.

Когда такси покатило по улицам города, она с беспокойством уставилась в окно. Постепенно ее дыхание становилось все ровнее. В конце концов старушка откинула голову на черное кожаное сиденье и закрыла глаза.

Джоанна вздохнула. Ну и денек, лучше и не придумаешь. Если Алек узнает, что она ушла из церкви до окончания службы, он ее четвертует. И история о старушке, которой стало плохо, ее не спасет. Обычно Алек плевать хотел на старушек, если те не представляли интереса для отдела новостей. Вот если бы несчастную избил какой-нибудь скинхед, забрал все пенсионные деньги и оставил умирать, то да, такой поворот он бы оценил.

– Мы уже подъезжаем к Мэрилебону, – сказал таксист с переднего сиденья. – Спроси-ка у нее, куда дальше.

– Мэрилебон-Хай-стрит, дом девятнадцать, – прозвучал четкий и ясный ответ.

Джоанна удивленно взглянула на пожилую женщину.

– Вам лучше?

– Да, спасибо. Прости, что доставила столько хлопот. Можешь выйти прямо сейчас. Я отлично доберусь сама, – проговорила она, когда машина остановилась на светофоре.

– Нет. Раз уж я проделала такой путь, то провожу вас до дома.

Старушка решительно мотнула головой:

– Ради твоего же блага я…

– Мы почти приехали. Я помогу вам зайти внутрь и сразу уйду.

Женщина лишь вздохнула и плотнее закуталась в пальто. До конца поездки она больше не проронила ни слова.

– Ну вот мы и на месте, дорогуша, – вскоре сообщил таксист и распахнул для них заднюю дверцу. На его лице отчетливо читалось

облегчение от того, что женщина еще жива.

– Возьмите. – Старушка протянула ему банкноту в пятьдесят фунтов.

– Боюсь, сдачи не найдется, – сообщил он, помогая пожилой женщине выбраться на тротуар, и поддержал ее, пока Джоанна не оказалась рядом.

– Я заплачу. – Джоанна сунула таксисту двадцать фунтов. – Подождите меня здесь, пожалуйста. Я сейчас вернусь.

Старушка тем временем отпустила ее руку и нетвердо зашагала к двери рядом с газетным киоском.

Джоанна ее догнала.

– Давайте помогу, – предложила она, глядя, как женщина скрюченными артритом пальцами пытается вставить ключ в замочную скважину.

– Спасибо.

Не успела Джоанна повернуть ключ и открыть дверь, как старушка чуть ли не бегом влетела внутрь и бросила:

– Входи же, быстрее!

– Я… – Джоанна вовсе не планировала здесь задерживаться. Теперь, когда пожилая женщина благополучно доставлена к дверям дома, Джо пора возвращаться в церковь. – Ладно, – вздохнула она и неохотно переступила порог.

Женщина тут же захлопнула входную дверь и, предложив Джоанне идти следом, направилась по узкому коридору. Снова повозившись с ключом, старушка отперла дверь слева, и Джоанна шагнула за ней в темноту.

– Свет справа позади тебя.

Джоанна нащупала выключатель, щелкнула по нему и огляделась вокруг. Они стояли в маленькой, пропахшей сыростью прихожей, из которой выходили три двери; справа виднелся лестничный пролет. Открыв одну из дверей, старушка нажала на кнопку выключателя, и взгляду Джоанны предстала комната, полная стоящих друг на друге деревянных ящиков наподобие тех, в которых обычно перевозили чай. Посреди комнаты втиснулась узкая кровать с ржавой железной спинкой, у стены среди ящиков пристроилось старое кресло. От висящего в воздухе запаха мочи у Джоанны скрутило же– лудок.

Старушка подошла к креслу и опустилась в него со вздохом облегчения, потом указала на перевернутый ящик возле кровати.

– Таблетки… Подай, пожалуйста, мои таблетки.

– Конечно.

Осторожно пробравшись среди ящиков, Джоанна взяла с пыльной поверхности пузырек с лекарством. Инструкция по применению оказалась написана по-французски.

– Спасибо. Две, пожалуйста. И воды.

Джоанна протянула ей стакан воды, стоявший на том же ящике, отвинтила крышку пузырька и вытряхнула две таблетки в дрожащую старческую руку. Женщина тут же сунула их в рот. Ну что, теперь можно уйти? Зловоние и мрачная атмосфера комнаты действовали на Джоанну угнетающе.

– Вам точно не нужен врач? – поинтересовалась она.

– Совершенно точно. Спасибо. Я прекрасно знаю, что со мной, милая. – Губы женщины скривились в легкой улыбке.

– Ну что ж, мне нужно вернуться на службу. Я должна написать статью для газеты.

– Ты журналистка?

Сейчас, когда голос женщины звучал ровно, в речи стал заметен изысканный акцент, выдававший уроженку Англии.

– Да, из «Морнинг мейл». Хотя работаю там совсем недавно.

– Как тебя зовут, милая?

– Джоанна Хаслам. – Она указала на ящики. – Вы переезжаете?

– Ну да, можно и так сказать. – Женщина застывшим взглядом голубых глаз уставилась в пространство. – Я здесь не задержусь. Возможно, и правильно, что все так заканчивается…

– Что это значит? Если вы больны, давайте я отвезу вас в больницу.

– Нет-нет, это уже не поможет. Ступай, моя милая, возвращайся к своим делам. – Старушка закрыла глаза.

Джоанна по-прежнему не сводила с нее взгляда. Пару мгновений спустя женщина тихонько захрапела.

Несмотря на гнетущее чувство вины, Джоанна больше не могла выносить тягостную атмосферу этой комнаты. Стараясь не шуметь, она выбралась из дома и бросилась обратно к такси.

Когда девушка вернулась в Ковент-Гарден, поминальная служба уже закончилась. Лимузин семейства Харрисон уехал, лишь несколько приглашенных все еще топтались возле церкви. Да, утро явно не задалось, и настроение Джоанны испортилось окончательно. Она задала оставшимся гостям несколько вопросов, потом вызвала очередное такси и поехала домой.

2

Кто-то настойчиво давил на кнопку звонка, и его трель эхом отдавалась в больной голове Джоанны.

– Го-о-осподи, – простонала она, понимая, что стоящий за дверью вознамерился во что бы то ни стало добиться ответа.

«Мэтью?..»

На долю секунды ее охватила радость, потом настроение резко упало. Нет, Мэтью, вероятнее всего, до сих пор празднует обретенную свободу, попивая шампанское в постели с Самантой.

– Уходи, – пробормотала Джоанна и высморкалась в старую футболку Мэтью. Отчего-то ей немного полегчало.

Снова прозвенел звонок.

– Что за придурок, черт возьми! – сдаваясь, пробормотала она, вылезла из постели и, пошатываясь, побрела к входной двери.

– Привет, юная соблазнительница, – нагло усмехнулся застывший на пороге Саймон. – Ужасно выглядишь.

– И тебе не хворать, – пробормотала Джоанна, цепляясь за входную дверь в поисках поддержки.

– Иди ко мне.

Саймон знакомым успокаивающим жестом обнял ее за плечи. Благодаря его высокому росту – шесть футов три дюйма – лишь рядом с ним одним из всех знакомых мужчин Джоанна ощущала себя маленькой и хрупкой.

– Вчера не сразу прослушал твои сообщения, поздно вернулся домой. Извини, что не приехал, чтобы завалить тебя советами.

– Не страшно, – шмыгнула она, уткнувшись носом ему в плечо.

– Пойдем-ка внутрь, пока у нас на одежде не повисли сосульки. – По-прежнему крепко обнимая Джо за плечи, Саймон закрыл входную дверь и повел ее в маленькую гостиную. – Боже, ну у тебя и холод.

– Прости. Я подхватила жуткую простуду и весь день провалялась в постели.

– Да неужели, – поддразнил он. – Давай-ка присядем.

Саймон смахнул на пол старые газеты, книги и контейнеры с застывшей лапшой, и Джоанна плюхнулась на неудобный лимонно-зеленый диван. Она купила его только потому, что Мэтью понравился

цвет, и с тех пор жалела о покупке. Ведь Мэтью, когда бы ни заходил, всегда сидел в старом кожаном кресле, доставшемся ей от бабушки. Неблагодарный придурок.

– Ты, кажется, не в духе, Джо?

– Ага. Мало того, что меня бросил Мэтью, так еще и Алек, несмотря на законный выходной, с утра отправил меня писать статью о поминальной службе. В конце концов я оказалась на Мэрилебон-Хай-стрит в компании странной старушки, которая живет в комнате, заставленной деревянными ящи– ками.

– Ну надо же. А я всего лишь побывал в Уайтхолле, и самым захватывающим событием за весь день стала покупка сэндвича с новой начинкой, – радостно сообщил Саймон.

Джоанна с трудом выдавила улыбку.

Саймон сел рядом и сжал ее ладони:

– Мне так жаль, Джо, правда.

– Спасибо.

– С Мэтью в самом деле все кончено? Или это просто небольшая размолвка на пути к супружескому счастью?

– Все кончено, Саймон. Он нашел другую.

– Хочешь, я хорошенько пну его, чтобы тебе стало легче?

– Признаться, да, но лучше не надо. – Джоанна поднесла ладони к лицу и потерла щеки. – Хуже всего, что в такие моменты полагается вести себя достойно. Если люди спрашивают, как дела, нужно отбросить все обиды в сторону и заявить, что все в порядке, он для меня все равно ничего не значил и своим уходом лишь сделал большое одолжение. Зато теперь у меня куча свободного времени для себя и друзей, и я даже занялась плетением корзин! Но все это чушь собачья! Да я бы проползла по раскаленным углям, только бы вернуть Мэтью и жить дальше как обычно. Я… люблю его. Он м-мне н-нужен. М-мэтью м-м-мой.

Джоанна разрыдалась. Саймон терпеливо сидел рядом, обнимал ее, мягко гладил по волосам, пока она выплескивала наружу свое потрясение, скорбь и замешательство. Когда слезы иссякли, он осторожно отодвинулся и встал.

– Зажги огонь. А я вскипячу чайник и налью нам чаю.

Джоанна включила газовый камин и вслед за Саймоном прошла в маленькую кухню, где плюхнулась на стул возле пластикового столика

в углу. Он был рассчитан на двоих, и они с Мэтью много раз лениво завтракали здесь по воскресеньям или устраивали интимные ужины при свечах.

Пока Саймон готовил чай, Джоанна разглядывала аккуратно расставленные вдоль столешницы стеклянные банки.

– Всю жизнь терпеть не могла вяленые помидоры, – задумчиво протянула она. – А Мэтью их обожал.

– Что ж. – Саймон взял банку, полную злополучных помидоров, и высыпал в мусорное ведро. – Значит, в вашем расставании есть и положительный момент. Тебе больше не придется их есть.

– По правде говоря, если задуматься, – Джоанна подперла руками подбородок, – есть много такого, что нравилось только Мэтью, а я просто притворялась ему в угоду.

– Например?

– О, воскресные походы в «Люмьер», где показывают странные зарубежные артхаусные фильмы, хотя я бы предпочла остаться дома и включить мыльную оперу. И еще музыка. Ну, я люблю классику – в небольших количествах. А он никогда не разрешал мне включать сборник хитов ABBA или альбомы Take That.

– Боюсь тебя разочаровать, но в этом я с ним солидарен, – усмехнулся Саймон, заливая чайные пакетики кипятком. – Честно говоря, мне всегда казалось, что Мэтью стремился вести себя согласно неким критериям, которые сам для себя и устанавливал.

– Ты прав, – вздохнула Джоанна. – А я в его глазах была не слишком-то значительной. Всего лишь скучная йоркширская девчонка из среднего класса.

– Поверь мне, ты очень даже значительная. И вовсе не скучная. Возможно, искренняя; да, немного приземленная. Но эти качества достойны восхищения. Вот держи. – Саймон протянул ей кружку с чаем. – Пойдем-ка отогреемся возле огня.

Джоанна устроилась на полу перед камином и, привалившись к коленям Саймона, потягивала чай.

– Боже, Саймон, – пробормотала она. – Меня пугает сама мысль, что вновь придется ходить на свидания. Мне уже двадцать семь. Я слишком стара, чтобы все начинать сначала.

– Ну да, сама древность. Я практически чувствую исходящий от тебя запах тлена.

– Не стоит с этим шутить! – Джоанна шлепнула его по икре. – На то, чтобы снова привыкнуть к одиночеству, уйдет целая вечность.

– Проблема в том, что мы, люди, боимся перемен любого рода и не любим их. Думаю, именно поэтому так много несчастных пар остаются вместе, хотя им было бы гораздо лучше разойтись.

– Наверное, ты прав. Взять хотя бы меня. Я столько лет ела дурацкие вяленые помидоры! Кстати, о парах. Давно не было вестей от твоей Сары?

– На прошлой неделе она прислала мне открытку из Веллингтона. Кажется, учится ходить под парусом. Да, год в разлуке тянулся очень долго, но в феврале она вернется из Новой Зеландии. Осталось потерпеть всего несколько недель.

– Очень мило, что ты ее дождался, – улыбнулась Джоанна.

– Если любишь кого-то, отпусти. Кажется, так гласит старая поговорка. Просто я думаю, что если, вернувшись домой, она по-прежнему захочет быть со мной, значит, у нас с ней все всерьез и надолго.

– Даже не надейся. Я тоже думала, что у нас с Мэтью «всерьез» и «надолго».

– Ну спасибо за поддержку. – Саймон поднял брови. – Да ладно, не кисни. У тебя есть работа, квартира и я. Ты борец, Джо, и сможешь преодолеть все невзгоды. Подожди, сама увидишь.

– Насчет работы – это спорный вопрос. Статья о поминальной службе сэра Джеймса Харрисона получилась откровенно дерьмовой. Что и неудивительно, учитывая Мэтью, жуткую простуду и эту странную старушку…

– Она в самом деле живет в комнате, заставленной деревянными ящиками? Ты уверена, что тебе это не привиделось?

– Ага. Она сказала, что не задержится настолько долго, чтобы распаковывать вещи… или что-то в этом роде. – Джоанна прикусила губу. – Брр, там ужасно пахло мочой… Неужели мы станем такими же, когда состаримся? Все это меня жутко расстроило. Пока я стояла в той комнате, в голове крутилась мысль: если жизнь обернется таким образом, то есть ли смысл вообще бороться?

– Возможно, она из тех сумасшедших эксцентриков, которые живут на свалке, а сами при этом хранят на банковском счету

миллионы фунтов. Ну или в деревянных ящиках, как вариант. Тебе стоило проверить.

– Сначала с ней все было хорошо. Потом во время службы появился старик в инвалидном кресле, который устроился рядом с нашей скамьей. И, увидев его, она совершенно потеряла голову.

– Вероятно, это ее бывший муж. Может, в тех ящиках припрятаны его миллионы, – рассмеялся Саймон. – Ладно, красавица, мне пора идти. До завтра еще нужно кое-что сделать.

Джоанна проводила его до двери. На прощание он стиснул ее в объятиях.

– Спасибо за все. – Она поцеловала его в щеку.

– Обращайся. Я всегда рядом, если понадоблюсь. Завтра позвоню тебе с работы. Пока, Бутч.

– Спокойной ночи, Сандэнс[2].

Закрыв за ним дверь, Джоанна вернулась в гостиную. На душе немного полегчало. Саймон всегда умел поднять ей настроение. Они все детство провели вместе в Йоркшире. Их фермы находились по соседству, и хотя Саймон был на пару лет старше Джо, круг общения в их среде не отличался особым разнообразием. Так и вышло, что они сдружились, еще будучи детьми. Джоанна, единственный ребенок в семье и сорванец по натуре, очень радовалась обществу Саймона. Он научил ее лазать по деревьям, играть в футбол и крикет. Во время длинных летних каникул они вдвоем ездили на пони на вересковые пустоши и подолгу играли в индейцев и ковбоев. Лишь в ту пору они и ссорились, поскольку Саймон вечно требовал, причем самым несправедливым образом, чтобы она умерла, а он остался в живых.

– Это моя игра, и играть будем по моим правилам, – властно настаивал он, нацепив на голову большую ковбойскую шляпу.

Они гонялись друг за другом по жесткой траве вересковой пустоши, и Саймон неизбежно догонял ее и хватал сзади.

– Пиф-паф, ты мертва! – кричал он, наставляя на нее свой игрушечный пистолет.

И Джо, пошатнувшись, падала на траву, затем каталась, изображая агонию, но в конце концов сдавалась и умирала.

В тринадцать лет Саймона отправили в школу-интернат, и они стали видеться реже. И хотя во время каникул между ними сохранялась прежняя близость, по мере взросления у обоих появились

новые друзья. Когда Саймона приняли в Тринити-колледж в Кембридже, они отпраздновали это бутылкой шампанского на вересковых пустошах. Два года спустя Джоанна поступила в университет в Дареме, выбрав в качестве специализации английский язык.

Затем жизнь почти полностью развела их в стороны. В Кембридже Саймон познакомился с Сарой, а на последнем курсе Дарема Джоанна встретила Мэтью. И лишь когда они вновь столкнулись в Лондоне, где, как оказалось, жили всего в десяти минутах езды друг от друга, их дружба снова расцвела.

Джоанна знала, что на самом деле Мэтью никогда не нравился Саймон, хотя бы потому, что тот превосходил ее парня ростом. К тому же после окончания Кембриджа Саймону предложили очень неплохую должность на государственной службе. И пусть он в свойственной ему манере всегда скромно заявлял, что всего лишь офисный работник в Уайтхолле, Саймон очень быстро заработал себе на небольшой автомобиль и отличную квартиру с одной спальней на Хайгейт-хилл. Тем временем Мэтью подрабатывал в рекламном агентстве. И хотя пару лет назад его взяли на должность младшего специалиста, он по-прежнему мог себе позволить только унылую комнатку в Стратфорде.

«Вдруг он надеется с помощью Саманты сделать себе карьеру в агентстве?»

Джоанна покачала головой и прогнала эту мысль. Сегодня ей больше не хотелось думать о Мэтью.

Стиснув зубы, Джо сунула в CD-проигрыватель диск Аланис Мориссетт и прибавила громкость.

«К черту соседей», – решила она и направилась в ванную комнату, чтобы наполнить себе ванну.

Под шум льющейся горячей воды Джоанна хрипло распевала во весь голос «You Learn» и не услышала шагов на дорожке, ведущей к входной двери, не увидела лица, мелькнувшего в окнах гостиной на первом этаже. К тому времени, как она вышла из ванной, возле дома уже никого не было.

После мытья на душé стало немного легче. Джоанна задернула шторы в гостиной, сделала себе бутерброд с сыром и устроилась перед камином, грея ноги у огня. Будущее вдруг показалось ей не беспросветно-мрачным, на горизонте замаячил слабый проблеск

оптимизма. Пусть во время беседы с Саймоном на кухне слова ее звучали легкомысленно, в них все же содержалась правда. Глупо отрицать, что у них с Мэтью на самом деле было очень мало общего. Но теперь она стала вольной птицей, ей больше не придется кому-то угождать и задвигать свои чувства на второй план. Она будет жить своей жизнью, следовать призванию и ни за что не позволит Мэтью разрушить ее будущее.

Цепляясь за позитивный настрой и не желая вновь скатываться в депрессию, Джоанна приняла две таблетки парацетамола и отправилась спать.

3

– Пока-пока, милый. – Она сжала его в объятиях, вдыхая знакомый запах.

– Пока, мама.

Он еще пару мгновений прижимался к пальто матери, потом отстранился и взглянул в ее лицо, ища признаки нежеланных эмоций.

Зои Харрисон прочистила горло и сморгнула набежавшие слезы. Сколько бы раз она вот так ни прощалась с сыном, момент расставания не становился легче. Однако не стоило плакать перед Джейми или его друзьями, так что Зои храбро улыбнулась.

– Я заберу тебя в воскресенье через три недели, чтобы вместе пообедать. Можешь взять с собой Хьюго, если он захочет.

– Конечно. – Джейми неловко переминался с ноги на ногу возле машины.

Что ж, ей пора уезжать. Не в силах сдержаться, Зои протянула руку и убрала с лица сына прядь светлых волос. Он закатил глаза и на миг вновь стал похож на маленького мальчика, живущего в ее воспоминаниях. Хотя, стоило признать, Джейми уже вырос и постепенно превращался в серьезного юношу. Зои безмерно гордилась, глядя на сына в темно-синей школьной форме с аккуратно завязанным – как научил его Джеймс – галстуком.

– Ладно, милый, мне пора. Позвони, если что-нибудь понадобится. Или просто захочешь поболтать.

– Конечно, мама.

Зои скользнула за руль машины, закрыла дверцу и завела двигатель. Потом опустила стекло.

– Люблю тебя, милый. Береги себя. Не забывай надевать жилет и снимай мокрые носки для регби сразу после игры.

– Хорошо, мама. – Джейми покраснел. – Пока.

– Пока.

Зои выехала с подъездной дорожки, наблюдая в зеркало заднего вида, как Джейми весело машет ей рукой. Потом повернула за угол, и фигура сына пропала из виду. Миновав ворота и выбравшись на главную дорогу, Зои резко смахнула слезы и порылась в кармане пальто в поисках носового платка. И в сотый раз заверила себя, что в

такие моменты страдает больше, чем Джейми. Особенно сегодня, поскольку Джеймса уже нет рядом.

Следуя указателям, она свернула к автостраде, ведущей обратно в Лондон. Еще час пути – и Зои будет дома. В голове вновь возник вопрос, не совершила ли она ошибку, отправив десятилетнего сына в школу-интернат, особенно сейчас, всего несколько недель спустя после тяжкой утраты – смерти прадеда. Однако Джейми нравилась эта частная школа, распорядок дня, общение с друзьями – все, чего Зои не могла обеспечить ему дома. В стенах школы он взрослел и развивался, становясь все более независимым.

Это отметил даже ее отец, Чарльз, когда Зои вчера вечером отвезла его в аэропорт Хитроу. Смерть отца сильно повлияла на него, и на красивом загорелом лице уже стали проявляться признаки старости.

– Ты у меня умница, дорогая, и можешь гордиться собой и своим сыном, – прошептал он ей на ухо, сжимая в прощальных объятиях. – Привози Джейми ко мне в Лос-Анджелес на каникулы. Мы так мало времени проводим вместе. Я по вас скучаю.

– Я тоже скучаю по тебе, папа, – призналась Зои.

А потом, немного потрясенная, смотрела вслед отцу, который проходил через арку металлоискателя. Обычно он почти не хвалил ее. Или ее сына.

В восемнадцать лет, поняв, что беременна, Зои чуть не спятила от потрясения и поселившейся в душе пустоты. Она только что закончила школу и поступила в университет. Сама мысль о ребенке казалась нелепой. И все же, несмотря на гнев и осуждение отца и друзей вкупе с давлением, исходящим совсем с другой стороны, в глубине души Зои понимала, что даст жизнь растущему внутри нее малышу. Ведь Джейми стал плодом любви, особенным, волшебным даром. И даже сейчас, когда прошло больше десяти лет, та любовь не стерлась полностью из ее сердца.

Мчась по автостраде в потоке других машин в сторону Лондона, Зои будто наяву вновь слышала слова отца, сказанные много лет назад.

– И что, он намерен жениться? Тот, кто тебя обрюхатил? Как бы то ни было, разбирайся сама, Зои. Ты совершила ошибку, тебе ее и исправлять!

Она с горечью подумала, что никогда и не надеялась выйти за него замуж.

В этой ситуации лишь любимый дедушка Джеймс сохранял спокойствие. Он просто молча находился рядом с Зои, поддерживал ее, тогда как все остальные вокруг, казалось, негодовали во весь голос.

Джеймс всегда по-особому относился к внучке. Этот добрый пожилой мужчина с глубоким, звучным голосом не любил, когда его звали «дедушкой», объясняя, что так чувствовал себя старым. В детстве Зои и понятия не имела, что он один из самых прославленных классических актеров в стране. Она росла в уютном доме в Блэкхите с матерью и старшим братом Маркусом. К тому времени, как ей исполнилось три года, родители уже развелись и она редко видела отца Чарльза, который перебрался в Лос-Анджелес. Так что именно Джеймс стал для нее воплощением отцовского образа. Его просторный загородный дом в Дорсете, Хейкрофт-хаус, с фруктовым садом и уютными спальнями в мансарде, хранил ее самые приятные детские воспоминания.

Джеймс частично отошел от дел и лишь изредка летал в Штаты сниматься в какой-нибудь эпизодической роли в фильме, чтобы, как он выражался, «заработать на бекон». В остальное время дед всегда находился рядом с внучкой, особенно после внезапной гибели матери Зои в результате автомобильной аварии, которая произошла всего в нескольких ярдах от их дома. В ту пору Зои исполнилось десять, ее брату Маркусу – четырнадцать. Она мало что помнила о похоронах. В памяти осталось только застывшее лицо брата, его стиснутые челюсти и тихие слезы, текущие по щекам. Служба была напряженной и безрадостной. Пока викарий читал положенные молитвы, Зои жалась к Маркусу, чувствуя, как кружева жесткого черного платья, которое ей пришлось надеть, раздражали шею.

Прилетевший из Лос-Анджелеса Чарльз попытался утешить сына и дочь, но он их едва знал. Так что именно Джеймс вытирал Зои слезы и сжимал в объятиях, пока она плакала всю ночь напролет. Однако Маркус замкнулся в себе, и все старания деда облегчить его боль ни к чему не привели. Скорбь от потери матери поселилась у мальчика глубоко внутри.

Отец забрал Зои с собой в Лос-Анджелес, Маркус же остался в Англии, в школе-интернате. И ей казалось, что она лишилась не только матери, но и брата… вся ее привычная жизнь изменилась в одночасье.

Лос-Анджелес встретил Зои сухим колючим зноем, а в отцовском доме в районе Бель-Эйр, выстроенном в стиле гасиенды, ее ждало знакомство с «тетей Дебби», которая, судя по всему, жила вместе с ее папой и даже спала с ним в одной постели. Роскошная блондинка тетя Дебби ни капли не обрадовалась появлению десятилетней Зои.

Девочку отправили в школу в Беверли-Хиллз, которую она тут же возненавидела. Зои редко общалась с отцом. Чарльз был слишком занят, пробивая себе путь в киноиндустрию в качестве режиссера. И ей приходилось сносить представления Дебби о воспитании детей: есть размороженные полуфабрикаты и бесконечно смотреть мультфильмы. Зои терпеть не могла безжалостную жару и режущий слух акцент жителей Лос-Анджелеса. Отчаянно скучая по смене времен года в Англии, она писала дедушке длинные письма, в которых умоляла его приехать и забрать ее в любимый Хейкрофт-хаус, пыталась убедить, что сумеет сама о себе позаботиться, обещала, что не доставит никаких проблем, пусть только он позволит ей вернуться домой.

Когда с момента приезда Зои в Лос-Анджелес минуло уже полгода, однажды днем на подъездной дорожке, ведущей к дому, остановилось такси. Из машины вышел Джеймс в щегольской панаме, с широкой улыбкой на губах. Охваченная безумной радостью Зои помчалась навстречу деду и бросилась в его объятия. Ее защитник все же внял призыву и приехал спасти внучку. Тетю Дебби отправили дуться возле бассейна, и Зои излила дедушке все свои горести. Потом он позвонил сыну и рассказал о ее страданиях. Чарльз, в то время снимавший фильм в Мексике, разрешил Джеймсу забрать девочку обратно в Англию.

Во время долгого полета домой счастливая Зои сидела рядом с Джеймсом. Он сжимал в своей большой руке ее маленькую ручку, она опиралась на твердое могучее плечо деда и желала только быть рядом с ним.

Уютная школа-интернат в Дорсете, где учеников на выходные отпускали домой, пришлась Зои по душе. Джеймс всегда с радостью принимал ее друзей как в Лондоне, так и в Хейкрофт-хаусе. И наблюдая, как их родители, приходящие забрать своих отпрысков, широко раскрытыми от изумления глазами смотрели на великого сэра Джеймса Харрисона и пожимали ему руку, Зои начинала понимать, насколько знаменитым человеком на самом деле был ее дедушка.

Когда она подросла, Джеймс стал прививать ей любовь к Шекспиру, Ибсену и Уайльду. Они вдвоем регулярно ходили на спектакли в «Барбикан», Национальный театр или «Олд Вик», после ночевали в лондонском доме Джеймса на Уэлбек-стрит, а по воскресеньям перед камином разбирали тексты пьес.

В семнадцать лет Зои уже твердо знала, что хочет стать актрисой. Джеймс раздобыл проспекты всех театральных школ, и они внимательно изучили каждый, взвешивая все «за» и «против». В конце концов было решено, что Зои сперва нужно поступить в хороший университет и получить степень по английскому языку, а после, в двадцать один год, уже думать о театральной школе.

– В университете ты познакомишься с текстами классических произведений, что придаст твоей игре глубину. К тому же ты станешь старше и, поступив в театральную школу, сможешь лучше усвоить всю предлагаемую информацию. Да и высшее образование никогда не помешает. В случае чего тебе будет на что опереться.

– Думаешь, актрисы из меня не выйдет? – испуганно спросила Зои.

– Ну что ты, дорогая. Выйдет, конечно. Ты ведь как-никак моя внучка, – усмехнулся Джеймс. – Но ты чересчур привлекательна, и без диплома тебя просто не воспримут всерьез.

Потом они условились, что если Зои сумеет, как ожидалось, хорошо сдать экзамены, то подаст документы в Оксфорд на факультет английского языка.

А после она влюбилась. Как раз в разгар экзаменов.

И четыре месяца спустя – с пустотой в душе и растущим в животе ребенком – поняла, что столь тщательно спланированное будущее разлетелось в клочья.

Не зная, как может повести себя дед, и в то же время боясь его реакции, как-то вечером за ужином Зои выпалила неприятную новость. Джеймс слегка побледнел, но спокойно кивнул и поинтересовался, что она намерена делать дальше. Зои разрыдалась. Она попала в настолько отвратительную и сложную ситуацию, что даже не могла рассказать любимому дедушке всю правду.

В Лондон примчался Чарльз в компании Дебби, и Зои пережила ужасную неделю. Отец постоянно кричал на нее, называл идиоткой и требовал сказать, кто сделал ей ребенка. Джеймс все время находился

рядом, придавал ей сил и смелости принять верное решение. И ни разу не спросил, от кого этот малыш. Он не спорил, когда Зои решила съездить в Лондон, лишь после встретил бледную, как привидение, измученную внучку на железнодорожном вокзале в Солсбери, где она, рыдая, упала в его объятия.

Зои знала, что без любви, поддержки и безграничной веры деда в ее способность сделать правильный выбор она ни за что бы не справилась.

Джейми родился раньше срока и столь стремительно, что у Зои не хватило времени добраться из Хейкрофт-хауса до ближайшей больницы, находящейся в получасе езды. Поэтому малыш появился на свет на старой кровати с балдахином под присмотром местной акушерки. Пока измученная, но ликующая Зои, тяжело дыша, приходила в себя, ее крошечного вопящего сына отдали в руки Джеймсу. Она видела, как наполнились слезами глаза деда, когда он впервые увидел правнука.

– Добро пожаловать в этот мир, малыш, – прошептал он и нежно поцеловал младенца в лоб.

В тот миг Зои и решила назвать сына в его честь.

Она не смогла бы точно сказать, когда именно сформировалась связь между двумя Джеймсами – в этот момент или в последующие несколько недель, пока дедушка и внучка поочередно вставали по ночам и успокаивали страдающего коликами, плачущего ребенка. Джеймс стал для ее сына и отцом, и другом. Мальчик и старик много времени проводили вместе, и старший где-то находил силы, чтобы играть с младшим. Зои вечно заставала их в саду, где Джеймс бросал футбольный мяч, а Джейми его отбивал. Прадед брал правнука с собой на прогулки по извилистым улочкам деревень графства Дорсет, рассказывал ему о цветах, растущих на живых изгородях и в их великолепном саду, где за место на широких клумбах боролись пионы, лаванда и шалфей, а в середине июля даже до окна спальни долетал запах любимых роз Джеймса.

То были прекрасные спокойные дни. Зои нравилось проводить время с дедушкой и маленьким сыном. Ее собственный отец, взобравшись на вершину славы, только что получил «Оскара» и почти не давал о себе знать. Зои всеми силами старалась с этим примириться,

но вчера, в аэропорту, когда он обнял ее и признался, что скучает, в сердце дрогнула какая-то невидимая струна.

«Он ведь тоже стареет», – думала она, проезжая кольцевую развязку в конце автострады и направляясь в центр Лон– дона.

Когда Джейми исполнилось три года, Джеймс осторожно убедил ее поступить в театральную школу.

– Если тебя примут, мы все сможем жить на Уэлбек-стрит, – говорил он. – Пора бы Джейми пару раз в неделю на несколько часов водить в детский сад. Ребенку полезно общаться.

– Вряд ли меня примут, – пробормотала она, но все же уступила и согласилась попробовать свои силы в Королевской академии драматического искусства, до которой от Уэлбек-стрит можно было быстро добраться на велосипеде.

Но Зои все-таки поступила и при содействии молодой помощницы-француженки, которая в полдень забирала Джейми из детского сада и готовила обед для него и Джеймса, закончила трехлетний курс.

На ее выпускной спектакль дедушка уговорил прийти своего театрального агента и кучу друзей, занимавшихся подбором актеров. «Моя дорогая, – объяснял он, – мир построен на кумовстве, будь ты хоть актером, хоть мясником!» Так что после окончания учебы у нее уже имелся собственный агент и первая небольшая роль в телевизионной драме. Джейми к тому времени учился в школе, и Зои занялась карьерой актрисы. Впоследствии она добилась немалого успеха, хотя, к ее разочарованию, не на подмостках театров, некогда зародивших в ней любовь к актерству, а на большом экране.

– Хватит жаловаться, моя дорогая девочка, – сделал ей выговор Джеймс, когда она вернулась домой после бесплодного дня съемок в Восточном Лондоне – из-за сильного дождя не удалось нормально снять ни одного дубля. – У тебя есть работа, а о чем еще мечтать молодому актеру? Не сомневайся, тебе еще доведется выйти на сцену театра.

В следующие три года здоровье Джеймса медленно, но неуклонно ухудшалось, однако Зои не придавала этому особого значения. И лишь заметив, что дед начал морщиться от боли, заставила его пойти к врачу.

Диагноз был неутешительным: рак кишечника на поздней стадии, который уже затронул печень и толстую кишку. Из-за возраста и слабого здоровья об изнурительном курсе химиотерапии не шло и речи. И врач предложил паллиативное лечение – с помощью лекарств снять симптомы болезни, чтобы оставшееся ему время Джеймс провел в позитивном настроении, без трубок и капельниц. Если по мере ухудшения состояния все же потребуется какое-то оборудование, его привезут прямо домой.

Зои представила, как войдет в опустевший дом на Уэлбек-стрит, и на глаза навернулись слезы. Всего два месяца назад его наполнял приятный аромат табака «Олд Холборн», который Джеймс, несмотря на запреты, курил до самой смерти. В последние несколько месяцев он сильно болел, у него отказывали зрение и слух, а старческие девяностопятилетние кости молили об отдыхе. И все же дом по-прежнему полнился его харизмой, чувством юмора и жизненной силой.

Прошлым летом Зои скрепя сердце приняла решение отправить Джейми в школу-интернат. Она думала лишь о благе мальчика, не желая, чтобы сын изо дня в день наблюдал за угасанием любимого прадедушки. Ему не стоило видеть, как углублялись морщины на лице старика, дрожали руки, когда они играли в снап[3], или как прадед засыпал в кресле после обеда и просыпался только ближе к вечеру. Зная об их тесной связи, Зои хотела, чтобы Джейми как можно безболезненней привыкал к жизни без своего Пра-Джеймса.

Так что в сентябре прошлого года Джейми отправился в школу-интернат и, к счастью, легко там освоился. А Зои, позабыв на время об идущей в гору карьере, принялась ухаживать за дедом, который становился все более немощным.

Как-то холодным ноябрьским вечером Зои пришла в комнату деда, чтобы забрать пустую чашку из-под чая.

– Где Джейми? – спросил Джеймс, поймав ее за руку.

– В школе.

– Он сможет приехать домой на выходные? Мне нужно его увидеть.

– Не знаю, Джеймс. Вряд ли это хорошая мысль.

– Он умный парнишка, не в пример многим в его возрасте. Когда он только родился, я уже понимал, что не бессмертен, и знал, что вряд

ли увижу его взрослым. И я подготовил Джейми к своему неминуемому уходу.

– Ясно. – Ее рука с чашкой дрожала так же, как у дедушки.

– Ты позвонишь, чтобы он приехал домой? Я должен его увидеть. Поскорее.

– Конечно.

В те выходные Зои неохотно забрала Джейми из школы. По дороге домой она рассказала ему о тяжелой болезни Пра-Джеймса. Джейми кивнул, но упавшие на глаза волосы скрывали выражение лица.

– Я знаю. Он сам сказал мне в середине семестра. И обещал, что позовет меня, как только… придет время.

Оказавшись дома, Джейми умчался наверх, чтобы повидать старика. Тем временем Зои мерила шагами кухню, беспокоясь, как воспримет ее драгоценный мальчик столь тяжелое состояние Пра-Джеймса.

В тот вечер они втроем ужинали в комнате Джеймса, и старик заметно повеселел. Джейми большую часть выходных провел в спальне прадеда. В воскресенье ближе к вечеру Зои поднялась наверх и сказала, что пора ехать в школу, чтобы успеть к комендантскому часу.

– Прощай, старина. – Джеймс заключил мальчика в объятия. – Позаботься о себе. И о своей маме.

– Обещаю. Я люблю тебя! – Джейми со всей несдержанностью детства крепко обнял прадеда.

По пути в школу Беркшир, где учился Джейми, они почти не разговаривали, но когда Зои въехала на школьную парковку, мальчик произнес:

– Я больше не увижу Пра-Джеймса. Он сказал, что скоро уйдет.

Зои повернулась и взглянула на серьезное лицо сына:

– Мне очень жаль, милый.

– Не волнуйся, мама. Я понимаю.

Помахав рукой, он поднялся по ступенькам и скрылся внутри здания.

Не прошло и недели, как сэр Джеймс Харрисон, кавалер Ордена Британской империи, покинул этот мир.

* * *

Притормозив у обочины на Уэлбек-стрит, Зои вышла из машины и окинула взглядом дом. Несмотря на обновленный внешний вид, трехэтажный викторианский особняк из красного кирпича простоял здесь уже более двух столетий. В отличие от соседей его фасад плавно выдавался вперед, как приятно округлившийся животик, а окна мансарды подмигивали сверху, словно два ярких глаза. И все же было заметно, что рамы высоких окон остро нуждаются в покраске. Что ж, теперь это ее забота.

Поднявшись по ступенькам, Зои отперла тяжелую входную дверь и вошла внутрь, подняла почту с коврика в прихожей. В доме царил холод, и дыхание срывалось с губ облачками пара. Она поежилась. Как жаль, что нельзя вернуться в уютную полуизоляцию Хейкрофт-хауса. Но нет, хватит прохлаждаться. Ее ждет работа.

Незадолго до смерти Джеймс всеми силами призывал Зои согласиться на главную роль в новой экранизации «Тесс из рода д'Эрбервиллей», режиссером которой стал многообещающий молодой британец Майк Уинтер. Сценарии ей присылали каждую неделю, и она дала один дедушке, просто чтобы немного отвлечь его от болезни, хотя даже не надеялась, что старика он заинтересует.

Но Зои ошиблась.

– Исключительный сценарий! – заявил он, хватая внучку за руку. – Роли вроде Тесс на дороге не валяются. Дорогая девочка, я умоляю, соглашайся. Этот фильм сделает тебя звездой. Ты этого заслуживаешь.

Он не стал добавлять насчет «последней просьбы», но Зои прочитала эти слова в глазах деда.

Не снимая пальто, она прошла по коридору и включила термостат. Древний котел с лязганьем ожил. Оставалось лишь надеяться, что в эту холодную зиму ни одна из труб не замерзла. Зои прошла на кухню. Возле раковины все еще стояли бокалы из-под вина и грязные пепельницы, оставшиеся от вчерашних поминок, которые она сочла своим долгом устроить после службы в церкви. Ведь десятки людей пришли выразить свое почтение и порадовать ее историями о дедушке, а Зои умела быть благодарной.

Без особого энтузиазма она высыпала несколько пепельниц в переполненное мусорное ведро. Зои отлично понимала, что большая часть денег, полученных за роль Тесс, уйдет на ремонт старого дома. Да взять хоть эту кухню, которую отчаянно требовалось привести в порядок.

Со столешницы ей подмигивала красная лампочка автоответчика. Зои нажала «воспроизведение». Кухню заполнил голос Маркуса.

«Зои? Зои-и-и-и-и?! Ладно, понял, тебя нет дома. Перезвони мне. Немедленно. Я не шучу. Это срочно!»

Зои поморщилась, услышав, как брат нечетко выговаривает слова. Вчера в церкви она пришла в ужас, увидев, в чем пришел на службу Маркус. Он даже не потрудился надеть галстук! И улизнул с поминок при первой же возможности, даже не попрощавшись. А все потому, что брат дулся.

Сразу после смерти Джеймса Зои, Маркус и их отец присутствовали на оглашении завещания. Сэр Джеймс Харрисон оставил практически все свои деньги и Хейкрофт-хаус Джейми, но пока правнуку не исполнится двадцать один год, они будут находиться в доверительном управлении. Также мальчику полагался страховой сертификат для оплаты учебы в школе и университете. Дом на Уэлбек-стрит переходил к Зои вместе с памятными для него вещицами из актерского прошлого, которые занимали большую часть чердака в Хейкрофт-хаусе. Однако денег дед ей не оставил, и Зои понимала почему. Джеймс хотел, чтобы она во что бы то ни стало продолжала заниматься актерским ремеслом. Еще он выделил крупную денежную сумму для учреждения «Памятной стипендии сэра Джеймса Харрисона» – для оплаты обучения двух талантливых юношей или девушек, у которых не имелось средств на поступление в престижную театральную школу. Реализацию этого плана Джеймс возложил на Чарльза и Зои.

Маркусу дед оставил сто тысяч фунтов – «жалкий символический жест», как выразился ее брат. После того как огласили завещание, от него отчетливо волнами исходило недовольство.

Зои включила чайник, раздумывая, стоит ли звонить Маркусу. Впрочем, даже если она его проигнорирует, он все равно перезвонит сам – вероятнее всего, пьяный, в неурочный час – и начнет что-то неразборчиво бормотать в трубку.

Несмотря на чрезмерный эгоизм Маркуса, Зои любила брата. В детстве она видела от него лишь нежность и доброту. И пусть в последнее время он вел себя не слишком хорошо, Зои знала, что у Маркуса доброе сердце. Вот только склонность влюбляться не в тех женщин вкупе с ужасной деловой хваткой изрядно подпортили ему жизнь. Он потерял почти все деньги и впал в депрессию.

После окончания университета Маркус уехал к отцу в Лос-Анджелес, чтобы испытать свои силы в качестве кинопродюсера. Судя по рассказам отца и деда, эта затея не увенчалась успехом. За десять лет жизни в Лос-Анджелесе проекты Маркуса один за другим рассыпались в прах, все больше разочаровывая его и отца, который взял на себя роль покровителя. В конечном счете Маркус остался практически без гроша в кармане.

– У него доброе сердце, но он мечтатель, – заметил Джеймс, когда три года назад Маркус поджав хвост вернулся из Лос-Анджелеса в Англию. – Этот его новый проект, – Джеймс похлопал по предложению о фильме, которое Маркус прислал ему в надежде на финансирование, – полон здравых политических и моральных идей, но где же история?

И дед отказался его поддерживать.

Даже несмотря на то, что брат сам загнал себя в такую ситуацию, Зои не могла избавиться от чувства вины, ведь Джеймс всегда отдавал предпочтение ей и ее сыну, как при жизни, так и в недавнем завещании.

Сжимая в руках кружку с чаем, Зои прошла в гостиную и оглядела обшарпанную мебель из красного дерева, потертый диван и старые кресла, ножки которых заметно просели от старости. Тяжелые узорчатые занавески выцвели, на ветхой ткани тут и там виднелись мелкие вертикальные прорехи, как будто сделанные невидимым ножом. Поднимаясь по лестнице в свою спальню, Зои решила, что нужно снять старые ковры. Возможно, деревянный пол под ними еще удастся спасти…

Она замерла на лестничной площадке, возле двери в спальню Джеймса. Теперь, когда из нее исчезли все мрачные атрибуты, связанные с жизнью и смертью, комната казалась пустой. Зои толкнула дверь и вошла внутрь, представляя, что дед сидит в постели и широко ей улыбается.

Внезапно силы покинули ее. Она соскользнула на пол, съежилась возле стены и горько разрыдалась, выплескивая скопившиеся внутри горе и боль. До сих пор Зои старалась не давать волю слезам, держалась ради Джейми. Но теперь, впервые оставшись одна в этом доме, она плакала навзрыд, скорбя о потере своего истинного отца и лучшего друга.

Услышав звонок в дверь, Зои вздрогнула и замерла, надеясь, что непрошеный гость уберется прочь и даст ей спокойно зализать свои раны.

В дверь снова позвонили.

– Зои! – донесся из щели почтового ящика знакомый голос. – Я знаю, что ты здесь. Твоя машина возле дома. Впусти меня!

– Будь ты проклят, Маркус! – выругалась она себе под нос и сердито стерла с лица последние слезы.

Сбежав вниз по лестнице, Зои распахнула входную дверь. Брат стоял снаружи, прислонившись к каменному портику.

– Господи, сестренка! – воскликнул он, увидев ее лицо. – Ты выглядишь столь же ужасно, как и я.

– Благодарю.

– Можно мне войти?

– Так будет лучше, раз уж ты пришел, – бросила сестра и отступила, пропуская его внутрь.

Маркус проскользнул мимо нее и зашагал прямиком в гостиную, к шкафчику с напитками. Не успела Зои закрыть входную дверь, как брат уже схватил графин и плеснул себе щедрую порцию виски.

– Хотел спросить, как ты держишься, но вижу все по твоему лицу, – заметил он, откидываясь на спинку кожаного кресла.

– Маркус, говори прямо, чего ты хочешь. У меня куча…

– Только не рассказывай мне о своих трудностях, ведь старина Джим[4] оставил тебе этот дом. – Маркус обвел руками комнату, не замечая, что виски опасно близко плещется к краю стакана.

– А тебе Джеймс завещал кучу денег, – сквозь стиснутые зубы процедила Зои. – Знаю, ты злишься…

– И имею право, черт возьми! Я уже так близко… буквально в шаге от того, чтобы Бен Макинтайр согласился стать режиссером моего нового кинопроекта. Но он хочет убедиться, что у меня есть

средства на подготовку к съемкам. Мне всего-то и нужно сотню тысяч на счету компании. И он наверняка согласится.

– Просто наберись терпения. Когда завещание вступит в силу, ты их получишь. – Зои откинулась на спинку дивана и помассировала ноющие виски. – Или возьми ссуду.

– Ты же знаешь, каков мой личный кредитный рейтинг. Да и у компании «Кинопремьеры Марка» тоже не самая лучшая финансовая история. Мне нужно решить этот вопрос в ближайшее время, иначе Бен возьмется за какой-нибудь другой фильм. Серьезно, Зо, если бы ты пообщалась с этими ребятами, то и сама захотела бы поучаствовать в проекте. Это будет самый важный фильм десятилетия, а может, и тысяче– летия…

Зои вздохнула. За последние несколько недель она много слышала о новом проекте Маркуса.

– Скоро нужно подавать заявку на получение разрешений на съемки в Бразилии. Если бы только папа одолжил мне денег до утверждения завещания… – Маркус посмотрел на Зои. – Но он отказался.

– Не стоит его винить. Он много раз выручал тебя прежде.

– Но сейчас все по-другому. Зои, я клянусь, этот проект перевернет все с ног на голову.

Она молча смотрела прямо ему в глаза. За последние несколько недель брат в самом деле распустил себя, и Зои всерьез начинало беспокоить его пьянство.

– Ты же знаешь, у меня нет денег, Маркус.

– Да ладно, Зои! Ты с легкостью могла бы заложить этот дом или просто взять для меня ссуду в банке. Всего на несколько недель, пока не закончится волокита с завеща– нием.

– Перестань! – Зои хлопнула рукой по подлокотнику дивана. – Все, хватит! Послушай, что ты несешь! Ты в самом деле удивлен, что Джеймс не оставил этот дом тебе? Да он отлично знал, что ты почти сразу его продашь! К тому же, пока он болел, ты здесь почти не появлялся. Я одна заботилась о нем, любила его… – Зои замолчала и проглотила рыдание, уже готовое сорваться с губ.

– Нет, ну… – У Маркуса хватило совести изобразить смущение. Он опустил глаза и сделал глоток виски. – Ты всегда была для него особенной. На меня он почти не обращал вни– мания.

– Маркус, что с тобой такое? – тихо спросила она. – Я волнуюсь за тебя и в самом деле хочу помочь, но…

– Ты мне не доверяешь. Совсем как папа и сэр Джим. В этом главная причина, верно?

– А что в этом удивительного, учитывая твое поведение в последнее время? Ох, Маркус, я уже бог знает сколько времени не видела тебя трезвым…

– Не надо этих восклицаний! После смерти мамы все только и волновались о том, кто же позаботится о драгоценной Зои! Хоть кто-то подумал обо мне, а?

– Если ты намерен копаться в древней истории, то можешь развлекаться в свое удовольствие. Я для этого слишком устала. – Зои поднялась с дивана и указала на дверь. – Позвони, когда протрезвеешь. Я больше не намерена общаться с тобой в таком состоянии.

– Зои…

– Я серьезно, Маркус. Я люблю тебя, но ты должен взять себя в руки.

Поставив стакан с виски на ковер, он тяжело поднялся и вышел из комнаты.

– Не забудь, что ты сопровождаешь меня на премьеру в начале следующей недели! – крикнула она вслед брату.

Маркус не ответил. Чуть погодя хлопнула входная дверь.

Зои поплелась на кухню и заварила себе чашку успокаивающего чая из ромашки, потом окинула взглядом пустые шкафчики. На ужин придется обойтись пакетиком чипсов. Она взяла телефон и пролистала кучу неотвеченных писем, ища приглашение на премьеру фильма с ее участием, съемки которого завершились как раз перед тем, как Джеймсу стало совсем плохо. Пока Зои проверяла детали, чтобы после отправить Маркусу сообщение с напоминанием, в глаза внезапно бросилось имя в верхней части пригласительной кар– точки.

– Господи, – пробормотала она и опустилась на стул, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

4

Миновав унылый переулок позади круглосуточной букмекерской конторы на Норт-Энд-роуд, Маркус Харрисон отпер входную дверь дома, в котором жил. В холле забрал из своего ящика пачку писем – в каждом, без сомнения, угрожали выдернуть по одному пинцетом все его лобковые волосы, если он немедленно не заплатит прилагаемую сумму, – и поднялся по лестнице. Поморщившись от омерзительного запаха канализации, ключом открыл дверь в квартиру, потом захлопнул ее за собой и привалился к створке.

Хотя было уже шесть вечера, жуткое похмелье, которое мучило его с утра, до сих пор не прошло. Маркус бросил счета на столешницу – пылиться вместе с остальными – и направился в гостиную, где ждала полупустая бутылка виски. Налив изрядную порцию в грязный стакан, он сел и сделал солидный глоток. По телу тут же разлилось отрадное тепло. И Маркус с горечью задался вопросом, в какой момент все пошло не так.

Он ведь старший сын успешного, богатого отца и внук самого прославленного актера в стране; иначе говоря, наследник королевства. К тому же довольно привлекательный, порядочный и добрый – ну, по мере сил, если говорить о его отношении к странному, чудаковатому племяннику. Проще говоря, Маркус был из тех людей, которым всегда и во всем должен сопутствовать успех. Однако не сложилось. Ему вечно не везло.

После поминальной службы Маркус попросил отца одолжить ему сто тысяч фунтов – лишь на время, пока завещание не вступит в силу. И в ответ услышал, что он «ленивый пьяница», который вечно ждет, что остальные примутся решать его проблемы. Боже, эти жестокие слова ранили в самое сердце.

Ведь, что бы ни думал отец, Маркус всегда выкладывался по полной. Ему очень не хватало мамы. Целых два года после ее смерти он постоянно ощущал острую физическую боль от утраты столь близкого человека. Даже при слове «мама» к горлу подкатывал ком, и Маркус не мог высказать, что скопилось у него внутри. К тому же в суровом мире британской школы-интерната, где учились только мальчики, не признавали подобных сантиментов. Так что он замкнулся

в себе и усердно учился – ради нее. Но разве кто-нибудь это заметил? Конечно нет, всех больше занимали заботы о его младшей сестре. После, уже в Лос-Анджелесе, когда Маркус решил попытать счастья в качестве начинающего продюсера, он выбирал проекты, которые точно понравились бы маме, поскольку рассказывали что-то важное о мире, однако его фильмы вновь и вновь терпели неудачи.

В то время Чарльз относился к сыну с пониманием.

– Возвращайся в Лондон, Маркус, – говорил он. – Лос-Анджелес не для тебя. В Великобритании малобюджетные артхаусные фильмы, которые ты рвешься снимать, воспринимают гораздо лучше.

Справедливости ради стоило признать: Чарльз дал ему приличную сумму денег, чтобы арендовать жилье в Лондоне и жить безбедно. Маркус переехал в просторную квартиру в Ноттинг-Хилл и основал «Кинопремьеры Марка».

А после… влюбился в длинноногую блондинку Харриет, с которой познакомился на одном из кинопоказов Зои. Что поделать, Маркус всегда питал слабость к хорошеньким блондинкам. Будучи начинающей актрисой, Харриет пришла в восторг от связи с «кинопродюсером Маркусом Харрисоном, внуком сэра Джеймса Харрисона», как значилось под их фотографиями в колонках светской хроники бульварных газет. Харриет привыкла жить на широкую ногу, и Маркус спустил все отцовские деньги на удовлетворение ее прихотей. Но девица вскоре поняла, что перед ней лишь «неудачник, вовсю пользующийся семейным именем», и бросила его ради итальянского принца. Маркусу, погрязшему из-за нее в огромных долгах, пришлось пресмыкаться перед отцом, прося выручить его из беды.

– Я в последний раз спасаю твою шкуру! – кричал Чарльз в телефонную трубку. – Приведи в порядок свою жизнь, Маркус. Найди нормальную работу.

Столкнувшись как-то со старым школьным приятелем, он узнал о проекте экологического фильма, идею которого поддерживали несколько парней из Сити. И Маркусу предложили стать его продюсером. Все еще страдая от язвительных слов Харриет по поводу его персоны и неудавшейся карьеры, Маркус взял крупный заем в банке, чтобы обеспечить необходимый капитал. За полгода съемок в Боливии он влюбился в уединенность и величие тропических лесов

Амазонки, в целеустремленность людей, тысячи лет живших на этих землях.

Фильм с треском провалился, и Маркус потерял все вложенные деньги до последнего пенни. И задним числом был вынужден признать, что сценарий оказался не слишком удачным. Несмотря на моральную ценность фильма и заложенные в нем «послания», не хватало – как однажды заметил его дед – отличной истории. Но теперь он ее нашел. Несколько месяцев назад ему прислали сценарий на основе романа молодого бразильского писателя. Прочитав его до конца, Маркус расплакался и в тот же миг понял: вот фильм, с помощью которого ему суждено оставить свой след.

Проблема заключалась в том, что из-за неприглядной финансовой истории ни один из банков не хотел иметь с ним дела, а отец наотрез отказался в очередной раз «выбрасывать деньги на ветер». В него больше никто не верил – и это именно сейчас, когда Маркус начал понимать, что же нужно для создания прекрасного душевного фильма, который пройдет в кинотеатрах по всему миру и, может, даже завоюет награды. Главная история любви непременно затронет сердца зрителей и при этом чему-нибудь научит.

Ломая голову над тем, как изменить сложившееся отношение к себе, он, признаться, с волнением воспринял новость о кончине деда. И хотя сэр Джим всегда явно отдавал предпочтение Зои, Маркус тоже был его внуком, одним из двоих.

Но последняя воля старика его не порадовала. Впервые в жизни Маркус ощутил настоящую горечь. Его оптимизм и внутренняя уверенность в себе рассеялись, словно облачко дыма. Он почувствовал себя неудачником.

«Может, это просто упадок сил?» – размышлял он.

Звонок телефона вернул его к действительности. Увидев номер звонившего, Маркус неохотно взял трубку.

– Привет, Зо. Слушай, прости за тот вечер. Я в самом деле наговорил лишнего. Но я… в последнее время сам не свой.

– Все хорошо. – В трубке раздался тяжелый вздох. – Я тоже выбита из колеи. Ты получил сообщение, которое я отправила несколько дней назад? Ты ведь в курсе, что сегодня вечером сопровождаешь меня на премьеру?

– Э-э… нет.

– О, Маркус! Только не говори, что не сможешь пойти! Ты мне очень нужен.

– Рад слышать, что я еще хоть кому-то нужен.

– Перестань хандрить и бегом в душ. Через час встречаемся в американском баре в «Савое». Я угощаю.

– Какой великодушный жест, – съязвил он и быстро добавил: – Прости, я немного подавлен, вот и все.

– Ладно. Увидимся в семь, тогда и поговорим. Поверь, в тот вечер я тебя услышала.

– Спасибо, сестренка. До скорого, – пробормотал Маркус.

Час спустя он сидел в тускло освещенном баре в стиле ар-деко. Перед ним стоял второй стакан с виски. Вскоре появилась Зои в черном вечернем платье без бретелек, с бриллиантовыми серьгами-каплями в ушах, и все посетители – будь то мужчины или женщины – восхищенно повернулись в ее сторону.

– Ну и ну, Зо. Ты просто сияешь, – заметил Маркус, неосознанно проводя рукой по мятым брюкам, которые вытащил из кучи грязного белья.

– Правда? – нервно поинтересовалась она, чмокнула брата в щеку и села рядом. Потом провела рукой по волосам. – Скажи, я выгляжу не слишком старомодно?

Маркус оглядел гладкие золотистые волосы сестры, уложенные сзади в какую-то замысловатую прическу.

– Ты похожа на Грейс Келли, такая же элегантная и стильная. Все? Теперь довольна?

– Да, спасибо, – улыбнулась Зои.

– Обычно ты не страдаешь паранойей по поводу своей внешности. В чем дело?

– Пустяки, не обращай внимания. Будь добр, возьми мне бокал шампанского.

Маркус принес заказанный напиток. Зои выпила сразу половину, потом поставила бокал на стол.

– Боже, как раз то, что нужно.

– Ты говоришь прямо как я, Зо, – с усмешкой заметил он.

– Ну, будем надеяться, что эти полбокала шампанского окажутся благосклоннее к моей внешности, чем виски к твоей. Ты ужасно выглядишь, Маркус.

– Признаться, я и чувствую себя погано. Ты придумала, где мне достать сто тысяч фунтов?

– До вступления завещания в силу я и сама без денег.

– Но с учетом того, что тебе причитается, ты вполне могла бы их занять. Пожалуйста, Зо, – вновь попросил он. – Если я в ближайшее время не возьмусь за дело, проект уведут прямо у меня из-под носа.

– Понимаю. Я верю тебе, правда.

– Спасибо. Тебе бы стоило тоже хоть немного разозлиться на деда. Прости, Зо, но зачем десятилетнему ребенку состояние, которое, должно быть, исчисляется миллионами фунтов? Только представь, сколько еще накопится за одиннадцать лет, к тому времени, когда Джейми исполнится двадцать один.

– Понимаю, как тебя задело это завещание, но несправедливо винить во всем Джейми.

– Конечно. – Маркус осушил стакан и заказал еще порцию виски. – Я просто… уже на пределе. Все идет наперекосяк. Мне скоро тридцать четыре. Может, в этом все дело? Кризис среднего возраста и все такое… Я даже перестал заниматься сексом.

– Боже, какая отрезвляющая мысль. – Зои закатила глаза.

– Ну да. – Маркус помахал перед ней сигаретой. – Какой еще реакции мне ждать от своих родных? Вы все меня опекаете и обращаетесь как с ребенком.

– И кто в этом виноват? Будем откровенны, за эти годы ты не раз попадал в передряги.

– Да, но теперь, когда я полностью готов посвятить себя делу, мне никто не верит и не хочет поддержать.

Зои сделала глоток шампанского и посмотрела на часы. До начала премьеры осталось двадцать пять минут. Еще меньше получаса, и она увидит его во плоти… Сердце бешено забилось в груди, к горлу подкатила тошнота.

– Маркус, нам пора идти. Попроси счет, пожалуйста.

Пока он жестом подзывал официанта, Зои достала сигарету из его пачки «Мальборо лайт».

– Не думал, что ты куришь.

– А я и не курю. По крайней мере, нечасто. – Зои сделала затяжку, но тошнота лишь усилилась, и она затушила сигарету в пепельнице. –

У меня появилась идея насчет того, как можно тебе помочь. Но сперва мне нужно поговорить с папой.

– Тогда из твоей затеи ничего не выйдет. Папа на меня чертовски зол.

– Предоставь это мне.

– Но что за идея? Прошу, скажи мне, Зои. Иначе ночью я снова не смогу уснуть, – умолял Маркус.

– Нет, сначала я поговорю с ним. Спасибо, – поблагодарила она официанта, который принес счет, и вложила в кожаную папку свою банковскую карточку. – Как у тебя дела? Что с текущими расходами? Нужны деньги, чтобы продержаться?

– Не помешают, – признался Маркус, не в силах смотреть ей в глаза. – У меня осталось всего несколько фунтов, и я вот-вот вылечу из жалкой квартирки, поскольку не оплатил аренду за последний месяц.

Порывшись в сумочке, Зои вытащила чек и протянула Маркусу.

– Вот, держи. Но имей в виду, что это в долг. Я сняла средства со сберегательного счета и, когда оформят все бумаги, связанные с завещанием, хочу получить их назад.

– Конечно. Спасибо, Зои. Я это ценю. – Он сложил чек и сунул его во внутренний карман пиджака.

– Только прошу, не трать их на виски, Маркус. Ладно, пойдем.

Вдвоем они взяли такси до Лестер-сквер.

– У тебя большая роль в этом фильме? – поинтересовался Маркус, пока машина из-за пробок медленно ползла по площади Пикадилли.

– Второго плана. Возможно, тебе даже понравится. Это хороший фильм – малобюджетный и серьезный, – добавила она и, когда машина остановилась на Лестер-сквер, окинула взглядом огороженную зону возле входа в «Одеон». – Что ж, вот мы и на месте. – Зои нервно заправила за ухо прядь волос.

Она вышла из такси, дрожа под холодным моросящим дождем, и оглядела толпу нетерпеливых зевак. В этом фильме не было ни голливудских звезд, ни спецэффектов, но она не сомневалась, на кого все они пришли посмотреть. На фасаде здания, освещенный кучей прожекторов, висел огромный плакат, на котором профиль Зои отчасти скрывался за лицом актрисы, сыгравшей главную роль, – соблазнительной Джейн Донохью.

– Боже! И почему я не интересовался этим фильмом во время съемок? – усмехнулся Маркус, разглядывая плакат и исполнительницу главной роли.

– Будь любезен при встрече с ней, – заметила Зои и безотчетно вцепилась в руку Маркуса, пока они шли по красной дорожке.

– Я всегда любезен с красивыми женщинами, – отозвался он.

– Ты знаешь, о чем я. Держись сегодня рядом со мной. Обещаешь? – Зои сжала его руку.

– Ну, если хочешь. – Маркус пожал плечами.

– Хочу.

Когда они вошли в фойе, заполненное, как обычно во время премьер, звездами мыльных опер, комиками и прочими знаменитостями, вокруг замелькали вспышки камер. Зои взяла с подноса бокал вина и нервно огляделась. Судя по всему, он еще не приехал.

К ней вдруг подлетел режиссер фильма Сэм и восторженно расцеловал.

– Дорогая, мне так жаль бедного сэра Джеймса. Я хотел прийти на поминальную службу, но ужасно закрутился с этой премьерой.

– Не волнуйся, Сэм. Все к лучшему. В последнее время ему было очень плохо.

– А тебе идет горе, Зои. – Сэм посмотрел на нее с восхищением. – Потрясающе выглядишь. Вокруг фильма поднялась настоящая шумиха, и гениальные пиарщики решили устроить благотворительную премьеру с участием членов королевской семьи. Завтра репортажи появятся во всех газетах, и ты в этом платье станешь их звездой. – Он поцеловал ей руку и улыбнулся. – Наслаждайся, дорогая. Увидимся позже.

Зои обернулась. Несмотря на ее просьбу, Маркус уже куда-то исчез.

– Черт! – выдохнула она. От струящегося по жилам адреналина немного кружилась голова.

Решив, что вполне имеет право вести себя трусливо и незрело, Зои спряталась в женском туалете и попыталась успокоить бешено колотящееся сердце. И лишь когда в зрительном зале уже погасли огни, она прокралась на свое место рядом с Маркусом.

– Где ты была? – прошипел он.

– В туалете. У меня расстройство желудка.

– Очаровательно, – фыркнул он, глядя на вступительные титры на экране.

Весь фильм Зои просидела как в тумане. Она приходила в смятение при одной только мысли о том, что он здесь, в зрительном зале, возможно, всего в нескольких ярдах от нее, впервые за десять с лишним лет дышит с ней одним воздухом. Внутри бушевали столь сильные эмоции, что она сомневалась в собственной способности досмотреть фильм до конца и не упасть в обморок. Все эти годы Зои убеждала себя, что речь шла о простой подростковой влюбленности, но теперь больше не могла себе лгать – глубокие, сильные чувства до сих пор не угасли. Отсутствие кавалеров в своей жизни она объясняла заботой о Джейми, не желая, чтобы череда незнакомых мужчин выбивала мальчика из колеи. Но сегодня Зои поняла, что лишь обманывала себя.

«И как ты намерена изгнать этот призрак прошлого? – мысленно спросила она и тут же ответила: – Просто столкнуться с ним лицом к лицу и посмотреть в глаза».

Чтобы избавиться от его невидимой хватки, нужно разрушить фантазию, которую она в течение многих лет создавала в своем сознании, а для этого требуется снова встретить его во плоти и рассмотреть вблизи в поисках признаков несовершенства. В этом Зои видела единственную надежду на излечение. К тому же существовала большая вероятность, что он уже позабыл о ней. Ведь все случилось так давно, и за это время он общался со многими людьми, в том числе и с женщинами.

Когда под гром аплодисментов в зале зажегся свет, Зои вцепилась руками в сиденье, чтобы не вскочить с места и не убежать.

– Ты была великолепна, сестренка. – Маркус поцеловал ее в щеку и крепко сжал руку. – Серьезно. Хочешь роль в моем новом фильме? – добавил он.

– Спасибо. – Зои застыла на месте, словно парализо– ванная.

Зрители постепенно начали выходить из зала, а от ее прежней решимости не осталось и следа.

– Может, поедем прямо домой? Желудок до сих пор бунтует, – предложила Зои.

Они все же встали с мест и последовали за толпой к выходу.

– Разве тебе не нужно немного помелькать среди гостей? Принять похвалы и все такое? Пока ждал, когда ты выйдешь из туалета, я тут немного поболтал с Джейн Донохью. И мы договорились встретиться на вечеринке после фильма.

– Маркус, ты же обещал! Отвези меня домой, пожалуйста. Я в самом деле плохо себя чувствую.

– Ладно, – вздохнул он. – Только подожди немного, я найду Джейн и все ей объясню.

Стоя посреди толпы, Зои считала мгновения до возвращения Маркуса. Еще чуть-чуть – и она сможет уйти.

Потом кто-то тронул ее за плечо.

– Зои?

Она обернулась, и кровь прилила к лицу. Перед ней стоял тот, кто весь вечер занимал ее мысли. Теперь он выглядел немного старше, под теплыми зелеными глазами залегли легкие тени, кожу в уголках рта прорезали тонкие морщинки от смеха. Но тело, скрытое под вечерним костюмом, казалось столь же подтянутым, как и десять лет назад. Зои разглядывала его, жадно впитывая каждую деталь.

– Как ты? – поинтересовался он.

Она прочистила горло:

– Хорошо, благодарю.

– Ты выглядишь… потрясающе. И стала еще красивее, – тихо заметил он, чуть наклоняясь вперед, поближе к ее уху. Ноздрей коснулся его знакомый запах, который пугающе дурманил голову. – Кстати, мне понравился фильм. Ты великолепно играла.

– Спасибо, – выдавила она.

– Сэр… – Рядом с ним возник мужчина в сером костюме и указал на свои часы.

– Буду через несколько минут, – сообщил он, и серый костюм растворился в толпе. – Столько времени прошло, – задумчиво проговорил он.

– Да.

– Как у тебя дела?

– Хорошо. Просто отлично.

– Я читал о твоем дедушке. Почти решился написать тебе, но не знал… э-э… положения дел.

Он искоса взглянул на нее, и Зои покачала головой.

– Я свободна, – призналась она и тут же мысленно отругала себя за эти слова.

– Боюсь, мне пора. Можно… тебе позвонить?

– Я…

К ним снова приближался мужчина в сером костюме.

Он протянул руку, чтобы погладить ее по щеке, но замер, так и не коснувшись ее кожи.

– Зои… я… – В его глазах ясно читалась боль. – До свидания.

Он покорно махнул рукой и ушел.

Она застыла в переполненном фойе, глядя ему вслед и больше не обращая внимания ни на что вокруг. Он опять уходил от нее, оставлял ради более важных дел. Так было всегда, и в будущем этого не изменить. И все же вероломное сердце ликовало в груди.

Зои неуверенным шагом снова направилась в дамскую комнату, чтобы взять себя в руки. И, глядя на отражение в зеркале, заметила, что огонек в ее глазах, столь внезапно затухший десять с лишним лет назад, снова начал разгораться.

– Черт, да у тебя в самом деле проблема, – проговорил Маркус, который мерил шагами фойе. – До дома-то сможешь добраться?

– Само собой, – улыбнулась Зои и взяла его под руку.

Белый конь

Конь с его ходами в форме буквы «Г» – самая непредсказуемая из фигур

5

Выставив локти в стороны, Джоанна протолкнулась сквозь толпу пассажиров и спрыгнула на тротуар Кенсингтон-Хай-стрит за миг до того, как за ней закрылись двери автобуса. Она обогнула безликих бизнесменов в черных и серых костюмах с дизайнерскими портфелями в руках и ускорила шаг. Холодный утренний воздух обжигал кожу. Взглянув на часы, Джоанна перешла на бег. Черт, она снова опаздывала!

Джо уже и не помнила, когда в последний раз выбиралась на пробежку, вместо этого предпочитая есть мороженое, сидя на диване, и смотреть по телевизору «Жителей Ист-Энда»[5]. Дома, в Йоркшире, несмотря на холмистую местность, Джоанна пробегала по пять миль в день и поначалу пыталась поддерживать режим и в Лондоне. Однако здесь было все иначе. Ей не хватало чистого воздуха вересковых пустошей, мелькающих в зарослях зайцев и соколов в небе. В Лондоне же самыми поразительными существами дикой природы были голуби, у которых все еще сохранились обе ноги.

Тяжело дыша, Джоанна добралась до входа в здание «Морнинг мейл», ввалилась внутрь сквозь стеклянные двери и показала пропуск сидящему за столом охраннику Барри.

– Привет, Джо. Опять в последнюю минуту?

Она состроила ему гримасу и заскочила в открытый лифт, надеясь, что не слишком вспотела. Наконец, опоздав на десять минут, Джоанна рухнула на стул возле захламленного стола и принялась рыться среди бумаг в поисках клавиатуры. Потом осторожно подняла голову и облегченно выдохнула. Кажется, ее опоздания никто не заметил.

Джоанна включила компьютер и сложила газеты, журналы, старые копии, неотвеченные письма и фотографии в лоток для входящей корреспонденции, пообещав себе как-нибудь на неделе задержаться после работы и все это разобрать, достала из рюкзака яблоко и начала просматривать почту.

Дорогая мисс Хаслем…

– Фамилия с ошибкой, – пробормотала она.

Пишу, чтобы поблагодарить вас за прекрасную статью о моем сыне, который приклеил к щеке модель самолета «Эйрфикс». Еще хотела попросить у вас копию фотографии, которая прилагалась к статье…

Джоанна сунула письмо в лоток для входящей корреспонденции и впилась зубами в яблоко. Потом открыла следующий конверт. В нем оказалось приглашение на презентацию «ультрасовременных» гигиенических прокладок.

– Я пас, – пробормотала она, отправляя и это письмо в лоток следом за первым.

Затем взяла в руки большой помятый коричневый конверт и взглянула на адрес, написанный неразборчивым почерком. Удивительно, что это письмо вообще дошло куда следует. Разорвав конверт, Джоанна вытряхнула содержимое на стол. Внутри лежали еще два конверта. К ним крепился лист почтовой бумаги.

Дорогая мисс Хаслам,

это мне вы несколько дней назад помогли вернуться домой из церкви. Прошу вас срочно прийти, поскольку у меня осталось совсем мало времени. На всякий случай прилагаю к этому письму два конверта. Берегите их до нашей следующей встречи. Когда придете, я передам вам еще.

Предупреждаю, это опасно. Но я чувствую, что вы честная девушка, а эту историю больше нельзя скрывать. Если вы не застанете меня, поговорите с леди Белого рыцаря. Больше я сейчас ничего не могу сказать. Молюсь, чтобы вы успели вовремя.

Я жду тебя.

И доверяю тебе, Джоанна.

Подпись внизу была неразборчивой.

Задумчиво жуя яблоко, Джоанна перечитала письмо несколько раз, потом выбросила огрызок в мусорное ведро и вскрыла один из маленьких конвертов из коричневой бумаги. Внутри лежал лист кремовой бумаги, на котором время явно оставило свой след. Джоанна осторожно развернула его. Это оказалось написанное чернилами письмо. В глаза бросался плавный старомодный почерк. И ни даты, ни адреса вверху.

Дорогой мой Слам,

я сижу здесь с пером в руке и задаюсь вопросом, как же описать собственные чувства. Всего несколько месяцев назад я даже не знала тебя и не подозревала, что после нашего знакомства моя жизнь изменится до неузнаваемости. Я сознаю, что у нас нет будущего – да и прошлого, по сути, тоже, – и все-таки жажду твоих прикосновений. Хочу, чтобы ты был рядом, защищал меня и любил, как не умеет никто другой.

Я живу во лжи, и конца ей не будет никогда.

Не знаю, как долго еще можно будет безопасно писать, но я доверяюсь верным рукам, которые передадут тебе мои слова любви.

Отвечай обычным способом.

Твоя верная, искренняя возлюбленная

Дальше шла подпись в виде инициала, однако буква была настолько неразборчивой, что это в равной степени могла оказаться «Г», «Т», «Р» или даже «Ф».

Джоанна с шумом выдохнула. От этих слов веяло особой силой. Но кто их написал? И кому? Она не видела здесь никаких зацепок. Ясно было только одно – речь шла о тайной любовной связи.

Во втором конверте оказалась старая программка.

«Хэкни Эмпайр» с гордостью представляет
ВЕЛИКУЮ ЭПОХУ МЮЗИК-ХОЛЛА

И дата – 4 октября 1923 года.

Джоанна открыла программку и просмотрела список выступлений в поисках знакомых имен. Возможно, удастся отыскать здесь сэра Джеймса Харрисона, поскольку именно на его поминальной службе она встретила старушку. Или, может, в ту пору эта женщина сама была одной из молодых актрис? Джоанна рассмотрела выцветшие черно-белые фотографии исполнителей, но ни одно из имен или лиц не привлекло внимания.

Она вновь взяла любовное письмо и прочитала еще раз. Судя по всему, его писал некто, в достаточной степени известный в свое время, и этот роман легко мог вызвать скандал.

Старушка не ошиблась – Джоанну как журналиста весьма заинтересовала эта история.

Поднявшись из-за стола, она сделала по несколько ксерокопий обоих писем, потом вместе с программкой и оригиналами аккуратно убрала их в неброский коричневый конверт, сунула его в рюкзак и направилась к лифту.

– Джо! Иди сюда! – окликнул Алек, когда она, стремясь упорхнуть на свободу, уже переступала порог двери.

Немного поколебавшись, Джоанна все же вернулась к его столу.

– Куда ты собралась? Для тебя есть дело – следить за Рыженькой и ее любовником. И не думай, что я не заметил твоего опоздания.

– Прости, Алек, но мне нужно проверить одну историю.

– Да? О чем речь?

– Есть кое-какая наводка. Может получиться хороший материал.

Он окинул ее взглядом, все еще несколько мутным из-за похмелья.

– У тебя уже есть контакты?

– Нет… не совсем. Но чутье подсказывает, что я должна идти.

– Чутье, значит, да? Нутром чувствуешь? – Он похлопал себя по внушительному животу. – Однажды, если повезет, твое нутро сравняется с моим.

– Пожалуйста, Алек. Я ведь пошла на поминальную службу, хотя из-за болезни еле на ногах держалась.

– Ладно, проваливай. Но к двум чтобы была здесь. До тех пор за Рыженькой присмотрит Элис.

– Спасибо.

На улице Джоанна поймала такси и поехала прямиком на Мэрилебон-Хай-стрит. Через сорок минут машина затормозила возле дома, где жила старушка.

«Бегом бы и то быстрее добралась», – мелькнула мысль, пока Джоанна расплачивалась с водителем.

Взяв у него квитанцию для подтверждения расходов, она выскочила из такси и подошла к входной двери. На ней висело два звонка, однако никаких отметок или имен. Джоанна нажала на кнопку нижнего и принялась ждать ответа. Но за дверью по-прежнему царила тишина. Она позвонила еще раз.

И снова ничего.

Джоанна решила попытать удачи с верхним. Та же история.

И еще раз, просто на всякий случай…

Наконец ей повезло. Входная дверь чуть приоткрылась.

– Кто? – спросила женщина, не очень старая, судя по голосу.

– Я пришла к пожилой даме, живущей на первом этаже.

– Боюсь, ее здесь больше нет.

– В самом деле? Она что, переехала?

– Ну, можно и так сказать.

– Вот как. – Джоанна поникла. – А вы знаете, где она? Сегодня утром я получила от нее письмо с просьбой приехать.

Дверь приоткрылась чуть шире, теперь в проеме были видны теплые карие глаза.

– А вы кто? – Женщина окинула взглядом темно-синее шерстяное пальто и джинсы Джоанны.

– Я… ее внучатая племянница, – быстро придумала Джоанна. – Несколько месяцев жила в Австралии.

В выражении глаз что-то изменилось, сейчас в них читалось некое подобие сочувствия.

– Что ж, тогда вам лучше войти.

Джоанна шагнула в темный коридор и вслед за женщиной прошла через дверь, ведущую направо. Она оказалась в квартире с такой же планировкой, как у старушки. Только это жилище намного больше напоминало дом.

– Прошу. – Женщина провела ее в жарко натопленную, загроможденную гостиную и указала на розовый дралоновый[6] диван. – Устраивайтесь поудобнее.

– Спасибо.

Пока женщина садилась в кресло возле газового камина, Джоанна изучала приятное, открытое лицо хозяйки дома. Судя по всему, ей было немного за шестьдесят.

– Я Джоанна Хаслам, – представилась с улыбкой Джо. – А вас как зовут?

– Мюриэль. Мюриэль Бейтман. – Она пристально посмотрела на Джоанну. – Вы совсем не похожи на свою бабушку.

– Ну да… потому что она… мне не родная по крови. Жена моего двоюродного деда. Э-э… вы не знаете, где… бабуля?

– Боюсь, что знаю, дорогая. – Мюриэль подалась вперед и похлопала ее по руке. – Это ведь именно я ее нашла.

– Нашли ее?

Мюриэль кивнула:

– Она умерла, Джоанна. Примите мои соболезнования.

– О нет! – потрясенно выдохнула Джоанна. Ей даже не пришлось притворяться. – Когда?

– Неделю назад, в прошлую среду.

– Н-но… я ведь сегодня утром получила от нее письмо! Как она могла его отправить, если умерла? – Джоанна порылась в рюкзаке, достала конверт и посмотрела на почтовый штемпель на письме старушки. – Его отправили в этот понедельник. Судя по вашим словам, через пять дней после ее смерти.

– О боже. – Мюриэль залилась краской. – Боюсь, это я виновата. Роза попросила меня отправить это письмо еще в прошлый вторник, вечером. Ну а на следующий день я ее нашла. Из-за потрясения, полиции и всего прочего я совсем о нем позабыла и отнесла на почту лишь пару дней назад. Простите, дорогая. Налить вам чаю? Представляю, в каком вы шоке после этой новости.

Вскоре Мюриэль вернулась с подносом, на котором стоял заварочный чайник в оранжевом чехле, чашки, молоко, сахар и тарелочка с шоколадным печеньем. Она налила темную жидкость в две чашки.

– Спасибо. – Джоанна сделала глоток чая. – Где вы ее нашли? В постели?

– Нет. – Мюриэль откинулась на спинку кресла. – У подножия лестницы в ее прихожей. Вся смятая, как маленькая выброшенная

кукла… – Мюриэль вздрогнула. – Я никогда не забуду ужас в ее глазах, как у несчастной овечки… Простите, дорогая. Из-за этого последние несколько дней я не могу уснуть.

– Еще бы. Бедная, бедная бабушка. Думаете, она упала с лестницы?

– Возможно, – пожала плечами Мюриэль.

– Расскажите, если вам не сложно, какой была бабушка в последнее время. Боюсь, из-за отъезда я немного утратила с ней связь.

– Ну… – Мюриэль взяла печенье и откусила кусочек. – Наверняка вы знаете, что ваша бабушка прожила здесь всего несколько недель. Квартира по соседству пустовала целую вечность, но в конце ноября в ней вдруг поселилась хрупкая маленькая старушка. А через несколько дней привезли все эти деревянные ящики. Только она так и не удосужилась их распаковать. Сдается мне, ваша бабушка задолго до смерти знала, что обречена… Мне очень жаль, дорогая.

Джоанна прикусила губу. Она искренне скорбела из-за смерти старушки. Мюриэль тем временем продолжила рассказ:

– Я не тревожила ее несколько дней. Решила дать немного освоиться, а потом уж представиться и сообщить, что у нее есть соседка. Но она, похоже, никогда не выходила из дома, поэтому однажды я сама постучала к ней в дверь. Понимаете, я просто беспокоилась. Она ведь была такая хрупкая, но ее никто не навещал в этом ужасном старом сыром доме. Так вот, я постучала, но не получила ответа. Но где-то в середине декабря из коридора донесся крик. Тихий и слабый, словно пищал котенок. Я нашла ее лежащей на полу коридора, в верхней одежде. Она споткнулась о порог квартиры и не смогла подняться. Само собой, я помогла ей, привела сюда, усадила на диван и налила чашку крепкого чая, как и вам сегодня.

– Если бы я только знала, насколько она была хрупкой, – вздохнула Джоанна, чувствуя себя неловко из-за этой лжи. – В письмах бабушка всегда казалась такой жизнерадостной.

– Мы все корим себя после смерти близких, если вас это хоть немного утешит, дорогая. Мы с моим Стэнли однажды страшно поссорились, а на следующий день он упал замертво от сердечного приступа. Ну да ладно. Ваша бабушка говорила, что очень много лет провела в другой стране и лишь недавно вернулась, а на мой вопрос о родственниках в Англии она покачала головой и пояснила, что

большинство из них все еще живет за границей. Должно быть, дорогая, она вас и имела в виду. И я предложила ей помочь, сходить в магазин за покупками или в аптеку, пусть только скажет. Помню, она очень вежливо поблагодарила меня за предложение и попросила купить ей несколько банок супа. Она как раз собиралась за ними в магазин, когда упала. – Мюриэль покачала головой. – Я хотела вызвать врача, чтобы осмотрел ее после падения, но она отказалась. Бедная старушка едва держалась на ногах, и мне пришлось помочь ей добраться до квартиры. А когда я увидела жалкую, убогую комнату, в которой она жила… с грудами деревянных ящиков и ужасной вонью… Признаюсь, меня это потрясло.

– Бабушка всегда была своеобразной, – неуверенно вставила Джоанна.

– Да уж. И, простите за прямоту, кажется, бедная старушка не слишком следила за гигиеной. Конечно, я предложила позвонить в социальную службу, узнать, не смогут ли они привозить ей горячую еду или прислать районную медсестру, чтобы ее искупать, но бедняжка так расстроилась, что я испугалась, как бы она не умерла прямо на месте. Пришлось оставить все как есть. Однако я все же попросила у нее ключ от двери в ее квартиру: вдруг она снова упадет, а дверь будет заперта, и я не смогу ей помочь. Пообещала, что просто стану заглядывать к ней время от времени и проверять, как у нее дела. В конце концов она согласилась, только все твердила, что я должна беречь этот ключ и никому не говорить, что он у меня есть. – Мюриэль вздохнула и покачала головой. – Она была такой чудно́й. Еще чаю?

– Да, пожалуйста. Бабуля всегда ценила свою независимость. – Сдавшись, Джоанна потянулась за шоколадным печеньем.

– И вот к чему это ее привело, – фыркнула Мюриэль, снова наполняя чашку Джоанны. – Что ж, с тех пор я заглядывала проведать ее каждый день. Обычно она лежала в постели, обложившись подушками, и писала письма, которые я потом относила на почту. Иногда дремала. У меня вошло в привычку приносить ей чашку чая или миску с супом и кусочек тоста, но, признаюсь, я там не задерживалась. Меня тошнило от запаха. Наступило Рождество, и я уехала в Саутенд навестить дочь, но через пару дней вернулась. И нашла открытку на столе в коридоре. Я взяла ее с собой и дома открыла.

– Она была от бабушки? – Джоанна подалась вперед.

– Да. Очень красивая рождественская открытка, довольно дорогая, из тех, что покупают поштучно, а не в упаковке. Внутри она написала чернилами, в немного старомодном стиле: «Мюриэль, благодарю за вашу дружбу. Я всегда буду ею дорожить. Роза». – Женщина утерла слезу. – Из-за той открытки я даже расплакалась. Ваша бабушка, похоже, была настоящая леди, к тому же с отличным образованием. И видеть, до чего она докатилась… – Мюриэль покачала головой. – И я пошла к ней. Поблагодарила за открытку и уговорила зайти ко мне, погреться у камина и выпить чаю с пирогом.

– Спасибо за вашу доброту к ней.

– Да было бы за что. Мне это ничего не стоило. Честно говоря, мы мило поболтали. Я снова спросила ее о семье, поинтересовалась, были ли у нее дети. Она смертельно побледнела, покачала головой и сменила тему, а я не стала давить. За Рождество она заметно сдала, от нее остались только кожа да кости. И жуткий кашель усилился. Потом, сразу после праздника, заболела моя сестра в Эппинге и попросила приехать на недельку, чтобы поухаживать за ней. Само собой, я поехала и вернулась всего за пару дней до смерти бед– няжки.

– И тогда она попросила вас отправить письмо?

– Да. Я зашла ее проведать вечером после возвращения. Она была в ужасном состоянии, дрожала и дергалась, как кошка на раскаленной жестяной крыше. А ее глаза… она так смотрела… не знаю. – Мюриэль поежилась. – Как бы там ни было, она отдала мне письмо и умоляла срочно отправить. Конечно, я пообещала. Затем она схватила меня за руку и сжала ее очень крепко, а потом протянула мне маленькую коробочку и попросила ее открыть. Внутри лежал красивый золотой медальон. Не в моем стиле, слишком изысканный, на мой взгляд, но явно изготовленный мастерски, из чистого золота. Само собой, я сразу же сказала, что не могу принять такой дорогой подарок. Но она настаивала, чтобы я взяла медальон, и очень расстроилась, когда я попыталась его вернуть. На меня это сильно подействовало, и, придя домой, я решила, что на следующий день вызову к ней врача, что бы она ни говорила. Но оказалось уже слишком поздно.

– Ох, Мюриэль, если бы я только знала…

– Не вините себя. Это мне следовало немедленно отправить письмо, как она и просила. Но, если это вас хоть как-то утешит,

бедняжка все равно скончалась раньше, чем вы бы его получили. Я нашла ее на следующий день в десять утра у подножия лестницы. Хотите бренди? Честно говоря, я бы немного выпила.

– Нет, спасибо, но вы пейте на здоровье.

Пока Мюриэль ходила на кухню за бренди, Джоанна размышляла над тем, что ей удалось узнать на данный момент.

– Интересно, что бабушка делала у подножия лестницы? – заметила она, когда Мюриэль вернулась в гостиную. – Такая хрупкая старушка вряд ли смогла бы подняться по ступенькам в одиночку.

– Так я и сказала фельдшеру скорой помощи, – проговорила Мюриэль. – Он пришел к выводу, что несчастная сломала шею, а большие синяки на голове, руках и ногах подсказали, что она слетела вниз по ступенькам. Ну, я ему объяснила, что Роза ни за что не смогла бы подняться по лестнице одна. К тому же, – Мюриэль пожала плечами, – зачем ей идти наверх? Там было пусто. – Она слегка покраснела. – Я как-то раз поднималась туда, просто ради любопытства.

– В самом деле, очень странно, – нахмурилась Джоанна.

– Вот-вот! Естественно, пришлось вызвать полицию. Они ввалились ко мне всей толпой и начали задавать кучу вопросов. Ну, кто она, сколько здесь жила и все такое. Я так сильно расстроилась, что, когда увезли ее тело, собрала чемодан и уехала на несколько дней к дочери… – Мюриэль отпила немного бренди. – Я всего лишь пыталась помочь по мере сил.

– Конечно. Вы знаете, куда ее отвезли?

– В морг, наверное. Будут ждать, пока бедняжку кто-нибудь не заберет.

Женщины сидели молча, глядя на огонь. Видя, как расстроилась Мюриэль, Джоанна подавила желание расспросить ее подробнее.

– Наверное, мне лучше пойти и взглянуть на квартиру, – в конце концов проговорила она. – Нужно решить, что делать с вещами бабушки.

– Их там нет, – неожиданно сказала Мюриэль.

– Что? И где они?

– Понятия не имею. Я уже говорила, что после случившегося несколько дней жила у дочери. Вернувшись, я вошла в ее квартиру…

ну, чтобы изгнать воспоминания и все такое, но вещей в комнате уже не было. Там сейчас пусто, ничего не осталось.

– Но… кто мог забрать все ящики?

– Возможно, о ее кончине сообщили членам семьи и они приехали, чтобы убрать все из квартиры. Мог это сделать кто-то из ваших родных?

– Э-э… нет. Как Роза и сказала, все они за границей. В Англии только я… – Голос Джоанны затих. – Почему все исчезло?

– Откуда же мне знать, – вздохнула Мюриэль. – Если хотите, можете взглянуть сами. Ключ все еще у меня. Пахнет там уже не так плохо. Тот, кто забирал вещи, тщательно все обработал дезинфицирующим средством.

Вслед за Мюриэль Джоанна вышла из квартиры.

– Я буду рада, если здесь поселятся другие жильцы, – заметила Мюриэль, отпирая дверь в другой стене коридора. – Может, даже молодая семья, чтобы вдохнуть немного жизни в это место. Вы не против, если я не пойду с вами? Эта квартира до сих пор меня пугает.

– Конечно нет. Я и так отняла у вас много времени. Можно попросить ваш номер телефона, просто на всякий случай? Вдруг мне понадобятся какие-нибудь подроб– ности.

– Я вам его напишу. Отдам, когда занесете ключ.

Войдя в квартиру Розы, Джоанна закрыла за собой дверь и включила свет. Она застыла в крошечной прихожей, глядя на лестницу справа от себя – крутую, с неровными ступенями, – и все яснее понимала: женщина, которой она помогла две недели назад вернуться домой из церкви, была способна взобраться на нее не больше, чем новорожденный младенец. Под громкий скрип ступеней Джоанна медленно начала подниматься. Наверху лестницы оказалась небольшая площадка, от которой в обе стороны отходили пустые отсыревшие комнаты. В них не нашлось ничего, кроме стен и голых половиц. Даже окна, выходящие на заросший сорняками двор позади дома, кто-то недавно помыл. Закончив осматривать комнаты, Джоанна остановилась на лестничной площадке, почти на самом краю верхней ступеньки. До подножия лестницы было около пятнадцати футов, но отсюда казалось, что намного больше…

Она спустилась по ступенькам и вошла в гостиную, где Роза провела свои последние дни в окружении деревянных ящиков. Как и

сказала Мюриэль, вся обстановка исчезла. Джоанна принюхалась. В комнате все еще чувствовался слабый неприятный запах. Опустившись на четвереньки, она внимательно осмотрела половицы в надежде, что здесь могло что-нибудь заваляться. Но ничего не нашла.

Джоанна осмотрела ванную и кухню, потом вновь вернулась в прихожую к подножию лестницы, где Мюриэль нашла бедняжку Розу. В голове всплыли строчки из письма.

«…у меня осталось совсем мало времени… предупреждаю, это опасно… если вы не застанете меня…»

По спине вдруг пробежал холодок. Да ведь Розу почти наверняка убили!

Но почему? Вот главный вопрос.

* * *

Заметив, как из двери дома на Мэрилебон-Хай-стрит вышла Джоанна, водитель машины, припаркованной на другой стороне улицы, завел мотор. По всей дороге сплошным потоком двигались автомобили, и мужчина видел, как она несколько мгновений неуверенно постояла на тротуаре, а затем повернула налево и зашагала прочь.

6

После обеда зарядил проливной дождь, и Джоанне вместе с другими журналистами и фотографами пришлось долго торчать возле дома в Челси, где жила огненноволосая супермодель, которая, по имеющимся данным, была влюблена в другую женщину той же профессии. В конце концов Рыженькая, как окрестили ее коллеги Джоанны, выбежала из парадной двери и сквозь толпу журналистов стала пробираться к ожидавшему ее такси. Вокруг замелькали вспышки камер.

– Ну что, я за ней, – сообщил Джоанне Стив, ее фотограф. – Позвоню, когда узнаю, куда она собралась. Боюсь, в аэропорт, так что раньше времени не радуйся.

– Ладно.

По примеру Стива прочие фотографы тоже вскочили на свои мотоциклы, а журналисты растворились в темноте дождливого вечера. Джоанна, застонав от разочарования, зашагала к станции метро «Слоун-сквер». Магазины вдоль всей Кингз-роуд пестрели объявлениями о распродаже по случаю конца сезона, от которых веяло такой же усталостью, скопившейся за рождественские праздники, как и от нее самой. В метро она безучастно уставилась на висящие над головой рекламные щиты.

Топтаться у порога какой-нибудь знаменитости всегда было неблагодарным занятием. Порою журналисты часами, а то и днями слонялись вокруг, прекрасно зная, что в результате вполне могли услышать лишь: «Без комментариев». Джоанна ненавидела подобные задания. Они шли вразрез с элементарной человеческой порядочностью. Если Рыженькая решила завести бурный роман с представительницей своего пола, то кому какое дело? Это касалось только ее самой. Но, как постоянно напоминал Алек, в отделе новостей национальной газеты не было места морали. Ненасытная публика вечно жаждала непристойных подробностей, касающихся чьей-нибудь сексуальной жизни. И завтрашняя газета с фотографией Рыженькой на первой полосе разошлась бы дополнительным тиражом в десять тысяч экземпляров.

Джоанна вышла из поезда метро на станции «Финсбери-парк» и, поднявшись по эскалатору, проверила мобильный. Стив прислал короткое голосовое сообщение.

«Я был прав. Через час она улетает в Штаты. Спокойной ночи».

Джоанна сунула телефон в карман и зашагала к автобусной остановке.

После встречи с Мюриэль пришлось с головой окунуться в работу, и времени обдумать все, что она узнала, пока не было. Решив немного пораскинуть мозгами в квартире Саймона, Джоанна по дороге записала детали разговора в блокнот, надеясь, что ничего не забыла.

В конце концов автобус остановился неподалеку от многоквартирного дома, где жил Саймон. Джоанна сошла на тротуар и быстро зашагала по улице. Она настолько погрузилась в свои мысли, что не заметила мужчину, растворившегося в тени позади нее.

Квартира Саймона располагалась на верхнем этаже большой перестроенной виллы на вершине Хайгейт-хилл, откуда открывался великолепный вид на зеленые зоны и крыши Северного Лондона. Он купил ее два года назад, утверждая, что все, чего ему не хватало внутри, с лихвой компенсировалось ощущением простора снаружи. И Джо, и Саймону жизнь в Лондоне давалась очень непросто. Сердца обоих все еще тянулись к Йоркширу. Они тосковали по спокойствию, безмятежности и безлюдным пространствам вересковых пустошей, на которых выросли. Вероятно, именно поэтому оба поселились в зеленом пригороде Лондона, всего в десяти минутах езды на автобусе друг от друга. Джоанна с завистью смотрела на вид, открывающийся из окон друга, но была вполне довольна и собственной необычной квартиркой у подножия холма, в более дешевом Крауч-Энде. И пусть ее сварливый домовладелец не утруждался такой роскошью, как приличная ванная и двойные стеклопакеты, зато ей повезло с тихими добрыми соседями, а это в Лондоне дорогого стоило.

Джоанна надавила на звонок и, когда Саймон открыл ей дверь в подъезд, устало поплелась наверх. Поднялась на семьдесят шесть ступеней и со сбившимся дыханием ступила на площадку, где находилась квартира друга. Он уже открыл ей дверь, и в воздухе плыли аппетитные запахи готовящейся пищи. Из проигрывателя компакт-дисков доносились звуки песни Фэтса Уоллера.

– Привет.

– Заходи, Джо, – позвал Саймон из маленькой кухни, обустроенной в углу помещения.

Джоанна со стуком поставила бутылку вина на барную стойку, что отделяла кухню от гостиной. Саймон, слегка раскрасневшийся от пара, отложил деревянную ложку, которой что-то помешивал в кастрюле, и подошел, чтобы обнять подругу.

– Как дела?

– Э-э… хорошо. Просто отлично.

Он взял ее за плечи и окинул взглядом.

– Все еще страдаешь по этому идиоту?

– Да, немного. Но мне уже гораздо лучше. Правда.

– Хорошо. Он больше не давал о себе знать?

– Ни единым словом. Я сложила все его вещи в четыре мусорных мешка и поставила в прихожей. Если он не заберет их в течение месяца, отправлю все на свалку. Кстати, я принесла вино.

– Ты молодец и спасибо, что подумала о выпивке, – кивнул Саймон, доставая из шкафчика над головой два бокала, потом протянул ей штопор.

Джоанна открыла бутылку и налила обоим по приличной порции вина.

– Твое здоровье. – Джоанна подняла бокал и сделала глоток. – Как ты?

– Хорошо. Садись, сейчас принесу суп.

Она устроилась за столом возле окна и взглянула на впечатляющие силуэты зданий лондонского Сити в южной стороне, на их подсвеченные красным крыши.

– Я бы многое отдал, чтобы снова увидеть звезды без всяких посторонних огней, – признался Саймон, ставя перед ней тарелку с супом.

– Знаю. Хочу съездить домой в Йоркшир на Пасху. Присоединяйся.

– Может быть. Посмотрим, что с работой.

– Боже, вкуснота, – похвалила Джоанна, с аппетитом поедая густой суп из черной фасоли. – Забудь о государственной службе и лучше открывай ресторан.

– Ни в коем случае. Готовка для меня – просто хобби, которое доставляет удовольствие и позволяет прийти в себя после долгого дня

в дурдоме. Кстати, как твоя работа?

– Прекрасно.

– И никаких недавних скандалов? Может, знаменитая звезда мыльных опер сменила духи?

– Нет, – добродушно пожала плечами Джоанна, зная о пылкой неприязни Саймона к желтой прессе. – Но я хотела бы с тобой кое-что обсудить.

– Серьезно?

Он отнес пустые тарелки из-под супа в раковину и достал из духовки восхитительные на вид запеченные бараньи ребрышки с овощами.

– Ага. Мне удалось наткнуться на некую тайну. Возможно, что-то стоящее. Или пустышка.

Саймон положил ребрышки на две тарелки и принес их на стол вместе с ароматным соусом.

– Вуаля, мадемуазель, – проговорил он, опускаясь на стул.

Джоанна щедро полила баранину соусом, потом подцепила кусочек вилкой и отправила в рот.

– М-м-м! Восхитительно!

– Спасибо. Ну, что за история?

– Давай сперва насладимся едой. В этом деле все настолько странно и запутанно, что я даже не знаю, с чего начать. Мне нужно как следует сосредоточиться.

– Звучит интригующе, – поднял бровь Саймон.

После ужина, пока друг готовил кофе, Джоанна вымыла посуду, а затем устроилась в кресле, поджав под себя ноги.

– Ну что ж, вперед. Я весь внимание. – Саймон протянул ей кружку и устроился рядом.

– Помнишь тот день, когда я страдала из-за расставания с Мэтью, а ты пришел меня утешить? Я еще рассказала тебе, что посетила поминальную службу сэра Джеймса Харрисона, где сидела рядом со старушкой. Она чуть не свалилась в обморок, и мне пришлось везти ее домой.

– И эта старушка жила в комнате с кучей деревянных ящиков.

– Точно. Ну так вот, сегодня утром я нашла от нее письмо на рабочем столе…

И Джоанна как можно точнее рассказала ему о событиях сегодняшнего дня. Саймон слушал внимательно, время от времени отхлебывая кофе.

– С какой стороны ни посмотри на ее смерть, вырисовывается одно, – закончила она.

– И что же?

– Убийство.

– Весьма драматичное предположение, Джо.

– Сомневаюсь. Я стояла на верхней площадке лестницы, с которой она упала. Роза ни за что на свете не сумела бы туда подняться. Да и зачем? На верхнем этаже было совершенно пусто.

– В подобных ситуациях стоит рассмотреть все возможные варианты. К примеру, вдруг у этой старушки больше не осталось сил влачить столь жалкое существование? Тогда логично предположить, что она каким-то образом заползла вверх по ступенькам, а потом покончила с собой.

– Но зачем она послала мне письмо? И театральную программку?

– Они у тебя с собой?

– Да. – Джоанна порылась в рюкзаке и вытащила конверт, достала оттуда письмо Розы и протянула Саймону.

Он быстро пробежал его глазами.

– А другое?

– Вот. – Джоанна отдала ему конверт с любовным письмом. – Осторожнее, бумага очень хрупкая.

– Конечно. – Саймон достал листок и прочитал. – Ну надо же, – пробормотал он. – Потрясающе. Совершенно восхитительно. – Он поднес письмо ближе к глазам и внимательно рассмотрел. – Ты это заметила?

– Что именно?

Саймон протянул ей письмо.

– Видишь эти крошечные дырочки по краю? – спросил он, указав на свою находку.

Джоанна присмотрелась. Да, без сомнения, он был прав.

– Как странно. Похоже на следы от канцелярских кнопок.

– Вот-вот. Дай-ка программку, Джо.

Он молча изучил ее, потом положил на кофейный столик.

– Итак, Шерлок, каковы твои выводы? – поинтересовалась Джоанна.

Саймон потер нос, как и всегда в минуты задумчивости.

– Ну… есть вероятность, что старушенция просто спятила. Может, это письмо адресовано какому-нибудь ее поклоннику и не имеет никакой важности. Ну разве что для нее. Возможно, ее возлюбленный выступал в мюзик-холле или что-то в этом роде.

– Но к чему отправлять его мне? – с сомнением спросила Джоанна. – Зачем упоминать об опасности? Письмо Розы составлено довольно разумно. Не похоже, что его писала сумасшедшая.

– Я всего лишь пытаюсь рассмотреть все варианты.

– А если ни один из них не похож на правду?

Саймон с улыбкой подался вперед:

– Тогда, мой милый Ватсон, есть вероятность, что у нас в руках настоящая тайна.

– Я уверена, что Роза не была сумасшедшей, Саймон. И что она кого-то или чего-то боялась. Но куда мне двигаться дальше? – Джоанна вздохнула. – Может, показать все это Алеку? Посмотрим, что он скажет.

– Нет, – твердо возразил Саймон. – У тебя еще слишком мало информации. Думаю, сперва нужно выяснить как можно больше об этой Розе.

– Каким же образом?

– Ну для начала можно сходить в местный полицейский участок и рассказать ту же историю, что ты скормила Мюриэль, – о внучатой племяннице, только что вернувшейся из страны коал. Тебе наверняка дадут адрес морга – конечно, если родственники ее уже не похоронили.

– Она сказала Мюриэль, что все ее родные живут за границей.

– Но кто-то же унес эти ящики. В полиции вполне могли выйти на след ее семьи, – заметил Саймон.

– Пусть так. Все равно странно, что квартиру полностью очистили за сорок восемь часов. К тому же как я пойду в полицию спрашивать о двоюродной бабушке, если даже не знаю ее фамилии?

– Легко. Скажи, что она много лет назад потеряла связь с семьей и, возможно, за это время успела снова выйти замуж, так что ты точно не знаешь, под какой фамилией ее искать.

– Хорошая мысль. Ладно, схожу туда в ближайшее время.

– Хочешь бренди?

Джоанна взглянула на часы.

– Нет. Пожалуй, я лучше пойду домой.

– Подвезти до подножия холма?

– Я сама отлично доберусь, спасибо. Дождя нет, а после столь плотного ужина не помешает прогулка. – Джоанна убрала письмо и программку обратно в конверт и сунула его в рюкзак, потом встала и направилась к двери. – Поздравляю с очередным кулинарным триумфом, Саймон. И спасибо за совет.

– Всегда пожалуйста. И будь осторожнее, Джо. Неизвестно, на что ты могла случайно наткнуться.

– Вряд ли эта старушка хранила в деревянных ящиках прототип ядерной бомбы, способной развязать Третью мировую войну, но я буду беречь себя, – рассмеялась она и поцеловала Саймона в щеку. – Спокойной ночи.

От быстрой прогулки вниз по холму до Крауч-Энда Джоанне немного полегчало. Двадцать минут спустя она уже входила в квартиру. Заперев за собой дверь, Джо щелкнула выключателем на стене, прошла в гостиную и… вскрикнула от ужаса.

Комната в буквальном смысле была перевернута вверх дном. Высокий книжный шкаф завалился вперед, и пол усеивали сотни книг. Всю обивку лимонно-зеленого дивана жестоко искромсали ножом, диванные подушки валялись, разорванные на куски. Из опрокинутых горшков с растениями просыпалась земля, в камине громоздились осколки тарелок из веджвудского фарфора.

Подавив рыдания, Джоанна бросилась в спальню. Там ее встретила та же картина. Разорванный матрас лежал на полу, тахта под ним тоже сильно пострадала. Повсюду валялась одежда, выброшенная из шкафов и ящиков комода. На дне ванны перемешались вскрытые таблетки, пузырьки с микстурами, тюбики и коробочки с косметикой, являя собой застывшую многоцветную картину, способную удовлетворить любого современного художника. Пол кухни покрывали осколки битой посуды, залитые молоком и апельсиновым соком.

Уже не сдерживая громких гортанных рыданий, Джоанна побежала обратно в гостиную и схватила телефон. Однако провод оказался с корнями выдран из стены. Ее заколотила дрожь. Она

окинула взглядом разгромленную гостиную, ища свой рюкзак, потом обнаружила его в прихожей возле двери. Порывшись внутри, достала мобильный телефон и трясущимися пальцами попыталась набрать знакомый номер. Лишь с четвертой попытки ей удалось наконец дозвониться до Саймона.

Когда спустя десять минут он влетел к ней в квартиру, дрожащая Джоанна стояла в прихожей и безудержно рыдала.

– Джо, какой ужас. – Он притянул ее к себе, но истерику подруги было не так просто успокоить.

– Зайди туда! – прокричала она. – Посмотри, что сотворили эти ублюдки! Они все сломали! Абсолютно все! Ничего не осталось!

Саймон вошел в гостиную и окинул взглядом учиненный погром, затем двинулся в спальню, ванную и кухню.

– Господи, – тихо пробормотал он, перешагивая через обломки. – Ты вызвала полицию, как я велел? – спросил он, вернувшись к Джоанне.

Она кивнула и уселась на кучу одежды Мэтью, вывалившейся из разрезанного черного мусорного мешка в углу прихожей.

– Ты не заметила, они что-нибудь взяли? Телевизор, к примеру? – мягко спросил он.

– Не обратила внимания.

– Пойду проверю.

Саймон вернулся через несколько минут и доложил, что воры унесли телевизор, видеомагнитофон, компьютер с принтером… в общем, кучу всего. Джоанна в отчаянии покачала головой.

Сквозь застекленную панель входной двери они увидели мигающие синие огни полицейской машины. Саймон вышел на дорожку возле дома, чтобы встретить сотрудников.

– Добрый вечер, я Саймон Уорбертон. – Он порылся в кармане и достал удостоверение личности.

– Вы при исполнении, сэр? – спросил полицейский.

– Нет, офицер, я друг жертвы, и она… э-э… не знает о моей должности, – шепотом пояснил он.

– Хорошо, сэр. Я вас понял.

– Прежде чем вы войдете, хочу кое-что пояснить. Это был очень яростный и жестокий налет. Женщины в это время, слава богу, не было дома, но я бы посоветовал вам отнестись к этому делу со всей

серьезностью и сделать все возможное, чтобы отыскать виновного. Ну, или виновных, что вполне вероятно.

– Конечно, сэр. Показывайте, куда идти.

Час спустя благодаря бренди, которое Саймон захватил из дома, Джоанна немного успокоилась и обрисовала ситуацию полиции с той ясностью, на какую был способен ее затуманенный мозг. После Саймон предложил ей провести остаток ночи в его квартире.

– Думаю, уборку лучше отложить до утра, – заметил полицейский.

– Он прав, Джо. Тебе лучше уйти отсюда.

Обняв подругу за плечи, Саймон вывел ее из квартиры, помог преодолеть дорожку и усадил в свою машину. Она тяжело плюхнулась на переднее сиденье. Он сел за руль и завел двигатель, но когда отъезжал от обочины, в свете фар заметил номерной знак автомобиля, припаркованного на другой стороне дороги.

«Очень странно», – подумал Саймон, сворачивая влево, и бросил взгляд на затемненный салон чужой машины. Поднимаясь по холму к своему дому, он убеждал себя, что это просто совпадение.

Однако решил, что проверить все же не помешает.

7

Зои как раз закончила мыть пол, когда зазвонил телефон.

– Черт! – Она пробежала через кухню, оставляя следы на влажном кафеле, и успела схватить трубку за миг до того, как включился автоответчик. – Слушаю, – с надеждой выдохнула Зои.

– Это я.

– О, привет, Маркус.

– Не похоже, что ты рада меня слышать.

– Извини.

– Ну, ты сама просила перезвонить, – заметил он.

– Да. Может, вечером заскочишь ко мне? Немного выпьем.

– Конечно. Ты говорила с папой?

– Да.

– И?

– Позже расскажу, – рассеянно ответила она.

– Ладно. Увидимся часов в семь.

Зои раздраженно бросила трубку и застонала от разочарования. Время стремительно утекало. На следующей неделе начнутся съемки «Тесс», и ей придется уехать в Норфолк. А у него есть только номер стационарного телефона дома на Уэлбек-стрит. Ведь в ту пору, когда завязались их отношения, ни у одного из них еще не было мобильников. Он звонил ей домой и если слышал в трубке голос ее дедушки, то представлялся как Сид. Она уже не помнила почему, однако оба хихикали над этим прозвищем.

От одной только мысли, что ее не будет в Лондоне и она не сможет ответить на его звонок, Зои сходила с ума. Хуже того, ей придется торчать в маленькой норфолкской деревушке, где его появление способно вызвать немалый ажиотаж среди местных жителей, так что он к ней не приедет. А после жизнь вернется в прежнюю колею, и момент будет упущен. Невыносимо даже думать об этом.

– Прошу, позвони, ну пожалуйста, – с мольбой прошептала Зои, глядя на телефон.

И тяжело вздохнула при виде отразившегося в зеркале бледного измученного лица. В трудные моменты жизни у нее был свой способ

справляться с сильным нервным напряжением, и Зои, верная себе, маниакально убиралась в доме, вытирала пыль, драила пол и наводила глянец, чтобы измотать себя и не думать о сложившейся ситуации.

И постепенно все яснее понимала, что совершенно не привыкла к одиночеству. От этого становилось еще тяжелее. Всего два месяца назад рядом всегда был Джеймс. Боже, как же ей не хватало старика. Она также скучала по сыну и радовалась, что, прислушавшись к совету деда, согласилась на роль Тесс, особенно сейчас, когда надежда на столь желанный звонок таяла с каждым проходящим днем.

Маркус появился в половине восьмого вечера.

– Привет, Зо, – поздоровался он, как только сестра открыла ему дверь.

– Ты что, пил? – Она окинула его взглядом.

– Всего пару глотков, честно.

– А судя по виду, пару бутылок. – Зои проводила Маркуса в гостиную. – Кофе, чтобы протрезветь?

– Лучше виски, если есть.

– Как скажешь. – Зои слишком устала, чтобы спорить.

Напитки хранились в уродливом антикварном шкафчике из орехового дерева на тяжелых гнутых ножках, о которые она вечно спотыкалась. Наверняка он стоил целое состояние. Теперь, после смерти Джеймса, надо бы позвонить оценщику и обновить опись домашнего имущества для страховой компании. Возможно, стоит продать что подороже – где-то же нужно брать деньги на ремонт.

Отыскав бутылку с виски, Зои наполнила стакан на четверть и протянула брату.

– Да ладно, сестренка, не скупись, плесни побольше, – заметил он.

– Угощайся. – Зои сунула ему всю бутылку, а себе налила джин с тоником. – Схожу за льдом. Тебе принести?

– Нет, спасибо. – Маркус наполнил стакан, а когда Зои вернулась, поинтересовался: – Уже чувствуешь себя как дома? – Он указал на стену, увешанную разными произведениями искусства.

– Просто перенесла сюда пару картин из спальни, чтобы комната казалась светлее.

– Приятно иметь подобное наследство, – пробормотал он.

– Только не начинай опять, Маркус! Не хотелось бы напоминать, но несколько лет назад папа дал тебе достаточно денег, чтобы снять отличную квартиру в Ноттинг-Хилле. И финансировал твои многочисленные кинопроекты.

– Справедливое замечание, – согласился Маркус. – Так что вы с ним обсуждали?

– Ну… – Зои, пождав ноги, устроилась на диване. – Я вполне понимаю твои чувства по поводу завещания деда, пусть даже ты ведешь себя грубо.

– Надо же, сестренка, какая проницательность.

– Оставь этот высокомерный тон, Маркус. Я всего лишь пытаюсь помочь.

– Скорее это ты ведешь себя высокомерно, милая.

– Господи! С тобой невозможно разговаривать! Ты можешь заткнуться хоть на пять минут, чтобы я объяснила, чем смогу помочь?

– Ладно-ладно, продолжай.

– Полагаю, всегда негласно считалось, что о тебе в финансовом плане заботится папа, а Джеймс поддерживает нас с Джейми. И поскольку я воспитываю сына одна, думаю, дед просто хотел удостовериться, что, как бы ни повернулась жизнь, мы с Джейми ни в чем не будем нуж– даться.

– Возможно, – пробормотал Маркус.

– Так вот. – Зои сделала глоток джина. – Сейчас все деньги Джейми находятся в доверительном управлении, и есть лишь один пункт завещания, из которого я могу законным способом извлечь для тебя немного средств.

– И о чем речь?

– Вряд ли тебе это понравится, – вздохнула Зои, – но ничего лучшего я не могу предложить.

– Ну давай, выкладывай.

– Помнишь, что в конце завещания говорилось о памятном фонде?

– Смутно. К тому времени я уже почти вышел из себя.

– Ну, по сути, речь о сумме, находящейся в доверительном управлении и предназначенной для ежегодной оплаты обучения в театральной школе для двоих талантливых молодых людей – юноши и девушки.

– О, так ты хочешь, чтобы я воспользовался стипендией и вернулся в колледж? – язвительно поинтересовался Маркус.

Зои пропустила его комментарий мимо ушей.

– Мы с папой предлагаем тебе встать во главе фонда. За организацию и управление средствами ты будешь получать хорошую зарплату.

– И всего-то? – Маркус одарил ее хмурым взглядом.

– Да, Маркус! – Зои расстроенно покачала головой. – Я знала, что ты так отреагируешь! Это дело займет у тебя максимум пару месяцев в году, и ты, пока работаешь над своим фильмом, хотя бы будешь получать регулярный доход. Да, сперва тебе придется уделить время рекламе и засветиться в СМИ, чтобы с их помощью подбодрить соискателей подавать заявки. Потом примерно с неделю нужно будет проводить прослушивания в присутствии представителей театральной школы и независимой комиссии, членов которой ты сможешь назначить сам. В случае необходимости я с радостью приду помочь. Как видишь, ничего особенного делать не придется. Ты справишься с закрытыми глазами. – Маркус ничего не ответил, и Зои решила разыграть козырную карту. – Все это поможет не только будущим молодым актерам и британскому театру в целом, но и тебе самому. Ведь никто не мешает тебе использовать общение с прессой и в собственных целях, для поднятия своей репутации и имиджа продюсерской компании. И те, кто прежде сомневался в твоих силах, вполне могут обратить на тебя внимание.

Маркус поднял голову и окинул ее взглядом.

– Сколько? – поинтересовался он.

– Мы с папой подумали о тридцати тысячах в год. Знаю, тебе нужно больше, – поспешно добавила она, – но это неплохой доход за несколько недель работы. Если хочешь, зарплату за первый год мы выплатим тебе авансом. – Зои указала на папку на столе. – Здесь все детали, касающиеся фонда и суммы вложенных в него денег. Возьми ее с собой и просмотри дома. Тебе не обязательно решать сейчас.

Маркус наклонился вперед и потрогал пальцами папку.

– Какое великодушие с твоей стороны, Зои. Премного благодарен за такую щедрость.

По его тону трудно было сказать, говорил он искренне или просто язвил.

– Не стоит благодарности, – осторожно заметила Зои. – Я всего лишь пыталась хоть что-то для тебя сделать. Да, это не сто тысяч, о которых ты мечтал, но рано или поздно ты получишь деньги деда.

Маркус внезапно поднялся, с яростью глядя в спокойное самодовольное лицо сестры.

– Тебе еще не надоело, Зои?

– Что?

– Ты сидишь здесь с высокомерным видом и смотришь на меня сверху вниз, как на несчастного, сбившегося с пути грешника, которого еще можно спасти, проявив немного времени и терпения. Вот только… – Маркус недоверчиво всплеснул руками, – это ведь ты напортачила! Ты залетела в восемнадцать лет! И если речь не о чертовом непорочном зачатии, я бы сказал, ты знаешь о грехе побольше моего.

Зои резко побледнела.

– Да как ты смеешь оскорблять нас с Джейми! – Дрожа от гнева, она вскочила на ноги. – Понимаю, ты злишься и не видишь выхода и почти наверняка впал в депрессию, но я в самом деле приложила все силы, чтобы тебе помочь. И да, мне надоело. Я уже по горло сыта твоей дешевой жалостью к себе. А теперь проваливай!

– Не волнуйся, ухожу. – Он направился к двери. – А свой гребаный памятный фонд можешь запихнуть себе в одно место! Куда не попадает солнце!

Когда за ним захлопнулась входная дверь, Зои рухнула на диван и разрыдалась. Не сдерживая слез, она выплескивала все, что скопилось внутри, и не сразу услышала телефонный звонок. Вскоре включился автоответчик.

– Э-э… привет, Зои. Это я, – раздался знакомый голос. – Я…

Она в буквальном смысле соскочила с дивана и помчалась на кухню.

– Я здесь, Арт, – выдохнула Зои в трубку. Его прежнее прозвище слетело с губ прежде, чем она сумела себя остановить.

– Как ты?

Зои посмотрела на опухшее от слез лицо, отразившееся в стеклянной дверце кухонного шкафчика, и проговорила:

– Все хорошо. В полном порядке.

– Отлично. Э-э… не сочти за грубость, но не пригласишь меня к себе? Выпьем, поболтаем. Мне очень хочется тебя увидеть, Зои. Только ты ведь знаешь мою ситуацию.

– Конечно. Когда ты хочешь прийти?

– Может, в пятницу вечером?

– Отлично.

– Около восьми?

– Подойдет.

– Хорошо. Я с нетерпением жду встречи. Доброй ночи, Зои. Сладких снов.

– Доброй ночи.

Она медленно опустила трубку, не зная, как себя вести. Может, вновь удариться в слезы? Или начать вопить от радости?

Она выбрала последнее и принялась отплясывать ирландскую джигу прямо посреди кухни, мысленно уже строя планы на завтра. Нужно привести себя в порядок – значит, на повестке дня парикмахерская и магазины одежды.

А брат-говнюк может убираться к черту.

8

Вылетев из дома Зои, Маркус завалился в какой-то захудалый ночной клуб на Оксфорд-стрит, где познакомился с девушкой, которая была – как он свято верил в тот момент – точной копией Клаудии Шиффер. Но, проснувшись на следующее утро и взглянув на лицо незнакомки на соседней подушке, осознал, насколько сильно заблуждался. От яркой внешности, созданной с помощью макияжа, не осталось и следа; на фоне белой наволочки отчетливо выделялись темные корни осветленных перекисью волос. Заметив, что он открыл глаза, девица пролепетала что-то с сильным акцентом. Кажется, она решила взять на работе выходной и провести этот день с ним.

С трудом поднявшись, Маркус поплелся в ванную и встал под душ. Самочувствие было премерзким. Пытаясь привести в порядок мысли, он вспомнил, что наговорил сестре прошлым вечером, и застонал. Да, спору нет, отличился по полной. Повел себя как мерзкая, грубая скотина.

Убедив женщину, лежащую в постели, что не стоит ради него прогуливать работу, Маркус выставил ее из квартиры и влил в себя огромное количество черного кофе, который не принес облегчения ноющему желудку. А после решил прогуляться по Холланд-парку.

Стоял ясный, морозный день, но, согласно обещаниям синоптиков, скоро ожидался снегопад. Маркус бодро шагал по дорожкам, обсаженным живыми изгородями, мимо темных прудов, неподвижно застывших под холодными лучами солнца. Он плотнее запахнул куртку, хмуро глядя на всех, кто смотрел в его сторону. И даже белки не осмеливались к нему приближаться.

Маркус не пытался сдерживаться, и стоящий в горле ком вскоре превратился в слезы. Он отнюдь не гордился собой за то, что так ужасно обошелся с сестрой и снова наговорил ей лишнего по пьяни. Зои всего лишь пыталась помочь. Возможно, она права и у него в самом деле депрессия.

Ведь, если задуматься, что такого ужасного в ее предложении? Как и сказала Зои, ничего особенного делать не придется. Маркус понятия не имел, сколько денег в этом памятном фонде, но сумма наверняка внушительная. Он вдруг представил себя в роли щедрого

благодетеля, который не только дает стипендии студентам, но, возможно, помогает театрам преодолеть трудные времена и поддерживает молодых кинематографистов. В деловых кругах его станут считать чутким, проницательным человеком, умеющим тратить деньги. К тому же мама, без сомнений, одобрила бы этот проект.

Да и постоянный доход не помешает. Возможно, так он лучше научится следить за своими финансами и не тратить лишнего, а сто тысяч фунтов стерлингов наследства вложит в кинокомпанию.

Для этого нужно всего лишь пойти на поклон к Зои. И искренне покаяться.

Он дал сестре пару дней, чтобы остыть, а в пятницу вечером решил прийти к ней без предупреждения. Купил букет из роз, что еще оставались в магазине на углу, и позвонил в дверь дома на Уэлбек-стрит.

Зои открыла почти сразу. И нахмурилась, увидев его на пороге.

– Что ты здесь делаешь?

Маркус с удивлением отметил легкий макияж на лице сестры и недавно вымытые светлые волосы, сияющие, словно нимб. Ярко-синее бархатное платье очень шло к ее глазам и почти не скрывало ноги.

– Черт, Зо… Ты кого-то ждешь?

– Да… точнее, нет… Ну, я ухожу через десять минут.

– Ладно, обещаю, что не отниму у тебя много времени. Можно войти?

– Извини, но сейчас не лучший момент. – Она казалась чем-то взволнованной.

– Понимаю. Что ж, тогда скажу все прямо здесь. Тем вечером я повел себя как свинья и искренне об этом сожалею. Я слишком много выпил, хотя меня это вовсе не оправдывает. Последние два дня я провел в серьезных раздумьях и понял, что лишь выплеснул на тебя свой гнев и разочарование на собственные неудачи. Обещаю, больше этого не повторится. Я возьму себя в руки и перестану пить. Так ведь будет правильно?

– Да-да, – рассеянно отозвалась Зои.

– Я осознал, что вел себя неподобающе. Если предложение еще в силе, я с радостью возглавлю памятный фонд. Это отличная возможность проявить себя. Теперь, взглянув на все спокойно, я

понимаю, как великодушно с вашей стороны доверить мне управление деньгами фонда. Вот. – Он сунул цветы ей в руки. – Это тебе.

– Спасибо, – пробормотала она, обводя взглядом улицу.

– Значит, ты меня прощаешь?

– Да-да, конечно.

Маркус ушам своим не верил. Он-то думал, что весь вечер придется буквально ползать на коленях, вымаливая прощение, пока с лихвой не расплатится за свои поступки.

– Спасибо, Зои. Клянусь, я тебя не подведу.

– Прекрасно. – Сестра украдкой взглянула на часы. – Слушай, может, обсудим все в другой раз?

– Конечно. Только не сомневайся – я в самом деле намерен измениться. Давай я зайду на следующей неделе.

– Отлично.

– Тогда договорились. Кстати, у тебя, случайно, нет под рукой этой папки? Я мог бы взять ее домой и хорошенько изучить в выходные, обдумать кое-какие идеи…

– Да-да. – Зои влетела внутрь, схватила со стола папку Джеймса и бегом вернулась к входной двери. – Держи.

– Спасибо, Зо, я этого не забуду. Завтра позвоню тебе, чтобы договориться о встрече.

– Конечно. Спокойной ночи. – И она поспешно захлопнула дверь у него перед носом.

Удивившись, насколько легко удалось помириться с сестрой, Маркус даже присвистнул от облегчения и зашагал по улице, что-то напевая себе под нос. На город, кружась, опускались первые снежинки.

* * *

– Добрый вечер, Уорбертон. Прошу, присаживайтесь. – Начальник Саймона указал на стул перед своим столом.

Стройный, элегантный Лоуренс Дженкинс носил безупречные костюмы, сшитые на заказ в ателье на Сэвил-роу, и на каждый день недели надевал узорчатый галстук-бабочку своего цвета. Сегодня он щеголял в ярко-красном. От него так и веяло властностью, ясно

дававшей понять, что он работает здесь далеко не первый год и лучше ему не перечить.

На столе перед ним слегка дымилась кружка с привычным черным кофе.

– Что ж, перейдем к делу. Кажется, вы можете помочь нам с небольшой проблемой.

– Как всегда, приложу все силы, сэр, – ответил Саймон.

– Вот и молодец. Слышал, у вашей девушки возникли кое-какие неприятности. Кажется, обчистили ее квартиру.

– Она не моя девушка, сэр. Просто очень близкая подруга.

– А, так вы не…

– Нет.

– Отлично. Это немного облегчает дело.

– Что вы имеете в виду? – нахмурился Саймон.

– Есть вероятность, что ваша подруга заполучила… как бы это сказать? Весьма деликатную информацию, которая, окажись она не в тех руках, могла бы создать нам неприятности. – Дженкинс оценивающе окинул Саймона ястребиным взглядом. – Вы представляете, о чем идет речь?

– Я… нет, сэр. Не имею понятия. Вы можете пояснить?

– Мы почти не сомневаемся, что человек, представляющий для нас интерес, отправил письмо вашей подруге. И нашему отделу приказано раздобыть это письмо как можно скорее.

– Понимаю.

– Она, вероятнее всего, даже не осознает его значимости.

– И в чем его важность, если позволите спросить?

– Боюсь, это секретная информация, Уорбертон. Но будьте уверены – если письмо у нее, жизненно необходимо вернуть его немедленно.

– Кому, сэр?

– Нам, Уорбертон.

– И я должен расспросить ее о письме?

– Лучше действовать не так очевидно. Она ведь сейчас живет у вас?

– Да. – Саймон удивленно взглянул на начальника.

– Ее квартиру пару дней назад мы уже проверили. Письма там не оказалось.

– Скорее разнесли на части, – сердито вставил Саймон.

– У нас не было выбора. Конечно, мы позаботимся о том, чтобы страховая компания выплатила ей щедрую компенсацию. Однако вернемся к письму. Раз мы не нашли его в квартире, полагаю, ваша подруга могла носить его с собой и теперь, возможно, хранит у вас в доме… ну, если оно у нее. Не хотелось бы вновь создавать ей неприятности, и я решил поручить вам его вернуть. Повезло, что вы с ней… дружите. Полагаю, она вам доверяет?

– Да, сэр. На этом основано большинство дружеских отношений, – саркастически заметил Саймон, не сумев сдержаться.

– Тогда я поручаю вам разобраться с этим делом. К сожалению, если вы не справитесь, придется задействовать других сотрудников. И посоветуйте ей, Уорбертон, навсегда забыть об этом письме и воздержаться от дальнейшего расследования. Это в ее же интересах. Что ж, у меня все.

– Благодарю, сэр.

Из кабинета начальника Саймон вышел, кипя от злости. По сути, его загнали в тупик, поставили в безвыходное положение. Прошагав по лабиринту коридоров, он вернулся в свой отдел и сел на рабочее место.

– Ты от Дженкинса? – полюбопытствовал Иэн, один из коллег, примостившись на краешке его стола.

– Откуда знаешь?

– Догадался по остекленевшему взгляду и слегка отвисшей челюсти, – усмехнулся Иэн. – Кажется, тебе не помешает глоточек доброго крепкого джина, чтобы прийти в себя. Ребята решили немного развлечься в «Лорде Джордже».

– Так вот почему здесь так пусто.

– Все же вечер пятницы. – Иэн натянул куртку.

– Мне нужно доделать кое-что по мелочам. Может, попозже заскочу к вам.

– Ладно. Хорошего вечера.

– Взаимно.

Иэн вышел за порог, и Саймон со вздохом потер лицо руками. По правде говоря, разговор с начальством его не слишком удивил. Он сразу заподозрил, что в ограблении квартиры Джоанны было что-то странное. А вчера, в обеденный перерыв, отправился на служебную

автостоянку и с милой улыбкой протянул секретарше бумажку с номерным знаком машины, замеченной накануне вечером возле дома подруги.

– Боюсь, я ее поцарапал. Совсем немного, но нужен небольшой ремонт. Хотя это не срочно.

– Конечно. – Секретарь в приемной проверила регистрационный номер в своем компьютере. – Так, вот она. Серый «Ровер», верно?

– Да.

– Хорошо, сейчас дам вам бланк. Заполните его и верните мне, и мы обработаем заявку.

– Конечно. Большое спасибо.

Значит, тот номерной знак все же принадлежал одной из машин ведомства, однако Саймон узнал это по чистой случайности. На его собственном служебном автомобиле значился номер N041JMR, а в среду вечером возле дома Джоанны он заметил очень похожий знак – N042JMR. И просто предположил, что машины для служебных целей покупались в одном месте и в одно время, так что номерные знаки на них вполне могли идти по порядку.

Саймон немного посидел, тупо глядя в экран компьютера, и решил, что пора отправляться домой. Он надел пальто и помахал на прощание оставшимся сотрудникам, которые не пошли в «Лорда Джорджа», потом спустился на лифте и вышел из Темз-хауса[7] через боковую дверь.

Прежде чем вернуться домой, Саймон решил пройтись по берегу реки. Подняв голову, он окинул взглядом строгое серое здание. Во многих окнах еще горел свет – сотрудники занимались бумажной работой. Саймон давным-давно перестал испытывать чувство вины из-за того, что приходилось лгать о своей работе родным и друзьям. Лишь Джоанна проявляла к ней хоть какой-то интерес, и он, чтобы удержать подругу от дальнейших расспросов, рассказывал унылые истории об офисе в Уайтхолле.

Но теперь, принимая во внимание слова Дженкинса, сбить ее со следа будет не так-то просто. Если к этому заданию подключили его отдел, значит, Джоанна и впрямь наткнулась на что-то важное.

И до тех пор, пока письмо у нее в руках, ей грозит нешуточная опасность.

* * *

Стоя у плиты в квартире Саймона, Джоанна помешивала соус болоньезе. За панорамным окном крупными белыми хлопьями падал снег. Из детства, проведенного на вересковых пустошах, она помнила, как фермеры боялись снега, поскольку им приходилось бесконечно долгими ночами с трудом сгонять с пастбищ отары овец и укрывать их в безопасных амбарах, а затем, пару дней спустя, с тяжелым сердцем откапывать тех, кого упустили. Для Джоанны, напротив, снег означал веселье и отсутствие занятий в школе, ведь порой узкие проулки вокруг их фермерского дома, по которым они обычно ходили, расчищали лишь через несколько дней. Сегодня вечером она не отказалась бы вновь очутиться в уютной спаленке на чердаке родительского дома, подальше от опасностей и настойчивого внимания взрослых.

На следующее утро после ограбления Саймон перед уходом на работу настоял на разговоре с ее начальником. Позвонив в редакцию газеты, он рассказал Алеку о взломе. Джоанна в это время сидела на диване-кровати, завернувшись в пуховое одеяло, и ждала, когда же шеф заявит, что ей, несмотря на обстоятельства, надлежит явиться на работу в обычное время. Но нет, Саймон положил трубку и объяснил, что Алек отнесся к проблеме Джо с большим сочувствием и даже предложил взять три дня отгула, полагающиеся ей за работу перед Рождеством. За это время она сможет оправиться от потрясения и решить кое-какие практические вопросы. К примеру, разобраться со страховкой и тщательно отдраить квартиру, чтобы в ней снова можно было жить. И остаток дня Джоанна с немалым облегчением провалялась в кровати, восстанавливая силы.

Но сегодня утром Саймон уселся на ее диван-кровать и стянул с подруги одеяло.

– Может, съездишь на пару дней к родителям? – предложил он.

Джоанна со стоном перевернулась на другой бок.

– Нет, мне и здесь хорошо. Прости, что расклеилась.

– Ты имеешь полное право жалеть себя, Джо. Я просто хочу помочь. Смена обстановки пойдет тебе на пользу.

– Нет. Мне нужно сегодня вернуться в квартиру, иначе не удастся справиться со страхом, – вздохнула она. – Это как с лошадью. После падения следует сразу же обратно сесть в седло – или можешь навсегда забыть о верховой езде.

Когда Саймон ушел на работу, Джоанна заставила себя в конце концов спуститься с холма. При свете дня квартира выглядела ничуть не лучше. Получив официальное разрешение полиции, она отправила их отчет в страховую компанию, чтобы получить возмещение, потом собралась с духом и приступила к уборке. Начать решила с кухни, где на полу застыло вонючее месиво из молока и сока, и к обеду святая святых всех хозяек обрела вполне приличный вид, разве что без посуды, ванная сияла, а в гостиной все сломанные вещи аккуратно лежали на изрезанном диване в ожидании страхового агента. Как ни странно, работник телефонной компании явился сам собой, даже без вызова, и восстановил грубо вырванный из стены провод.

Созерцать разгромленную спальню сил уже не осталось, и измученная Джоанна собрала немного одежды в дорожную сумку. Саймон предложил ей оставаться у него сколько захочется, и она с радостью ухватилась за его слова. Подбирая с пола нижнее белье, чтобы сложить обратно в ящик, Джоанна заметила, как под джинсами, валяющимися на ковре, что-то блеснуло. Это оказалась тонкая золотая авторучка с выгравированными на боку инициалами И. К. С.

– Какой-то утонченный вор, – пробормотала она, сожалея, что прикоснулась к ручке и, возможно, стерла отпечатки пальцев.

Джоанна завернула находку в бумажную салфетку и аккуратно убрала в рюкзак, чтобы отдать полицейским.

Услышав звук отпираемой двери, она очнулась от своих мыслей и налила в бокал немного вина.

– Привет! – поздоровался Саймон, и Джоанна отметила, что в отлично сшитом сером костюме и рубашке с галстуком ее друг выглядит настоящим красавцем.

– Привет. Вина?

– Спасибо. – Он взял протянутый бокал. – Слушай, с тобой точно все в порядке? Ты – и вдруг готовишь? – рассмеялся Саймон.

– Это просто спагетти. Я даже пытаться не буду с тобой соперничать.

– Ну как ты? – поинтересовался он, снимая пальто.

– Нормально. Ходила сегодня в квартиру…

– Господи, Джоанна! В одиночку?

– Да-да, я все понимаю, но мне нужно было разобрать вещи, чтобы просить о страховом возмещении. И, кстати, покончив с этим, я чувствую себя намного лучше. По большей части там требовалось просто навести порядок. К тому же, – усмехнулась Джоанна и облизала деревянную ложку, – теперь я хотя бы смогу купить себе новый удобный диван.

– Молодец, так держать! Я в душ.

– Ладно.

Через двадцать минут они сели ужинать пастой болоньезе, щедро посыпанной пармезаном.

– Неплохо для любителя, – подколол ее Саймон.

– На здоровье, ушастик. Ух ты, смотри, какой снегопад! – воскликнула Джоанна, глядя в окно. – Никогда не видела Лондон в снегу.

– Это всего лишь означает, что перестанут ходить поезда, автобусы и метро, – вздохнул Саймон. – Слава богу, завтра суббота.

– Да уж.

– Кстати, Джо, где письмо Розы?

– У меня в рюкзаке. А что?

– Можно на него взглянуть?

– Тебе что-то пришло в голову?

– Нет, но у меня есть приятель, который работает в Скотленд-Ярде, в отделе криминалистики. Возможно, он сумеет провести анализ и дать нам какую-нибудь информацию о почтовой бумаге, чернилах и приблизительной дате написания.

– В самом деле? – удивилась Джоанна. – Интересные у тебя друзья.

– Вообще-то, мы познакомились в Кембридже.

– А-а, ясно. – Она налила себе в бокал еще немного вина и вздохнула. – Не знаю, Саймон. Роза ведь попросила беречь это письмо, не спускать глаз ни с него, ни с программки.

– Ты что, мне не доверяешь?

– Не в этом дело. Я просто в растерянности. С одной стороны, конечно, здорово раздобыть о нем хоть какую-то информацию, но вдруг письмо попадет не в те руки?

– Ты намекаешь на мои? – Саймон демонстративно надул губы.

– Не говори глупостей. Но я уже не сомневаюсь, что ее убили.

– У тебя нет доказательств. Сумасшедшая старушка упала с лестницы, а ты уже нарисовала для себя сюжет фильма «Шпион, выйди вон!»[8].

– Вряд ли! Ты ведь согласился, что это дело выглядело подозрительно. Что-то изменилось?

– Нет, ничего. Ладно, давай пока оставим все как есть. Я отнесу письмо приятелю, и, если он сумеет что-нибудь выяснить, мы продолжим поиски. В противном случае, думаю, стоит просто забыть об этом деле.

Джоанна сделала глоток вина, размышляя над его сло– вами.

– Вряд ли я способна вот так все бросить, – призналась она. – Эта женщина мне доверяла, я не могу ее пре– дать.

– Но ты же ее совсем не знаешь. Вы впервые встретились в тот день в церкви, и ты понятия не имеешь, кто она, откуда и в чем может быть замешана.

– Полагаешь, мы имеем дело с крупнейшим наркобароном Европы? – хихикнула Джоанна. – Наверное, в тех деревянных ящиках она хранила товар.

– Возможно, – улыбнулся Саймон. – Ну так что, согласна? В понедельник утром я возьму письмо и отнесу приятелю. После обеда мне придется уехать на безумно скучный семинар. Вернусь через неделю, тогда и заберу у него конверт. А дальше – смотря что он скажет.

– Ладно, – неохотно согласилась она. – Этот твой «приятель» заслуживает доверия?

– Само собой! Я расскажу ему историю о подруге, которая решила разобраться в прошлом своей семьи, или что-нибудь в этом роде. Давай я сразу уберу его, а то забудем до понедельника.

– Хорошо, – вздохнула Джоанна и встала. – Достань пока мороженое для пудинга.

* * *

Бóльшую часть субботы они вдвоем заканчивали уборку в квартире Джоанны. Ее тронула забота родителей, приславших дочери чек, чтобы, не дожидаясь денег по страховке, купить хотя бы новый компьютер и кровать.

И раз уж Саймон на всю неделю уезжал на семинар, который в шутку называл «бумагомарательным», они договорились, что Джо еще немного поживет в его квартире в Хайгейте.

– По крайней мере, пока у тебя нет новой кровати, – добавил Саймон.

В воскресенье вечером он закрылся у себя в спальне, объяснив Джоанне, что должен перед семинаром разобраться с кое-какой бумажной работой, а сам набрал нужный номер. Ему ответили после второго гудка.

– Оно у меня, сэр.

– Хорошо.

– Завтра в восемь утра я уезжаю в Брайз Нортон[9]. Сможет ли кто-нибудь забрать его у меня?

– Конечно.

– Пусть встретят меня в обычном месте. Доброй ночи, сэр.

– Да. Хорошо сработано, Уорбертон. Я этого не забуду.

«Как и Джоанна», – со вздохом подумал Саймон.

Придется придумать для нее какую-нибудь отговорку по поводу письма. К примеру, что бумага оказалась очень хрупкой и рассыпалась в процессе химического анализа. Ему ужасно не хотелось предавать ее доверие, но выхода не остава– лось.

Когда Саймон вышел из спальни, Джоанна сидела на диване и смотрела «Антикварные гастроли»[10].

– Что ж, я закончил. И кстати, пока меня не будет… хочу дать тебе номер телефона, если возникнут неприятности. Кажется, в последнее время ты их притягиваешь. – Он протянул подруге визитку. – Это на экстренный случай.

– Иэн Симпсон, – прочитала она.

– Коллега по работе. Хороший парень. Я записал тебе его рабочий и мобильный номер. Мало ли что…

– Спасибо. Положи визитку рядом с телефоном, чтобы я ее не потеряла.

Саймон отнес карточку к телефонному аппарату и устроился на диване рядом с Джоанной. Она обвила руками шею друга и прижалась к нему.

– Спасибо за все, Саймон.

– Не стоит благодарности. Ты ведь моя лучшая подруга. Я всегда буду рядом с тобой.

Она потерлась носом о его нос, наслаждаясь этой дружеской близостью, и внезапно ощутила, как внизу живота стало зарождаться желание. Она подалась вперед, закрыла глаза и мягко прижалась губами к его губам. Постепенно поцелуй стал глубже, она открыла рот, чтобы впустить его язык… Саймон вдруг отстранился и вскочил с дивана.

– Господи, Джо! Что мы делаем? Я… Сара…

Джоанна опустила голову:

– Прости, мне очень жаль. Ты ни в чем не виноват. Это я начала.

– Нет. Я виноват не меньше. – Он начал расхаживать взад-вперед. – Мы ведь лучшие друзья! И такого просто не должно случаться. Никогда!

– Да-да, знаю. Обещаю, этого больше не повторится.

– Хорошо… ну, не то чтобы мне не понравилось, – покраснел Саймон, – но не хотелось бы разрушить нашу дружбу из-за случайной интрижки.

– Мне тоже.

– Что ж, ладно. Я… пойду собирать чемодан.

Джоанна кивнула, и Саймон вышел из комнаты. Она уставилась в телевизор, но экран расплывался из-за стоящих в глазах слез. Господи, да что на нее нашло? Наверное, все дело в потрясении, уязвимости и тоске по Мэтью. Она ведь знала Саймона с детства, и пусть всегда признавала, насколько он привлекателен, никогда всерьез не задумывалась о каких-либо отношениях с ним, выходящих за рамки дружбы.

«Нет, – мысленно пообещала себе Джоанна, – между нами ничего не будет».

9

Зои взглянула на часы. Половина одиннадцатого. А она, замечтавшись, до сих пор еще не встала. Неслыханное дело, ведь обычно у нее не было привычки валяться в кровати после половины девятого. Вот Джейми другое дело. Чтобы во время каникул вытащить ленивца-сына из постели, часто требовался чуть ли не подъемный кран. Однако этим субботним утром ей не хотелось никуда спешить.

Зои осознала вдруг, что вступает в совершенно новый этап своей жизни. Сперва она была ребенком и ей, само собой, не давали особой свободы. Потом появился Джейми и пришлось полностью посвятить себя сыну. А в последнее время она превратилась в сиделку, помогая Джеймсу и даря ему утешение в оставшиеся недели жизни. И вот сегодня Зои поняла, что, не считая вечной роли матери, теперь она стала свободнее, чем когда-либо за все свои двадцать девять лет. Ей позволено жить как хочется, принимать собственные решения и самой справляться с последствиями…

Вчера вечером Арт ушел еще до одиннадцати, и их губы встретились лишь раз – во время целомудренного поцелуя на прощание, и все же Зои проснулась спокойной и удовлетворенной, с мыслями о любви, как после ночи отличного секса. Они почти не трогали друг друга, но даже случайное прикосновение его пиджака к ее боку вызывало желание во всем теле.

Весь вечер Арт и Зои сидели в гостиной и разговаривали. Сперва оба держались робко и неуверенно, но вскоре расслабились и между ними установилась некая непринужденная близость, свойственная людям, когда-то хорошо знавшим друг друга. Впрочем, у них с Артом с самого начала были доверительные отношения. По большей части окружающие относились к нему с почтительной неуверенностью, но Зои видела его уязвимость и человечность.

Познакомились они в модном клубе в Кенсингтоне, утопавшем в клубах сигаретного дыма, куда Маркус притащил сестру, чтобы отпраздновать ее восемнадцатилетие первой легальной порцией алкоголя. Брат пообещал деду присмотреть за Зои и проследить, чтобы она благополучно добралась домой. Однако, купив сестре джин с тоником, Маркус сунул ей в руку немного денег.

– Это на такси до дома, – пояснил он. – Не делай ничего такого, чего бы не сделал я!

И, подмигнув ей, брат с улыбкой растворился в толпе.

Зои в растерянности опустилась на барный табурет и огляделась вокруг. На танцполе тусовалась целая толпа. Люди громко смеялись и пьяно прижимались друг к другу. Джеймс всегда оберегал внучку, поэтому, в отличие от большинства подруг по школе-интернату, она никогда не шлялась по ночам и не накачивалась наркотиками в тускло освещенных туалетах ночных клубов. И сейчас Зои чувствовала себя очень неуютно. Крепче сжав в руке потную двадцатифунтовую купюру, которую дал Маркус, она решила поехать домой и почти встала с табурета, когда услышала чей-то голос:

– О, уже уходишь? А я хотел предложить чего-нибудь выпить.

Зои обернулась и взглянула в темно-зеленые глаза молодого человека, обрамленные прядями прямых светлых волос, которые казались несуразными рядом с модными, более длинными прическами других юношей в клубе. Лицо показалось ей смутно знакомым, но она не могла его вспомнить.

– Нет, спасибо, – ответила Зои. – Вообще-то, я не любитель выпивки.

– Я тоже. – Он облегченно улыбнулся. – Я только что отделался от своих… э-э… друзей. Их это место увлекает больше, чем меня. Кстати, я Арт.

– Зои. – Она неловко протянула руку.

Он взял ее ладонь и чуть сжал, вызвав жаркую дрожь во всем теле.

Вспоминая тот вечер, Зои спрашивала себя: а если бы она в тот момент поняла, кто он такой, то смогла бы уйти? Нашла бы в себе силы отказаться, когда он вновь и вновь приглашал ее танцевать и прижимался к ней, вызывая в ее теле всевозможные странные и удивительные ощущения? А потом, после закрытия клуба, сумела бы оттолкнуть его, не позволить себя поцеловать, утаить свой номер и не пожелать снова встречаться с ним следующим вечером?

«Нет», – уверенно призналась себе Зои. В любом случае она приняла бы точно такое же решение.

Вчера вечером оба избегали разговоров о прошлом и вместо этого болтали ни о чем и обо всем на свете, просто наслаждаясь обществом

друг друга.

Затем Арт с сожалением взглянул на часы.

– Мне пора, Зои. Завтра меня ждут на приеме в Нортумберленде. Вертолет вылетает в половине седьмого утра. Следующие несколько недель ты будешь сниматься в Норфолке?

– Да.

– Я с легкостью смогу провести там пару ночей. Как насчет следующих выходных? Ты уже знаешь, где остановишься? Я могу в пятницу вечером прислать за тобой машину.

Зои подошла к столу и достала из ящика буклет с информацией о маленьком отеле, где ей предстояло прожить следующие полтора месяца. Записав данные на листке бумаги, она протянула его Арту.

– Отлично, – улыбнулся он. – Я дам тебе номер своего мобильника. – Арт достал из нагрудного кармана визитку. – Вот. Пожалуйста, позвони мне.

– Пока, Арт. Была рада тебя видеть, – неловко проговорила Зои, не зная, как закончить вечер.

– Я тоже. – Он наклонился и легко прикоснулся к ее губам. – Увидимся в следующие выходные. Тогда у нас будет больше времени. Спокойной ночи, Зои.

В конце концов она все же вылезла из постели, приняла душ и оделась. Потом отправилась за продуктами, а вернувшись, поняла, что забыла купить половину того, что собиралась. По-прежнему витая в мечтах, Зои поставила пластинку, о которой не вспоминала десять лет, и закрыла глаза, когда комнату наполнили звуки песни «The Power of Love» Дженнифер Раш. Слова ее до сих пор не стерлись из памяти.

Воскресным днем Зои долго гуляла по Гайд-парку. Опасаясь поскользнуться на коварных обледенелых дорожках, она бродила по покрытой инеем траве и любовалась деревьями в снежном уборе, а после, вернувшись домой, позвонила в школу Джейми. Сын весело сообщил, что завоевал себе место в команде «А» по регби, куда принимали детей младше десяти лет. Зои продиктовала ему номер отеля, в котором остановится в Норфолке, и попросила передать его заведующей на случай крайней необходимости. Она подтвердила, что приедет навестить сына через две недели, и они обсудили, куда Зои поведет обедать Джейми и его друга Хьюго.

Вечером она собирала вещи – гораздо тщательнее, чем обычно для выездных съемок, и размышляла, что ей может понадобиться на следующие выходные.

– Красивое нижнее белье, – усмехнулась Зои и положила в чемодан комплект «Ла Перла», подаренный подругой на Рождество, который прежде никогда не надевала.

Уже лежа в кровати, она попыталась представить, к чему могут привести вновь начинающиеся отношения с Артом. И, как и прежде, осознала очевидное – у них нет надежды на какое-либо совместное будущее.

«И все же, – сонно подумала Зои, переворачиваясь на другой бок, – я люблю его».

А любовь, как известно, способна преодолеть все преграды.

* * *

В понедельник утром Джоанна с облегчением проводила Саймона на работу. После злополучного поцелуя от их обычного добродушного подшучивания не осталось и следа, и в воздухе явно повисло напряжение. Она лишь надеялась, что за неделю разлуки страсти улягутся и они вновь смогут восстановить привычные уютные дружеские отношения.

Джоанна запретила себе думать о том, что пробудил в ней вчерашний поцелуй. Все это глупости; просто из-за пережитого за последние несколько недель она переутомилась и стала уязвимой. К тому же ей было чем заняться. Да и возможность выпала как нельзя кстати – у нее осталось целых два выходных дня.

Как только Саймон скрылся за дверью, Джоанна полезла в рюкзак, чтобы достать ксерокопию письма, программку и записку от Розы, и нащупала нечто холодное, металлическое. Золотая авторучка! Надо же, в этой суматохе Джо совсем о ней позабыла.

Она повертела ручку в пальцах, внимательно рассматривая. Инициалы И. К. С. вдруг показались смутно знакомыми. Но откуда? В голову ничего не приходило.

Скрестив ноги, Джоанна устроилась на диване-кровати и еще раз изучила оба письма и программку. Если Саймон полагал, что она

поумерит свой пыл в отношении этого дела, то весьма заблуждался. В пятницу вечером он был сам на себя не похож, явно нервничал и о чем-то тревожился. Интересно, почему друг так решительно уговаривал ее позабыть о письме?

Джоанна еще раз внимательно просмотрела все, что ей прислали. Кто этот «Слам» и о каком «Белом рыцаре» упоминает Роза? И кем, если уж на то пошло, была сама эта загадочная старушка?

Джо сварила себе кофе и обдумала то немногое, что уже удалось выяснить. Кто еще мог знать фамилию Розы? Мюриэль? Может, соседка видела какие-нибудь письма, адресованные старушке? К тому же Роза наверняка подписывала соглашение об аренде, когда снимала квартиру в Мэрилебоне. Достав записную книжку, Джоанна принялась искать номер телефона Мюриэль. Если удастся выяснить фамилию Розы, ей будет значительно легче что-либо узнать в местном полицейском участке.

Однако, к сожалению, Мюриэль ничем не смогла помочь. Соседка никогда не видела, чтобы Розе хоть что-то присылали по почте, даже счета за коммунальные услуги. Электричество платилось по счетчику, а телефона у старушки не было. Джоанна поинтересовалась, куда отправляла письма сама Роза.

– Пару из них я отсылала авиапочтой. Кажется, куда-то во Францию, – пояснила Мюриэль.

«Хоть что-то сходится», – подумала Джоанна, вспомнив инструкцию на пузырьке с таблетками.

Еще Мюриэль продиктовала ей номер телефона домовладельца, Джорджа Кирапополиса, но когда Джоанна позвонила, то наткнулась на автоответчик. Сообщение она, конечно, оставила, вот только ждать времени не было. Придется идти в полицию ни с чем и хитростью пытаться что-нибудь выяснить.

Подхватив рюкзак, Джоанна вышла из квартиры и вскоре, миновав вращающуюся дверь, оказалась возле стойки дежурного в полицейском участке Мэрилебона. В нос ударил запах несвежего кофе. Яркий свет флуоресцентных ламп лишь подчеркивал облупившуюся краску стен и потертый линолеум на полу. Посетителей здесь не было, дежурного за стойкой тоже, и Джоанна нажала на кнопку звонка.

– Да, мисс? – Из кабинета за стойкой неторопливо вышел полицейский средних лет.

– Добрый день. Я хотела бы выяснить, что случилось с моей двоюродной бабушкой. Вы сможете мне помочь?

– Давайте попробуем. Она пропала?

– Э-э… не совсем. Нет. Вообще-то, она умерла.

– Ясно.

– Бабушку нашли пару недель назад в ее квартире в Мэрилебоне. Она упала с лестницы. Соседка вызвала полицию и…

– Думаете, на звонок мог ответить кто-то из наших офицеров?

– Да. Я недавно вернулась из Австралии. Папа дал мне адрес бабушки, и я решила ее навестить. Но когда приехала, было слишком поздно, – нарочито дрожащим голосом пояснила Джоанна. – Если бы я только появилась здесь раньше, то…

– Понимаю, мисс. Такое часто случается, – добродушно кивнул полицейский. – Полагаю, вы хотите выяснить, куда ее отвезли и все такое?

– Да. Но есть одна проблема. Я понятия не имею, какая у нее фамилия. Вполне вероятно, что она снова вышла замуж.

– Что ж, сперва попытаем счастья со старой. Под какой фамилией вы ее знали?

– Тейлор, – назвала Джоанна первое, что пришло в голову.

– Какого числа ее обнаружили мертвой?

– Десятого января.

– По какому адресу?

– Мэрилебон-Хай-стрит, дом девятнадцать.

– Что ж. – Полицейский ввел данные в компьютер на столе. – Тейлор, Тейлор… – Он просмотрел результаты на экране и покачал головой. – Нет, ничего. В тот день не было покойников с такой фамилией, по крайней мере из тех, кем занимался наш участок.

– А поищите имя Роза.

– Ладно… Вот… Есть Рэйчел, Рут… Розы нет.

– Эти женщины тоже умерли в тот день?

– Да, как и еще четверо местных жителей. Самое страшное время года для пожилых людей. Рождество прошло, на улице холодно… Что ж, давайте еще проверим адрес. Если в тот день нас вызывали на место происшествия, это зафиксиро– вано.

Джоанна терпеливо ждала, пока полицейский изучал данные на экране.

– М-м-м. – Он почесал подбородок. – И тут ничего нет. Вы уверены, что не ошиблись с датой?

– Абсолютно.

Полицейский покачал головой.

– Возможно, звонок поступил в другой участок. Обратитесь в Паддингтон-Грин или, еще лучше, в общественный морг. Даже если с этим инцидентом разбирались не мы, тело вашей бабушки наверняка доставили туда. Я запишу вам адрес.

– Спасибо за помощь.

– Без проблем. Надеюсь, вы ее найдете. Она была состоятельной? – усмехнулся он.

– Понятия не имею, – бросила Джоанна. – До свидания.

Она вышла через вращающуюся дверь, поймала такси и назвала водителю адрес Вестминстерского общественного морга, который дал ей полицейский.

Вскоре таксист остановил машину на тихой, обсаженной деревьями улице рядом со скромным кирпичным зданием, по соседству с которым находился коронерский суд. Джоанна вошла внутрь, не представляя, чего ожидать, и вздрогнула, вспомнив, как Алек часто отзывался о морге как о «местном мясокомбинате».

– Могу я чем-то помочь? – с радостной улыбкой обратилась к ней молодая женщина за стойкой регистрации.

«Жутко унылая работа», – решила Джоанна и вновь принялась рассказывать свою историю.

– В полиции предположили, что мою двоюродную бабушку привезли сюда, – закончила она.

– Вполне возможно. Давайте проверим.

Молодая женщина ввела в компьютер те же данные, что Джоанна сообщила полицейскому, – имя, дату, адрес, потом покачала головой.

– Нет. Боюсь, в тот день к нам не поступало ни одной Розы.

– Может, ее записали под другим именем? – предположила Джоанна, перебирая в уме оставшиеся варианты.

– Я ввела адрес, который вы дали, и по нему тоже нет информации. Возможно, вашу бабушку привезли сюда на следующий день, хотя вряд ли.

– Можете проверить на всякий случай?

Женщина посмотрела, но по-прежнему ничего не нашла.

– Но, если она не здесь, куда делось тело? – вздохнула Джоанна.

Сотрудница пожала плечами:

– Попробуйте обратиться в местные бюро ритуальных услуг. Возможно, у нее нашлись неизвестные вам родственники, которые решили сами похоронить ее в частном порядке. Но обычно, если кто-то умирает и за телом никто не является, всех в конце концов привозят сюда.

– Хорошо. Большое спасибо.

– Не за что. Надеюсь, вы найдете свою бабушку.

– Благодарю.

Джоанна дождалась автобуса до Крауч-Энда и поехала к себе в квартиру, чтобы забрать почту. Дрожащими пальцами вставила ключ в замок и поспешно захлопнула за собой входную дверь. Как же печально, что жилище, которое она еще недавно считала своим убежищем, теперь вызывало прямо противоположные чувства.

Джоанна не задержалась в квартире и, поднимаясь по склону холма к дому Саймона, задумалась, не лучше ли будет просто-напросто переехать отсюда. Вряд ли она вновь сможет чувствовать себя здесь комфортно, особенно когда Мэтью не будет рядом.

За время ее отсутствия звонил Джордж Кирапополис, домовладелец Розы. Прослушав сообщение на автоответчике, Джоанна сняла трубку и набрала его номер.

– Алло, – проговорила она, заслышав звон посуды на заднем плане. – Мистер Кирапополис? Я Джоанна Хаслам, внучатая племянница покойной женщины, которая снимала у вас квартиру.

– О да, приветствую, – раздался глубокий, зычный голос с греческим акцентом. – Что вы хотите узнать?

– Вы подписывали договор аренды, когда Роза переехала в снятую у вас квартиру?

– Я… – Он немного помолчал. – Вы ведь не из налоговой?

– Клянусь, что нет, мистер Кирапополис.

– М-м-м… Что ж, приходите ко мне в ресторан, хочу на вас взглянуть. Тогда и поговорим.

– Хорошо. По какому адресу?

– Хай-роуд, дом сорок шесть. Это в Вуд-Грин. Ресторан «Афродита», напротив торгового центра.

– Отлично.

– Приходите в пять, до открытия. Хорошо?

– Да, спасибо. До встречи, мистер Кирапополис.

Джоанна положила трубку, приготовила себе кофе и бутерброд с арахисовым маслом и весь следующий час обзванивала ритуальные бюро в центре и на севере Лондона, но ответ везде был один: ни в тот день, ни в два последующих Роза к ним не поступала.

– Да куда же ее увезли? – задумчиво пробормотала Джоанна и снова набрала номер соседки. – Здравствуйте, Мюриэль. Это Джоанна. Простите, что снова вас беспокою.

– Пустяки, дорогая. Уже нашли свою бабушку?

– Нет, никаких следов. Кто на самом деле забрал тело Розы?

– Как я говорила, за ней приехала скорая. Сказали, что отвезут ее в местный морг.

– В морге тела нет, я там уже была. Еще ходила в полицейский участок и проверила все похоронные бюро в округе.

– Вот как… Неужели тело потерялось?

– Да, похоже на то. Они не спрашивали вас о ее семье?

– Нет. Но я сообщила им, что, по словам Розы, все живут за границей.

– М-м-м.

– Кстати говоря, – оживленно прощебетала Мюриэль, – вы не звонили в местное регистрационное бюро? Я ездила туда, чтобы получить свидетельство о смерти Стэнли. Кончину Розы ведь тоже должны зарегистрировать.

– Отличная идея, Мюриэль. Спасибо, я попробую.

– Всегда пожалуйста, дорогая.

Джоанна повесила трубку и, отыскав адрес местного регистрационного бюро, надела пальто и покинула квартиру.

Два часа спустя она, в высшей степени потрясенная, вышла из старой Мэрилебонской ратуши, сползла по ступенькам и привалилась к одной из больших колонн, чтобы немного прийти в себя. В регистрационном бюро Джоанна перепробовала все возможные варианты, которые удалось придумать с учетом имеющейся у нее информации. За две недели, прошедшие с десятого января, здесь зарегистрировали трех умерших Роз, но ни одна из них не жила по указанному адресу и не подходила по возрасту. Ни малышка четырех дней от роду (лишь при упоминании о ее смерти к горлу Джоанны

подступил комок), ни двадцатилетняя девушка, ни женщина сорока девяти лет даже с натяжкой не могли оказаться той Розой, которую она искала.

Помогавшая ей сотрудница объяснила, что смерть обычно регистрируется в течение пяти рабочих дней. Исключения возможны, если труп до сих пор находится у судмедэкспертов. Но поскольку в морге о теле Розы никаких записей не было, это казалось маловероятным.

Джоанна в смятении тряхнула головой и направилась к станции метро. Складывалось ощущение, будто Розы вовсе не существовало, но где-то же должно быть ее тело. Что бы еще такое попробовать?

Выйдя из метро на Вуд-Грин-Хай-стрит, Джоанна зашагала вдоль улицы, ища в мешанине букмекерских контор, закусочных и комиссионных магазинов нужный ей ресторан «Афродита». Вокруг уже сгустились сумерки. Плотнее кутаясь в пальто, чтобы защититься от пронизывающего холода, она в конце концов заметила неоновую вывеску нужного ресто– рана.

– Добрый вечер! – поздоровалась она, открыв входную дверь, однако в небольшом, ярко оформленном помещении никого не было.

– Здравствуйте. – Из дверного проема в задней части ресторана, завешанного нитками бус, появился лысеющий грек средних лет.

– Мистер Кирапополис?

– Да.

– Я Джоанна Хаслам, внучатая племянница Розы.

– Хорошо. Присядем? – Он выдвинул из-за стола два деревянных стула.

– Спасибо. – Джоанна села. – Извините, что беспокою, но, как я уже объяснила по телефону, я пытаюсь отыскать свою двоюродную бабушку.

– Что? Неужто тело потеряли? – Джордж не смог сдержать усмешку.

– Все довольно сложно. Я просто хотела узнать, подписывала ли моя бабушка Роза с вами договор аренды. Дело в том, что я пытаюсь выяснить ее фамилию по мужу. И подумала, что в договоре она наверняка записана.

– Нет. Мы не заключали договор, – покачал головой Джордж.

– Вы не возражаете, если я спрошу почему? Это ведь в интересах домовладельцев.

– Конечно, и обычно я всегда его подписываю.

Джордж достал из нагрудного кармана рубашки пачку сигарет и предложил одну Джоанне. Она отказалась, и он закурил сам.

– Так почему же в случае с моей бабушкой вы решили обойтись без договора?

Мистер Кирапополис пожал плечами и откинулся на спинку стула.

– Я, как обычно, разместить объявление в «Стандард», – заговорил он на ломаном английском с сильно заметным акцентом. – Первой откликнуться пожилая женщина, позвонить и сказать, что хочет посмотреть квартиру. Я встречаться с ней в тот же вечер. Она дала мне полторы тысячи фунтов наличными. – Он глубоко затянулся сигаретой. – Арендную плату за три месяца вперед. Я знать, что с ней проблем не будет. Ну, никаких погромов и диких вечеринок.

– Значит, она не сообщила свою фамилию? – Джоанна разочарованно вздохнула.

– Нет. Сказала только, что никакие квитанции ей не нужны.

– Может, вы в курсе, откуда она приехала?

– Ага! – Джордж задумчиво постучал себя по носу. – Возможно. Я как раз заходить в тот дом через несколько дней после ее появления и видеть, как подъехал фургон. Эта женщина – Роза, вы сказали? – попросила грузчиков занести в квартиру деревянные ящики. Я стоять в дверях и помогать им, так что заметить иностранные наклейки. Кажется, французские.

– Вероятно. – Что ж, если добавить сюда надпись на пузырьке с таблетками и отправленные авиапочтой письма, Франция вполне вписывалась в общую картину. – Вы не помните, когда именно приехала Роза?

Джордж почесал в затылке:

– Думаю, в начале ноября.

– Огромное спасибо за помощь, мистер Кирапополис.

– Да без проблем, мисс. Не хотите парочку гирос?[11] Очень вкусная сочная баранина, – предложил он, выдыхая сигаретный дым, и похлопал ее по руке ладонью в никотиновых пятнах.

– Нет, спасибо. – Джоанна поднялась со стула и поспешно направилась к двери. – Да, еще один вопрос, – вдруг обернулась она. –

Вы убирали квартиру после смерти Розы? Ну, я имею в виду для новых жильцов.

– Нет. – Джордж выглядел искренне озадаченным. – Через пару дней я зашел туда посмотреть, что к чему, и – оп! – квартира оказалась пуста. – Он посмотрел на Джоанну. – Я думал, вещи забрали ее родственники, они же навели порядок. Выходит, я ошибался.

– Похоже на то, – согласилась Джоанна. – Ну, спасибо, что уделили мне время.

– Пожалуйста.

– Вы уже сдали снова эту квартиру?

Он смущенно кивнул:

– Мне позвонили, и я не видел смысла держать ее пустой.

– Конечно, само собой. Еще раз спасибо.

Джоанна слабо улыбнулась и вышла из ресторана.

10

В среду утром Джоанна вновь вышла на работу. За последние два дня она заметно приуныла, поскольку так ничего и не добилась. Ей не удалось найти никаких сведений о Розе, хотя теперь Джо была почти уверена, что старушка приехала из Франции.

«Но не настолько, чтобы пойти к Алеку и рассказать, что наткнулась на громкое дело», – подумала она.

Джоанна даже заглянула в Хайгейтскую библиотеку, где – к счастью, на передних полках – стояли биографии Джеймса Харрисона. Она пролистала четыре толстые книги о жизни прославленного актера, но по-прежнему понятия не имела, что его связывало с маленькой старушкой.

– Доброе утро, Джо, – поздоровался Алек и отечески похлопал ее по плечу, когда Джоанна проходила мимо его стола. – Как ты?

– Спасибо, лучше.

– Навела порядок дома? Твой друг по телефону сказал, что по квартире будто ураган пронесся.

– Ага. Только вполне рукотворный. У меня практически ничего не осталось.

– Что ж, по крайней мере, тебя в тот момент не было дома и ты на них не наткнулась.

– Да, – улыбнулась она. – Спасибо, что отнесся с пониманием.

– Без проблем. Я знаю, как это может напугать.

«Ну да, в конце концов, он ведь тоже человек», – подумала Джоанна, а вслух спросила:

– Чем мне сегодня заняться?

– Я решил, что не стану сразу бросать тебя в бой. Спокойно включайся в работу. Так вот, есть статья на тему: «Мой ротвейлер просто лапочка», хотя вчера в парке псина оттяпала кусок ноги у пенсионера. Или ты можешь славно пообедать с Маркусом Харрисоном. Он учреждает какой-то фонд в память о своем дедушке, покойном сэре Джеймсе.

– Выбираю Маркуса, – проговорила Джоанна.

– Я так и думал. – Алек записал все детали и с лукавой усмешкой протянул ей листок.

– Что? – спросила Джоанна, чувствуя, как вспыхнули щеки.

– Скажем так: судя по слухам, Маркус Харрисон прожует и выплюнет тебя с большей вероятностью, чем ротвейлер. Будь осторожна. – Он махнул рукой и быстро зашагал прочь.

Вернувшись к своему столу, Джоанна набрала номер Маркуса, чтобы договориться о месте встречи. Здорово, что все так совпало, ведь эта загадочная история началась на поминальной службе Джеймса Харрисона. Вдруг ей повезет и удастся выяснить, знал ли уважаемый дедушка Маркуса старушку по имени Роза.

Джоанна согласилась пообедать с Маркусом в шикарном ресторане в Ноттинг-Хилле. Как ни странно, по телефону его низкий голос звучал вполне дружелюбно. Откинувшись на спинку кресла, она подумала, что это, вероятно, одно из самых приятных заданий, которые ей доставались за все время работы в отделе новостей. Жаль только, что в джинсах и джемпере вид у нее не слишком эффектный.

* * *

Маркус попросил метрдотеля принести бутылку хорошего вина. Зои сообщила, что все затраты, связанные с памятным фондом, он может относить на счет траста. В его распоряжении имелось пятьсот фунтов стерлингов, которые будут пополняться по мере расхода. Он сделал глоток бургундского, наслаждаясь приятным вкусом с легкой кислинкой. Кажется, дела пошли на поправку.

Всякий раз, как Маркус звонил Зои в Норфолк и рассказывал о планах насчет фонда, ее голос звучал мягко и беспечно. Сестра ни разу даже не намекнула на его безобразное поведение на прошлой неделе. В жизни Зои явно что-то происходило, о том же говорил и появившийся в глазах блеск. Маркус не знал его причин, но в любом случае радовался, ведь теперь его собственная жизнь стала намного легче.

Он закурил и принялся наблюдать за дверью, ожидая появления журналистки.

В три минуты второго в ресторан вошла молодая женщина в черных джинсах и белом джемпере, облегавшем грудь. Высокая, почти без макияжа, с густыми блестящими каштановыми волосами, которые

тяжелыми прядями обрамляли лицо и, завиваясь, падали на плечи. Она ничуть не походила на красоток, обычно привлекавших его внимание.

Вслед за метрдотелем женщина направилась к его столику, и Маркус поднялся в знак приветствия.

– Джоанна Хаслам?

– Да.

Она улыбнулась, и Маркус засмотрелся на выразительные карие глаза и ямочки на щеках. Лишь спустя пару мгновений он наконец произнес:

– Я Маркус Харрисон. Спасибо, что пришли.

– Не стоит благодарности.

Джоанна опустилась на стул напротив него. А он вдруг растерял все слова, настолько потрясла его эта женщина.

– Бургундского?

– Спасибо.

– За вас. – Он поднял свой бокал.

– Благодарю. Э-э… за памятный фонд, – предложила она тост.

– Конечно. – Он нервно рассмеялся. – Может, сделаем заказ, прежде чем перейти к делу? Чтобы после спокойно разговаривать, не отвлекаясь.

– Не возражаю.

Спрятавшись за меню, Джоанна рассматривала Маркуса. Он вполне соответствовал хранившемуся в памяти образу и, по правде говоря, казался даже еще привлекательней. Сегодня вместо мятого костюма, в котором он появился на поминальной службе, Маркус надел мягкий ярко-синий шерстяной пиджак и черный свитер с высоким во– ротом.

– Я возьму суп и баранину. А вы? – проговорил он.

– То же самое.

– Значит, никаких листочков, разложенных по тарелке и модно именуемых салатом радиччо? Я думал, в наши дни все девушки только этим и питаются.

– Не хочу вас огорчать, но не все девушки одинаковы. Я выросла в Йоркшире. Мясо с овощами – вот мой типичный ужин.

– В самом деле?

Он поднял бровь, глядя на нее поверх бокала с вином. Ему нравился чуть заметный йоркширский акцент в ее мягком, мелодичном

голосе.

– Ну, я… – Джоанна покраснела, осознав, что сказала. – Просто люблю поесть.

– Мне нравятся такие женщины.

Она вдруг поняла, что Маркус с ней флиртует, и внутри что-то сжалось. Заставив себя сосредоточиться на работе, Джоанна порылась в рюкзаке и достала диктофон, блокнот и ручку.

– Не возражаете, если я запишу разговор?

– Ничуть.

– Хорошо. Во время еды мы его выключим, иначе на пленке будет только звон столовых приборов. – Джоанна положила диктофон рядом с Маркусом и нажала на кнопку. – Итак, вы создаете фонд в память о своем дедушке, сэре Джеймсе Харрисоне?

– Да. – Он подался вперед и окинул ее пристальным взглядом. – Знаете, Джоанна, у вас очень красивые необычные глаза. Рыжевато-коричневые, как у совы.

– Спасибо, но давайте вернемся к памятному фонду.

– Извините, меня отвлекает ваша красота.

– Может, во время интервью мне накинуть на голову салфетку? – Ей нравились его комплименты, они тешили самолюбие, но в то же время выводили из равновесия.

– Хорошо, я постараюсь держать себя в руках, но салфетку все же далеко не убирайте. Мало ли что. – Он улыбнулся и сделал глоток вина. – Так, с чего же начать? Дедушка, дорогой сэр Джим, или Сиам, как называли его друзья в театральных кругах, оставил значительную сумму денег, чтобы каждый год выделять по две стипендии для обучения талантливых молодых актеров и актрис, не имеющих для этого средств. Вы ведь знаете, как мало в наши дни государственных грантов. И даже тем, кто их все же получает, зачастую приходится работать во время учебы в театральной школе, чтобы покрывать свои текущие расходы.

Маркус в самом деле оказался невероятно привлекательным, и тело Джоанны невольно на него реагировало. Ей оставалось лишь благодарить Бога, что интервью записывалось на пленку и можно было прослушать его позже, поскольку, несмотря на все усилия, Джоанне не удавалось сосредоточиться на словах Маркуса. Она едва ли улавливала то, о чем он говорил.

– Значит, вы будете принимать заявки от молодых актеров и актрис, желающих получить место в театральной школе? – спросила она, прочистив горло.

– Точно.

– Наверняка их будет много.

– Очень на это надеюсь. В мае состоится прослушивание. Чем больше соискателей, тем веселее.

– Ясно.

Принесли гороховый суп с панчеттой[12], и Джоанна выключила диктофон.

– Божественный запах, – заметил Маркус, принимаясь за еду. – Итак, Джоанна Хаслам, расскажите немного о себе.

– Но ведь это я беру интервью!

– Наверняка вы гораздо интереснее меня, – подбодрил он.

– Очень сомневаюсь. Я всего лишь простая йоркширская девчонка, но всегда мечтала стать уважаемым журналистом.

– Тогда что вы делаете в «Морнинг мейл»? Вам бы лучше подошло издание посолиднее.

– Пытаюсь завоевать признание и научиться, чему смогу. Но в один прекрасный день мне бы хотелось перейти в более престижную газету. – Джоанна отпила вина. – Мне нужна лишь громкая сенсация, чтобы меня заметили.

– Надо же. – Маркус притворно вздохнул. – Только вряд ли статья о памятном фонде вам поможет.

– Нет, но сейчас, для разнообразия, я буду писать о чем-то стоящем, о том, что в самом деле сможет изменить чью-то жизнь.

– Не лишенный морали писака. – Глаза Маркуса блеснули. – Очень необычно.

– Ну, мне тоже приходилось вместе с прочими коллегами пасти знаменитостей возле дома. Однако меня совсем не радует, что происходит в наши дни с британской прессой. Назойливые журналисты, циничные, порой даже пагубные статьи. Я бы обрадовалась новым законам о неприкосновенности частной жизни, но, конечно, их никогда не примут, ведь слишком многие ведущие редакторы тесно связаны с теми, кто управляет страной. Как общественность может надеяться на получение нейтральной информации, чтобы сформировать о ней собственное мнение, когда

все, о чем пишут в средствах массовой информации, имеет либо политический, либо финансовый уклон?

– Значит, не просто хорошенькое личико, мисс Хаслам?

– Простите, больше никакого ханжества, – усмехнулась Джоанна. – На самом деле по большей части я люблю свою работу.

Маркус поднял бокал:

– Что ж, выпьем за новые веяния от молодых этичных журналистов.

Когда официант унес тарелки из-под супа и подал баранину, Джоанна поняла вдруг, что обычно здоровый аппетит ей изменил. Пока Маркус расправлялся со своей порцией, она лишь вяло ковырялась в еде.

– Может, продолжим? – поинтересовалась она, как только убрали тарелки.

– Конечно.

– Хорошо. – Джоанна снова нажала кнопку записи на диктофоне. – Сэр Джеймс оговорил в завещании, что именно вы должны управлять памятным фондом?

– Он возложил обязанность создать фонд на всю семью – на отца, сестру и меня. И я, как единственный внук сэра Джеймса, с честью взял эту заботу на себя.

– Конечно, ведь ваша сестра Зои полностью посвятила себя актерской карьере. На днях я читала, что она играет роль Тесс в новой экранизации романа. Вы с сестрой близки?

– Да. У нас в детстве – как бы это сказать? – хватало перемен, так что мы всегда держались друг за друга в поисках безопасности и поддержки.

– И конечно, вы были близки с сэром Джеймсом?

– О да, – без всякого лукавства кивнул Маркус. – Очень.

– Как по-вашему, принадлежность к такой прославленной семье помогла вам или помешала? Я имею в виду, вы не чувствовали себя обязанным чего-то добиться, чтобы соответствовать прочим Харрисонам?

– Для публикации или только между нами? – немного помолчав, спросил Маркус.

– Второе, если хотите.

После двух бокалов вина решимость Джоанны вести себя как профессионал несколько пошатнулась. Она поставила диктофон на паузу.

– Честно говоря, это чертовски тяжелое бремя. Наверняка другие при взгляде на меня только и думают: «Какой счастливчик». Но на самом деле иметь знаменитых родственников непросто. На текущий момент практически невозможно превзойти достижения моего отца, не говоря уж о дедушке.

– Понимаю, – мягко заметила Джоанна. Маркус внезапно показался ей уязвимым и неуверенным в себе.

– В самом деле? – Он посмотрел ей прямо в глаза. – Значит, вы первая. Другие понять не могут.

– Наверняка это неправда, Маркус.

– Еще как правда. Ну, формально я ведь довольно привлекательный, верно? Член известной семьи, с хорошими связями, так что женщины считают меня богатым… Вполне возможно, ни одной из них я никогда не нравился сам по себе, – добавил он. – Я ведь не слишком высоко продвинулся по карьерной лестнице.

– А чем вы занимались в прошлом?

– В кинобизнесе меня всегда привлекала работа продюсера. Ну, следить за всем, что происходит за кадром, сочетать друг с другом разрозненные детали и фрагменты… К тому же никто в семье прежде этим не занимался, и нишу продюсирования я по праву мог считать своей. Но ни один из моих фильмов не удался, – удивляясь самому себе, признался Маркус, однако сердечное отношение Джоанны побуждало его быть откровенным.

– Могла я видеть что-нибудь из них? – заинтригованная, спросила она.

– Э-э… – Он слегка покраснел. – Помните фильм «Выхода нет»? Хотя вряд ли, его выпустили только на видеокассетах.

– Простите, я о таком даже не слышала. О чем он?

– Мы снимали его в Боливии, в тропических лесах Амазонки, и, честно говоря, это было самое страшное и удивительное время в моей жизни, – начал рассказывать Маркус, все больше оживляясь и увлеченно жестикулируя. – Там поразительные, дикие места. В фильме рассказывалось о двух чужестранцах, парнях из США, которые искали залежи золота и заблудились в лесных дебрях. Они пытались найти

выход, но природа постепенно брала свое, и в конце концов оба погибли. Да, я бы сказал, довольно удручающий фильм, но с сильным моральным посылом о западной жадности.

– Точно. А сейчас вы над чем-то работаете?

– Да, моя продюсерская фирма «Кинопремьеры Марка» как раз пытается собрать средства на новый фильм по невероятному сценарию, – с улыбкой пояснил Маркус и возбужденно принялся рассказывать: – Это потрясающая история. Во время путешествия по Амазонке мне посчастливилось познакомиться с несколькими яномами, представителями племени, которое вплоть до сороковых годов не вступало в контакт с бразильским правительством. Можете себе представить, каково это – оказаться отрезанным от современной цивилизации и с изумлением понять, что мир намного больше, чем вы думали?

– Похоже, немного экстремальнее, чем переехать из Йоркшира в Лондон, – заметила Джоанна и ощутила глупое удовлетворение, когда он рассмеялся над ее дурацкой шуткой. Она тут же обругала себя за чрезмерную увлеченность.

– Да, гораздо экстремальнее, – согласился Маркус. – Яномами – очень мирное племя, их образ жизни всецело строится на демократии. У них даже нет вождей, а все решения принимаются согласованно, и каждый высказывает свое мнение. Так вот, фильм повествует о том, как бразильское правительство с помощью бульдозеров стерло с лица земли их деревню, чтобы построить автомагистраль.

– Какой ужас! Это было в самом деле?

– Да! – Маркус вскинул руки. – И это просто отвратительно. Фильм также о том, как за последние несколько десятилетий болезни унесли огромную часть населения, и о последствиях вырубки лесов, кровожадных золотоискателях… И еще в нем есть прекрасная история любви с печальным, но трогательным концом и… – Он умолк и смущенно посмотрел на Джоанну. – Простите, я знаю, что излишне увлекся. Зои всегда скучает, когда я начинаю вот так болтать без умолку.

– Вовсе нет. – Джоанна так заслушалась, что почти забыла о своей статье. – Кажется, это удивительный и стоящий проект. Я искренне желаю вам удачи. Но теперь нам все-таки лучше вернуться к памятному фонду, иначе редактор с меня голову снимет. Расскажите,

до какого числа будут приниматься заявления на стипендию, на какой адрес писать соискателям и тому подобное.

За последующие десять минут Маркус добросовестно сообщил Джоанне все, что ей требовалось знать, хотя она намного охотнее расспросила бы его о новом кинопроекте. По сравнению с ним весь этот памятный фонд казался слишком банальным.

– Что ж, спасибо, Маркус. Все было здорово, – проговорила Джоанна, собирая записи. – О, и еще кое-что. Нам нужна ваша с Зои совместная фотография.

– Зои в Норфолке на съемках. Она надолго там застряла. – Глаза Маркуса сверкнули. – Знаю, я не настолько красив и знаменит, как моя сестра, но придется вам довольствоваться мной.

– Не страшно, – быстро заверила его Джоанна. – Если редактору непременно понадобится Зои, отыщет какое-нибудь фото в архиве.

Она хотела выключить запись, но Маркус вдруг перехватил ее руку. От прикосновения его пальцев по коже словно пробежал электрический разряд. Склонившись к крошечному аппарату, он что-то прошептал в диктофон, потом с улыбкой поднял голову.

– Ну все, можете выключать. Хотите бренди?

Джоанна взглянула на часы и покачала головой.

– Я бы с удовольствием, но, боюсь, нужно возвращаться в офис.

– Ладно. – Маркус явно погрустнел и жестом попросил официанта принести счет.

– С вами свяжутся из фотоотдела по поводу снимков. Огромное спасибо за обед.

Джоанна встала и протянула ему руку для рукопожатия. Однако Маркус мягко сжал ее ладонь, поднес к губам и поцеловал костяшки пальцев.

– До свидания, мисс Хаслам. Рад знакомству.

– До свидания.

На подгибающихся ногах она вышла из ресторана и, немного захмелевшая от вина и страсти, вернулась в офис. Села за стол, чуть отмотала пленку назад и нажала кнопку воспроизведения на диктофоне.

«Джоанна Хаслам, ты восхитительна. Я хотел бы пригласить тебя поужинать. Как можно скорее позвони мне по телефону 0171-932-4841, чтобы согласовать все детали».

Джоанна хихикнула, и Элис, сидящая за соседним столом, окинула ее взглядом.

– Что с тобой?

– Ничего.

– Ты обедала со стариной Харрисоном?

– Да. И что с того? – внезапно покраснела Джоанна.

– Не вздумай запасть на него, Джо. У меня была подруга, которая одно время с ним встречалась. Так вот, он законченный хам без капли моральных устоев.

– Но ведь он…

– Красивый? Харизматичный? Да, я в курсе. – Элис откусила кусочек сэндвича с яйцом. – Подруге понадобился год, чтобы его забыть.

– Я не собираюсь связываться с Маркусом. Вероятно, я его никогда больше не увижу.

– Да? Разве он не пригласил тебя на ужин? Не оставил свой номер телефона? – настаивала Элис. Вопреки желанию Джоанна еще гуще залилась румянцем. – Вот и ответ! – Коллега ухмыльнулась. – Просто осторожнее, Джо. Недавно тебе уже разбили сердце.

– Спасибо, что напомнила. Прости, мне нужно напечатать интервью.

Джоанна отвернулась, раздраженная столь покровительственным отношением Элис. Ее также злило, что коллега, вполне возможно, не ошиблась насчет Маркуса, несмотря на все его этические принципы. Надев наушники, она подключила их к диктофону и начала переносить запись интервью в компьютер.

Пять минут спустя побледневшая Джоанна не сводила взгляда с экрана, вновь и вновь перематывая запись и возвращаясь к одной и той же сказанной Маркусом фразе. Она слишком увлеклась его внешностью и пропустила момент, когда он произнес это имя – Сиам… Вероятно, таково было прозвище сэра Джеймса Харрисона.

Джоанна сняла наушники, достала из рюкзака уже помявшуюся ксерокопию любовного письма и внимательно рассмотрела написанное имя. Возможно ли это?..

Нужно взглянуть через увеличительное стекло. Она встала с кресла и прошлась по офису в поисках лупы, в конце концов стащив ее

у спортивного репортера Арчи, потом вернулась на место и посмотрела сквозь стекло на первую строчку.

«Дорогой мой Слам…»

Она внимательно рассмотрела промежуток между нижней половиной буквы «С» и расположенной слева буквой «Л» и обнаружила, что искала. Да! На бумаге виднелась пара точек. Понимая, что это могут быть просто чернильные пятна или какие-то следы от ксерокса, Джоанна снова вгляделась в письмо. Нет, она не ошиблась. Между двумя буквами имени совершенно определенно виднелись точки. Джоанна взяла ручку и как можно точнее скопировала слово, стараясь воспроизвести плавный почерк. И окончательно убедилась в своей правоте. После заглавной «С», перед буквой «Л», шел слишком длинный, ненужный росчерк вверх. И когда она соединила точки и продолжила черту вниз, к хвостику буквы «Л», имя «Слам» мгновенно превратилось в «Сиам».

Джоанна сглотнула, по телу пробежала дрожь возбуждения. Теперь она поняла, кому было адресовано любовное письмо.

11

Как известно, железо нужно ковать, пока горячо, и Джоанна решила воспользоваться сочувствием и нынешним хорошим настроением Алека в собственных интересах. После обеда она подошла к его столу, заваленному выпусками ежедневных газет-конкурентов, поверх стопок которых громоздились целых три переполненных пепельницы. Закатав до локтя рукава рубашки, он сидел перед компьютером с неизменной сигаретой «Ротман» в зубах и посылал проклятия в стоящий перед ним монитор. На лбу начальника выступили капли пота.

– Алек. – Джоанна перегнулась через стол и изобразила обаятельную улыбку.

– Не сейчас, солнце. Время на исходе, а Себастьян до сих пор не позвонил из Нью-Йорка с отчетом о Рыженькой. Я больше не могу удерживать первую полосу. Эд и так вне себя.

– О, и когда ты закончишь? Хочу кое-что обсудить.

– В полночь подойдет? – спросил он, не отрывая глаз от экрана.

– Ясно.

Алек поднял на нее взгляд.

– Что-то важное? Вроде мировой угрозы? И мы сможем продать еще сотню тысяч печатных экземпляров?

– Кажется, речь о некогда имевшей место сексуальной связи.

Как Джо и надеялась, эти слова подействовали волшебным образом. Лицо Алека тут же изменилось.

– Ладно. Если дело в сексе, у тебя есть десять минут. Ровно в шесть по местному времени.

– Спасибо.

Джоанна вернулась к своему столу и следующие пару часов разбирала лоток с входящей корреспонденцией, а без пяти шесть направилась в паб за углом, облюбованный журналистами только из-за близости к офису. Других достоинств у него не имелось.

Она уселась на заляпанный табурет и заказала себе джин с тоником, всеми силами стараясь не касаться липкой барной стойки.

Алек появился в четверть восьмого. Несмотря на жутко холодный вечер, он так и не спустил рукава рубашки.

– Привет, Фил! Как обычно! – крикнул он бармену. – Ладно, Джо, выкладывай.

Джоанна начала рассказ с самого начала, со дня поминальной службы. Одним глотком осушив порцию виски «Феймос граус», Алек внимательно слушал, пока она не закончила.

– Честно говоря, я собиралась завязать с этой историей, поскольку ничего не нашла, однако сегодня по чистой случайности вдруг обнаружила, кому было адресовано любовное письмо.

Алек заказал еще виски. Несмотря на покрасневшие от усталости глаза, смотрел он оценивающе.

– Возможно, что-то здесь есть. Похоже, некто приложил немало усилий, чтобы заставить старушку исчезнуть вместе с деревянными ящиками, и это весьма интересно. Тела сами собой не растворяются в воздухе. Такое чувство, что кто-то заметал следы. – Он снова закурил. – Джоанна, просто из любопытства, в тот вечер, когда твою квартиру перевернули вверх дном, письмо ты носила с собой?

– Да, в рюкзаке.

– А тебе не приходило в голову, что это, возможно, была не случайная кража? Как сказал твой друг, слишком много ненужных разрушений. Грабители ведь изрезали ножом диван и кровать?

– Да, но…

– Может, кто-то решил, что ты там что-то спрятала, и пытался найти?

– Даже полицейские были в шоке от такого разгрома, – тихо пробормотала Джоанна и вдруг осознала, на что намекал Алек. – Боже, возможно, ты и прав, – выдохнула она, глядя на начальника.

– Господи, Джо, тебе предстоит пройти долгий путь, прежде чем стать таким же подозрительным старым циником, как я. Другими словами, отличным охотником за новостями. – Он ухмыльнулся, обнажив пожелтевшие от никотина зубы, и похлопал ее по руке. – Ты научишься. Где сейчас это письмо?

– Саймон взял его на работу, чтобы в судебно-медицинской лаборатории провели несколько тестов.

– А что, этот Саймон – коп?

– Нет, что-то вроде госслужащего.

– Черт возьми, Джо! Не будь ребенком! – Алек со стуком поставил стакан на барную стойку. – Бьюсь об заклад, ты больше никогда не

увидишь этого письма.

– Ошибаешься, Алек. – В глазах Джоанны вспыхнул гнев. – Я всецело доверяю Саймону. Он мой лучший и самый давний друг и всего лишь пытался помочь. Саймон ни за что бы меня не обманул.

Алек снисходительно покачал головой:

– Что я всегда говорю? Никому не верь. Особенно в нашем деле. – Он провел рукой по глазам и вздохнул. – Ладно, значит, любовного письма больше нет. Говоришь, у тебя есть ксерокопия?

– Да. И я сделала еще одну специально для тебя. – Джоанна протянула ему листок.

– Спасибо. – Алек развернул его. – Что ж, давай посмотрим. – Он быстро прочитал письмо, затем изучил имя на первой строчке. – Да, это вполне может быть «Сиам». А вот инициал внизу неразборчив. Но, по-моему, на букву «Р» не похоже.

– Может, Роза сменила имя или это письмо не от нее. Здесь явно есть некая связь с театром, но ни Роза, ни сэр Джеймс в программке не упоминаются.

Алек взглянул на часы и заказал еще виски.

– Пять минут, и мне пора бежать. Честно говоря, Джо, пока трудно сказать, наткнулась ты на что-то стоящее или нет. В подобных ситуациях я всегда следовал своему чутью. Что тебе подсказывает интуиция?

– Что это нечто интересное.

– И как ты намерена действовать дальше?

– Хочу пообщаться с семьей Харрисон и узнать все, что смогу, о жизни сэра Джеймса. Возможно, у него всего лишь был роман с Розой. Непонятно только, зачем она послала мне это письмо, – вздохнула Джоанна. – Если именно из-за него переворошили всю мою квартиру, значит, для кого-то оно в самом деле очень важно.

– Да, но я не могу позволить тебе заниматься расследованием в рабочее время…

– Я могла бы написать биографический очерк об актерских династиях Британии, – вставила она. – Начнем с сэра Джеймса и его сына Чарльза, потом перейдем к Зои и Маркусу. Тогда у меня будет идеальный предлог вытянуть из них как можно больше информации.

– Не совсем подходящий материал для отдела новостей, Джо.

– Пока нет, а если я обнаружу какую-нибудь скандальную историю? Пожалуйста, Алек, всего несколько дней, – умоляла она. – Клянусь, все дополнительные исследования я буду вести в свободное время.

– Ладно, действуй, – сдался Алек. – Но при одном условии.

– Каком?

– Докладывай мне о каждом шаге. Поверь, я не горю желанием совать свой большой красный нос в это дело. Речь идет о твоей же безопасности. – Он окинул ее тяжелым взглядом. – Ты молода и неопытна. Не хочу, чтобы ты увязла так глубоко, что не сможешь выбраться. Никакого геройства, ладно?

– Обещаю. Спасибо, Алек. Ну я пойду. До завтра.

Поддавшись порыву, Джоанна чмокнула его в щеку и вышла из бара.

Алек проводил ее взглядом. Когда начинающие репортеры приходили к нему с «классной» зацепкой, в девяти случаях из десяти он за несколько секунд разносил ее в пух и прах и заставлял их убираться, поджав хвост. Но сейчас его знаменитое чутье подсказывало, что Джоанна на что-то наткнулась. Одному богу известно, на что именно, но это точно была не пустышка.

* * *

К удивлению Маркуса, после их совместного обеда Джоанна позвонила очень быстро. И хотя она заговорила о делах – якобы редактор захотел подкрепить статью о памятном фонде каким-нибудь очерком обо всей семье Харрисон, – Маркус все же надеялся, что Джоанна хоть немного подпала под его обаяние. И, конечно, согласился принять ее следующим вечером у себя дома. В честь ее прихода он весь день убирался в квартире, уничтожая следы неорганизованного холостяцкого существования. Маркус выгреб все, что скопилось под кроватью, прямо в мусорный пакет и даже сменил простыни, потом вытащил самые толстые книги из стопки, подпирающей стул с отсутствующей ножкой, и разложил их на виду на кофейном столике. Уже давно предстоящий визит женщины не пробуждал в нем ничего, кроме простой похоти. Но Джоанна была

иной. В отличие от многих других, она в самом деле слушала, когда он рассказывал о своем кинопроекте, и теперь Маркус во что бы то ни стало решил убедить ее, что в нем есть нечто стоящее, пусть даже большинство людей так не думали.

Джоанна позвонила в дверь в половине восьмого. Он открыл и тут же ощутил укол разочарования, заметив на ней все тот же рабочий наряд – джинсы и джемпер. Она даже не пыталась принарядиться.

Намеренно не торопясь, Маркус расцеловал гостью в обе щеки.

– Джоанна, рад снова тебя видеть. Входи.

По узкому коридору она прошла вслед за ним в маленькую, заставленную мебелью гостиную и огляделась. Несомненно, Джо ожидала чего-то гораздо более роскошного.

– Вина? – предложил Маркус.

– Э-э… если можно, я бы предпочла чашечку кофе, – ответила Джоанна. Прошлую ночь она почти не спала, делая заметки насчет фактов биографии и составляя список вопросов о сэре Джеймсе, и теперь походила на выжатый лимон.

– Зануда, – усмехнулся Маркус. – А я все равно выпью.

– Ну ладно. Маленький бокальчик.

Маркус вернулся в гостиную со стаканом виски для себя и полным бокалом вина для нее и устроился на диване рядом с Джоанной. Когда она повернула голову, он мягко заправил прядь волос ей за ухо.

– Трудный день, Джо?

Их бедра почти соприкасались, и исходящее от него тепло мешало сосредоточиться.

– Да, нелегкий. – Джоанна немного отодвинулась.

– Ну, здесь ты можешь расслабиться. Проголодалась? Я могу приготовить пасту.

– Нет, не стоит утруждаться.

Она включила диктофон и положила его на кофейный столик.

– На самом деле мне не трудно.

– Может, начнем, а дальше посмотрим, как пойдет?

– Конечно. Все, что захочешь.

От него исходил мускусный запах лосьона после бритья, а волосы так мило спадали на воротник…

«Нет, нет и нет, Джоанна!»

– Что ж, как я уже сказала по телефону, мне поручено написать большой биографический очерк о сэре Джеймсе и всей вашей семье в честь начала работы памятного фонда.

– Надо же! Я искренне благодарен, Джо, правда. Чем больше огласки, тем лучше.

– Само собой, но мне понадобится помощь. Я хочу узнать, каким был твой дедушка, где родился и как повлияла на него слава.

– Черт возьми, Джо, ты ведь наверняка можешь достать одну из его биографий.

– О, я уже взяла несколько книг в библиотеке, но пока их только пролистала. Хотя, честно говоря, в книге о нем может прочесть кто угодно. – Она серьезно посмотрела на Маркуса. – Я же хочу взглянуть на него глазами семьи, узнать мелкие детали. К примеру, это прозвище Сиам, которым его окрестили старые друзья-актеры. Откуда оно взялось?

– Понятия не имею, – пожал плечами Маркус.

– Он не был как-то связан с Юго-Восточной Азией?

– Нет, вряд ли. – Маркус допил виски и налил себе еще. – Кстати, Джо, ты почти не притронулась к вину. – Он положил руку ей на бедро. – Ты ужасно напряжена.

– Да, немного. – Джоанна поспешно убрала его руку, потом взяла бокал с вином и сделала глоток. – Как ни крути, а последние несколько недель выдались довольно странными.

– И не говори.

Он снова накрыл рукой ее бедро. Джоанна опять сняла мужскую ладонь и, приподняв брови, повернулась к нему.

– Не стоит, Маркус. Мне нужно закончить эту статью к середине следующей недели, а ты не слишком-то помогаешь. Я ведь стараюсь и в твоих интересах тоже.

– Да, конечно. – Маркус опустил голову, как наказанный школьник. – Прости, но ты меня слишком привлекаешь, Джо.

– Удели мне всего полчаса, о большем я не прошу.

– Я сосредоточусь, обещаю.

– Хорошо. Итак, что ты знаешь о сэре Джеймсе? Может, начать с его детства?

– Ну… – Маркус никогда особо не интересовался жизнью деда, однако все же постарался хоть что-то припомнить. – По правде говоря,

тебе лучше поговорить с Зои. Она жила с ним и знала его гораздо лучше, чем я.

– Я бы в самом деле с радостью с ней пообщалась, но всегда интересно узнать разные мнения об одном и том же человеке. Ты, случайно, не слышал, чтобы твой дедушка говорил о женщине по имени Роза?

Маркус покачал головой:

– Нет, а что?

– О, ничего. Просто это имя всплыло в одной из биографий, – небрежно пояснила Джоанна.

– Не сомневаюсь, что в свое время у Джеймса было множество любовниц.

– Ты знал свою бабушку? Ее ведь звали Грейс?

– Ни разу ее не видел. Она умерла за границей еще до того, как родились мы с Зои. Если я правильно помню, отец в ту пору был еще ребенком.

– Они были счастливы в браке?

– Как говорят, очень.

– Твой дедушка, случайно, не хранил памятные вещи? Ну, старые программки, вырезки из газет и тому подобное?

– Еще как хранил! – усмехнулся Маркус. – В его доме в Дорсете ими забит целый чердак. Дед завещал их Зои.

– В самом деле? – Джоанна навострила уши. – Как бы мне хотелось на них взглянуть.

– Да. Зо уже целую вечность твердит, что хочет как-нибудь выбраться туда на выходные и со всем разобраться. Вероятно, там по большей части всякий мусор, но вполне могут найтись какие-нибудь программки или довольно ценные фотографии. Сэр Джеймс хранил все подряд, он был настоящим скопидомом. – Маркусу вдруг пришла в голову блестящая идея. – Хочешь, я позвоню Зои и попрошу для тебя разрешения съездить в Дорсет на эти выходные? Тогда мы сможем взглянуть, что лежит на чердаке. Наверняка она будет благодарна за любую помощь в разборе этих вещей.

– Э-э… здорово.

Маркусу определенно нравилась эта идея, и Джоанна точно знала почему. Оставалось лишь надеяться, что двери спальни в том доме надежно запираются на замок. Однако ее слишком манила

возможность заполучить в свои руки целую коллекцию предметов, связанных с прошлым сэра Джеймса. Придется все-таки рискнуть и принять этот вызов.

– Можно отправиться в Дорсет в субботу утром и остаться там на ночь. – Маркус походил на нетерпеливого маленького мальчика. – Чтобы со всем разобраться, нам точно потребуется пара дней.

– Ну, тебе виднее, – неуверенно заметила Джоанна. – Значит, ты спросишь Зои?

– Само собой. Кстати, ей не хватает средств на ремонт дома, доставшегося в наследство от сэра Джима. Может, за продажу каких-нибудь предметов с чердака ей удастся выручить неплохую сумму, – в порыве вдохновения добавил Маркус, прекрасно зная, что Зои ни за что не станет продавать вещи любимого дедушки ради выгоды.

– Супер. Я тебе весьма благодарна. – Джоанна спрятала диктофон в рюкзак и встала с дивана.

– Нет, ты ведь не уходишь? А как же ужин?

– Очень милое предложение, – проговорила она, направляясь к двери, – но мне правда нужно хоть немного поспать, иначе завтра от меня не будет толку.

– Значит, отвергаешь нас со спагетти? – вздохнул Маркус. – Ладно, неважно.

Джоанна протянула ему визитку.

– Вот мой рабочий номер. Позвони мне завтра, как пообщаешься с Зои. – Она чмокнула его в щеку. – Спасибо, Маркус. Я ценю твою помощь. Пока. – И Джо вышла за дверь.

Он проводил ее взглядом. В этой женщине было нечто такое, от чего быстрее билось сердце. И речь шла не о банальной похоти. Ему в самом деле нравилась Джоанна, ее открытость, честность и отсутствие всякого коварства. После череды прелестных, но самовлюбленных актрис, на которых он обычно западал, подобные качества казались весьма приятными.

Маркус прошел на кухню, чтобы приготовить себе пасту, налил в стакан виски и поднес его к губам. А после на миг замер и скрепя сердце выплеснул жидкость в раковину.

– Хватит, – велел он себе.

Ему вдруг захотелось измениться к лучшему. Ради Джоанны.

* * *

Вечер выдался морозным. Джоанна зашагала к станции метро «Холланд-Парк», по пути окончательно смиряясь с тем, что, несмотря на его репутацию, ее сильно влекло к Маркусу. От его льстивых комплиментов ее раздавленное, уязвленное самолюбие несколько воспрянуло. Он явно желал ее, и Джоанна снова ощутила себя сексуальной. Много лет она даже не смотрела на других мужчин, и чувства, что пробуждал в ней Маркус, волновали и в то же время тревожили. Однако Джо не собиралась становиться очередной зарубкой на столбике его кровати. Короткая интрижка, возможно, принесет физическое удовлетворение, но не заполнит пустоту, которую оставил после себя Мэтью.

Но, несмотря на это, при мысли о предстоящих выходных ее охватила радость. Спустившись в метро, Джоанна представила, что проведет два дня с Маркусом и, может быть, – да, всего лишь может быть – найдет новые ключи к разгадке тайны. И раз уж даже известный скептик Алек заподозрил, что за этой историей что-то кроется, Джо начала воспринимать ее еще серьезнее.

Пройдя через турникет на станции метро «Арчвэй», она накинула на голову шарф, чтобы защититься от сквозняка, который пронесся по станции от самого выхода. Вскоре Джоанна вынырнула в темноту Хайгейт-хилл, почти пустынной в это время. Слушая глухой стук собственных шагов по замерзшему тротуару, она предвкушала, как войдет в квартиру Саймона и свернется калачиком на своей временной постели.

Борясь с холодным воздухом, медленно проникавшим ей за шиворот, Джоанна вдруг ощутила, что кто-то следует за ней, и замедлила шаг. Немного повернула голову, пытаясь рассмотреть, не мелькнет ли среди колеблющихся очертаний ветвей на земле человеческая тень. И в конце концов остановилась и прислушалась.

Вечерний воздух наполняли взрывы смеха, доносящиеся из паба, что находился чуть в стороне, слышался ровный гул машин и автобусов, чьи колеса вихрями взметали листья и мусор. Приняв решение, Джоанна перебежала через дорогу и нырнула в магазин на углу, где купила пачку жевательной резинки. Потом, застыв у входа,

обвела взглядом улицу, но заметила лишь мужчину в пальто, небрежно курившего на автобусной остановке напротив.

Нарочито спокойно Джоанна зашагала по тротуару, затем оглянулась на автобусную остановку. Мужчина исчез, хотя автобус пока еще не приехал. Сердце бешено заколотилось в груди. Повинуясь инстинкту, она остановила проезжавшее мимо черное такси и скользнула на заднее сиденье. Когда Джоанна с трудом выдавила адрес Саймона, таксист бросил на нее раздраженный взгляд. Ехать было всего три минуты.

Добравшись наконец до дома, она со всех ног взбежала по лестнице. Ей очень хотелось, чтобы Саймон сейчас оказался рядом. Джо закрыла дверь на засов и подсунула под ручку стул. Затем достала из шкафа в прихожей крикетную биту и положила на диван-кровать рядом с собой.

Она долго лежала, глядя в темноту, но в конце концов, так и не выпустив биту из рук, провалилась в беспокойный сон.

12

Большую часть первой недели в Норфолке Зои была не слишком занята, и времени на раздумья оставалось с избытком. Выпал снег и укрыл землю толстым одеялом, придавая пейзажу красоту и некую особую атмосферу, однако из-за сугробов снимать на природе почти не получалось. И съемки переместились в старый коттедж, арендованный компанией специально для этой цели. К тому же актер Уильям Филдинг, играющий отца героини Зои, Джона Дарбейфилда, в настоящее время участвовал в пантомиме в Бирмингеме и на съемочной площадке его ждали только на следующей неделе. Зои даже подумывала вернуться в Лондон, но, поскольку Арт все равно обещал забрать ее отсюда на выходные, поездка казалась бессмысленной.

Однако утром в пятницу Зои проснулась вся в поту, внутри поселился мучительный страх. Исчезли вдруг розовые очки, ощущение чуда от того, что судьба столько лет спустя вновь свела их вместе. Да как она могла даже задуматься о том, чтобы вновь вступить с ним в связь?

– О боже, – в панике пробормотала Зои. – А как же Джейми?

Она в замешательстве выбралась из постели, натянула джинсы, высокие сапоги и вышла прогуляться по заснеженной деревне, впрочем, почти не замечая живописной красоты вокруг. В голове безостановочно крутились мысли. Да, конечно, здорово объявить себя в конце концов независимой, свободной от оков, которые прежде ее сдерживали, но нужно быть реалисткой. Ведь ее поступки могли сильно повлиять на жизнь Джейми. Вряд ли долго удастся хранить секрет от Арта. Стоит им поговорить, узнать друг друга получше, и он, без сомнения, все поймет – если уже не понял. И к чему это приведет их троих?

– Проклятие! Черт возьми! – в отчаянии пробормотала Зои и изо всех сил пнула какую-то заледеневшую грязь.

Сама-то она много лет жила с этой тайной, но для остальных происхождение ее сына станет чрезвычайно сильным потрясением.

Если у них с Артом снова начнутся отношения и правда о Джейми просочится наружу, сможет ли Зои вынести, когда поднявшаяся шумиха затронет ее драгоценного мальчика?

«Нет, ни за что. О чем, черт возьми, я только думала?»

В тот же день Зои собрала вещи, прыгнула в машину и уехала обратно в Лондон. Добравшись до дома, она выключила мобильный и решила не брать трубку стационарного телефона. Кто бы ни позвонил, пусть общается с автоответчиком. Потом, вопреки обыкновению, выпила целую бутылку вина и заснула на диване под фильм, никоим образом не соответствующий драме ее собственной жизни.

* * *

Для поездки в Дорсет Маркус взял напрокат «Фольксваген Гольф», расплатившись своей многострадальной кредитной карточкой. Теперь он гнал машину по трассе М3 и, глядя на сидящую рядом Джоанну, решил, что отрицательный месячный баланс вполне того стоил. От нее божественно пахло свежесорванными яблоками.

Вчера Маркус несколько раз пытался связаться с Зои, чтобы попросить разрешения провести выходные в доме, оставил сообщения на ее мобильном и автоответчике, но сестра так и не перезвонила. В конце концов он решил, что приложил достаточно усилий и никто не сможет упрекнуть его в отсутствии старания, но молчание Зои вовсе не повод менять планы на выходные. Оставалось лишь надеяться, что ключ от Хейкрофт-хауса лежит на прежнем месте.

Джоанна тихо сидела на пассажирском сиденье. Вчерашний звонок Маркуса, сообщившего, что на выходные все готово, несказанно ее удивил. Отчего-то она не сомневалась, что Зои наотрез откажется подпускать репортера к личной жизни своего деда. Джо посмотрела на идеальный профиль Маркуса. Интересно, в молодости сэр Джеймс был таким же привлекательным?

Наконец машина съехала с автострады, и взгляду Джоанны предстали бескрайние поля, застывшие вдали плавными волнами. Эта сельская местность казалась не столь впечатляющей, как вересковые пустоши Йоркшира, но все равно радовала глаз – вокруг хотя бы не было высоких лондонских зданий. Животных на зиму укрыли в сараях; все окрестности покрывал глубокий снег, блестящий под лучами солнца, которое светило с яркого безоблачного неба.

Маркус вел машину по узким проселочным дорогам с высокими живыми изгородями по бокам, сейчас утопающими в снегу, но немного погодя свернул на подъездную дорожку к воротам, и Джоанна увидела дом. Большой, явно очень старый двухэтажный особняк из бледно-серого кирпича с черепичной крышей, на которой уже рос мох, ярко-зелеными пятнами выделяясь на фоне белого снега. С карнизов над маленькими окнами в свинцовых переплетах свисали сосульки, мягко поблескивая на солнце.

– Вот и он, – проговорил Маркус. – Хейкрофт-хаус.

– Какая красота, – выдохнула Джоанна.

– Да. Сэр Джим завещал его сыну Зои, Джейми. Повезло мальцу, – добавил Маркус, и Джо уловила в его словах горечь. – Сиди пока здесь, я найду ключ.

Он вылез из машины и направился за дом, где стояла бочка для воды, наклонился и принялся шарить под ней с левой стороны. Наконец, сломав пальцами ледяную корку, Маркус нащупал большой старомодный ключ от входной двери.

– Слава богу, – пробормотал он, дуя на онемевшие пальцы, и зашагал обратно к крыльцу.

Джоанна уже вышла из машины и заглядывала внутрь сквозь разделенные частыми переплетами окна.

– Ну вот, – улыбнулся Маркус и вставил ключ в замок на массивной дубовой двери.

Они вошли в темный холл, пропахший древесным дымом. Маркус включил свет, и Джоанна испуганно застыла, глядя на свирепую медвежью голову, взирающую на нее со стены.

– Прости, мне следовало предупредить тебя о мистере Уэсте, – проговорил Маркус и погладил медведя по всклокоченной шерсти.

– О мистер Уэсте? – повторила она, борясь с дрожью – кажется, в доме было холоднее, чем снаружи.

– Да, Зо назвала его в честь одного из жутких школьных учителей. Не волнуйся, зверя подстрелили не здесь, – поддразнил ее Маркус. – Пойдем, тут холодно. Сейчас разожжем камин в гостиной. Кстати, тепло чужого тела тоже может спасти от переохлаждения, – шутливо заметил он.

Намеренно не обратив внимания на его слова, Джоанна вслед за Маркусом прошла в уютную гостиную, заставленную старыми

диванами со стопками диванных подушек. Вдоль одной из стен тянулись полки, на которых стояли книги в кожаных переплетах и семейные фотографии. Пока Маркус искал, чем бы растопить камин, Джоанна внимательно рассмотрела снимки. В маленькой девочке, с лучезарной улыбкой прижимавшейся к сэру Джеймсу, она узнала Зои Харрисон. Здесь было много фотографий сестры Маркуса в разном возрасте – к примеру, в синей школьной форме или на спине большой гнедой лошади. На некоторых снимках Зои обнималась со своим сыном Джейми, улыбавшимся от уха до уха. Однако, как ни искала, Джоанна не заметила ни одной детской фотографии Маркуса. Она уже хотела обернуться и спросить, но услышала его торжествующий возглас.

– Да будет тепло! – воскликнул он, когда в камине вспыхнула растопка и на грубых оштукатуренных стенах заплясали тени от языков пламени. Маркус добавил немного хвороста, а сверху подложил пару поленьев. – Что ж, комната скоро прогреется. Теперь нужно немного протопить дом.

Вслед за Маркусом Джоанна прошла в кухню с массивными балками, полом, выложенным серой плиткой, и старинной плитой. Он открыл тяжелую железную дверцу и засунул внутрь какую-то газету, затем набросал угля из ведра и зажег огонь.

– Возможно, выглядит не слишком впечатляюще, да и на деле, уверяю, не лучше, – ухмыльнулся он. – О-о, где же старое доброе центральное отопление. Папа годами уговаривал сэра Джима установить нормальную систему, но тот отказался. Думаю, старику просто нравилось морозить себе яйца. Что ж, рискну еще раз выбраться на холод и принесу продукты из машины.

Джоанна прошлась по кухне, любуясь ее подлинным деревенским очарованием. Над плитой висела старая сушилка для белья, к потолку крепилась вешалка для трав, все еще заполненная сухими веточками лавра с потрескавшимися листьями, пучками розмарина и лаванды. Выщербленный дубовый стол явно провел здесь уже много лет, разномастные кухонные шкафчики без дверок были беспорядочно заполнены оловянной посудой, стеклянными банками и фарфором.

Вернулся Маркус, неся с собой картонную коробку, полную еды. Заметив две бутылки шампанского и кучу деликатесов вроде копченого лосося, которого она терпеть не могла, и еще более

ненавистной икры, Джоанна задалась вопросом, какая опасность скорее грозит ей в эти выходные: околеть с голоду или насмерть замерзнуть. Впрочем, судя по количеству прихваченного Маркусом алкоголя, она хотя бы сможет напиться.

Джоанна помогла ему разобрать коробку и снова подошла ближе к плите, где было относительно тепло.

– Ты ужасно молчалива, – заметил он, убирая продукты в холодильник. – Я могу чем-то помочь? Наверное, немного странно находиться в таком доме наедине с мужчиной, которого ты едва знаешь…

– Все хорошо, Маркус, я просто задумалась. Рабочие вопросы, – пояснила она. – Я очень благодарна, что ты согласился потратить выходные на поиск нужных мне сведений.

– Как ни жаль это признавать, но я действовал не совсем бескорыстно, – проговорил он. – И надеялся хоть немного развлечься в эти выходные. – Заметив поднятую бровь Джоанны, Маркус изобразил удивление и поспешно добавил: – Выброси все грязные мысли из головы, Джо. Я имел в виду отличную беседу и, возможно, поездку в паб. А теперь давай взберемся на чердак и возьмем оттуда несколько коробок. Лучше всего перенести их в гостиную и разбирать возле камина.

Они поднялись вверх по скрипучей деревянной лестнице и вышли на площадку галереи. Маркус взял железный прут с крюком, прислоненный к стене, и подцепил им ручку над головой. Когда он потянул за прут, перед ними возникли пыльные металлические ступеньки. Маркус забрался наверх и дернул за обрывок веревки. Чердак наверху тут же залило светом.

– Давай поднимайся и взгляни, за что именно мы решили взяться, – проговорил Маркус и протянул ей руку.

Джоанна ухватилась за его ладонь и взобралась по ступенькам, а ступив на дощатый пол чердака, громко ахнула. Все пространство, судя по всему тянущееся от одного конца дома до другого, занимали деревянные ящики и картонные коробки.

– Говорю же, он был скопидомом, – заметил Маркус. – Здесь столько всего, что хватило бы на целый музей.

– Не знаешь, случайно, тут есть какой-нибудь хронологический порядок?

– Без понятия, но рискну предположить, что в ближайших к нам коробках, до которых проще всего добраться, лежит то, что поновее.

– Ну, мне бы начать с самого начала, шагнуть в прошлое так далеко, насколько это возможно.

– Отлично, миледи. – Маркус сделал вид, что снимает шляпу. – Побродите здесь, потом покажешь коробки, которые хочешь изучить в первую очередь.

Джоанна двинулась в глубь чердака, решив начать с одного из углов, наиболее удаленного от лестницы. Двадцать минут спустя она отобрала три коробки с хрупкими, пожелтевшими от времени газетными вырезками, чей вид ясно говорил об их возрасте, и потрепанный чемодан.

Вернувшись в гостиную, Джоанна устроилась у камина и попыталась хоть немного согреться.

– Я з-з-задубела! – смеясь, сообщила она, не в силах побороть неудержимую дрожь.

– Может, сперва съездим в паб? Я бы прикончил пинту пенистого эля. Заодно поедим горячего супа, чтобы со– греться.

– Нет, спасибо. – Джоанна потянулась к старому чемодану. – Я лучше возьмусь за дело.

– Ну ладно. А я, если ты не против, все же заскочу в местный паб, пока у меня пальцы не отмерзли. Точно не пойдешь?

– Маркус, мы ведь даже еще не начали! Я останусь здесь, – твердо сказала она.

– Как знаешь. Если что найдешь, не прячь под одежду, а то как бы я потом не обнаружил, – предупредил он и вышел из гостиной.

Выехав за ворота, Маркус заметил серую машину, припаркованную на заросшей травой обочине дороги в нескольких ярдах от дома. Внутри сидели двое мужчин в куртках «Барбур» и демонстративно изучали туристическую карту. Глядя на них, он задумался, не позвонить ли в полицию. Вдруг они присматривались к дому, чтобы впоследствии его ограбить?

* * *

Хотя в камине весело плясали языки пламени, Джоанне так и не удалось согреться. А придвинуться ближе к огню она опасалась из-за хрупкости старой бумаги. Результаты тоже пока не радовали. Все, что до сих пор попадалось ей на глаза, Джоанна уже знала из четырех биографий.

Она пролистала свои заметки, которые делала по мере чтения книг. Сэр Джеймс родился в 1900 году, в конце двадцатых занялся актерской карьерой и сыграл главные роли в ряде пьес Ноэля Кауарда в Вест-Энде. В 1929 году женился на Грейс, спустя восемь лет овдовел, когда она трагически скончалась за границей от пневмонии. Согласно газетным вырезкам и рассказам друзей, почерпнутым из различных биографий, Джеймс так до конца и не оправился от потери жены. Она была для него любовью всей жизни, и больше он не же–нился.

Джоанна также отметила, что не нашлось ни одной детской или юношеской фотографии Джеймса. Биограф объяснял, что причиной этому стал пожар, случившийся в доме его родителей – судя по всему, неподалеку отсюда – и уничтоживший все, чем они владели. Первая его фотография, сделанная в день свадьбы, появилась в прессе в 1929 году. На черно-белом снимке свадебного торжества новоиспеченный муж Джеймс возвышался над худощавой молодой женой Грейс, которая крепко сжимала его руку.

После ее смерти Джеймсу пришлось заботиться о пятилетнем сыне Чарльзе. Один из биографов отмечал, что ребенка отдали на попечение няни, а в семь лет отправили в школу-интернат. Судя по всему, отец и сын никогда не были близки. Впоследствии сам Джеймс объяснял это тем, что Чарльз слишком походил на его жену. «Мне было больно даже видеть сына, – признавался он. – И я держал его на расстоянии. Знаю, что почти не принимал участия в его жизни, и в старости я очень сильно из-за этого терзался».

В тридцатые годы в Англии Джеймс снялся в нескольких успешных фильмах Дж. Артура Рэнка. Именно тогда публика его по-настоящему заметила. Потом он ненадолго уехал в Голливуд, а когда Европу охватила война, в составе развлекательного подразделения британского военного движения отправился за границу, чтобы посещать британские войска и поднимать их моральный дух.

После окончания войны сэр Джеймс работал в театре «Олд Вик», где сыграл несколько крупных классических ролей. Благодаря постановке «Гамлета», за которой два года спустя последовал «Генрих V», он вошел в элитные ряды великих актеров. Именно тогда Джеймс купил особняк в Дорсете, предпочитая проводить время в одиночестве, а не вращаться в избранных кругах знаменитостей лондонской театральной сцены.

В 1955 году Джеймс перебрался в Голливуд и пятнадцать лет снимался в хороших, а порой и – как писал один из критиков – в «пугающе плохих» фильмах. Потом, в 1970 году, он вернулся на британскую сцену и в 1976 году с труппой Королевского Шекспировского театра сыграл «Короля Лира» – свою финальную роль, как объявил сам Джеймс средствам массовой информации. А после он посвятил себя семье и стал заботиться о внучке Зои, недавно потерявшей мать. Как предположил один из биографов, возможно, Джеймс таким образом пытался искупить вину за давнее пренебрежение к собственному сыну.

Джоанна вздохнула, глядя на покрывающие пол и ее колени старые газеты, письма и фотографии, в которых не нашлось ответов на ее вопросы. Впрочем, она убедилась, что сэра Джеймса в самом деле прозвали Сиамом, это имя постоянно встречалось в полученных им письмах. Сперва Джоанна читала их целиком, постоянно натыкаясь на прозвища вроде Банти и Бу, но вскоре заскучала от описаний исполняемых им ролей, театральных сплетен и погоды. В этих письмах явно не было ничего компрометирующего.

Джо взглянула на часы. Уже без десяти три, а она разобрала только половину чемодана.

– Что я вообще ищу? – спросила она у пыльного холодного воздуха.

Проклиная нехватку времени, Джоанна продолжила рыться на дне чемодана и уже собиралась сложить все бумаги обратно, когда заметила фотографию, торчащую из старой программки. Она вытащила снимок. В глаза бросились знакомые лица Ноэля Кауарда и знаменитой актрисы Гертруды Лоуренс. Рядом с ними стоял мужчина, которого Джо тоже узнала.

Порывшись в стопке, она достала свадебную фотографию Джеймса Харрисона и положила ее рядом с только что найденной. Вот

он, черноволосый мужчина с приметными усами, держащий за руку свою невесту. Но ведь чисто выбритый блондин на снимке возле Ноэля Кауарда – тоже вроде бы Джеймс Харрисон? Джоанна сравнила нос, рот, улыбку… Его выдали глаза. Да, это, несомненно, был он. Возможно, Джеймс перекрасил волосы в светлый цвет и сбрил усы ради роли в одной из пьес Кауарда?

Услышав, как в замке поворачивается ключ, Джоанна поспешно отложила фотографию в сторону.

– Ну как ты? – Маркус вошел в гостиную, наклонился и помассировал ей плечи. – Уже нашла что-нибудь интересное для статьи?

– Да, много всего. Спасибо, это безумно захватывающе.

– Хорошо. Хочешь сэндвич с копченым лососем? Ты, наверное, умираешь с голоду. У меня от пива всегда разыгрывается аппетит.

Маркус направился к кухне.

– Мне без лосося! – крикнула Джоанна ему вслед. – Просто кусочек чудесного хлеба, который ты привез с собой. И не откажусь от чашки горячего чая.

– Есть еще икра. Хочешь?

– Нет! Но все равно спасибо.

Джоанна снова занялась бумагами и стопками фотографий. Спустя десять минут Маркус поставил на кофейный столик поднос с тарелкой хлеба, щедро намазанного маслом, и чайником с дымящимся чаем.

– Могу я чем-нибудь помочь? – спросил он с милой улыбкой.

– Вообще-то, нет. Спасибо, но я знаю, что ищу.

– Ладно. – Зевнув, Маркус растянулся на диване. – Разбуди, как закончишь.

Взбодрившись чаем, Джоанна продолжила разбирать бумаги. Лишь когда на улице стемнело, а тени в тихой комнате стали длиннее, она потянулась, разминая ноющие конечности, и застонала.

– Боже, как бы я хотела полежать в горячей ванне, – пробормотала она, дрожа от холода, и заметила, что огонь в камине погас.

Маркус поднял голову с дивана и лениво потянулся.

– Ага. Плита наверняка достаточно прогрелась и сможет обеспечить тебе хотя бы половину ванны теплой воды. Пойдем, покажу ванную комнату и спальню, где ты будешь ночевать.

Они поднялись наверх, и Маркус отвел Джоанну в большую, довольно обшарпанную комнату с низким потолком, в которой ей предстояло провести ночь. Посредине стояла большая латунная кровать, застеленная старым лоскутным одеялом, на деревянном полу лежал восточный ковер, щедро усеянный прорехами размером с мышь. Оставив сумку с вещами девушки на шатком стуле возле двери, Маркус потащил Джоанну по коридору в другую комнату, с внушительной кроватью из красного дерева с балдахином.

– Спальня Джеймса, где буду ночевать я. Здесь очень большая кровать… – прошептал он ей на ухо и притянул Джо к себе.

– Маркус, прекрати! – твердо заявила она, высвобождаясь из его объятий.

– Джо, ты не представляешь, как я тебя хочу, – выдохнул он, убирая прядь волос с ее лица.

– Ты едва меня знаешь. К тому же я не любитель интрижек на одну ночь.

– Кто говорит про интрижку? Господи, Джо, ты правда думаешь, что я просто хочу с тобой переспать?

– Понятия не имею, чего ты хочешь, зато точно знаю, чего не желаю я сама.

– Ладно, сдаюсь, – вздохнул Маркус. – Ты, наверное, заметила, что я не привык настаивать. Обещаю, что больше к тебе не прикоснусь.

– Хорошо. А теперь будь так любезен показать, где ванная комната. Я хочу погреться в воде.

Через десять минут Джоанна лежала в ванне на ножках, ощущая себя викторианской девственницей в преддверии брачной ночи. Вспомнив, сколько ей потребовалось самообладания, чтобы заставить себя вывернуться из объятий Маркуса, Джо застонала. И почему она такая старомодная?

Да, случайный секс ее никогда не привлекал, но помимо этого в душу закрадывался страх. Что будет, если уступить физическому влечению и отдаться Маркусу? Вдруг он устанет от нее, как от всех прочих своих женщин? Не хотелось бы после сожалеть и чувствовать себя дурой, которой просто попользовались.

«Не стоит этим заморачиваться», – мысленно посоветовала она себе и вылезла из ванны.

Дрожа от холода, Джо вернулась в спальню и натянула свой самый теплый джемпер, потом снова влезла в джинсы.

– Джоанна! – позвал снизу Маркус.

– Да?

– Спускайся, я разливаю шампанское!

– Иду.

Маркуса она нашла в гостиной, на кожаном диване перед вновь разожженным камином.

– Держи. – Он протянул ей бокал, и Джо устроилась с ним рядом. – Слушай, я хочу извиниться, что вел себя как заправский повеса. Если ты не желаешь спать со мной – ладно, все нормально. Я достаточно взрослый, чтобы удовольствоваться только твоей дружбой, раз тебе не нужно ничего другого. Не волнуйся, сегодня ночью ты будешь в полной безопасности. Обещаю, что не стану прокрадываться в спальню и на тебя набрасываться. Теперь, надеюсь, можно расслабиться и приятно провести вечер. Я заказал столик в деревенском пабе. Там готовят простые английские блюда, никаких изысканных навороченных деликатесов, от которых, как я понимаю, ты не в восторге. Твое здоровье. – Он с улыбкой поднял свой бокал.

– Твое здоровье.

Джоанна улыбнулась в ответ. Его пылкие извинения и согласие быть «только друзьями» принесли облегчение, но в то же время ее разочаровали.

Местная деревня находилась в миле от дома, и полчаса спустя, после небольшой поездки по ухабистым проселкам в кромешной тьме, они уже входили в старый паб с низкой крышей. Вполне уютный, со стенами, отделанными темным деревом, и большим камином в глубине зала. На барной стойке дремал кот. Маркус заказал два джин-тоника и немного поболтал с барменом, потом они с Джо заняли столик.

– Кстати, я угощаю, – сообщила Джоанна, пока они изучали меню. – В знак благодарности за все, что ты организовал в эти выходные.

– Я был только рад помочь, но, раз ты платишь, возьму-ка я стейк.

– Я тоже.

К ним подошла молодая официантка, чтобы принять заказ. Местная карта вин оказалась на удивление многообразной, и Джоанна выбрала бутылку кларета.

– Что ж, расскажи мне о своем счастливом детстве в Йоркшире, – попросил Маркус и, пока она описывала семейные рождественские праздники, катание на лошадях по вересковым пустошам, сплоченное сообщество, в котором все трудились сообща, чтобы помочь соседям пережить долгие суровые зимы, слушал с немалой завистью.

– Ферма принадлежит моей семье уже несколько поколений, – объяснила Джоанна. – Дедушка умер лет двадцать назад, и моя бабушка Дора передала хозяйство моему отцу, но все равно всякий раз приходила помогать во время окота. Однако в прошлом году артрит взял над ней верх.

– А что будет, когда твой отец отойдет от дел?

– Ну, он знает, что меня ферма не интересует, так что оставит себе дом, а землю сдаст в аренду соседям. О продаже он даже не помышляет. Папа все еще надеется, что я передумаю, и от этого мне немного не по себе. Только такая жизнь не для меня. Может, однажды у меня родится сын, который захочет разводить овец, но… – Она пожала плечами. – Все династии рано или поздно заканчиваются.

– Ну да, взгляни хоть на меня. Я первый наследник династии Харрисонов, но до сих пор ничего не добился, – заметил Маркус.

– Кстати об этом, – вставила Джоанна, нарезая стейк. – Все найденные программки я сложила в стопку. Им уж точно не стоит гнить на чердаке. Не сомневаюсь, что, к примеру, Лондонский театральный музей с радостью их возьмет. Или можно провести аукцион и собрать деньги для памятного фонда.

– Хорошая идея, но не знаю, одобрит ли ее Зои. Все же эти коробки завещали ей. Но в любом случае я подкину сестре эту мысль.

– Извини за прямоту, но, судя по твоим словам, Зои – довольно жесткий человек, – проговорила Джоанна.

– Зои? Нет, что ты. – Маркус покачал головой. – Прости, если ввел тебя в заблуждение, но ты же знаешь, каковы братья и сестры.

– Понятия не имею. Я единственный ребенок в семье. В детстве мне всегда хотелось иметь брата или сестру, с которыми можно делиться секретами.

– Не все так просто, как кажется на первый взгляд, – мрачно произнес Маркус. – Ну, я люблю Зои, но взросление нам обоим далось тяжело… Ты уже много всего прочитала о нашей семье и, полагаю, в курсе, что наша мама умерла, когда мы оба были детьми?

– Да, – мягко согласилась она и, заметив выражение его лица, добавила: – Прости, наверное, ты ужасно страдал.

– Точно. – Он прочистил горло. – Но я справился. Только нам обоим пришлось довольно быстро повзрослеть. Особенно Зои, ведь она родила Джейми совсем юной…

– Ты знаешь, кто отец ребенка?

– Нет. А если бы и знал, то не сказал бы, – отрезал Маркус.

– Понимаю. И клянусь, что спрашиваю вовсе не как журналист.

– Да-да, конечно. – Выражение его лица смягчилось. – Хотя ты мне нравишься в любой своей роли. Что же касается Зои… сестра – отличный человек и отчаянно защищает тех, кого любит, но под ее внешней невозмутимостью кроется сильная неуверенность в себе.

– Как и у всех нас, – вздохнула Джоанна.

– Да. Кстати, что у вас с личной жизнью, мисс Хаслам? Похоже, в твоей душе таится глубокое недоверие к мужскому полу.

– Я много лет состояла в отношениях с мужчиной, которые закончились сразу после Рождества. Я верила, что мы вместе навсегда, но ошиблась. – Джоанна сделала глоток вина. – Сейчас постепенно прихожу в себя, но на это требуется время.

– Даже если мне откусят голову за флирт, рискну заметить, что этот парень – настоящий идиот.

– Спасибо. Но зато теперь я твердо знаю, что не хочу менять себя в угоду кому-то другому. Хоть какой-то плюс от неудавшихся отношений.

– Понимаю, – кивнул Маркус. – И ты совершенно права. Тебе не нужно меняться, ты уже прекрасна сама по себе. – От слетевших с губ слов у него вдруг странно кольнуло сердце. – Что ж, я, пожалуй, закажу себе один из громадных десертов с кучей взбитых сливок, шоколадным соусом и вишнями в глазури. Из тех, что никогда не подают в так называемых модных ресторанах Лондона. Будешь?

После кофе Джоанна оплатила счет, и они вернулись в Хейкрофт-хаус. Маркус, настояв, чтобы Джоанна посидела у огня, скрылся в кухне и появился через несколько минут, неся под мышками две меховые грелки с горячей водой.

– Вот, держи. – Он протянул одну ей. – Раз ты не позволяешь мне себя согреть, придется довольствоваться этим.

– Спасибо, Маркус. Если ты не против, пойду наверх. Я что-то безумно устала. Спокойной ночи.

Джоанна подошла к нему и поцеловала в щеку. Он в ответ легко коснулся губами ее губ.

– Спокойной ночи, Джоанна, – пожелал он.

Маркус проводил ее взглядом, потом сел на диван и уставился в огонь, мысленно признаваясь себе, что вполне мог уже влюбиться в Джоанну. Конечно, шанс на это был крошечный, но он все-таки существовал.

* * *

Джоанна закрыла за собой дверь спальни и сглотнула, пытаясь успокоить разошедшееся сердце. Боже, как она его хотела…

«Нет, ты здесь по работе», – напомнила себе Джо.

Чувства к Маркусу принесли бы лишь проблемы. Начать с того, что он вполне способен разбить ей сердце. К тому же эмоциональная привязанность могла затуманить рассудок и усложнить все дело.

Сняв джинсы, Джоанна забралась на широкую кровать, сунула грелку под джемпер, закрыла глаза и попыталась уснуть.

13

Субботним вечером в дверь позвонили. Зои, разбиравшая белье наверху в спальне, решила не обращать внимания. У нее просто не было сил общаться, кто бы ни стоял сейчас на пороге. Отодвинув тюлевую занавеску, защищавшую ее от шумной улицы, Зои посмотрела вниз.

– Господи, – прошептала она, увидев фигуру возле двери и поспешно задернула занавеску обратно.

Однако в этот миг он поднял голову и успел ее заметить.

Снова прозвенел дверной звонок.

Зои быстро оценила свой внешний вид: спортивные брюки, старая толстовка, волосы небрежно собраны на макушке, на лице ни следа косметики.

– Уходи, – прошептала она. – Пожалуйста, уходи.

После третьего звонка Зои прислонилась к стене, чувствуя, как пошатнулась ее решимость никого не принимать, потом бросилась вниз по ступенькам и распахнула дверь.

– Привет, Арт.

– Можно войти?

– Конечно.

Он шагнул внутрь и закрыл за собой дверь. Даже в обычных джинсах и свитере Арт выглядел потрясающе. Зои не могла заставить себя поднять на него взгляд.

– Что вчера произошло? – спросил он. – Почему ты уехала из Норфолка, ничего мне не сказав? Мой водитель ждал тебя больше двух часов.

– Арт, прости, я… – Она все же посмотрела в его теплые зеленые глаза. – Я убежала. Очень… испугалась.

– О, милая. – Он сжал ее в объятиях и притянул к себе.

– Прошу, не надо. Это неправильно. Наши отношения – ошибка…

Зои попыталась отстраниться, но он крепко ее держал.

– Я чуть с ума не сошел, когда не смог до тебя дозвониться и понял, что ты снова убегаешь. Зои, моя Зои… – Он убрал светлые волосы с ее лица. – Я ни на минуту не переставал о тебе думать, желать тебя и задаваться вопросом, по– чему…

– Арт…

– Зои, Джейми мой, верно? Он мой сын, и, как бы ты ни отрицала, я всегда это знал.

– Нет… нет!

– Не важно, что ты рассказала мне какую-то дурацкую историю о другом мужчине. Я не поверил тебе в тот раз и сейчас не верю. Несмотря на молодость, мы столько всего пережили вместе, и ты просто не смогла бы так со мной поступить. Ты слишком любила меня, чтобы вот так обманы– вать.

– Все, хватит! Перестань!

Зои разрыдалась, все еще пытаясь вырваться из его объятий, но он держал крепко.

– Я должен знать, Зои. Джейми мой? Мой сын?

Сил бороться уже не осталось.

– Да, твой! – выкрикнула она и обмякла в его объятиях. – Джейми твой сын.

– Господи…

Они застыли в прихожей, отчаянно цепляясь друг за друга. Арт поцеловал ее, сначала в лоб, в щеки, нос и, наконец, спустился к губам.

– Ты хоть представляешь, как я мечтал об этом моменте, жаждал его, молился…

Он ласкал ей уши, шею, затем одним легким движением осторожно опустил Зои на пол.

Потом они лежали в прихожей на ворохе сброшенной одежды.

– Зои, прости меня, – первым нарушил молчание Арт. – Я… – Он не мог перестать к ней прикасаться и мягко поглаживал по нежной коже спины, убеждаясь, что она рядом. – Я люблю тебя. Всегда любил и буду любить вечно. Меня на улице ждет машина, но прошу, позволь снова тебя увидеть. Я понимаю, насколько тебе это кажется невозможным, да и мне тоже, но… пожалуйста, – с мольбой в голосе прогово– рил он.

Зои не ответила, лишь протянула ему боксеры и носки, молча наслаждаясь интимностью момента, зрелищем того, как он надевает обычные вещи.

Арт оделся, встал на ноги и потянул Зои за собой, тоже вынуждая подняться.

– У нас есть шанс, милая, а пока нам придется видеться тайно. Знаю, так не должно быть, но это временно. И мы обязаны попытаться, ради самих себя.

– Не знаю. – Она прижалась к его груди и вздохнула. – Джейми… я так за него боюсь. Не хочу, чтобы в его жизни что-то менялось. Наши отношения не должны затронуть сына.

– Не затронут, обещаю. Джейми – наш драгоценный секрет. И я очень рад, что ты рассказала мне, Зои, – прошептал он. – Я люблю тебя.

Арт улыбнулся напоследок и направился к выходу. У самой двери послал ей воздушный поцелуй, потянул за ручку и исчез в ночи.

На нетвердых ногах Зои добрела до гостиной и опустилась на диван. Она долго смотрела в пространство, заново переживая каждый миг последних сорока пяти минут. Потом вновь пробудились демоны, угрожая лишить ее душевного спокойствия; они шептали о своих сомнениях, предупреждали о последствиях нарушенного обещания, которое она поклялась хранить вечно.

«Нет… только не сегодня».

Этим вечером Зои не позволит терзать себя ни прошлому, ни настоящему. Она воспользуется текущим моментом как передышкой и погрузится – насколько это возможно – в дарованные им радость и покой.

* * *

В воскресенье Джоанна проснулась в восемь утра. Вокруг царило сельское спокойствие – ни криков с улицы, ни автомобильных гудков. Она уже отвыкла от подобной тишины. С наслаждением потянувшись на удобной старой кровати, Джоанна встала и оделась, потом, дрожа от холода, спустилась вниз. Ее пальто висело на перилах лестницы. Накинув и его, Джо направилась к камину и поворошила тлеющие угли, затем подбросила в очаг растопку, хворост и поленья в надежде прогнать жуткий холод.

Она разглядывала коробки, понимая, как мало осталось у нее времени. А ведь наверху, на чердаке, еще лежала немыслимая куча

документов. Чтобы тщательно и планомерно просмотреть их, понадобится не одна неделя.

Джоанна принялась за дело, начав со второй коробки.

Маркус спустился в одиннадцать часов с накинутым на плечи стеганым пуховым одеялом. Несмотря на помятое со сна лицо, он по-прежнему умудрялся выглядеть привлекательно.

– Доброе утро.

– Привет, – с улыбкой отозвалась Джоанна.

– Давно встала?

– В восемь.

– Боже, какая рань. Вижу, ты все еще роешься в бумагах. – Он указал на полупустую коробку рядом с ней.

– Ага. Я только что нашла несколько неиспользованных купонов на одежду 1943 года. – Джоанна помахала перед ним бумажными листами. – Интересно, в «Харви Никс» их еще принимают?

– Вряд ли, – усмехнулся Маркус. – Но, наверное, за эти бумажки можно выручить несколько шиллингов. Думаю, нам с Зои скоро придется основательно за все это взяться. Чай? Кофе?

– Лучше кофе.

– Ладно.

Маркус поплелся на кухню. Джоанна, решив немного передохнуть, пошла следом за ним и села за старый дубовый стол.

– Кажется, твой дедушка начал собирать вещи лишь в середине тридцатых годов. Печально, потому что в биографиях очень мало говорится о его детстве и ранней молодости. А ты что-нибудь знаешь?

– Почти ничего. – Маркус снял крышку с плиты и поставил греться чайник, потом устроился напротив Джоанны и закурил. – Насколько мне известно, он родился где-то в этих местах и в шестнадцать лет сбежал в Лондон, чтобы стать актером. По крайней мере, так гласит семейная история.

– Удивительно, что после смерти Грейс он снова не женился. Его брак продлился восемь лет, сам он дожил до девяноста пяти. Слишком долгая жизнь для единственного союза.

– Да. Вот на что способна настоящая любовь.

Пару минут оба задумчиво молчали. На плите засвистел чайник. Маркус поднялся, снял его и налил в кружку горячей воды.

– Вот, держи. – Он поставил дымящийся кофе перед Джоанной.

Она взяла кружку и прижала к груди.

– Так жаль твоего отца. Он ведь потерял мать совсем ребенком.

– Да. Моя хотя бы умерла, когда мне уже исполнилось четырнадцать. Кажется, женщины в нашей семье предрасположены к несчастным случаям, а мужчины процветают и живут до глубокой старости.

– Только не говори Зои. – Джоанна сделала глоток кофе.

– Да и моей будущей жене заодно, – добавил Маркус. – Кстати, ты не хочешь передохнуть и насладиться традиционным воскресным жарким или мне придется ехать одному?

– Маркус, ты же только что проснулся! Как ты вообще можешь думать о пиве и мясе?

– Вообще-то, я беспокоился о тебе. Ты наверняка проголодалась.

– Правда? – Джоанна подняла бровь. – Ты такой внимательный. Что ж, ладно, сейчас мне хватит информации, чтобы написать более-менее приличную статью. Но я хотела спросить, можно ли мне взять фотографию, чтобы дополнить текст. Я нашла снимок, который как нельзя лучше отражает атмосферу той эпохи. На нем сэр Джеймс запечатлен вместе с Ноэлем Кауардом и Гертрудой Лоуренс. Думаю, фотография того времени, когда он сам был молодым актером, как нельзя лучше подчеркнет, что памятный фонд создан для молодых актеров современности. Само собой, я в скором времени верну снимок.

– Не вижу никаких препятствий. Но прежде, чем публиковать его, я все же должен посоветоваться с Зои, – ответил Маркус.

– Спасибо. А теперь, – Джоанна встала, – помоги мне принести еще одну коробку.

В час дня Маркус поднял Джо на ноги и, не обращая внимания на ее протесты, усадил в машину.

– Сколько слов будет в этой статье? – поинтересовался он. – Найденных сведений тебе хватит на целую чертову книгу! Давай лучше насладимся остатком выходного дня.

Джоанна откинулась на спинку сиденья и уставилась в окно на сверкающие белизной сельские просторы. Они проехали через городок Блэндфорд-Форум, вдоль улиц которого выстроились высокие дома в георгианском стиле, и Маркус с кривой усмешкой показал ей все бары, из которых его выгоняли в подростковом возрасте. Он притормозил у

небольшого паба из красного кирпича с входной дверью, выкрашенной в ярко-зеленый цвет.

– Здесь готовят лучшее воскресное жаркое на много миль вокруг, а также самые большие йоркширские пудинги[13].

– Это серьезное заявление перед лицом йоркширской девчонки, – хихикнула она. – Надеюсь, ты отвечаешь за свои слова.

Обед и впрямь оказался восхитительным, а обещанные Маркусом йоркширские пудинги с подливкой, мягкие, с хрустящей корочкой, просто таяли во рту.

– Что ж, – в конце концов заявила Джоанна, поднимая своего спутника на ноги, – после такого обеда мне нужно прогуляться. Есть какие-нибудь предложения?

– Да, я отвезу тебя в Хэмблдон-Хилл. Садитесь, миледи. – Маркус распахнул для нее пассажирскую дверцу машины.

Через несколько миль перед ними возник пологий склон высокого холма. Было уже три часа дня, и солнце начинало клониться к закату, рассыпая золотистые лучи по заснеженной земле. Эта картина так живо напомнила о доме среди йоркширских пустошей, что у Джоанны ком подкатил к горлу.

– Мне нравится это место, – проговорил Маркус, беря ее под руку. – Я часто приезжал сюда, когда гостил у дедушки на каникулах… просто чтобы посидеть на вершине холма, отвлечься от всего и подумать.

Они поднимались по склону, держась за руки. Джоанна наслаждалась покоем и умиротворением, охватившим ее здесь, вдали от Лондона, рядом с Маркусом. На полпути к вершине они остановились и присели на пень, чтобы полюбоваться открывающимся видом.

– О чем ты думал, сидя здесь? – полюбопытствовала Джоанна.

– Ну… о всяких мальчишеских штучках. Сама знаешь, – уклончиво ответил он.

– Нет, не знаю. Расскажи, – попросила она.

– Я думал о том, чем буду заниматься, когда вырасту, – признался Маркус, глядя вдаль. – Мама… очень любила природу и была страстной поборницей охраны окружающей среды, таких теперь называют «экоактивистами». Она участвовала в маршах «Гринпис»[14] и пыталась воздействовать на членов парламента. Я всегда хотел

сделать что-то, чем она могла бы гордиться. – Повернув голову, Маркус посмотрел на нее, и Джо попала в плен его взгляда. – Нечто важное, значимое… – Он замолчал и пнул ногой снег. – Но с тех пор все шло наперекосяк. Она наверняка разочарована.

– Я в этом сомневаюсь, – возразила Джоанна.

– Правда? – Маркус повернулся к ней с грустной улыбкой.

– Конечно, – кивнула она. – Мамы всегда любят своих детей, несмотря ни на что. Самое главное, что ты старался. А твой новый кинопроект обещает быть стоящим.

– Да, если я смогу найти на него средства. Честно говоря, Джо, у меня хреново с деньгами. Недавно я осознал, что вечно позволяю сердцу брать верх над разумом, бросаюсь сломя голову вперед, захваченный новой идеей, и даже не понимаю, чем рискую. Так же и в отношениях… мне нужно все или ничего, – признался он. – В этом я похож на маму.

– Нет ничего плохого в том, чтобы увлекаться своим делом, Маркус.

– Если только ты не финансируешь его за счет чужих средств… Я тут подумал, что если все же запущу этот новый проект, то стану тенью режиссера, Бена Макинтайра, и буду ему помогать. Возможно, в будущем мне лучше сосредоточиться на «видении фильма», чем на финансах.

– Может, и так, – согласилась Джоанна.

– А теперь поехали домой, пока я окончательно не отморозил себе яйца.

– Нежные южане, – заявила она, старательно изображая йоркширский акцент. – Не выносят холода!

Они вернулись в относительно теплый Хейкрофт-хаус, и, пока Маркус относил коробки обратно на чердак, Джоанна прибралась на кухне.

– Готова? – спросил он, когда она спустилась в холл со своей сумкой в руках.

– Да. Спасибо за выходные, Маркус. Мне очень понравилось. Честно говоря, я не хочу возвращаться в Лондон.

Маркус вернул ключ в тайник, потом сел за руль и завел мотор. Сворачивая с подъездной дорожки, он заметил краем глаза серую машину, которую уже видел накануне.

– Кто это? – поинтересовалась Джоанна, проследив за его взглядом. – Любопытные соседи?

– Вероятно, какие-нибудь любители птиц, решившие отморозить себе задницу ради пары малиновок, – ответил он. – Вчера они тоже здесь торчали. Ну, или грабители, намеренные поживиться всем ценным, что есть в доме.

Джоанна напряглась.

– Может, лучше позвонить в полицию?

– Джо, я пошутил! – пояснил он, проезжая мимо припаркованной машины.

Но Джоанну не успокоил его небрежный ответ. Поселившаяся в душе безмятежность испарилась, и весь оставшийся путь до Лондона она украдкой поглядывала в зеркало заднего вида, напрягаясь при виде каждой замеченной серой машины.

Свернув на Хайгейт-хилл, Маркус припарковал «Гольф» перед зданием, где жил Саймон.

– Спасибо, Маркус. Не могу выразить, как я тебе благодарна.

– Просто убедись, что в этой вашей газетенке моим родным и памятному фонду выделят хотя бы двухстраничный разворот. Послушай, Джо… – Он наклонился над рычагом переключения передач и сжал ее руку, не давая девушке возможности сбежать. – Давай снова встретимся. Может, поужинаем в четверг вечером?

– Да, – без колебаний согласилась Джоанна и, подавшись вперед, легко коснулась губами его губ. – Пока, Маркус. До встречи в четверг.

– Пока, Джо, – с сожалением вздохнул он, когда она вылезла из машины и достала из багажника свою сумку, а потом тихо добавил, глядя, как девушка с улыбкой помахала ему рукой и направилась к входной двери: – Я буду по тебе ску– чать.

Поднимаясь по многочисленным ступенькам, Джоанна призналась себе, что Маркус Харрисон оказался гораздо интереснее, чем она ожидала. Но стоило повернуть ключ в замке, как поселившееся внутри тепло мгновенно сменилось холодным страхом, что за ней снова следили. Но кто? И чего именно от нее хотели?

Джоанна сняла пальто и мысленно вознесла благодарность за такое современное удобство, как сезонное центральное отопление. Оставив фотографию, найденную в Хейкрофт-хаусе, на кофейном столике, она отправилась на кухню, чтобы погреть чайник и сделать

бутерброд. Потом устроилась за столом, достала стопку биографий, вынула из рюкзака программку мюзик-холла и ксерокопию любовного письма, которые прислала Роза, и разложила все перед собой. В очередной раз перечитала записку старушки и любовное письмо, затем просмотрела старую программку «Хэкни Эмпайр», изучая фотографии актеров. И, наконец, с бешено колотящимся сердцем наткнулась на знакомое лицо.

«Мистер Майкл О'Коннелл! Непревзойденный пародист!» – гласила надпись под фотографией.

Джоанна взяла снимок, привезенный из Дорсета, положила рядом с программкой и сравнила лица Джеймса Харрисона и Майкла О'Коннелла. Даже несмотря на старое, зернистое изображение в программке, у нее почти не осталось сомнений, что молодой русоволосый безусый актер, называвший себя Майклом О'Коннеллом, как две капли воды походил на Джеймса Харрисона. И если речь не шла о близнецах, наверняка это был один и тот же мужчина.

Но почему? Зачем Майклу О'Коннеллу менять имя? Да, вполне возможно, он решил взять сценический псевдоним, который лучше соответствовал его имиджу, но логичнее было сделать это в самом начале карьеры, а не несколько лет спустя. К моменту женитьбы на Грейс в 1929 году он, судя по всему, перекрасил волосы в черный цвет и отрастил усы. Однако ни в одной из биографий не упоминалось о какой-либо смене имени. Даже если в книгах писали о детских годах великого актера, о нем всегда отзывались как о представителе семейства Харрисон.

Джоанна покачала головой. Может, это всего лишь совпадение и двое мужчин просто сильно походили друг на друга? А если нет? Тогда становилось понятно, в чем заключалась важность этой программки и почему Роза ее прислала.

Неужели сэр Джеймс Харрисон некогда был другим человеком и по какой-то причине желал, чтобы люди забыли о его прошлом?

Пат

Тупик, в котором невозможен ни один допустимый ход

14

Когда на следующее утро Джоанна пришла в офис, Алека за столом не было. Он появился только час спустя, и она тут же бросилась к нему.

– Алек, я кое-что нашла в…

Алек поднял руку, останавливая поток ее слов.

– Боюсь, соглашению конец. Тебя переводят в другой отдел. «Домашние питомцы и садоводство».

– Что? – непонимающе уставилась на него Джоанна.

Алек пожал плечами:

– Я тут ни при чем. Весь смысл работы первого года в газете как раз в том, что ты должна попробовать свои силы в каждом отделе. Время работы в отделе новостей подошло к концу. Ты больше не мой сотрудник. Прости, Джо, но такова реаль– ность.

– Я ведь… проработала здесь всего несколько недель. К тому же нельзя вот так бросить эту историю. Я… – Потрясенная, Джоанна не сразу смогла уловить смысл его слов. – «Домашние питомцы и садоводство»?! Господи, Алек, что за хрень! Почему?

– Меня не спрашивай. Не я здесь принимаю решения. Если хочешь, сходи к Эду. Это он предложил передвижку.

Джоанна бросила взгляд в конец коридора на старый, почти протертый ковер перед отделанным стеклянными панелями кабинетом, по которому успело потоптаться бесчисленное множество нервных репортеров, ждущих выволочки от начальника. Она с трудом сглотнула. Нет, никаких слез в присутствии Алека, да и вообще кого-либо из коллег.

– Он назвал причину?

– Не-а. – Алек сел за компьютер.

– Ему что, не нравится моя работа? Я сама? Мои духи?! Всем известно, что «собачьи какашки и мульча» – самый отстойный отдел в газете. Меня в буквальном смысле хоронят заживо!

– Джо, успокойся. Наверняка это всего на пару недель. По правде говоря, я пытался отстоять твою кандидатуру, если тебя это утешит, только, боюсь, без толку.

Алек начал что-то печатать, и Джоанна подалась вперед.

– Ты ведь не думаешь…

Он поднял на нее глаза:

– Нет, не думаю. Просто напечатай эту чертову статью о памятном фонде, потом освободи свой стол. Поменяешься местами с Могучим Майком.

– Могучий Майк? В отделе новостей?!

Майк О’Дрисколл служил мишенью для многих офисных шуток. Внешне он походил на исхудавшего гнома и страдал чрезмерной искренностью.

Алек снова молча пожал плечами. Джоанне оставалось лишь вернуться к своему столу.

– Проблемы? – поинтересовалась Элис, когда Джо села в кресло.

– Можно и так сказать. Меня переводят в «Домашних питомцев и садоводство», меняют на Могучего Майка.

– Неужели ты слила в «Экспресс» подробности какой-нибудь сенсации?

– Да я вкалывала как проклятая, – простонала Джоанна, сложила руки на столе и уронила на них голову. – Просто не могу поверить.

– Думаешь, у тебя проблемы? Это мне придется выносить Могучего Майка за соседним столом, – заметила Элис. – Ну, зато больше не придется морозить задницу, торча возле дома очередной знаменитости. Тебя ждут милые статейки о собачьей психологии и наилучших условиях для выращивания бегоний. Я бы не возражала против такого отдыха.

– Я бы тоже – в шестьдесят пять, с блестящей карьерой журналиста за плечами. Боже мой!

Джоанна принялась энергично печатать, но была слишком расстроена, чтобы сосредоточиться. Через десять минут кто-то похлопал ее по плечу, и Алек сунул ей в руку огромный букет красных роз.

– Надеюсь, это тебя взбодрит.

– Не знала, что тебе есть до меня дело, – резко бросила она, когда Алек вернулся к своему столу.

– Черт возьми! – с завистью протянула Элис. – От кого они?

– Вероятно, от того, кто мне сочувствует, – пробормотала Джоанна и извлекла из целлофановой пленки маленький белый конверт.

Просто хочу пожелать доброго утра. Позвоню тебе позже.

Всегда твой, М. Целую

При виде записки от Маркуса Джоанна, несмотря на плохое настроение, не смогла удержаться от улыбки.

– Ну что, выкладывай начистоту. Кто он? – поинтересовалась Элис, не сводившая с нее глаз. – Это ведь не… – Джоанна покраснела. – Черт возьми, розы от него! Но ты же не…

– Ничего такого! А теперь, может, заткнешься уже?

Статья о памятном фонде Маркуса вышла слишком заурядной, и Джоанна ощущала себя виноватой, что, несмотря на его хорошее отношение и присланные цветы, не выложилась по полной. Закончив, она собрала все со своего стола и перенесла вещи в другой конец офиса.

Могучий Майк в буквальном смысле подпрыгивал от возбуждения, из-за чего сложившаяся ситуация выглядела еще хуже. Как выяснилось, он гнался вовсе не за местом в отделе новостей, а за возможностью сидеть рядом с Элис, по которой сходил с ума уже несколько месяцев.

«По крайней мере, ей хоть немного воздастся по заслугам», – злобно подумала Джоанна, усаживаясь в освобожденное Могучим Майком кресло и разглядывая фотографии милых дворняжек, приколотые им к пробковой доске.

Мысль об одиноком вечере в пустой квартире казалась невыносимой, и после работы Джоанна отправилась с Элис в местный бар, чтобы утопить свои печали в нескольких порциях джин-тоника.

Сорок пять минут спустя появился Алек. Оставив Элис, Джоанна направилась к нему и присела на соседний барный стул.

– Даже не начинай, Джо, – бросил он, заказав себе виски. – Сегодня был адский день.

– Алек, ответь мне на вопрос: я хороший репортер?

– Да, ты подавала неплохие надежды.

– Ладно, – кивнула Джоанна, пытаясь собраться с мыслями и всеми силами стараясь говорить отчетливо. – Сколько времени обычно младшие сотрудники работают у тебя в отделе перед тем, как их переведут в другое место?

– Джо… – простонал он.

– Прошу, ответь, Алек! Я должна знать.

– Хорошо. Минимум три месяца, если я сам не избавляюсь от них раньше.

– А я проработала всего семь недель. Специально подсчитала. И ты сказал, что я подавала надежды. Значит, ты не хотел от меня избавляться?

– Нет. – Алек залпом допил виски.

– Отсюда следует вывод, что внезапное понижение в должности никак не связано с моей работой. Все дело в том, что я решила копнуть поглубже, верно?

Он испустил вздох, но в конце концов кивнул.

– Ага. И предупреждаю, Хаслам, если ты хотя бы намекнешь, что действовала с моего одобрения, то окажешься не в отделе садоводства, а будешь торчать в очереди за пособием по безработице. Понимаешь?

– Клянусь, я ничего не скажу. – Джоанна указала бармену на два пустых стакана – свой и Алека.

– На твоем месте я бы держался тише воды, ниже травы и никуда не совал нос. Если повезет, об этом скоро забудут, – проговорил Алек.

Джоанна подвинула к нему новую порцию виски, готовая на все, лишь бы задержать здесь Алека еще хотя бы на несколько минут.

– Признаюсь, в выходные я кое-что нашла. Не государственную тайну, конечно, но нечто довольно любопытное.

– Послушай, солнце, я уже давно в этой игре. – Он понизил голос. – И судя по тому, как ведет себя руководство, ты вполне могла наткнуться на государственную тайну. Я не видел Эда таким нервным со времен записей разговора леди Ди и Джеймса Гилби[15]. Говорю тебе, Джо, оставь все как есть.

Потягивая джин с тоником, Джоанна окинула внимательным взглядом сальные седые волосы Алека, вечно торчащие во все стороны из-за его привычки запускать в них руки, толстый живот, нависающий над потертым кожаным ремнем, заплывшие от виски глаза.

– Представь себя на моем месте, – тихо проговорила Джоанна, и Алеку пришлось наклониться, чтобы ее услышать. – Будь ты начинающим журналистом, который наткнулся на нечто настолько любопытное, что даже редактору одной из самых продаваемых

ежедневных газет в стране было велено держаться подальше, то оставил бы «все как есть»?

С минуту он раздумывал над ответом, потом поднял голову и улыбнулся ей.

– Конечно нет.

– Я так и думала. – Она похлопала его по руке и соскочила с барного стула. – Спасибо, Алек.

– Только не говори, черт возьми, что я тебя не предупреждал. И никому не доверяй! – крикнул он, когда Джоанна прошла в другую часть зала, чтобы взять пальто.

– Уходишь? – поинтересовалась Элис, которая уже болтала с каким-то фотографом.

– Ага, пойду делать домашнее задание. Изучать вопрос, как уберечь анютины глазки от прожорливых улиток.

– Да не парься! Лучше утешься в объятиях Маркуса Харрисона.

– Точно, – кивнула Джоанна, слишком уставшая, чтобы спорить. – Пока, Элис.

Она поймала такси и поехала к Саймону, жалея, что выпила слишком много джин-тоника. Поднявшись в квартиру, Джоанна приготовила себе большую кружку крепкого кофе, потом проверила сообщения на автоответчике.

> *«Привет, Джо, это Саймон. Не смог дозвониться тебе на мобильный. Я вернусь к десяти вечера, так что не запирай дверь изнутри. Надеюсь, все хорошо. Пока».*
>
> *«Привет, Саймон, это Иэн. Думал, ты уже дома, раз не отвечаешь на мобильный. Набери меня, когда вернешься. Кое-что случилось. До связи».*

Джоанна записала сообщение в блокнот и вдруг заметила визитку с номером друга Саймона, которую тот дал ей на всякий случай.

«Иэн К. Симпсон».

Порывшись в рюкзаке, она достала ручку, которую нашла в квартире после погрома, и изучила выгравированные на боковой

стороне инициалы.

«И. К. С.»

– Черт возьми! – громко пробормотала Джоанна в тишине пустой комнаты.

«Никому не доверяй…» – всплыли в памяти слова Алека.

Может, жуткий день в сочетании с джин-тоником превратили ее в параноика? В конце концов, инициалы «И. К. С.» – наверняка не такая уж редкость. С другой стороны, сколько воров носят при себе именную золотую ручку, когда врываются в чей-то дом?

Да еще любовное письмо…

Джоанна никогда даже не задумывалась, что в предложении Саймона может крыться нечто иное, кроме искреннего желания помочь. Но теперь ей пришло в голову, что он как-то чересчур настойчиво пытался забрать письмо. И вообще, чем именно друг занимался в качестве «госслужащего»? Человек с блестящим умом, с отличием окончивший Кембридж, вряд ли просто оформлял штрафы за парковку. И очень кстати пришлись эти «приятели» из криминалистической лабора– тории…

– Черт возьми!

Услышав на лестнице звук шагов, Джоанна поспешно сунула визитку и ручку в рюкзак и метнулась на диван.

– Привет, как дела? – поздоровался Саймон, поставил сумку на пол и подошел, чтобы поцеловать ее в ма– кушку.

– Прекрасно. Да, отлично. – Она притворно зевнула и поджала под себя ноги. – Должно быть, я задремала. Выпила немного в баре после работы.

– Неужели настолько удачный день?

– Да, вполне. Как поездка?

– Пришлось высидеть кучу занудных презентаций. – Саймон прошел на кухню и включил чайник. – Хочешь чаю?

– Не откажусь. Да, кстати, – походя добавила Джоанна, – когда я вернулась домой, на автоответчике было сообщение для тебя от какого-то Иэна. Он просил тебя перезво– нить.

– Хорошо. – Саймон приготовил две чашки чая и устроился рядом с ней. – Ну что, как ты тут?

– Нормально. Я почти полностью убралась в квартире, заполнила все страховые бланки, теперь жду результата. Новую кровать доставят завтра, тогда же придет компьютерщик, чтобы все настроить. И, раз ты вернулся, я отсюда сваливаю.

– Не торопись. Спешить некуда.

– Знаю, но мне хотелось бы вернуться домой.

– Решай сама. – Саймон сделал глоток чая. – Есть какие-нибудь подвижки в деле о странных старушках и их переписке?

– Нет. Я же обещала, что продолжу расследование, только если твой друг-криминалист что-то обнаружит. – Джоанна взглянула на Саймона. – Неужели он…

– Боюсь, что нет. По дороге домой я заскочил в офис и нашел на своем столе записку от него. Похоже, бумага оказалась слишком тонкой и надлежащий анализ провести не удалось.

– Вот как, – протянула она как можно небрежнее. – Письмо у тебя? Мне бы хотелось сохранить его на память.

– К сожалению, нет. Оно распалось в ходе химического процесса. Приятель сказал, что навскидку ему больше семидесяти лет. Прости, Джо.

– Забудь. Да и вряд ли в нем было что-то важное. Спасибо за попытку помочь, Саймон.

Ее самообладанию мог позавидовать кто угодно. На деле же Джоанне хотелось лишь повалить друга на пол и хорошенько поколотить за предательство.

– Все в порядке, – продолжила Джо, и Саймон бросил на нее взгляд, явно удивленный внешним спокойствием подруги. – Тем более теперь меня, судя по всему, ждут более насущные проблемы. Некогда будет гоняться за призраками. Бог знает почему, но мой дорогой редактор решил перевести меня из отдела новостей в «Домашних питомцев и садоводство». Придется приложить все силы, чтобы там не задержаться.

– Сочувствую. Но разве он не объяснил причину?

– Не-а. Ладно, зато мне больше не придется караулить кого-либо на улице. Буду в легком платье и белых перчатках бродить по выставке цветов в Челси. – Джоанна грустно пожала плечами.

– А ты неплохо восприняла мою новость. Я думал, ты будешь злиться.

– Какой в этом смысл? К тому же я ведь говорила, что выпила несколько джин-тоников, чтобы заглушить боль. Слышал бы ты меня в баре! Ладно, если не возражаешь, я в душ и спать. Потрясение меня измотало.

– Бедняжка. Но не переживай. Однажды ты окажешься на месте Эда и сможешь вернуть свое, – утешил ее Саймон.

– Может быть. – Джоанна встала и направилась в ванную. – До завтра.

– Спокойной ночи, Джо. – Саймон чмокнул ее в щеку.

Дождавшись, пока она включит душ, он прошел к себе в спальню и закрыл дверь. Достал мобильный телефон и набрал нужный номер.

– Иэн, это Саймон. Кажется, я просил тебя не оставлять сообщений на моем автоответчике. Хаслам до сих пор здесь живет.

– Извини, забыл. Как учения?

– Тяжело, но это окупится. В чем дело?

– Позвони Дженкинсу домой. Он расскажет.

– Ладно, до завтра.

– Доброй ночи.

Саймон по памяти набрал новый номер.

– Сэр, это Уорбертон.

– Спасибо за звонок. Вы сообщили ей, как мы договаривались, что письмо развалилось на части?

– Да.

– Она спокойно восприняла новость?

– Как ни странно, да.

– Хорошо. Завтра в девять жду вас у себя. Поручу вам особое задание.

– Как скажете, сэр. Доброй ночи.

Саймон выключил телефон и сел на кровать, давая отдых уставшим мышцам. Прошлую неделю он провел на базе агентства в шотландском нагорье, где выдержал изнурительные учения по борьбе с терроризмом. Вдобавок ко всему сегодня вечером ему пришлось ступать по тонкой грани, поскольку его личная жизнь вошла в столкновение с работой, а Саймон всеми силами отчаянно стремился их разде– лить.

Когда следующим утром без четверти восемь он на цыпочках прокрался через затемненную гостиную, чтобы принять душ, Джоанна

уже ушла, оставив записку на кухонном столе.

«Зайду перед работой домой за чистой одеждой. Спасибо, что приютил меня. До встречи. Целую».

Обычное послание. Однако Саймон слишком хорошо знал Джоанну, а потому почувствовал неладное. Прошлым вечером она чересчур спокойно отнеслась к исчезновению письма, и сейчас он готов был биться об заклад, что Джо до сих пор идет по следу загадочной старушки.

15

По мере продолжения съемок в Норфолке Зои все больше погружалась в роль Тесс, которая родила ребенка вне брака и из-за этого стала изгоем в своей деревне. Параллели между жизнями актрисы и героини напрашивались сами собой. Зои лишь надеялась, что ее не постигнет такой же трагический конец.

– Продолжай в том же духе, Зои, и ты получишь премию Британской академии кино и телевизионных искусств, – проговорил режиссер Майк, когда вез ее обратно в отель после просмотра отснятого материала. – Ты, без сомнения, блистаешь перед камерой. Ложись сегодня спать пораньше, дорогая. Завтра у нас длинный день.

– Конечно, Майк. Спасибо. Доброй ночи.

Они забрали ключи на стойке регистрации, и Зои поднялась по крутой скрипучей лестнице в свой номер. Стоило отпереть замок, как в сумочке зазвонил мобильный. Порывшись среди мятных леденцов, тюбиков губной помады и прочего хлама, она отыскала телефон и, прежде чем ответить, закрыла за собой дверь.

– Это я.

– Привет, «я». Как поживаешь? – с таинственной улыбкой прошептала Зои.

– О, как всегда, в делах. И скучаю по тебе.

Упиваясь его голосом, Зои прижала телефон к уху и опустилась на кровать.

– Я тоже по тебе скучаю.

– Сможешь выбраться на выходные в Сандрингем?

– Думаю, да. Майк говорит, что хочет снимать рано утром, во время тумана, но к обеду я уже освобожусь. Но, поскольку придется встать часа в четыре, к семи вечера я вполне могу уснуть.

– Если в моих объятиях, то на здоровье, – проговорил он и, немного помолчав, признался: – Боже, Зои, как бы мне хотелось, чтобы я мог стать кем-нибудь другим.

– А мне нет. Я рада, что ты – это ты, – успокоила она. – Еще пара дней – и мы будем вместе. Уверен, что это безопасно?

– Полностью. Те, кому положено знать, понимают деликатность ситуации. Не забывай, что их работа как раз заключается в

осмотрительности. Не стоит волноваться, любимая.

– Арт, я беспокоюсь не о себе, а о Джейми.

– Конечно, но доверься мне, хорошо? Мой водитель будет ждать тебя возле отеля в пятницу с часу дня. Я займу на выходные Йорк-коттедж, сказал родным, что мне нужно немного личного пространства. Они все понимают и не побеспокоят нас.

– Ладно.

– Я уже считаю часы, любимая. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Зои завершила звонок и вытянулась на кровати, глядя в покрытый трещинами потолок гостиничного номера. На губах расплылась улыбка. Никогда еще ей не доводилось проводить с Артом целые выходные.

И даже ради Джейми она не могла отказаться от этого удовольствия.

Зои приняла горячую ванну и спустилась поужинать. Большинство актеров и членов съемочной группы отправились в близлежащий городок Холт, чтобы посетить превосходный – судя по отзывам – индийский ресторан, и в маленькой столовой со столами и стульями из темного дерева в деревенском стиле царила блаженная пустота. Зои села в углу возле камина и, осознав вдруг, что умирает с голоду, попросила у молодой официантки местное жаркое из свинины.

Как только ей принесли еду, в обеденный зал, слегка покачиваясь, вошел Уильям Филдинг, старый актер, исполняющий роль ее отца.

– Привет, лапочка. Совсем одна? – Он улыбнулся, и в уголках его добрых глаз собрались морщинки.

– Да, – согласилась она и немного неохотно предложила: – Присоединяйтесь ко мне.

– С большим удовольствием. – Уильям прошаркал к ее столу, выдвинул стул и опустился на сиденье. – Проклятый артрит разъедает мне кости. Да еще этот холод. – Он подался вперед, и Зои уловила в его дыхании запах алкоголя. – И все же я должен радоваться, что работаю и играю человека на несколько лет моложе себя. Я чувствую себя скорее твоим дедушкой, чем отцом.

– Глупости. Возраст – это состояние души, и сегодня во время съемок вы взбегали по лестнице, как юнец, – утешила его Зои.

– Да, и это чуть меня не убило, – усмехнулся он. – Но нельзя же позволить нашему уважаемому режиссеру думать, что я слишком стар.

К столику подошла официантка с меню.

– Спасибо, голубушка. Итак, что у нас здесь? – Уильям надел очки и внимательно просмотрел список блюд. – Я возьму суп, ростбиф и двойную порцию виски со льдом, чтобы все это запить.

– Да, сэр.

– Не отказался бы от бокала кларета, но вино, которое здесь подают, ничуть не лучше уксуса, – заметил Уильям, снимая очки. – Тем не менее я наслаждаюсь местными блюдами. Как хорошо, что на выездных съемках всегда организуют питание. Ты согласна?

– Еще как. Я за это время поправилась почти на четыре фунта, – призналась Зои.

– Ну, если хочешь знать мое мнение, тебе это не повредит. Похоже, ты все еще не оправилась после смерти славного сэра Джеймса.

– Вряд ли я когда-нибудь по-настоящему смирюсь с его потерей. Он ведь практически заменил мне Чарльза, моего настоящего отца. Я постоянно по нему скучаю, и боль не становится меньше, – призналась Зои.

– Поверь, так и будет, лапочка. Я ведь старик и знаю кое-что о жизни. О-о, благодарю. – Уильям взял виски у официантки и сделал большой глоток. – Моя жена умерла от рака десять лет назад. Не думал, что смогу без нее жить. Но, как видишь, я все еще здесь. Мне ее не хватает, но, по крайней мере, я уже смирился с тем, что жены больше нет. Хотя мне очень одиноко. Не знаю, что бы я делал без работы.

– Кажется, многие актеры доживают до глубокой старости. Я часто размышляла, в чем причина. Может, потому, что они никогда по-настоящему не уходят на пенсию и продолжают работать, пока…

– Не свалятся замертво? В самом деле. – Он допил виски и сделал знак официантке принести еще. – Твой дедушка дожил до девяноста пяти, верно? Отличный срок, если можно так сказать. Вдохновляет на мысль, что я смогу продержаться еще лет тринадцать или около того.

– Вам в самом деле восемьдесят два? – с неподдельным удивлением спросила Зои.

– Так точно, тебе я могу признаться. Для остальных коллег мне где-то около шестидесяти семи. – Уильям приложил палец к губам. – Я точно помню свой возраст лишь потому, что знаю: сэр Джеймс был старше меня ровно на тринадцать лет. Мы родились с ним в один день и как-то раз, много-много лет назад, даже вместе праздновали день рождения. Ага, суп! Пахнет восхитительно. Извините, но я не могу удержаться.

– Конечно. – Зои наблюдала, как Уильям, держа ложку в дрожащей руке, довольно неуклюже хлебал суп.

– Значит, вы хорошо знали моего дедушку? – поинтересовалась она, когда Уильям отодвинул тарелку и заказал еще виски.

– Да, очень много лет назад, еще до того, как он в буквальном смысле стал Джеймсом Харрисоном.

– В буквальном смысле?

– Ну, ты же наверняка знаешь, что имя «Джеймс Харрисон» – его сценический псевдоним. Когда я познакомился с ним, он был типичным ирландцем, родом откуда-то из Западного Корка. В ту пору его звали Майклом О’Коннеллом.

Зои посмотрела на него с удивлением.

– Вы точно не путаете его с другим актером? Я знаю, что дедушка любил Ирландию и рассказывал, особенно в конце жизни, какое это прекрасное место, но я понятия не имела, что он на самом деле ирландец. Об этом не упоминается ни в одной из его биографий. Я думала, он родился в Дорсете. В речи деда никогда не слышалось даже намека на ирландский акцент.

– Ага! Это лишь доказывает его актерский талант. Он обладал самым потрясающим даром подражания – мог изобразить любой акцент или голос, какой только можно вообразить. Свою карьеру он начал в мюзик-холлах в качестве пародиста. Удивлен, что ты не знаешь, ведь вы с ним были так близки. Но можешь не сомневаться – в твоих жилах течет ирландская кровь.

– Милостивый Боже! А где вы познакомились с моим дедушкой?

– В «Хэкни Эмпайр». В то время мне было всего девять, Майклу двадцать два, и он впервые работал по профессии.

– Вам было девять? – изумилась Зои.

– Да, грешен. Я ведь, если можно так выразиться, родился в бутафорской корзине, – с улыбкой признался Уильям. – Мама

выступала в варьете и, похоже, рассталась с моим отцом. Поэтому она брала меня с собой в театр и, пока работала, я спал в ящике комода в ее гримерке. А когда подрос, то за несколько шиллингов стал выполнять всякие поручения артистов – приносил им еду, доставлял послания, бегал куда-либо или что-то подавал. Так я и познакомился с Майклом, известным среди своих под прозвищем Сиам. Его первой работой в «Эмпайр» стала роль джинна из лампы в пантомиме. Он побрил голову, затемнил кожу и в своем головном уборе и шароварах выглядел точь-в-точь как король Сиама на виденных мною фотографиях. И прозвище прижилось. Да ты и сама знаешь.

– Да, – кивнула Зои. Заслушавшись старика, она совсем забыла об ужине.

– Конечно, ему отчаянно хотелось попасть в настоящий театр, но все мы с чего-то начинаем. Даже в те дни он обладал харизмой, и молоденькие танцовщицы обычно выстраивались в очередь, чтобы пойти с ним на свидание. Должно быть, так проявлялось ирландское очарование, хотя к тому времени говорил он уже как заправский аристократ. Времена были такие, что пришлось научиться, но несмотря на это, Майкл часто развлекал нас ирландскими балладами, – усмехнулся Уильям.

Зои внимательно наблюдала, как старик осушил очередной стакан виски. С тех пор как спустился в столовую, Уильям выпил уже три двойные порции и теперь рассказывал о событиях семидесятилетней давности. Вполне вероятно, что он перепутал Джеймса с кем-то другим.

Пока Зои ковырялась в остывающем жарком, ему принесли ростбиф.

– Значит, он был дамским угодником?

– Воистину так. Но он всегда расставался с женщинами с таким обаянием, что они все равно его любили. Но однажды, где-то в середине сезона, Майкл внезапно исчез из театра. Через два или три дня он так и не появился на представлении, и меня послали к нему домой, выяснить, что с ним: заболел или просто слишком много выпил. Все его вещи были на месте, лапочка, но твоего дедушки там не было.

– Правда? А потом он вернулся?

– Да, больше чем полгода спустя. Я время от времени забегал к нему домой, чтобы проверить, не появился ли он. Майкл никогда не скупился на сладости и давал несколько медяков, если я выполнял его поручения. И вот однажды я постучал к нему в дверь, и он открыл. С новой элегантной стрижкой и в дорогом костюме в придачу. Помню, как он говорил, что приобрел одежду на Сэвил-роу. Майкл всегда был привлекательным, но в тот раз выглядел как настоящий джентльмен, – снова усмехнулся Уильям.

– Надо же, вот это история. Я понятия не имела. Мне он никогда ничего такого не рассказывал. Вы тогда спросили, где он пропадал?

– Конечно, мне и самому не терпелось узнать. Твой дедушка сказал, что играл какую-то роль и за работу отлично заплатили, но больше никаких подробностей. Он решил вернуться в «Эмпайр» и снова выступать на сцене, и, когда появился в театре, руководство и глазом не моргнуло, как будто он никуда не исчезал.

– Вы кому-нибудь уже рассказывали об этом? – поинтересовалась Зои.

– Ни в коем случае, лапочка. Он попросил меня молчать. Мы с Майклом были друзьями. Он доверял мне, еще мальчишке, а я верил ему. Однако я еще не добрался до самого интересного. – В слезящихся глазах Уильяма горел восторг, ведь он нашел для своего рассказа достойную аудиторию. – Может, закажем кофе и пойдем в бар? На этих жестких стульях я отсидел себе всю задницу.

Они устроились на удобной банкетке в углу бара. Уильям удовлетворенно вздохнул и закурил сигарету без фильтра.

– Так вот, – продолжил он, – как-то раз, через пару недель после возвращения, Майкл позвал меня в свою гримерку, вручил два шиллинга и письмо и спросил, не смогу ли я выполнить для него одно поручение. Он велел мне постоять перед универмагом «Свон и Эдгар» на площади Пикадилли и дождаться молодую женщину в розовом, которая спросит у меня время.

– И вы согласились?

– Само собой! В ту пору за два шиллинга я бы слетал на Луну!

– А что женщина? Она все-таки пришла?

– О да, в прелестном наряде. И по манере говорить я сразу понял, что передо мной леди. Самая что ни на есть настоящая.

– Это было лишь раз?

– Нет. За несколько месяцев я встречался с ней десять, а то и пятнадцать раз. И вручал ей конверты.

– А она что-нибудь передавала?

– Квадратные свертки в коричневой бумаге.

– Правда? И что было внутри?

– Понятия не имею. Хотя и ломал над этим голову.

Уильям стряхнул пепел в пепельницу и расплылся в улыбке, глаза на одутловатом лице превратились в тонкие щелки.

Зои прикусила губу:

– Думаете, он ввязался во что-то незаконное?

– Возможно, только Майкл никогда не производил впечатления человека, способного связаться с криминалом. Он был очень добрым.

– Тогда о чем, по-вашему, шла речь?

– Ну, я всегда считал, что о какой-то тайной любовной связи.

– Между кем? Майклом и той женщиной?

– Может быть. Хотя, по-моему, она была всего лишь посланницей, как и я.

– Вы не заглядывали внутрь свертков?

– Нет, хотя и мог бы. Но я всегда ценил щедрость твоего дедушки и ни за что не предал бы его доверие.

Зои потягивала кофе. Она устала, однако история увлекла ее, независимо от того, говорил Уильям правду, выдумывал или в его рассказе, чуть приукрашенном за давностью лет, смешались вымысел и истина.

– А дальше случилось вот что. Майкл позвал меня к себе и сказал, что снова уезжает. Он дал мне столько денег, что на них можно было хорошо питаться целый год, и ради моего же блага посоветовал забыть о событиях последних месяцев. А если меня спросят о нем, особенно те, кто наделен властью, попросил говорить, что я его не знаю. Ну, или что мы едва знакомы. – Уильям затушил сигарету. – А потом Майкл О’Коннелл помахал мне ручкой и в буквальном смысле, лапочка, исчез с лица земли.

– И вы не знали, куда он уехал?

– Представления не имел, разрази меня гром. В следующий раз я увидел Майкла О’Коннелла добрых полтора года спустя на афише театра на Шафтсбери-авеню под именем Джеймс Харрисон. Он

выкрасил волосы в черный и отрастил усы, но эти голубые глаза я узнал бы где угодно.

Зои с изумлением уставилась на старика:

– То есть, по вашим словам, он снова исчез, а затем появился, усатый и темноволосый, под другим именем? Признаюсь, Уильям, мне в это трудно поверить.

– Что ж. – Он громко рыгнул. – Клянусь, лапочка, все это правда. Конечно, когда я увидел его фотографию на стене театра, пусть даже и под вымышленным именем, то прошел к служебному входу и спросил о нем. Он узнал меня, затащил в свою гримерку и закрыл дверь, а потом предупредил, что для моего же блага мне гораздо лучше держаться от него подальше. Сказал, что теперь у него новая жизнь и опасно вспоминать о том, кем он был прежде. И я, – Уильям пожал плечами, – поверил ему на слово.

– А после вы его видели?

– Только из партера, лапочка. Я писал ему пару раз, но так и не получил ответа. Однако на каждый день рождения мне присылали конверт с пачкой наличных внутри. И никаких записок. Но я не сомневался, что деньги от него. Итак, я рассказал тебе необъяснимую историю, случившуюся в молодости с твоим любимым дедушкой. Ни разу прежде она не слетала с моих уст, но сейчас, когда его больше нет с нами, вряд ли это имеет значение. И, если интересно, никто не запрещает тебе попытаться разузнать побольше. – Уильям почесал ухо. – Вот бы еще вспомнить имя той молодой леди, с которой я столько раз встречался возле «Свон и Эдгар». Однажды она мне представилась. Маргарита? Нет. Гортензия? Это было что-то цветочное…

– Лилия? Роза? – предположила Зои.

– Ей-богу, ты права! – Уильям расплылся в улыбке. – Ее звали Роза!

– И вы понятия не имеете, кем она была?

– Ну, не могу же я выдать все его секреты. – Уильям постучал себя по носу. – Да, я догадывался, но, возможно, эту тайну лучше оставить вместе с ним в могиле.

– Я залезу на чердак дома в Дорсете и пороюсь в его памятных вещицах. Вдруг получится найти что-нибудь связанное с вашим рассказом.

– Сомневаюсь, лапочка. Если все это так долго скрывалось, сдается мне, что нам не суждено узнать правду. Тем не менее эта история сойдет для интересной беседы за ужином, – улыбнулся он.

– Да. – Зои подавила зевок и посмотрела на часы. – Уильям, я лучше пойду спать. Завтра вставать очень рано. Огромное спасибо, что все мне рассказали. Если я что-нибудь выясню, то дам вам знать.

– Обязательно, Зои, – кивнул Уильям, не сводя с нее взгляда. Когда она поднялась с банкетки, он поймал ее руку и сжал ладонь. – Ты так похожа на него в молодости, лапочка. Сегодня днем я наблюдал за тобой. Ты унаследовала его дар. Однажды ты станешь очень знаменитой, и дедушка будет тобой гордиться.

На глаза Зои навернулись слезы.

– Спасибо, Уильям, – пробормотала она и вышла из бара.

16

Следующие три печальных дня Джоанна проработала в отделе «Домашние питомцы и садоводство». Она перебралась к себе в квартиру, но, поскольку новую кровать еще не привезли, вот уже две ночи провела на полу спальни, на неудобной импровизированной куче из диванных подушек и одеял. Сегодня Джо ждал ужин с Маркусом, и, соблазненная возможностью поспать в мягкой, удобной постели, она всерьез раздумывала, не остаться ли у него ночевать. Для вечера Джоанна выбрала единственное в ее гардеробе – пусть и поношенное – маленькое черное платье, приталенный кардиган и лоферы, слегка подрумянила щеки, немного подкрасила губы и ресницы и, не дожидаясь, пока длинные волосы окончательно просохнут после душа, направилась к автобусной остановке.

Она старалась двигаться естественным шагом, сопротивляясь постоянному желанию оглянуться, но на всякий случай – если вдруг кто-нибудь решит напасть – сжимала в кулаке связку ключей, острые края которых выступали между пальцами.

Пока автобус катил по Шафтсбери-авеню в сторону Сохо, Джоанна размышляла о предстоящем вечере. Приходилось с горечью признать, что она слишком уж взволнована перспективой вновь увидеть Маркуса. В последние несколько дней Джо всерьез раздумывала над возможностью ему довериться и рассказать все, что узнала о его дедушке. К сожалению, Саймону она больше не верила и с болью в сердце определила его во «вражеский лагерь», пусть даже сама пока не знала, против кого сражалась. А после понижения в должности из уравнения пришлось исключить и Алека. Когда автобус подъехал к остановке недалеко от Лексингтон-стрит, Джоанна окончательно решила, что союзник ей не помешает.

Маркус ждал ее в ресторане «Эндрю Эдмундс» – простом, но довольно очаровательном, со свечами на столиках.

Он тепло поцеловал ее в губы:

– Как ты?

– Все хорошо. – Джоанна села на стул напротив него.

– Потрясающе выглядишь, Джо. Замечательное платье. – Маркус окинул ее взглядом с ног до головы. – Шампанского?

– Давай, раз настаиваешь. Какой-то особый повод?

– Конечно. Мы вместе ужинаем. Для меня это грандиозное событие. Как прошла неделя?

– Честно говоря, ужасно. На работе меня перевели на более низкую должность, да к тому же новую кровать до сих пор не привезли.

– Бедняжка. Я думал, ты решила пока пожить у друга.

– Да, но там стало слегка… тесновато. Вернулся Саймон, а квартира слишком мала для двоих.

– Он к тебе приставал?

– Боже, нет! – Джоанна подавила в себе легкое чувство вины. – Он мой самый давний друг. Мы знакомы уже сто лет. – Она глубоко вздохнула. – Как бы то ни было, это долгая история, отчасти связанная с твоей семьей. Я расскажу тебе за ужином.

Когда они заказали еду и вино, Маркус бросил на нее вопросительный взгляд.

– Ну, продолжай.

– Что именно?

– Поведай мне обо всем.

Джоанна вдруг растеряла всю уверенность.

– Не знаю, стоит ли.

– Неужели все настолько серьезно?

– В том-то и дело, что я не знаю. Возможно, это что-то важное. Или же просто глупость.

Протянув руку через стол, он сжал ее ладонь:

– Джоанна, клянусь, что дальше меня это не пойдет. Сдается мне, тебе необходимо с кем-то поделиться.

– Ты прав. Но я предупреждаю, это странное и непростое дело. – Чтобы придать себе уверенности, она сделала глоток отличного красного вина. – Что ж, ладно. Все началось, когда я пришла на поминальную службу по твоему дедушке…

Джоанна говорила долго. К тому времени как она полностью ввела Маркуса в курс дела, которому дала кодовое название «Ключик старушки», они успели прикончить салат, основное блюдо и большую часть десерта. Джо решила не упоминать о неизвестных мужчинах, идущих по ее следу, отчего-то боясь озвучивать свои мысли о том, что на самом деле происходит.

К концу ее рассказа Маркус закурил и медленно выдохнул дым.

– Значит, вся эта статья обо мне и памятном фонде была лишь прикрытием, чтобы раздобыть информацию о моем дедушке и его запутанном прошлом? – поинтересовался он, пристально глядя на Джоанну.

– Главным образом да, – призналась она. – Прости, Маркус. Хотя, конечно, статью напечатают в газете.

– Такое чувство, что мною просто воспользовались, Джо. Скажи честно, ты согласилась поужинать со мной сегодня вечером, чтобы извлечь еще какие-нибудь сведения или в самом деле хотела меня видеть?

– Клянусь, что хотела тебя видеть.

– Правда?

– Чистая правда.

– Значит, помимо всего прочего, я тебе все-таки нравлюсь? – допытывался он.

– Конечно, Маркус.

– Хорошо. – Он перестал хмуриться и, судя по всему, испытал настоящее облегчение. – Что ж, давай еще раз пройдемся по фактам. На поминальной службе сэра Джима появилась странная пожилая дама, она прислала тебе письмо и программку, потом твою квартиру разгромили, а упомянутое письмо ты отдала на анализ так называемому другу, и после он сообщил тебе, что бумага распалась в процессе тестов…

– Ага. Только знаешь что? Я в это не верю, – вклинилась Джоанна. – Ну, существуют же письма и столетней давности, возраст которых удалось определить с помощью химического анализа. И они до сих пор целы. – Она расстроенно покачала головой. – Но почему Саймон мне солгал? Он ведь в самом деле мой лучший друг.

– Прости, Джо, но, думаю, ты не зря его подозреваешь, – заметил Маркус, потом продолжил излагать факты: – Так вот, ты рассказываешь эту историю своему боссу, и он велит тебе продолжать расследование, но через несколько дней резко меняет мнение и переводит в самый бесполезный раздел газеты, где ты не сможешь создать проблем. – Маркус потер подбородок. – На что бы ты ни наткнулась, это явно не глупость. Вопрос в том, как быть дальше.

Джоанна порылась в рюкзаке и достала конверт.

– Вот фотография, которую я позаимствовала из дома в Дорсете, чтобы дополнить статью. А это театральная программка, которую прислала мне старушка. – Она положила их рядом. – Видишь? Это ведь он?

Маркус рассмотрел обе фотографии.

– Да, очень похож. Возможно, Зои что-то об этом знает и сможет рассказать нам подробнее. Только она сейчас снимается в Норфолке.

– Я бы с удовольствием поговорила с Зои. Хотя теперь мне нужно действовать очень осторожно и делать вид, будто я забыла об этом деле. Сможешь устроить нам встречу?

– Конечно, за определенную плату.

– Какую?

– Выпьем по бокальчику бренди у меня в квартире, – усмехнулся он.

* * *

Устроившись в гостиной Маркуса возле газового камина, Джоанна смотрела на пляшущие языки пламени. Теперь, когда секрет о письме старушки стал известен еще одному человеку, ей стало легче, накатила расслабленность и легкая сонливость.

– Вот, держи. – Маркус протянул ей бокал с бренди и сел рядом. – Итак, мисс Хаслам, что нас ждет дальше?

– Ну, ты постараешься устроить мне встречу с Зои и…

Он приложил палец к ее губам:

– Нет, я говорил не об этом. Что будет у нас с тобой? – Он коснулся ее щеки и намотал на палец прядь волос. – Мне не хочется всего лишь играть роль Ватсона рядом с тобой в образе Холмса. – Маркус забрал у нее бокал, не дав даже сделать глоток, и подался вперед. – Позволь поцеловать тебя, Джоанна, пожалуйста. Если захочешь, ты сможешь остановить меня в любой момент. Обещаю, что послушаюсь.

Когда Маркус припал к ее губам, внутри у Джо все сжалось от предвкушения. Она закрыла глаза. Постепенно нежный поцелуй становился все более страстным. Его язык проник ей в рот и затеял с ее языком чувственный танец. Маркус обвил руками ее плечи, и Джо

расслабилась в его объятиях; все представления о хорошем и плохом вкупе со здравым смыслом растворялись в дымке страстного желания.

Он вдруг резко отстранился.

– В чем дело? – выдохнула Джоанна.

– Просто решил убедиться, что ты не станешь меня останавливать.

– Можешь продолжать.

– Слава богу, – прошептал Маркус и снова притянул ее к себе. – О, Джоанна… Господи, ты великолепна…

Час спустя она взглянула в его лицо, на котором читалось неподдельное благоговение, и довольно улыбнулась.

– Джоанна, похоже, я в тебя влюбился…

Он обнял ее за плечи, она уткнулась ему в шею, вдыхая запах чистых волос и слабый мускусный аромат лосьона после бритья.

– Все хорошо? – поинтересовался он.

– Да.

Он откатился от нее и приподнялся, опершись на локоть.

– Я ведь не шутил. Кажется, я люблю тебя.

– Держу пари, ты говоришь это всем девушкам, – поспешно отозвалась Джоанна.

– До – может быть, но после – никогда. – Он сел и потянулся к брюкам за пачкой сигарет. – Будешь?

– Давай.

Маркус зажег две сигареты, и они сели на пол, скрестив ноги, и закурили.

– Это было здорово, – улыбнулась Джоанна.

– Ты про секс?

– Нет, про сигарету. – Джоанна затушила свою в пепельнице.

– Да ты романтик. Иди ко мне. – Маркус подался вперед и снова ее поцеловал. – Знаешь, с того первого обеда я постоянно о тебе думал. Может, стоит почаще это повторять?

– Ты приглашаешь меня на свидание? – поддразнила она.

– Похоже на то, хотя с учетом случившегося за последний час я с радостью как можно дольше оставался бы дома.

– Не знаю, Маркус, – вздохнула Джоанна. – Я ведь уже говорила, что у меня были длительные отношения, которые ужасно закончились. Я все еще очень ранима. К тому же репутация тебя опережает и…

– Что ты имеешь в виду?

– Да перестань. Все мои знакомые в Лондоне твердят, что ты плейбой.

– Ладно, признаю, я встречался с несколькими женщинами, но клянусь, что в жизни не чувствовал ничего подобного. – Маркус погладил ее по волосам. – Обещаю, что никогда не причиню тебе боль. Прошу, Джо, дай мне шанс. Мы можем двигаться так медленно, как ты захочешь.

– Пока что мы начали не слишком медленно.

– Почему всякий раз, как я пытаюсь говорить с тобой серьезно, ты отделываешься легкомысленными замечаниями?

– Потому что, – Джоанна устало потерла глаза, – мне очень страшно.

– Я лишь хочу стать частью твоей жизни. Дай мне шанс, и клянусь, что не подведу тебя.

– Хорошо, я подумаю об этом. – Джоанна зевнула. – Я совсем без сил.

– Поскольку у тебя нет собственной кровати, можешь переночевать здесь, – с улыбкой предложил Маркус.

– Последние несколько дней я прекрасно спала на полу.

– Джоанна, не стоит вечно быть настороже. Я пошутил. На самом деле мне безумно хочется просыпаться по утрам рядом с тобой.

– В самом деле?

– Можешь не сомневаться.

– Хорошо. Спасибо.

Маркус встал и протянул ей руку, чтобы помочь подняться, а потом отвел в спальню, где откинул с постели пуховое одеяло.

– О-о, кровать. Какое блаженство!

Джоанна забралась в постель и уютно устроилась с довольным видом. Маркус лег рядом с ней и выключил свет.

– Джо…

– Да?

– Нам обязательно сразу ложиться спать?

* * *

На следующее утро Джоанну разбудил Маркус, который уткнулся носом ей в шею. Пока она, все еще наполовину сонная, приходила в себя, он нежно ласкал ее, потом они неторопливо занялись любовью.

– О боже! Посмотри на время. Уже двадцать минут десятого! Я ужасно опаздываю!

Джоанна вскочила с кровати и бросилась в гостиную за своей одеждой. Маркус пошел за ней следом.

– Не уходи, Джо, – попросил он. – Останься со мной. Мы проведем день в постели.

– Заманчиво, но я и так в шаге от вылета с работы, – проговорила она, прыгая по комнате и пытаясь натянуть кол– готки.

– Тогда приходи вечером.

– Нет. Сегодня мне клятвенно обещали доставить новую кровать. К половине шестого нужно быть дома. – Джо натянула платье через голову.

– Могу прийти и помочь застелить постель, – с надеждой предложил он.

– Я позвоню тебе с работы. – Джоанна надела кардиган и, подхватив рюкзак, поцеловала Маркуса. – Спасибо за вчерашний вечер.

– И за сегодняшнее утро, – напомнил он, открывая входную дверь.

– Да. Кстати, можешь позвонить Зои?

– Я все улажу, мэм. – Он поцеловал ее в нос.

Маркус проводил Джо взглядом и потянулся, чувствуя приятную боль в мышцах после вчерашних упражнений в постели. Потом он вернулся в кровать и через несколько минут уже уснул.

В час дня его разбудил телефонный звонок. Маркус поспешно взял трубку, надеясь, что это Джоанна.

– Маркус Харрисон? – спросил мужской голос.

– Да.

– Возможно, ты меня не помнишь. Мы вместе учились в Веллингтонском колледже, но я был на пять лет старше. Меня зовут Иэн. Иэн Симпсон.

– Да… кажется, помню. Ты ведь был старостой? Как поживаешь?

– Прекрасно, просто чудесно. Слушай, может, выпьем по стаканчику? Вспомним старые времена.

– Э-э… когда?

– Сегодня вечером. Давай встретимся в клубе «Сент-Джеймс».

– Боюсь, не смогу. У меня свои планы.

Странно все это. С какой стати Иэну Симпсону вдруг понадобилось так срочно с ним выпить? Во время учебы они вообще не общались друг с другом. Маркус всегда держался подальше от Иэна, о садистских склонностях которого по отношению к младшим мальчикам было известно всей школе.

– Может, отменишь свою встречу? Нужно кое-что обсудить. У тебя даже есть шанс подзаработать.

– В самом деле? Что ж, ладно, встретимся в семь.

– Отлично. А теперь, с твоего позволения, мне пора. С нетерпением жду встречи.

– Да, пока.

Маркус положил трубку и недоуменно пожал плечами. Позже, уже перед уходом, он набрал номер Джоанны.

– Привет, милая. Привезли кровать?

– Да, слава богу. Соседка сверху заметила курьеров, когда они уже собрались уезжать. Хотя я просила их позвонить в квартиру наверху, если меня не окажется дома. Ну да ладно, по крайней мере, кровать уже у меня.

– Если хочешь, позже я помогу ее протестировать. Уверяю, в этом деле у меня большой опыт, – усмехнувшись, заверил он.

– Даже не сомневаюсь, – саркастически протянула Джоанна. – Может, не станем торопиться и вместо этого посмотрим фильм? Я уже настроила новый телевизор, – добавила она. – Приноси кассету с «Выхода нет».

– Ты серьезно, Джо? Я ведь упоминал, насколько гнетущий этот фильм? Мне ли не знать, ведь я его продюсировал.

– Серьезно. – Ее позабавило его смущение. – Хочу увидеть, над чем ты работал. Я запасусь попкорном. Идет?

– Ладно. Но если к концу фильма испытаешь разочарование, не забудь, что я тебя предупреждал.

– Посмотрим. Пока, Маркус.

– Пока, милая.

* * *

Иэна Симпсона Маркус узнал сразу, стоило войти в бар клуба «Сент-Джеймс», хотя круглое лицо и угловатый подбородок старого знакомого уже начали расплываться и терять прежнюю упругость.

«Любитель выпить», – решил Маркус, когда Иэн направился к нему.

Некогда Иэн был капитаном команды по регби, о чем напоминало его крепкое телосложение, и приводил своих ребят к победе, не гнушаясь при этом никакими методами.

– Маркус, старина, рад видеть. – Иэн коротко пожал ему руку. – Садись. Что-нибудь выпьешь?

Маркус взглянул на стакан виски, стоящий перед Иэном, но вспомнил о данном себе обещании и сдержался.

– Пиво подойдет. Благодарю.

– Отлично. – Иэн жестом подозвал официанта и заказал пинту пива и еще порцию виски. Наклонившись вперед, он сцепил руки и уперся локтями в колени. – Ну, как ты жил все эти годы?

– Э-э… с тех пор как окончил школу? Прекрасно. Давненько не виделись. Прошло уже больше семнадцати лет.

– Кем работаешь? – продолжил расспросы Иэн, пропустив его замечание мимо ушей.

– У меня своя кинокомпания.

– Шикарно. А я несчастный госслужащий, зарабатывающий себе разве что на хлеб. Хотя стоит ли удивляться? С твоим-то наследием это вполне естественный ход событий.

– Типа того. Но, по правде говоря, моя фамилия стала скорее помехой.

– Серьезно? Ты меня удивляешь.

– Да, это многих удивляет, – угрюмо согласился Маркус. – В данный момент я создаю фонд в память о моем дедушке, сэре Джеймсе Харрисоне.

– Серьезно? – повторил Иэн. – Надо же, какое совпадение. Как раз о нем я и хотел поговорить. Спасибо, – кивнул он официанту, который поставил заказанные напитки на стол.

Маркус с подозрением взглянул на Иэна, гадая, наступят ли такие времена, когда люди начнут интересоваться им лично, а не его семьей.

– Твое здоровье.

– Да, твое здоровье. – Маркус сделал изрядный глоток пива, наблюдая, как Иэн осушил первый стакан виски и взялся за второй. – Ну, что случилось?

– Все это несколько конфиденциально, и, вводя тебя в курс дела, я, по сути, выдаю секретную информацию. Так вот, ситуация следующая: судя по всему, твой дед был парень не промах и замутил с некой дамой, публичной фигурой своего времени. Она написала ему несколько довольно пылких писем. Много лет назад твой дедушка вернул их все, кроме одного. Самое последнее и, скажем так, компрометирующее он обещал после смерти завещать семье этой дамы. Мы думали, что отыскали его. – Иэн поднял стакан и отпил виски. – Но ошиблись. Найденное письмо оказалось не тем, что нам нужно.

«Письмо, которое Джоанна получила от старушки», – догадался Маркус.

– Кажется, в завещании ничего такого не упоминалось, – невинно пробормотал Маркус.

– Нет. Позднее… члены заинтересованной семьи связались с нами и попросили отыскать это последнее письмо. Если оно попадет не в те руки, возможны весьма неприятные последствия.

– Понимаю. Могу я поинтересоваться, о какой семье речь?

– Нет, но они достаточно богаты, чтобы предложить существенное вознаграждение любому, кто окажет им помощь. По-настоящему солидное.

Маркус закурил и внимательно посмотрел на Иэна.

– И далеко вы продвинулись в своих поисках?

– Не слишком. Говорят, ты водишь дружбу с молодой журналисткой.

– С Джоанной Хаслам?

– Да. Ты в курсе, много ли ей известно?

– Ну, мы почти не обсуждали эту тему. Я слышал лишь, что ей прислали письмо. Предположительно то самое, которое уже у вас в руках.

– Несомненно. Э-э… Маркус, если говорить откровенно… Ты не думаешь, что мисс Хаслам поддерживает вашу дружбу, поскольку с твоей помощью надеется раздобыть дополнительную информацию?

– Все возможно, особенно после того, что ты рассказал, – вздохнул Маркус.

– Как говорится, предупрежден – значит вооружен. Само собой, этот разговор должен остаться строго между нами. Британское правительство верит в твою осмотрительность.

Однако Маркусу уже наскучили эти шпионские игры.

– Слушай, Иэн, хватит молоть чушь! Говори конкретно, чего ты хочешь.

– Ты легко можешь попасть и в лондонский, и в дорсетский особняк своего деда. Возможно, то, что мы ищем, спрятано в одном из этих домов.

«Вероятно, Джоанна искала то же самое», – внезапно осознал Маркус.

– Все может быть. Чердак в Хейкрофт-хаусе битком набит коробками с памятными вещицами деда.

– Тогда я предложил бы еще раз туда съездить и снова порыться в коробках.

– Постой, откуда ты знаешь, что я уже искал? – настороженно спросил Маркус. – Ты что, шпионил за мной и Джоанной?!

– Маркус, старина, как я уже сказал, британское правительство всего лишь пытается как можно скорее решить этот вопрос. И без лишней шумихи для всех заинтересованных сторон.

– Господи! – воскликнул Маркус, не успокоенный тоном Иэна. – Неужели это письмо положит начало Третьей мировой войне?

– Вряд ли. – Иэн улыбнулся, и черты его лица несколько смягчились. – Просто… в давние времена некая юная леди совершила неосмотрительный поступок, который ее родные предпочли бы сохранить в тайне. Возможно, письмо спрятано где-то в другом, неизвестном нам месте. К примеру, твой дед мог доверить его надежным друзьям. Ситуация настолько деликатная, что нельзя ослаблять бдительность. Все это я рассказал тебе сегодня только по необходимости, так что сдерживай язык в постели с Джоанной. Если скажешь ей хоть слово, то нарушишь наше соглашение и вы оба окажетесь… в уязвимом положении. Мы выбрали тебя, поскольку ты благоразумный человек, к тому же беспрепятственно сможешь проникнуть в нужные места и пообщаться с необходимыми людьми,

тогда как мы своим вмешательством лишь вызовем подозрения. И, как я уже упоминал, тебя хорошо вознаградят за хлопоты.

– Даже если я ничего не найду?

Иэн достал из кармана конверт и положил на стол.

– Здесь небольшой аванс на покрытие расходов. Увези милую Джоанну куда-нибудь на выходные, накорми ужином, угости вином и заодно выясни, как далеко она продвинулась в поисках. Но не дави на нее. Как говорится, тише едешь, дальше будешь.

– Я понимаю, к чему ты клонишь, – пробормотал Маркус, борясь с желанием вмазать Иэну по высокомерно задранному носу, который тому уже не раз ломали.

– Хорошо. Так вот, отыщи «золотой билет», и сумма в конверте в сравнении с вознаграждением покажется тебе незначительной мелочью. Теперь, боюсь, мне пора. Я вложил внутрь свою визитку. Если будут новости, звони в любое время дня и ночи. – Иэн встал и протянул руку. – Да, кстати, не хочу излишне драматизировать, но предупреждаю, что ставки высоки. При любой ненужной утечке информации тебя может смыть вместе с ней в сточную канаву. Хорошего вечера.

Застыв на месте, Маркус наблюдал, как Иэн вышел из зала. Последние слова привели его в замешательство. Он попытался побороть нервозность, но сдался и все же заказал себе виски. Маркус сделал большой глоток и напомнил себе, что еще в школе Иэн постоянно запугивал младших мальчишек, чтобы заставить плясать под свою дудку. Однако учителя неизменно видели в нем очаровательного, заботливого человека. Судя по всему, Иэн не изменился, но Маркус уже вырос и отнесся к его угрозам с долей сомнения.

Ему не терпелось заглянуть в конверт и узнать, сколько там денег. Вдруг удастся найти письмо и передать его в нужные руки? В таком случае, судя по намекам Иэна, он фактически сам сможет обозначить цену. И получить достаточную сумму, чтобы снять свой фильм и изменить мир к лучшему…

Затем, несмотря на слова Иэна о «ненужной утечке информации», Маркус задумался, не рассказать ли обо всем Джоанне. Пусть в их отношениях с самого начала не будет никаких секретов. Если он поведает ей, что за последние полчаса выложил ему Иэн, они смогут

искать письмо вместе. Но что, если Иэн узнает? Не хотелось подвергать Джоанну риску… Возможно, пока лучше промолчать и посмотреть, как станут развиваться события, а уж потом решать, что делать.

«То, о чем она не знает, не сможет ей повредить», – философски рассудил Маркус и осушил стакан.

Похоже, Иэн уже оплатил счет, поэтому он просто взял конверт и спустился в мужскую уборную. Запершись в кабинке, Маркус пересчитал толстую пачку двадцати– и пятидесятифунтовых банкнот. Пульс внезапно участился. У него в руках оказалось пять тысяч фунтов стерлингов.

Так, дальше нужно встретиться с Зои и выяснить, что ей известно об этом письме, – не только ради Джоанны, но и с расчетом на будущий кинопроект…

* * *

Маркус поймал такси и полчаса спустя уже входил в квартиру Джоанны. Конверт с наличными виновато жег карман куртки, и он поспешил ее снять, а после вслед за хозяйкой прошел в уютную гостиную, где в газовом камине горел огонь, а на кофейном столике стояла большая миска с поп– корном.

– Я скучал по тебе, – признался Маркус и, подавшись вперед, жадно припал к губам Джоанны.

– Мы же виделись сегодня утром, – возразила она, неохотно разрывая поцелуй.

– Все равно что целую вечность назад, – пробормотал он и наклонился, чтобы снова ее поцеловать, но Джоанна вывернулась из его рук.

– Маркус, фильм!

Он достал старую видеокассету, которую откопал в ящике стола у себя в квартире.

– Снова хочу предупредить: это кино не подходит для романтического настроения.

Джоанна вставила кассету в видеомагнитофон и включила телевизор, потом устроилась на новом диване рядом с Маркусом и

положила голову ему на плечо. Первые полчаса он почти не смотрел на экран, пристально наблюдая за лицом Джоанны, полностью поглощенной снятым им фильмом. Внутри у него все сжималось от беспокойства. Вдруг она решит, что это чушь собачья? Или подумает, что он ни на что не годен? А может…

Когда на экране наконец замелькали титры, Джоанна с сияющим взглядом повернулась к Маркусу.

– Потрясающе, – пробормотала она.

– Ты… ну, что скажешь? – поинтересовался он.

– Великолепный фильм, – проговорила она. – Такие в самом деле надолго запоминаются. Блестящая работа, настолько атмосферная, что, кажется, ты в самом деле попадаешь в тропический лес…

Не дав ей продолжить, Маркус приник к ее губам, солоновато-сладким, с привкусом попкорна. Джоанна ответила на поцелуй. По экрану по-прежнему бежали титры, но они уже не обращали на них никакого внимания.

17

В пятницу днем, вернувшись после съемок в отель, Зои поспешила в номер за сумкой с вещами.

– Водитель ждет вас в баре, мисс Харрисон, – сообщил администратор, принимая у нее ключи.

– Спасибо, – поблагодарила она с бешено колотящимся сердцем.

Зои прошла в главный зал бара, полный местных жителей, но не успела оглядеться, как рядом с ней возник мужчина.

– Мисс Харрисон?

– Да, добрый день. – Чтобы посмотреть ему в лицо, пришлось задрать голову.

Высокий, хорошо сложенный мужчина с волосами песочного цвета и ярко-синими глазами в безукоризненном сером костюме, рубашке и галстуке выглядел здесь совершенно неуместно.

– Давайте я возьму вашу сумку.

– Спасибо, – тепло улыбнулась она.

На автостоянке ждал черный «Ягуар» с затемненными стеклами. Когда они подошли к машине, водитель распахнул для Зои заднюю дверцу.

– Прошу, садитесь.

Она скользнула на сиденье. Мужчина убрал ее сумку в багажник, потом сел за руль.

– Вы долго ждали? – поинтересовалась Зои.

– Нет, всего минут двадцать.

Водитель завел двигатель и сдал назад, выезжая с парковки. Когда «Ягуар» помчался по проселочным дорогам, Зои откинулась на спинку сиденья, обтянутого мягкой бежевой кожей.

– Нам долго ехать? – спросила она.

– Примерно с полчаса, мисс Харрисон, – ответил водитель.

Рядом с этим вежливым привлекательным мужчиной Зои вдруг охватили неловкость и смущение. Он наверняка знал, что везет ее на любовное свидание со своим нанимателем. Интересно, сколько раз он выполнял подобные поручения Арта?

– Вы давно работаете на… э-э… принца Артура? – задала она вопрос, нарушая тишину в машине.

– Нет, я только заступил на эту должность. Вам придется оценить мою работу по десятибалльной шкале.

Зои заметила его улыбку в зеркале заднего вида.

– О нет, не смогу… Ну, я тоже в первый раз… э-э… еду в Сандрингем.

– Что ж, тогда мы оба новички в королевском анклаве.

– Да.

– Даже не знаю, стоит ли сейчас с вами разговаривать. Полагаю, повезло, что мне не отрезали язык и яй… ну, вы понимаете, о чем я.

Зои хихикнула, заметив, как покраснела сзади его шея.

– Я вас не выдам, если и вы будете молчать, – добавила она уже более уверенно.

Вскоре водитель достал мобильный телефон и набрал какой-то номер.

– Прибываем в Йорк-коттедж через пять минут с посылкой для его королевского высочества.

Он включил левый поворотник и проехал через тяжелые ворота из кованого железа, которые бесшумно закрылись за машиной.

– Почти на месте, – объявил водитель, двигаясь по широкой ровной дороге.

Над территорией парка стлалась пелена послеполуденного тумана, мешая что-либо разглядеть. Шофер свернул направо и повел автомобиль по узкой дорожке, обсаженной с обеих сторон кустами, затем остановился.

– Приехали, мисс Харрисон.

Он вышел из машины и открыл перед ней дверцу.

Почти тут же из парадной двери появился Арт, не давая Зои возможности рассмотреть элегантное викторианское здание, укрывшееся среди высоких деревьев.

– Зои! Рад тебя видеть. – Он тепло, но чуть официально расцеловал ее в обе щеки.

– Отнести багаж мисс Харрисон в дом? – спросил водитель.

– Нет, спасибо, я сам возьму, – ответил Арт.

Шофер следил, как принц покровительственно обнял Зои Харрисон за плечи и повел внутрь. Он скорее ожидал, что придется иметь дело с высокомерной, тщеславной знаменитостью с манией величия, однако вместо этого повстречал очень красивую, милую и

робкую молодую женщину. Вернувшись к машине, он забрался внутрь и набрал номер.

– Посылка доставлена в Йорк-коттедж.

– Хорошо. Он настойчиво просил уединения, хочет, чтобы мы держались в стороне. Будем прикрывать отсюда. Жду от вас отчет завтра ровно в двенадцать. До связи, Уорбертон.

– До свидания, сэр.

* * *

Спустя два счастливых дня они прощались в вестибюле Йорк-коттеджа. На улице уже ждала машина, чтобы отвезти Зои в Лондон.

– Я чудесно провел время. – Арт нежно поцеловал ее в губы. – Только вот пролетело оно незаметно. Когда ты возвращаешься в Норфолк?

– Во вторник. До тех пор останусь в Лондоне.

– Я позвоню тебе. Возможно, смогу даже заскочить, пока ты в городе. Я вернусь в Лондон немного позже, вечером.

– Хорошо. Спасибо за прекрасные выходные.

Они вместе подошли к ожидающему «Ягуару». Водитель уже убрал сумку Зои в багажник и теперь открыл перед ней дверцу.

– Береги себя. – Арт помахал ей рукой.

Шофер завел двигатель, и фигура принца вскоре скрылась за деревьями. Наконец автомобиль выехал за ворота поместья.

– Отвезти вас на Уэлбек-стрит, мисс Харрисон?

– Да, спасибо.

Зои невидящим взглядом смотрела в окно. Последние сорок восемь часов измотали ее и физически, и эмоционально, а постоянное настойчивое присутствие Арта рядом с ней попросту утомило. Она закрыла глаза, надеясь немного подремать. Слава богу, впереди два выходных, чтобы прийти в себя и подумать. Арт уже составил кучу планов, которые позволили бы им видеться наедине и проводить время вместе. Он хотел рассказать родным об их любви, а потом, возможно, и всей стране…

Зои тяжело вздохнула. Приятные мысли, вот только что готовит им будущее? Внимание, с которым придется столкнуться Джейми,

может иметь катастрофические последствия.

«Во что я ввязалась?»

– Вам не слишком жарко, мисс Харрисон? Дайте знать, и я убавлю обогрев.

– Нет, все отлично, спасибо, – ответила она. – Хорошо провели выходные?

– Да, неплохо, благодарю. А вы?

– Вполне приятно, – кивнула Зои в полумраке машины.

Всю оставшуюся дорогу шофер не проронил ни слова – видимо, почувствовал, что она не в настроении болтать о всяких пустяках. И Зои была ему за это благодарна.

На Уэлбек-стрит они приехали в начале четвертого. Пока Зои отпирала входную дверь, водитель донес до порога ее сумку.

– Благодарю, – кивнула она. – Кстати, как вас зовут?

– Саймон. Саймон Уорбертон.

– Хорошего вечера, Саймон. И большое спасибо.

– До свидания, мисс Харрисон.

Саймон вернулся в машину и проследил взглядом, как Зои закрыла за собой входную дверь. Сообщив по рации, что доставил женщину в целости и сохранности, он направился в автопарк, чтобы сдать «Ягуар» и забрать свою машину.

Когда Зои спросила его насчет выходных, Саймон безбожно солгал. Вернувшись в пятницу днем из Норфолка, он вошел в квартиру и обнаружил письмо из Новой Зеландии, в котором Сара сообщала, что встретила другого мужчину, влюбилась, обручилась с ним и решила остаться, поскольку успела полюбить эту страну. Она, конечно, извинялась и признавала, что виновата… обычные банальности, не тронувшие растоптанное сердце Саймона. И хотя он осознал вдруг, что в глубине души по-настоящему не верил в возвращение Сары, ее признание все же полностью его опустошило.

В жизни Саймон плакал очень редко, однако в пятницу вечером не смог удержаться от слез. Он столько времени ее ждал, стойко отвергая других женщин, и теперь горечь от того, что Сара бросила его всего за несколько недель до предполагаемого возвращения, разъедала изнутри.

Давняя подруга Саймона – единственная, которая смогла бы его утешить, – не брала трубку. Возможно, ее просто не было дома либо

она намеренно не отвечала на его звонки. И в довершение всего в воскресенье ему пришлось везти томящуюся от любви кинозвезду обратно в Лондон.

Это «особое задание» ему поручили в Темз-хаусе на прошлой неделе, пояснив, что в отделе охраны королевской семьи не хватает персонала и нужно «помочь». Но Саймона это ничуть не впечатлило. Если бы его наняли присматривать за кем-то из членов правящего семейства – одно дело, но возить любовницу младшего принца, третьего в очереди на трон? Что за нелепость. Какого черта после стольких лет специальной подготовки ему досталась роль обычного шофера? К тому же правила общения с особами королевской крови казались бесконечными, словно бы те были не просто людьми, как все прочие, а составляли совершенно особый вид.

Саймон сдал «Ягуар», вождение которого за последние три дня стало для него единственным удовольствием, и сел в свою машину. Оставалось лишь надеяться, что теперь он свободен от «особых обязанностей» и сможет вернуться к повседневной работе.

Всю дорогу до Северного Лондона Саймон боролся с нежеланием возвращаться домой, в пустую квартиру. Повинуясь неожиданному импульсу, на перекрестке он свернул направо и проехал мимо дома Джоанны. В окнах ее квартиры горел свет. Саймон остановился, вышел из машины и позвонил в дверь. Он заметил, как Джоанна, прежде чем открыть, выглянула в окно.

– Привет, – поздоровалась она, похоже не обрадовавшись его приходу.

– Я не вовремя?

– Да, немного. Я как раз пишу статью на завтра. – Она застыла в дверях, явно не желая приглашать его войти.

– Ладно. Я просто проезжал мимо.

– У тебя усталый вид, – заметила Джоанна. Ей хотелось знать, что с ним случилось, но, видно, не настолько, чтобы впустить его в квартиру.

– Да. Выдались насыщенные выходные.

– О-о, прекрасно понимаю. Все в порядке?

Он кивнул, стараясь не встречаться с ней взглядом.

– Конечно, все отлично. Позвони как-нибудь и приходи на ужин. Посидим, поболтаем.

– Хорошо, – кивнула Джоанна. С ним явно что-то произошло, и ее грызло сильное чувство вины за то, что не пригласила друга войти. Однако она просто-напросто больше не доверяла Саймону.

– Ладно, пока.

Он засунул руки в карманы и зашагал по дорожке к оставленной машине.

* * *

Стоило устроиться в горячей ванне, чтобы немного расслабиться, как кто-то позвонил в дверь.

– Черт, – пробормотала Зои, надеясь, что нежданный визитер уйдет.

Кто бы это мог быть? Арт еще не вернулся из Сандрингема, а Джейми в школе – она только недавно с ним разговаривала.

Снова прозвенел звонок. Сдавшись, Зои завернулась в полотенце и спустилась по лестнице.

– Кто? – крикнула она через дверь.

– Твой дорогой братец.

– Входи! Я сейчас надену халат и спущусь.

Зои открыла ему и поспешно взбежала по лестнице.

– Хорошо выглядишь, Маркус, – заметила она, вскоре вернувшись в гостиную. – Как странно: ты пробыл здесь целых пять минут, но до сих пор не налил себе выпить.

– Любовь хорошей женщины творит чудеса.

– Ясно. И кто она?

– Расскажу чуть позже. Как съемки? – поинтересовался он.

– Хорошо. Мне очень нравится.

– Ты вся сияешь, Зо.

– Неужели?

– Влюбилась в приличного парня? – забросил удочку Маркус.

– Ха-ха! Ты ведь знаешь, в моей жизни две страсти – работа и ребенок, – невинно улыбнулась Зои. – Лучше расскажи, что это за женщина, которой удалось превратить тебя в трезвенника.

– Ну, не преувеличивай. Однако вполне возможно, что она «та самая». Давай завтра поужинаем вместе в бистро за углом моего дома,

за мой счет. Как раз познакомишься с ней. Хотелось бы услышать твое мнение, я всегда ему доверял.

– Неужели? – хмуро поинтересовалась Зои. – Сомневаюсь. Но, конечно, я хочу с ней познакомиться.

Тишину в гостиной нарушил звук мобильного телефона. Зои огляделась в поисках сумочки и заметила ее возле двери.

– Алло, – проговорила она в трубку и улыбнулась невидимому собеседнику. – Да, конечно, спасибо. А ты? Я тоже. Здесь мой брат. Поговорим позже, ладно? Пока.

– И кто же это был? – Маркус поднял бровь. – Санта-Клаус?

– Просто друг.

– Да-да, конечно, – заметил Маркус, глядя, как она, уткнувшись в мобильник, пытается скрыть мечтательное выражение лица. – Ну же, Зо, ты с кем-то познакомилась?

– Нет… да… О господи!.. Вроде того.

– Кто он? Я его знаю? Может, пригласишь своего друга на завтрашний ужин?

– Хотела бы я, – пробормотала она. – Но все немного сложно.

– Он женат?

– Вроде того. Маркус, я правда не могу сказать больше. Увидимся завтра вечером. Часов в восемь, если ты не против.

– Конечно. – Маркус встал и направился к входной двери. – Кстати, ее зовут Джоанна. Будь с ней поласковее, сестренка.

– Хорошо. – Она поцеловала его в щеку. – До встречи.

* * *

Решительно настроившись к следующему визиту Джоанны избавиться от остатков холостяцкой грязи, Маркус по пути домой заскочил в магазин за чистящими средствами. Насвистывая, он поднялся по лестнице и удивленно замер – дверь в его квартиру оказалась открыта. Неужели грабитель? Но не успел Маркус войти и разобраться, как из двери выглянул рабочий в строительном комбинезоне.

– Вы снимаете эту квартиру? – поинтересовался мужчина.

– Да. А вы кто такой? И кто вас впустил?

– Я приятель вашего домовладельца. Он попросил меня разобраться с сыростью.

– С какой еще сыростью?

Сбитый с толку, Маркус протиснулся мимо строителя и вошел в квартиру.

– Вот с этой, приятель. – Строитель указал на участок стены как раз над дверным проемом, покрытый свежей штукатуркой. – О проблеме сообщили ваши соседи. Боюсь, что все дело в стенах.

– Но сейчас воскресный вечер! Домовладелец не предупреждал, что вы придете.

– Простите. Наверное, он забыл. Ладно, я все уже уладил.

– Э-э… хорошо. Спасибо, – выдавил Маркус, наблюдая, как строитель укладывает инструменты в ящик.

– Что ж, я пойду.

– Конечно. Спасибо.

– Бывай, приятель.

Мужчина прошел мимо потрясенного Маркуса и покинул квартиру.

18

В понедельник вечером Джоанна надела джинсы со своей любимой темно-зеленой блузкой и, перед тем как выйти из квартиры, наспех обрезала с нее выбившиеся нитки. Вскоре Джо уже сидела рядом с Маркусом в слабо освещенном зале бистро, заметно нервничая перед встречей с Зои Харрисон.

– Ради бога, успокойся, Джо, все будет хорошо! Только не спрашивай ее про отца Джейми. У сестры паранойя по этому поводу. Ей и так будет не по себе, когда она узнает, что ты журналист.

Маркус заказал бутылку вина и закурил.

– Возможно, ей полегчает, если я объясню, что меня интересуют лишь сорта бегоний, которые она сажает у себя в саду, – мрачно проговорила Джоанна. – Не знаю, сколько еще продержусь на такой работе.

– Не волнуйся, не успеешь оглянуться, как уже вернешься в свой прежний отдел. – Маркус обнял ее за плечи. – Особенно если раскроешь великую тайну сэра Джима.

– Сомневаюсь. Мой редактор все равно не станет это печатать.

– Ну, всегда отыщется какая-нибудь скандальная газетенка, которая ухватится за такую возможность. – Он поцеловал Джо. – Любимая, а вот и Зои.

Женщину, которая шла в их сторону, было легко узнать. Джоанна вздохнула с облегчением, заметив, что сестра Маркуса тоже не стала наряжаться для этой встречи. В джинсах и кашемировом свитере в тон ее глазам, без макияжа, с собранными в пучок на макушке светлыми волосами она совсем не походила на блестящую звезду, которую ожидала увидеть Джоанна.

– Джоанна, я Зои Харрисон, – с улыбкой представилась сестра Маркуса, и Джо встала. – Приятно познакомиться.

Женщины пожали друг другу руки. Джоанна со своим ростом возвышалась над изящной Зои.

– Красное или белое, Зо? – спросил Маркус, когда официант открыл вино.

– Любое. То же, что и вам. – Зои устроилась напротив них. – Итак, где вы познакомились с моим братом?

– Э-э… я…

– Джоанна – журналистка из «Морнинг мейл». Она брала у меня интервью насчет памятного фонда. Кстати, милая, что со статьей?

– Выйдет в ближайшее время. Может, даже на следующей неделе.

На лице Зои явно промелькнула тень беспокойства.

Маркус вручил женщинам по бокалу белого вина.

– Ваше здоровье. Выпьем за двух самых прекрасных дам Лондона, которые в этот вечер находятся рядом со мной.

– Ну ты и льстец, братишка. – Подняв бровь, Зои взглянула на Джо и сделала глоток вина. – О чем ты пишешь, Джоанна?

– Ну, в данный момент о садоводстве и домашних животных, – призналась она и заметила, как Зои облегченно вздохнула.

– Но лишь временно, – вмешался Маркус. – Надеюсь, эта женщина станет настолько успешной, чтобы содержать меня в старости.

– Без этого не обойтись, – протянула Зои. – Ты ведь не слишком подходишь на роль управляющего Банком Англии. Не правда ли, Маркус?

– Не обращай внимания на мою сестру, – обратился он к Джоанне, одарив Зои предупреждающим взглядом. – Мы с ней постоянно пререкаемся.

– Так и есть, – согласилась Зои. – Но лучше тебе сразу увидеть Маркуса в истинном свете, Джоанна. Чтобы в будущем не столкнуться с неожиданностями или потрясениями.

– Конечно, ты права, сестренка. А теперь, может, помолчишь и мы закажем ужин?

Заметив на лице Зои адресованную ей улыбку, Джоанна поняла, что той просто нравится поддразнивать брата. Джо улыбнулась в ответ.

Когда официант принял заказ, Маркус извинился и ушел в соседний магазин за пачкой сигарет.

– Я слышала, ты снимаешься в Норфолке в экранизации «Тесс», – заговорила Джоанна.

– Да.

– И как? Нравится?

– Очень. Чудесная роль. – Лицо Зои просияло. – Надеюсь лишь, что смогу как следует с ней справиться.

– Даже не сомневаюсь. Приятно видеть в этой роли английскую актрису, – подбодрила Джоанна. – Я всегда любила книги Гарди, особенно «Вдали от обезумевшей толпы». Мы изучали ее для сдачи экзамена, и всякий раз, как на улице было слишком сыро для игры в нетбол[16], нас заставляли смотреть снятый по ней фильм. Говорят ведь, что каждый мужчина либо Габриэль Оук, либо капитан Трой. И мне отчаянно хотелось занять место Джули Кристи, чтобы поцеловать Теренса Стэмпа в солдатской форме![17]

– Мне тоже! – хихикнула Зои. – В мужчинах в форме есть что-то особенное.

– Может, все дело в блестящих пуговицах?

– Нет, меня определенно сразили бакенбарды, – с усмешкой призналась Зои. – Боже, какой ужас. Страшно даже вспоминать, кто мне тогда нравился. Представь только, во сне я видела Саймона Ле Бона[18].

– По крайней мере, он хорош собой. Нет, мой был гораздо хуже.

– Кто? – поинтересовалась Зои. – Выкладывай.

– Бой Джордж из Culture Club. – Джоанна покраснела и опустила глаза.

– Но он ведь…

– Знаю!

Когда Маркус вернулся с сигаретами, обе женщины дружно хихикали.

– Неужели моя сестра рассказывала забавную историю из моего детства?

– Почему мужчины вечно полагают, что мы только о них и говорим? – фыркнула Зои.

– Потому что слишком зациклены на собственной значимости.

– Разве они не правы?

Женщины закатили глаза и рассмеялись.

– Может, возьмете уже себя в руки и приступите к ужину? – угрюмо предложил Маркус, завидев подходящего к столику официанта.

К тому времени, как они допили вторую бутылку вина, Маркус ощущал себя странно лишним в этой компании. Конечно, ему нравилось, что Зои и Джоанна нашли общий язык, но создавалось впечатление, будто он нелегально проник на девичник, где женщины

делились историями из подросткового прошлого, в которых сам Маркус не находил ничего забавного. К тому же ему не терпелось перейти к другой теме и выяснить, что его интересовало. Однако Зои увлеченно рассказывала, как в школе-интернате они подшутили над ненавистной учительницей с помощью наполненного водой презерватива.

– Спасибо, Маркус, – проговорила Джоанна, когда он снова наполнил вином ее бокал.

– Не стоит благодарности, мэм. Я здесь, чтобы вам угождать, – пробормотал Маркус.

– Ну хватит дуться! – Зои постучала себя по носу и наклонилась через стол к Джоанне. – Подсказка знатока: если он поджимает губы и слегка косит глазами, это верный признак плохого настроения.

– Понято и принято, – подмигнула Джоанна.

– Ну что, братишка, как дела с памятным фондом? – поинтересовалась Зои.

– Двигаются потихоньку. Через пару недель проведу презентацию в фойе Национального театра. Кстати, в данный момент я набираю членов жюри для прослушивания. По-моему, стоит включить туда руководителя театральной школы, режиссера и знаменитых актера и актрису. Ты не откажешься стать этой актрисой, Зо, учитывая, что речь о фонде сэра Джима?

– О, отличная идея. Ведь мне придется обхаживать целую кучу потрясающих восемнадцатилетних парней, чтобы убедиться в их достоинствах…

– Я могу забрать тех, кто не понравится.

– Джоанна! – воскликнул Маркус.

– Что-то вроде конкурса на звание Мисс мира, – добавила Зои.

– Пригласи их на прослушивание в плавках, – посоветовала Джоанна.

– И пускай читают монолог из «Генриха V»…

Глядя на истерически хохочущих женщин, Маркус лишь безнадежно покачал головой.

– Прости, братишка. – Зои вытерла глаза салфеткой. – Для меня будет честью войти в состав жюри. О, кстати, об актерах. На днях я мило побеседовала с Уильямом Филдингом, который играет в «Тесс» роль моего отца. Похоже, давным-давно он знал Джеймса.

– Правда? – небрежно спросил Маркус, а сам навострил уши.

– Да. – Зои сделала глоток вина. – Он рассказал какую-то дикую историю о том, что когда познакомился с Джеймсом, тот был совсем другим человеком. Ирландцем из Корка по имени Майкл… кажется, О'Коннелл. Он выступал с каким-то шоу в мюзик-холле «Хэкни Эмпайр», но совершенно неожиданно исчез. Да, еще Уильям упоминал о письмах и о любовной связи Джеймса с какой-то женщиной.

Слова Зои потрясли Джоанну. Они полностью подтверждали ее теорию, что эти двое мужчин все-таки были одним человеком. Ее вдруг охватило волнение, по спине побежали мурашки.

– Откуда он узнал о письмах? – как можно спокойнее поинтересовался Маркус.

– Потому что был посыльным Майкла О'Коннелла. Он стоял перед универмагом «Свон и Эдгар» и ждал некую женщину по имени Роза. – Зои закатила глаза. – Конечно, Уильям – милый старичок, но мне вся эта история показалась неправдоподобной.

У Джоанны бешено забилось сердце, но она молчала, надеясь, что Маркус сумеет задать нужные вопросы.

– Возможно, это правда, Зо.

– Наверное, отчасти. Без сомнений, в давние времена они были знакомы, но, думаю, сейчас память Уильяма уже не та, что прежде. Вероятно, он перепутал Джеймса с кем-то другим. Хотя рассказ его был очень детальным.

– Твой дедушка об этом не упоминал? – не в силах удержаться, спросила Джоанна.

– Нет, никогда. – Зои покачала головой. – Честно говоря, если бы существовала подобная история, Джеймс наверняка рассказал бы мне ее перед смертью. У нас почти не было секретов друг от друга. Конечно, незадолго до конца, когда его мозг затуманивал морфий, дедушка бормотал что-то об Ирландии, о доме в местечке под названием… – Зои порылась в памяти. – Точно не помню, но, по-моему, оно начиналось на букву «Р».

– Я читала несколько биографий твоего деда. Странно, что там ничего подобного не упоминалось, – заметила Джоанна.

– Вот-вот. Так что я с трудом верю в эту историю. По словам Уильяма, Джеймс в итоге сказал, что лучше им пойти разными путями и больше не общаться.

– Надо же. Как по мне, стоит копнуть поглубже, – подал голос Маркус.

– О, непременно, как только найду время. В любом случае надо разобрать коробки на чердаке в Хейкрофт-хаусе. После окончания съемок я съезжу туда на выходные. Посмотрим, что получится найти.

– Если хочешь, я могу помочь, Зо.

– Ты, Маркус? – Зои подняла бровь. – Не могу представить, как мой брат роется в коробках со старыми пыльными письмами и газетными вырезками. Ты быстро устанешь от этого занятия и все оставшееся просто отправишь в костер.

– Ты права. – Джоанна закатила глаза. – Он бросил меня там одну и пошел в паб. Думаю, тебе понадобится как минимум неделя, чтобы со всем разобраться. Я справилась лишь с парой коробок.

– Ты рылась в вещах Джеймса? Что именно ты там искала? – озабоченно нахмурилась Зои.

– Да просто пару фотографий, связанных с актерским прошлым сэра Джеймса, для статьи о памятном фонде, – поспешно ответила Джоанна. Ей стало ясно, что Зои вовсе не давала Маркусу разрешения на недавние поиски сокровищ.

– Послушайте, девочки, на днях у меня появилась идея, – вмешался Маркус, явно желая обойти скользкую тему.

– Какая? – подозрительно спросила Зои.

– Ну, честно говоря, эту мысль подкинула Джоанна, – поправился Маркус. – Когда мы ездили туда пару недель назад, она предложила продать кое-что с аукциона, чтобы собрать средства для памятного фонда, либо передать часть вещей Театральному музею. Но это значит, что все коробки придется тщательно разобрать и составить опись найденного.

– Не знаю, – с сомнением протянула Зои, – смогу ли я расстаться с этими вещами.

– Сейчас они в любом случае гниют на чердаке. Зои, если ты не возьмешься за них в ближайшее время, там просто не останется того, что стоило бы сохранить.

– Я подумаю об этом. Значит, ты не обнаружила в коробках ничего важного?

– К сожалению, нет. Лишь незначительные мелочи дорсетской жизни, – пробормотала Джоанна.

– Итак, ты беседовала с актером по имени Уильям Филдинг, – подвел итог Маркус.

– И даму, с которой он встречался, звали Роза, – быстро добавила Джоанна.

– Точно. – Зои посмотрела на часы. – Не хочу портить вам праздник, но мне нужно пораньше лечь спать. Завтра я возвращаюсь в Норфолк. – Она встала. – Потрясающий ужин, а компания еще лучше.

– Не хочешь сходить со мной завтра в Национальный театр? – спросил ее Маркус. – В половине третьего я встречаюсь с организатором, чтобы обсудить детали презен– тации.

– Я бы с радостью, но к тому времени уже буду на съемках в Норфолке. Так что извини, – ответила Зои и повернулась к Джоанне. – Нам с тобой нужно как-нибудь пройтись по магазинам. Я свожу тебя в тот маленький бутик, о котором рассказывала.

– Спасибо, с удовольствием.

– Отлично. – Зои взяла со стула куртку и надела. – Как насчет следующей субботы? О, вот только Джейми приедет домой на выходные. Ну да ладно. Буду ждать вас с утра у себя. Пока мы с тобой гуляем, Маркус посидит с ребенком.

– Минутку, я…

– За тобой должок, Маркус. – Зои поцеловала брата в щеку. – Доброй ночи, Джоанна. – Она помахала рукой и вышла из бистро.

– Что ж, ты явно понравилась моей сестренке. Давненько не видел ее такой раскованной, – проговорил Маркус, беря Джоанну за руку. – Пойдем ко мне. Выпьем бренди и обсудим рассказ Зои.

Они вышли из бистро и через пять минут пешей прогулки оказались возле дома, где жил Маркус. Он зажег изысканную свечу, за которую выложил приличную сумму, и усадил Джоанну на диван. Она, до сих пор находясь под впечатлением от рассказа Зои, не сопротивлялась, когда Маркус налил ей бренди и устроился рядом.

– Похоже, ты права, – задумчиво произнес он. – Майкл О’Коннелл и сэр Джим в самом деле одно и то же лицо.

– Да.

– Уильям Филдинг познакомился с Джеймсом много лет назад, когда тот носил другое имя и вел иную жизнь. Однако вплоть до самой его смерти ни разу об этом не обмолвился. Вот что значит преданность.

– Возможно, здесь замешан также страх, – добавила Джоанна. – Если Уильям доставлял и получал письма Джеймса с конфиденциальной информацией, конечно, было крайне важно, чтобы он держал рот на замке. Вполне возможно, ему заплатили за молчание. Или попросту пустили в дело шантаж. – Она зевнула. – Боже, Маркус, я уже устала ломать голову над тем, что все это значит.

– Тогда давай оставим это дело и вернемся к нему утром. Пойдем в постель?

– Да.

Он поцеловал ее, затем притянул к себе.

– Спасибо за ужин, – сказала Джоанна. – Кстати, Зои мне понравилась.

– М-м-м. Ты ведь не лезла из кожи вон лишь из корыстных побуждений? Для твоего расследования было бы очень удобно подружиться с Зои.

– Да как ты смеешь! – Разъяренная Джоанна высвободилась из его объятий. – Господи! Я всеми силами старалась поладить с твоей сестрой ради тебя. И она мне очень понравилась! А ты обвиняешь меня в корысти? Боже! Да ты меня вообще не знаешь!

– Успокойся, Джо, – пробормотал Маркус, застигнутый врасплох ее внезапной яростью. – Я пошутил. Здорово, что вы поладили. Зои не помешало бы завести подругу. Она никогда ни с кем не откровенничает.

– Надеюсь, ты сейчас говоришь искренне.

– Да-да, конечно. И, по правде говоря, тебе даже не пришлось что-либо у нее выпытывать. Она сама обо всем рассказала.

– Точно. – Джоанна направилась в прихожую.

Маркус последовал за ней.

– Куда ты?

– Домой. Я слишком сердита, чтобы оставаться.

– Джоанна, пожалуйста, не уходи. Я ведь уже извинился. Я…

Она со вздохом открыла дверь.

– Думаю, мы просто слишком торопимся, Маркус. Мне нужна небольшая передышка. Спасибо за ужин. Доброй ночи.

Он с несчастным видом закрыл за ней дверь, размышляя, какие все же сложные создания женщины, затем устроился на диване и

вернулся мыслями к насущному вопросу. Как же ему побеседовать с Уильямом Филдингом, чтобы не вызвать подозрений у сестры?

19

Уильям Филдинг расположился в любимом кресле возле старого газового камина. Он устал, мучительно ныли кости. Без сомнения, ему недолго осталось трудиться на актерском поприще. Потом придется сдаться и поселиться в каком-нибудь жутком приюте, где содержат стариков и тех, кто немного выжил из ума. Но Уильям сомневался, что сможет долго протянуть без работы.

Общение с Зои Харрисон на съемочной площадке «Тесс» стало для него отдельным удовольствием. И поневоле заставило вспомнить о прошлом.

Уильям опустил взгляд на толстое золотое кольцо с печаткой, которое зажал в скрюченной руке. Даже сейчас при мысли о своем низком поступке внутри все переворачивалось. Он видел от Майкла только доброту и все-таки посмел его обокрасть. Всего лишь раз, когда они с мамой отчаянно нуждались в деньгах. В то время она не могла работать из-за сильного расстройства желудка, хотя теперь, оглядываясь назад, Уильям понимал, что причина скорее была в интрижке с местным мясником и попытке избавиться от ненужного крошечного существа с помощью вязальной спицы.

Как раз в то время Майкл О’Коннелл отправил мальчугана к себе домой за сменой одежды. Войдя в квартиру, Уильям увидел это кольцо на раковине для умывания и отнес его прямиком в ломбард. Ему заплатили достаточно, чтобы они с мамой могли безбедно существовать целых три месяца. К сожалению, она умерла всего пару недель спустя от заражения крови. И хотя Уильяма было проще простого связать с кражей драгоценности, Майкл, как ни странно, никогда даже не упоминал о пропавшем кольце. Несколько месяцев спустя, с трудом накопив денег, Уильям пошел в ломбард и выкупил заложенную вещь. Однако к тому времени Майкл снова исчез.

Увидев Зои на съемках в Норфолке, он решил подарить кольцо ей. Конечно, вполне вероятно, она посчитала его старым чудаком и выдумщиком, но будет только справедливо, если эта драгоценность окажется у нее. Вечером Уильям надел кольцо на палец, чтобы не забыть его утром, и уже лежа в постели задумался, не стоит ли также открыть ей тайну, которую носил в себе целых семьдесят лет. Он ни на

миг не усомнился, когда Джеймс Харрисон предупредил его об опасности, поскольку обнаружил, кем на самом деле была Роза…

* * *

За неимением лучшего занятия Саймон присоединился к коллегам в пабе неподалеку от Темз-хауса.

– Привет, Саймон, как дела? – хлопнул его по плечу Иэн.

– Честно? Не очень. Меня бросила девушка, и я по-прежнему работаю во дворце водителем элитного такси, – сообщил он.

– Соболезную по поводу женщины, а насчет работы… ну, сам знаешь, начальству виднее. Выпьешь?

– Давай. Мне пинту.

– Вообще-то, сегодня в пору угощать тебе. У меня день рождения. Гребаный сороковник. И я намерен напиться до чертиков, – проговорил Иэн, безуспешно пытаясь привлечь внимание бармена.

Судя по посеревшей, покрытой испариной коже, налитым кровью глазам и неспособности сфокусировать взгляд, он почти достиг своей цели.

– Значит, ищешь себе новую телку? – Иэн устроился напротив него.

– Нет, лучше подожду, пока улягутся страсти, и лишь потом вновь сунусь в логово льва. – Саймон сделал глоток пива. – Ладно, все нормально, я переживу.

– Вот это сила духа. – Иэн рыгнул. – Надеюсь, это послужило тебе уроком. – Он погрозил Саймону пальцем. – Мой девиз: «Не становись подкаблучником, просто спи с ними в свое удовольствие».

– Извини, Иэн, но это не для меня.

– Кстати, о бабниках: на днях я кое с кем виделся. Нам бы всем у него поучиться. Тот еще придурок! Но бабы буквально падают к его ногам.

– Неужели я слышу нотки зависти?

– Завидовать Маркусу Харрисону? Еще чего! Да он за свою жизнь ни дня нормально не работал. Когда Дженкинс попросил меня заручиться помощью Харрисона в расследовании, я ему прямо сказал: предложите парню денег, и он в вашем распоряжении. Конечно, я

оказался прав. Мы заплатили этому козлу, чтобы он шпионил за своей подружкой. И, судя по их вчерашнему разговору, он даже не подозревает, что его квартира прослушивается.

– Иэн, ты слишком много болтаешь. – Саймон бросил на коллегу предостерегающий взгляд.

– Почти все клиенты этой забегаловки – из нашего офиса, и вряд ли я выдаю государственные тайны. Хватит занудствовать и угости приятеля пинтой в честь дня рождения.

Саймон направился к бару. Он уже не в первый раз видел Иэна в таком состоянии. В последние несколько месяцев коллега постоянно, даже без повода, усердно прикладывался к бутылке. Во время учений им вдалбливали снова и снова: всего лишь одна оговорка, любое неосторожно брошенное слово способно привести к катастрофе. Так что предупредительные меры вряд ли заставят себя долго ждать.

Саймон заплатил за два пива и вернулся с бокалами к столику.

– С днем рождения, приятель.

– Спасибо. Пойдешь с нами? Поедим карри, потом завалимся в какой-нибудь клуб в Сохо, где, как говорит Джек, полно грудастых девиц. Возможно, Сай, как раз это тебе и нужно.

– Спасибо, но я, пожалуй, откажусь.

– Слушай, извини, если я сегодня не в себе. Пришлось заняться премерзкой работенкой. – Иэн провел рукой по волосам. – Бедный старикан. Он обоссался от страха. Боже, да за такое дерьмо не грех бы платить побольше.

– Иэн, ничего не хочу об этом слышать.

– Само собой. Но… Господи, Сай, я ведь занимаюсь этим почти двадцать лет. Подожди, сейчас ты свеж и полон сил, но долго такого напряжения не выдержишь. Когда нельзя поделиться подробностями повседневной жизни с семьей и друзьями…

– Конечно, порой и мне бывает тяжело, но я нормально справляюсь. Может, тебе с кем-нибудь поговорить на эту тему? Возьми паузу, съезди в отпуск.

– Ты не хуже меня знаешь, что стоит только проявить хоть какие-то признаки слабости – бинго! Тебя вышибут из отдела и посадят марать бумаги в каком-нибудь местном совете. Нет уж. – Иэн осушил свою пинту. – Со мной все будет хорошо. Есть у меня еще одно дельце, которое вскоре хорошо окупится. Полезно иметь связи, верно? – Иэн

заговорщически постучал себя по носу. – Отличный способ провести день рождения.

Саймон хлопнул Иэна по плечу и встал.

– Ладно, держись. До встречи.

– Да, конечно. – Иэн выдавил из себя улыбку и помахал Саймону на прощание.

* * *

Телефон зазвонил в семь утра, когда Зои собирала вещи для поездки в Норфолк.

– Зои, это Майк.

– Привет, Майк. – Услышав низкий голос режиссера, Зои улыбнулась в трубку. – Как дела в Норфолке?

– Боюсь, не слишком хорошо. Вчера банда головорезов жестоко избила Уильяма Филдинга прямо у него дома. Он в критическом состоянии, и неизвестно, выживет ли он.

– Господи, какой ужас!

– И не говори. В такие моменты невольно задаешься вопросом, куда катится мир. Похоже, в его лондонский дом ворвались грабители, украли какие-то жалкие пожитки, а его бросили умирать.

– Боже… – Зои подавила рыдание. – Вот бедняга.

– Да-да. Но, к сожалению, остаются еще практические вопросы. График съемок на эту неделю полностью нарушен. И, судя по всему, даже если Уильям выкарабкается, то вряд ли будет в состоянии продолжать работу над фильмом. Сейчас мы просматриваем отснятый материал, чтобы понять, какие сцены удались, а что нужно доработать. Полагаю, после тщательного монтажа мы добьемся цели. В любом случае, пока не решится этот вопрос, съемки приостанавливаются. Поэтому тебе нет смысла сегодня приезжать в Норфолк.

– Конечно. – Зои прикусила губу. – Майк, ты, случайно, не знаешь, куда положили Уильяма? Если я останусь в Лондоне еще на несколько дней, то хотела бы его навестить.

– Очень мило с твоей стороны, Зои. Он в больнице Святого Томаса. Не знаю только, пришел ли в сознание. Если да, передавай ему привет от всей съемочной группы.

– Обязательно, Майк. Спасибо, что позвонил.

Зои положила трубку, ругая себя за непочтительные слова, которые сказала об Уильяме во время ужина с Джоанной и Маркусом. Удивительно, насколько ее расстроило это нападение.

Не в силах сосредоточиться на домашних делах, после обеда Зои поехала в больницу Святого Томаса, захватив с собой незамысловатый букет цветов, виноград и фруктовый сок. Ее направили в реанимацию.

– Я к Уильяму Филдингу, – сообщила она дородной медсестре.

– Он в тяжелом состоянии, поэтому к нему пускают только близких родственников. Вы из их числа?

– Э-э… да, я его дочь, – выдавила Зои, а про себя добавила: «Во всяком случае, в кино».

Медсестра отвела ее в палату в конце отделения, где лежал Уильям. Старик с замотанной бинтами головой и зловещими сине-фиолетовыми кровоподтеками на лице являл собой жалкое зрелище. Его подсоединили к различным аппаратам, которые то и дело издавали писк.

– Как он? – На глаза Зои навернулись слезы.

– Боюсь, очень плохо. Он время от времени приходит в сознание, потом опять отключается, – пояснила медсестра. – Теперь, раз уж вы здесь, я позову доктора. Он подробнее расскажет о его состоянии и уточнит некоторые детали. Мы не знали, что у него есть дети. Я ненадолго оставлю вас с ним наедине.

Зои молча кивнула и, когда медсестра ушла, села и взяла старого актера за руку.

– Уильям, вы меня слышите? Это Зои. Зои Харрисон.

Он по-прежнему лежал с закрытыми глазами и никак не отреагировал на ее слова. Его рука безвольно покоилась в ее ладони.

– Весь актерский состав и съемочная группа в Норфолке передают вам привет, – прошептала Зои и нежно погладила его по руке. – Все надеются, что вы скоро к нам вернетесь. О, Уильям, как это ужасно. Мне безумно жаль. – Она вспомнила, что точно так же сидела у постели Джеймса, наблюдая, как тот угасал, и по щекам снова потекли слезы. – Плохо, что нам не выпало возможности подробнее поговорить о том времени, когда вы знали моего дедушку. Ваш рассказ меня очень увлек, и отдельные детали… Похоже, он в самом деле вам доверял.

Старик дернул пальцем, зажатым в ладони Зои, и его веки дрогнули.

– Уильям, вы меня слышите?

Он снова зашевелил пальцем, так сильно, что Зои выпустила его руку и положила ее поверх простыни. Однако Уильям продолжал резко дергать указательным пальцем, на котором красовалось большое кольцо с печаткой.

– В чем дело? Вам мешает кольцо?

Пальцы Уильяма в самом деле, кажется, опухли.

– Хотите, чтобы я его сняла?

Он снова шевельнул пальцем.

– Хорошо.

Золотой ободок слишком плотно обхватывал фалангу, и Зои с трудом удалось его стянуть.

– Я положу кольцо в ваш шкафчик для сохранности, – проговорила она.

Уильям медленно покачал головой из стороны в сторону.

– Нет?

Он направил на нее указательный палец.

– Хотите, чтобы я пока оставила его у себя?

Ему удалось поднять вверх большие пальцы.

– Хорошо, конечно. – Зои убрала кольцо в карман. – Уильям, вы знаете, кто это сделал?

Он кивнул, медленно, но решительно.

– Вы можете сказать?

Старик опять кивнул.

Зои склонилась ниже, почти прижимаясь ухом к его губам. Он попытался что-то сказать, но получился лишь хриплый неразборчивый шепот.

– Уильям, попробуйте еще раз, – уговаривала она.

– Спроси… Розу.

– Вы сказали «Розу»?

Он сжал ее пальцы, потом снова заговорил:

– Леди при…

– Какая леди? – настойчиво спросила Зои.

– Ближе… – Дыхание Уильяма становилось все более прерывистым.

– Я здесь, Уильям, рядом.

– Ближе…

– Я близко. И никуда не уйду, обещаю.

Уильям вздохнул, силы явно его покинули. Он закрыл глаза и снова провалился в беспамятство. Какое-то время Зои сидела рядом, поглаживая его руку, в тщетной надежде, что старик очнется, но в конце концов встала и вышла из палаты. Она быстро прошла мимо поста медсестер, пока никто не успел окликнуть ее и спросить личные данные Уильяма, которых она не смогла бы предоставить.

Выйдя на улицу, Зои застыла возле здания больницы, безучастно глядя на проезжающие мимо машины. Домой возвращаться не хотелось, и она позвонила Маркусу.

– Привет, ты все еще в Национальном театре?

– Да, встреча только что закончилась, – ответил Маркус. – У тебя какой-то странный голос. Все хорошо?

– Мы можем увидеться? О, Маркус, какой ужас. Я в больнице Святого Томаса…

– Боже, с тобой что-то случилось?

– Нет, не волнуйся. Сюда попал мой друг…

– Тогда пройдись до Королевского фестивального зала. Это совсем рядом, – предложил он. – Увидимся там в кафе через десять минут.

Зои перешла через дорогу и зашагала вдоль Саут-Бэнк. Хлещущий в лицо ветер высушил остатки слез. Маркус, явно встревоженный, ждал ее возле Фестивального зала. Зои не противилась, когда он заключил ее в объятия и повел внутрь.

Они устроились за столиком кафе и заказали две чашки чая.

– Итак, в чем дело? Что случилось? – поинтересовался Маркус.

– Помнишь, я рассказывала тебе об актере, Уильяме Филдинге?

– Конечно.

– Вчера его жестоко избили. Я только что навещала Уильяма в больнице. Судя по всему, он вряд ли переживет эту ночь. – Зои откинулась на спинку стула, на глаза ее вновь навернулись слезы. – Меня это очень сильно расстроило.

«И вполовину не так сильно, как меня», – мысленно ответил Маркус и скривился.

Он подался вперед и взял Зои за руку.

– Не переживай так, сестренка. Он ведь не член семьи.

– Знаю, но он такой милый старичок.

– Он смог что-нибудь сказать?

– Почти нет. Когда я спросила, знает ли он, кто на него напал, Уильям прошептал что-то о Розе и о какой-то леди. – Зои высморкалась. – Думаю, он просто бредил. Я ведь рассказывала тебе о нем только вчера вечером.

«Только вчера вечером… Совпадение или?.. Но откуда они могли узнать? Разве что…» – Маркус с трудом сглотнул, ощущая, как стынет в жилах кровь.

– Ты записала его слова?

– Нет. А стоило?

– Да. Это может помочь полиции в расследовании. – Он порылся в кармане пиджака и достал ручку и старую квитанцию. – Напиши в точности, что он сказал.

Зои быстро нацарапала несколько слов.

– Мне отнести это в полицию? – поинтересовалась она.

– Ну, ты так расстроена… Давая я сам отнесу.

– Хорошо, Маркус. Спасибо.

Зои благодарно кивнула и протянула ему листок. Тишину нарушил звонок ее мобильного, и оба вздрогнули.

– Алло? Да, Мишель, Майк связался со мной утром. Знаю, я навещала его в больнице и…

Закончив разговор, Зои положила телефон на стол и допила чай.

– Спасибо, что выслушал, Маркус. Мне нужно идти.

– Нет проблем, сестренка. Звони в любое время, – проговорил он.

Поцеловав его на прощание, Зои вышла из кафе. Маркус откинулся на спинку стула, глядя на прогулочные катера и баржи, медленно плывущие по серебристой ленте Темзы.

Он вспомнил внезапно появившегося строителя, о котором, как позже выяснилось, домовладелец ничего не знал… и вдруг понял, что его квартира, вероятно, прослушивается. А если так, их вчерашний разговор с Джоанной об Уильяме Филдинге услышали и чужие уши.

Заплатив Маркусу за возможную полезную информацию, они просто решили убедиться, что в случае новостей обо всем узнают первыми. Иначе как бы еще они сумели так быстро пронюхать об Уильяме Филдинге и его связи с Джеймсом Харрисоном?

Звонок мобильника вывел Маркуса из задумчивости. На миг он даже растерялся, услышав непривычный звук – не такой, как на его телефоне. А после понял, что звонит аппарат Зои, который она забыла на столе.

Маркус взял в руки мобильный и нажал «принять вызов».

– Зои? Это я. – Голос звучал очень знакомо.

– Э-э… Зои сейчас нет. Передать ей что-нибудь?

Звонивший бросил трубку, однако Маркус успел вспомнить этот голос. Он слышал его на премьере фильма Зои…

Рокировка

Оборонительный маневр ладьи с целью защиты короля. Единственный ход, когда перемещаются одновременно две фигуры

20

– Входите, Симпсон. Присаживайтесь.

Этим утром Иэн, мучимый жуткой головной болью, надеялся лишь, что его не вырвет прямо на дорогой письменный стол босса с кожаной столешницей.

– Может, объясните, почему вы не доделали работу?

– Что, простите?

Дженкинс подался вперед:

– Старик все еще жив! Вероятно, он скоро умрет, но Зои Харрисон уже успела навестить его в больнице. Одному богу известно, что он ей рассказал. Черт возьми, Симпсон! На этот раз вы облажались по полной.

– Простите, сэр, я был уверен, что старик мертв. Я проверял у него пульс.

Дженкинс забарабанил пальцами по столу:

– Предупреждаю: еще одна подобная оплошность, и вы вылетите из отдела. Это ясно?

– Да, сэр. – У Иэна вдруг закружилась голова. Только бы не свалиться здесь в обморок.

– Пригласите войти Уорбертона. И возьмите себя в руки, черт возьми!

– Да, сэр. Еще раз простите, сэр.

Иэн встал и как можно осторожнее направился к двери.

– Все хорошо, приятель? Ты весь зеленый! – воскликнул Саймон, который ждал на стуле возле кабинета.

– Так я и думал. Ладно, мне пора бежать. Можешь войти. – И Иэн бросился в сторону туалета.

Саймон встал и постучал в дверь.

– Входите. – При виде Саймона Дженкинс улыбнулся. – Присаживайтесь, Уорбертон.

– Благодарю, сэр.

– Для начала хочу кое-что спросить. Если отбросить в сторону верность и дружбу, которые вас, возможно, связывают… Что скажете насчет Симпсона? У него трудности? Может, он нуждается в… перерыве?

– Вчера ему исполнилось сорок лет, сэр.

– Вряд ли это оправдание, но все же… Я велел ему взяться за ум. А вы будьте начеку. Он хороший член команды, однако я видел, куда может завести людей кривая дорожка. Ну да ладно, хватит о Симпсоне. Через десять минут у вас встреча на верхнем этаже.

– В самом деле, сэр? Почему? – Все знали, что «верхний этаж» в Темз-хаусе занимают самые высокопоставленные лица.

– Я лично рекомендовал вас для этого задания. Дело крайне деликатное. Не подведите меня, Уорбертон.

– Изо всех сил постараюсь, сэр.

– Хорошо, – кивнул Дженкинс. – Можете идти.

Саймон вышел из кабинета начальника и поднялся на лифте, затем проследовал по устланному толстым ковром коридору, в конце которого в гордом одиночестве сидела пожилая секретарша.

– Мистер Уорбертон? – поинтересовалась она.

– Да.

Женщина нажала кнопку у себя на столе, потом встала:

– Следуйте за мной.

Она провела Саймона по другому коридору и постучала в толстую, обшитую дубовыми панелями дверь.

– Войдите! – рявкнул голос изнутри.

Она толкнула дверь:

– К вам Уорбертон, сэр.

– Благодарю.

Саймон подошел к столу, про себя отметив громадную люстру на потолке просторной комнаты и тяжелые бархатные шторы по обеим сторонам высоких окон. За столом в инвалидном кресле сидел тщедушный старик, резко выделяющийся на фоне величественной обстановки. И все же с первого взгляда было ясно, что именно он господствовал в этом каби– нете.

– Садитесь, Уорбертон.

Саймон послушно опустился в кожаное кресло с высокой спинкой.

– Дженкинс хорошо о вас отзывался, – бросил старик, окидывая его пронизывающим взглядом.

– Отрадно слышать, сэр.

– Я прочитал ваше досье и весьма впечатлен. Хотите однажды занять мое место, Уорбертон?

Вероятно, он имел в виду этот кабинет, а не инвалидное кресло.

– Конечно, сэр.

– Хорошо послужите мне, и я гарантирую вам немедленное повышение. С завтрашнего дня мы на постоянной основе переводим вас в Отдел по защите королевской семьи.

В груди Саймона что-то сжалось от разочарования. Он-то представлял себе гораздо более сложное задание.

– Могу я спросить почему, сэр?

– Мы считаем, что вы больше всего подходите для этой работы. Полагаю, вы уже знакомы с Зои Харрисон и поняли, как она «связана» с его королевским высочеством. Я назначаю вас ее личным охранником. Сегодня днем один из служащих проведет инструктаж.

– Понимаю. Могу я спросить, сэр, почему так необходимо поручить роль телохранителя агенту МИ-5 моего уровня? Не хочу показаться невежливым, но едва ли меня готовили для подобной должности.

На губах старика мелькнула тень улыбки.

– В данном случае вы заблуждаетесь. – Он подвинул к Саймону папку. – Сейчас мне пора на встречу. Вы останетесь здесь. Прочтите и запомните всю информацию из этого досье к моему возвращению. А пока вас запрут снаружи.

– Хорошо, сэр.

– Ознакомившись с ним, вы, без сомнения, поймете, почему я хочу прикрепить вас к мисс Харрисон. Сложившаяся ситуация соответствует и нашим целям.

– Да, сэр. – Саймон взял толстую папку.

– Не делайте никаких заметок. На выходе вас обыщут. – Старик объехал стол и покатил по ковру. – Мы обсудим все подробнее, когда вы войдете в курс дела.

Саймон встал, подошел к двери и распахнул ее, пропуская инвалидное кресло. Дверь тут же закрылась, в замке снаружи повернулся ключ. Саймон снова сел в кресло и взял в руки папку. Красный штамп на лицевой стороне недвусмысленно сообщал, что перед ним в высшей степени секретные сведения, доступ к которым

имелся у очень ограниченного количества лиц. Саймон открыл досье и начал чи– тать.

Час спустя дверь в кабинет открылась.

– Все изучили, Уорбертон?

– Да, сэр. – Саймон все еще не мог оправиться от потрясения.

– Теперь понимаете, почему мы считаем вас в обозримом будущем подходящим кандидатом на роль телохранителя Зои Харрисон?

– Полагаю, да, сэр.

– Я выбрал вас, потому что Дженкинс и ваши коллеги высоко ценят ваши способности и осмотрительность. Вы привлекательный молодой человек и сможете подружиться с такой женщиной, как мисс Харрисон. Во дворце ей сообщат, что в выходные вы переедете к ней домой и станете сопровождать ее повсюду, куда бы она ни отправилась.

– Да, сэр.

– Так вы получите прекрасную возможность узнать, что ей известно. Телефонные линии в Дорсете и Лондоне уже прослушиваются. Вам также предоставят соответствующее оборудование для размещения по всему дому. Вы и сами понимаете, что нам жизненно необходимо отыскать это письмо. К сожалению, сэр Джеймс, похоже, решил поиграть с нами даже из загробного мира. Письмо, которое вы принесли, оказалось обманкой. Ваша задача – найти и вернуть настоящее.

– Да, сэр.

– Уорбертон, думаю, излишне упоминать, что доверенные вам сведения чрезвычайно деликатного свойства. Прочие, вроде Симпсона, знают только общие моменты. Данная тема ни при каких обстоятельствах не должна обсуждаться за пределами этого кабинета. При любой утечке информации вы тут же окажетесь под подозрением. Однако если ситуация разрешится удовлетворительным образом, я гарантирую вам очень щедрое вознаграждение.

– Благодарю, сэр.

– Когда вы выйдете отсюда, вам выдадут мобильный телефон, в котором сохранен единственный номер. Каждый день в четыре часа вы будете звонить по нему и отчитываться непосредственно передо мной. Обо всех иных обстоятельствах в качестве персонального охранника

мисс Харрисон докладывайте дворцовой службе безопасности. – Он указал на конверт на столе, и Саймон его взял. – Там ваши указания. Через час его королевское высочество ждет вас во дворце, в своих покоях. Полагаюсь на вас, Уорбертон. Удачи.

Саймон встал, пожал протянутую руку и направился к двери. Потом, кое-что вспомнив, развернулся.

– Один вопрос, сэр. Хаслам сказала, что пожилую женщину, приславшую ей письмо, звали Роза.

Мужчина в инвалидном кресле холодно улыбнулся, его глаза блеснули.

– Как вам известно, с этим делом уже разобрались. Достаточно сказать, что «Роза» была не совсем той, за кого себя выдавала.

– Хорошо, сэр. До свидания.

* * *

Зои выглянула в окно, с иного, весьма привилегированного ракурса любуясь стоящим перед дворцом мемориалом королевы Виктории.

– Лучше отойди, любимая. В наши дни кто угодно может забраться на дерево с телеобъективом. – Арт тщательно задернул плотную занавеску из камчатого полотна и повел Зои обратно к дивану.

Они находились сейчас в гостиной Арта, к которой примыкали его спальня, ванная комната и кабинет. Уютно устроившись в объятиях любимого, Зои взяла протянутый бокал вина.

– За нас, – провозгласил он тост.

– За нас, – согласилась она, поднимая бокал.

– Кстати, ты нашла свой мобильный?

– Да. Маркус позвонил и сообщил, что я оставила его на столе, когда мы вместе пили чай. А что? Ты с ним разговаривал?

– Нет. Как только я понял, что трубку взяла не ты, то сразу отключился. Я звонил попросить у тебя какую-нибудь милую фотографию, чтобы вставить в рамку и любоваться, пока ты не со мной.

– Господи! Надеюсь, Маркус не узнал твой голос, – встревоженно выдохнула Зои.

– Сомневаюсь. Я сказал всего три слова.

– Ну, он даже не упомянул о твоем звонке. Надеюсь, просто выбросил его из головы.

– Зои, нам нужно поговорить. Ты ведь понимаешь, что, если мы продолжим видеться, родные непременно сложат два и два и догадаются насчет Джейми.

– Не говори так, Арт, пожалуйста! Если правда выплывет наружу, представь себе, какой разразится скандал и как он отразится на сыне! – Зои высвободилась из его объятий и в волнении заходила по комнате. – Может, нам стоит все забыть, и я…

– Нет. – Арт поймал ее за руку. – Мы и так потратили впустую столько времени. Клянусь, я приложу все силы, чтобы держать нашу связь в секрете, хотя меня это убивает. Я бы предпочел, чтобы ты сопровождала меня повсюду. Поверь, если бы мог, я бы прямо завтра на тебе женился.

Зои лишь усмехнулась подобной наивности.

– Арт, мать-одиночка подходит в спутницы – и тем более в жены – принцу Англии сейчас не больше, чем десять лет назад.

– Да, я помню, как в то время был вынужден внезапно уехать в Канаду, а по возвращении нашел твое письмо с сообщением, что ты любишь другого. Так вот, я знаю о твоей встрече с сотрудниками спецслужб.

– Правда? – удивилась Зои.

– Я всегда подозревал, что тебя заставили написать те строки. И вот вчера утром прижал к стенке старших советников родителей. Они в конце концов признались, что вызвали тебя и велели покончить с нашими отношениями.

– Да, так и было. – Зои закрыла лицо руками. – Даже спустя столько лет я с содроганием вспоминаю о той встрече.

– Ну, в этом есть и моя вина. Не стоило рассказывать родным, что встретил девушку, на которой хотел бы жениться. В ту пору, в двадцать один год, я заканчивал университет, а тебе было всего восемнадцать. Однако мне хотелось обручиться с тобой как можно скорее. – Арт покачал головой. – Я сглупил, настаивая на помолвке, и мать с отцом

приняли меры – любые родители на их месте поступили бы так же. Вот только в моем случае все было в десять раз серьезнее.

– Я понятия не имела, что ты рассказал им обо мне, – проговорила Зои, потрясенная его откровением.

– Да, и с тех пор постоянно сожалел об этом. Лишь я один в ответе за то, что с нами произошло. Не стоило идти напролом. Если бы я просто спокойно ухаживал за тобой еще несколько лет, все могло бы закончиться иначе. Но вместо этого тебе пришлось пройти через ад.

– Да, – согласилась Зои, вспоминая, с какой болью писала то письмо, а потом отказывалась отвечать на полные отчаяния записки и телефонные звонки Арта. – Конечно, я даже не упоминала о ребенке. Не сомневаюсь, мне предложили бы от него избавиться. Я часто гадала, знают ли они о рождении Джейми, и постоянно боялась, что у меня могут украсть малыша. В первые годы жизни сына я ни на миг не оставляла его без присмотра. – Зои тяжело вздохнула. В то время она панически боялась и ради ребенка настойчиво цеплялась за Хейкрофт-хаус и тихую, безвестную жизнь.

– После возвращения из Канады меня отправили за границу на военно-морскую подготовку, и я долгое время понятия не имел, что творится дома. Если бы тогда мне хоть что-то удалось узнать…

– То ничего бы не изменилось. Нам ни за что не позволили бы пожениться.

– В то время – да. Но все уже в прошлом. Теперь мы больше не дети. Родители знают, что я люблю тебя и настроен серьезно. Мне уже тридцать два года, и вряд ли они сейчас с такой же легкостью отмахнутся от моих чувств, как десять лет назад.

– Господи, – простонала Зои. – И что они сказали? Что вновь отправят меня в сточную канаву, из которой я вы– ползла?

– Вовсе нет. Я заявил, что если они не готовы тебя принять, то я спокойно могу отказаться от своих прав на трон. – Арт криво улыбнулся. – Только вряд ли это что-то значит. Я всего лишь третий в очереди и очень сомневаюсь, что мне достанутся бразды правления.

– Ты пошел бы на это ради меня? – потрясенно прошептала Зои.

– Без колебаний. Моя жизнь – сплошное притворство. Я не играю никакой особой роли, и, как уже сказал родителям, общественность не слишком рада, что младшим членам королевской семьи достается непыльная работенка. Конечно, для них десятилетняя служба на флоте

не считается тяжким трудом. Они убеждены, что на моей койке были специальные подушки, набитые перьями, и пуховое одеяло с гербом, тогда как все остальные спали на камнях под колючими покрывалами… Боже милостивый, да мне, наверное, пришлось труднее, чем прочим. – Он вздохнул. – Ну да ладно. Смысл в том, что под всех подстроиться не выйдет. И если я должен пойти навстречу общественности и предстать в их глазах «обычным» человеком, то людям придется уважать тот факт, что я влюбился в женщину, у которой уже есть ребенок. Впрочем, в современном мире это вполне обыденная вещь.

– Звучит, конечно, здорово, Арт, но не верится, что такое может случиться. Чем же закончилась встреча?

– Ну, за последние несколько лет из-за всех этих разводов в семье отношение дворца несколько смягчилось. Пока ситуация такова: мы с тобой продолжаем встречаться, но как можно незаметней. Ты можешь приезжать сюда и оставаться у меня в любое время, когда только захочешь. Родные и советники в курсе наших отношений.

– А если узнает кто-нибудь еще?

Арт пожал плечами:

– Трудно предугадать, как отреагирует общественность. Мы все полагаем, что мнения разделятся. Одни посчитают подобную связь возмутительной, другие воспримут наши отношения более спокойно. Но в любом случае это затронет Джейми, особенно если станет известно, что я его отец.

– Начнется травля, – вздрогнув, выдавила Зои. – Арт, мы должны хранить это в секрете. Поклянись, что все во дворце будут молчать. Если поползут слухи, я уеду вместе с Джейми. Переберусь в Лос-Анджелес. Я…

– Зои… – Арт подошел к ней и взял за руки. – Я правда все понимаю и, поверь, приложу все силы, чтобы защитить вас с Джейми. И отсюда вытекает еще один вопрос, который нам нужно обсудить.

– Какой?

– Вышестоящие лица настаивают на одном условии, и я, честно говоря, с ними согласен. С тобой в доме будет жить личный охранник. Просто на всякий случай.

– На какой еще случай? – возмутилась Зои. – В моем доме?

– Любимая, успокойся. Ты ведь сама хочешь как можно дольше хранить в секрете наши отношения. Сотрудник личной охраны, по сути телохранитель, станет защищать тебя во всех смыслах. Следить, чтобы никто не поджидал тебя на улице, не ставил «жучки» в доме, не прослушивал твои звонки. Ты отлично знаешь, что, связавшись с членом правящей семьи, тут же стала мишенью.

– Господи, чем дальше, тем хуже… А что, по-твоему, я скажу Джейми? Думаешь, он не посчитает странным, когда, вернувшись домой из школы, обнаружит, что в комнате для гостей живет незнакомый мужчина?

– Если ты еще не готова рассказать о нас сыну, то мы наверняка сможем придумать для него какую-нибудь историю. Но рано или поздно ему придется узнать.

– Что ты его отец? Или о наших с тобой отношениях? Знаешь, что печальнее всего? – Зои в отчаянии всплеснула руками. – Будь ты кем-нибудь другим, мы бы совершенно естественно стали жить все вместе, как счастливая семья.

– Думаешь, я этого не понимаю? – вздохнул Арт.

Он выглядел таким несчастным, что Зои тут же ощутила себя виноватой. В конце концов, он не выбирал, в какой семье родиться. И прилагал все силы, чтобы быть с ней.

– Извини, – прошептала она. – Но все так сложно, когда должно быть совсем просто.

– Но все же есть надежда? – В его взгляде читалось отчаяние.

– Есть, – согласилась Зои.

– Ты уже знакома с человеком, выбранным на роль твоего охранника. Это Саймон Уорбертон, водитель, который доставил тебя в Сандрингем, а потом отвез в Лондон. Сегодня утром я долго с ним беседовал. Он приятный, отлично обученный парень. Прошу тебя, Зои, давай хотя бы попробуем и не будем забегать вперед. Но обещаю, я все пойму, если ты решишь, что с тебя довольно, и захочешь покончить с нашими отношениями.

Зои прислонилась к его плечу, и Арт погладил ее по волосам.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – прошептал он. – «Неужели этот мужчина в самом деле стоит подобных неудобств?»

– Наверное.

– И что? Я сто́ю?

– Да, сто́ишь, – простонала Зои. – Дай мне сил, Господи.

21

Джоанна взглянула на экран компьютера, потом бегло просмотрела словарь синонимов в поисках новых идей, решая, как более живо описать блаженство на морде спаниеля, который шумно чавкал собачьим кормом, предоставленным для дегустации. Она чувствовала себя отвратительно. Разболелся зуб, причем настолько сильно, что после обеда Джоанна попросила у Элис номер дантиста, к которому можно было записаться на срочный прием.

Зазвонил телефон, и она взяла трубку.

– Джоанна Хаслам.

– Это я, милая.

Маркус.

– О, привет. – Она понизила голос, чтобы никто ее не услышал.

– Ты уже готова меня простить? Я чуть не разорился, отправив тебе столько цветов.

Сдерживая улыбку, Джоанна взглянула на три вазы с большими букетами роз, доставленными за последние пару дней. По правде говоря, она скучала по Маркусу. Ей очень его не хватало.

– Вполне возможно.

– Хорошо, потому что я хочу поделиться тем, что рассказала мне Зои.

– О чем речь?

– Продиктуй мне номер факса. Учитывая обстоятельства, я не могу отправить эту информацию по электронной почте или сказать по телефону. Посмотрим, сойдемся ли мы в выводах.

– Ладно. – Джоанна дала ему номер. – Отправляй. Я буду ждать у аппарата.

– Позвони мне сразу, как прочтешь. Нам нужно договориться о встрече.

– Хорошо, я наберу тебя. Пока.

Положив трубку, Джоанна поспешила к факсу, пока кто-либо из коллег не успел его занять. В ожидании сообщения она в очередной раз задумалась о своих чувствах к Маркусу. Он совсем не походил на серьезного, сдержанного Мэтью и, возможно, при всех своих недостатках был как раз тем, кто ей нужен. Прошлой ночью, лежа в

одиночестве в новой постели, она скучала по его объятиям и в конце концов решила довериться ему и принять слова о любви за чистую монету, невзирая на последствия. Конечно, безопаснее было бы защитить себя и собственное сердце от дальнейших огорчений, но стоило ли прятаться от настоящей жизни?

Звякнул факс, и аппарат начал принимать сообщение Маркуса.

«Привет, милая. Я по тебе скучаю. Ниже приведен…»

– Как зуб? Болит?

Джоанна вздрогнула от неожиданности. Позади нее стояла Элис и беззастенчиво пыталась прочитать факс. Джо поспешно вытащила послание из аппарата и сложила вдвое листок бумаги.

– Ужасно.

Она направилась к своему столу, горя желанием поскорее отделаться от Элис и прочитать сообщение. Однако коллега не отставала. Она прислонилась к столу Джоанны и скрестила руки на груди.

– Мисс Хаслам, я вижу опасность впереди.

– Элис, мы сталкиваемся с опасностью всякий раз, как садимся в машину или едим сырые яйца. Мне просто придется рискнуть.

– Ты права. Куда же подевались времена, когда женщины выходили замуж за сыновей соседей и проводили время на кухне, беременные и босые? Никакой психологической войны с мужчинами! Те ухаживали за женщинами, а если хотели покувыркаться в постели, приходилось жениться.

– Я тебя умоляю! – Джоанна закатила глаза. – Мне, например, ближе суфражистки, которые приковывали себя цепями к перилам.

– Ага. Именно поэтому днем ты изучаешь собачьи корма, в которых скоро станешь экспертом, а по ночам ворочаешься одна в постели или спишь с тем, кого, возможно, завтра уже не окажется рядом.

– Надо же. – Джоанна взглянула на коллегу-репортера. – Не знала, что ты такая старомодная, Элис.

– Возможно, но сколько из твоих незамужних подруг старше двадцати пяти лет на самом деле счастливы?

– Наверняка многие.

– Ладно. Но когда их просто распирает от счастья? Или тебя, если на то пошло?

– После удачного дня на работе или встречи с му… – Джоанна осеклась.

– Видишь? – Элис торжествующе усмехнулась. – Как я и говорила.

– По крайней мере, у нас есть свобода выбора.

– Избыточная, на мой взгляд. Мы все слишком привередливы. Не нравится его марка лосьона после бритья? Или раздражает привычка переключать каналы, когда нам хочется посмотреть новую костюмированную драму Би-би-си? Что ж, мы запросто его бросаем и отправляемся на поиски другого. Ведь нужно стремиться к совершенству! Которого, само собой, не существует.

– В таком случае, наверное, мне стоит держаться за мужчину, который интересует меня в данный момент, пусть даже он и не идеален, – парировала Джоанна.

– Туше, – согласилась Элис, отлепляясь со стола коллеги. – И если Маркус Харрисон опустится на одно колено, отбрось сомнения и хватай его обеими руками. Даже если у вас ничего не выйдет, ты хотя бы сможешь рассчитывать на половину его имущества. А что ты получишь, разорвав «современные», ни к чему не обязывающие отношения с каким-нибудь придурком? Ладно, пора вновь браться за работу. Надеюсь, мой дантист тебе поможет. – Она помахала рукой и пошла через весь офис к своему столу.

Джоанна вздохнула. Интересно, какой такой «придурок» только что бросил Элис?

Она развернула факс от Маркуса и прочитала.

«Спроси Розу. Леди при… ближе…»

Ее вдруг осенило. «Приближенная леди»? А что, если Роза и вправду была фрейлиной? Она набрала номер Маркуса.

– Ну что, разобралась? – поинтересовался он.

– Похоже на то.

– Давай встретимся вечером и обсудим.

– Я бы с удовольствием, но не смогу. У меня ужасно болит зуб. Нужно сходить к дантисту.

– А после? Я хочу еще кое-что тебе сказать, только не по телефону.

– Хорошо. Хотя, возможно, я не смогу разговаривать. Приезжай ко мне.

– Отлично. Ты по мне скучаешь? Хоть чуть-чуть?

– Да, – с улыбкой призналась Джоанна. – Увидимся позже.

Она сунула факс в карман джинсов и, выключив компьютер, схватила пальто и направилась к двери. Алек, как обычно прячась от нее, съежился за своим столом. Джоанна развернулась, подошла ближе и застыла за спиной бывшего начальника.

– Когда выйдет моя статья о Маркусе Харрисоне и его памятном фонде? Он постоянно об этом спрашивает. Мне уже неловко кормить его обещаниями.

– Спроси в отделе интервью. Это их материал, – пробормотал он.

– Ладно, я… – Взглянув на экран Алека, Джоанна узнала имя в верхней части листа. – Уильям Филдинг. Почему ты о нем пишешь?

– Потому что он умер. Еще вопросы?

Джоанна сглотнула. Возможно, именно это и хотел сказать ей Маркус.

– Когда? Где? Как?

– Пару дней назад его избили, и сегодня днем он скончался в больнице. В связи с этим Эд запускает кампанию, хочет сделать попытку надавить на правительство. Попробует добиться, чтобы старикам и немощным предоставили бесплатные средства защиты и ужесточили наказание для паршивцев, совершающих подобные преступления.

Джоанна резко опустилась на стул рядом с Алеком.

– В чем дело? С тобой все хорошо?

– Боже мой, Алек. Господи боже.

Он беспокойно взглянул в сторону кабинета Эда.

– Что такое, Джо?

Она попыталась привести мысли в порядок.

– Он… Уильям что-то знал о сэре Джеймсе Харрисоне. Это не совпадение! От него решили избавиться, как и от Розы.

– Джо, ты несешь чушь, – бросил Алек. – Виновного уже арестовали.

– Но он ни в чем не виноват.

– Ты этого не знаешь, Джо.

– Как раз знаю, Алек. Может, послушаешь, что я скажу?

Он немного поколебался:

– Ладно. Только давай быстрее.

Когда Джо изложила свои мысли, Алек, задумавшись, скрестил руки на груди.

– Что ж, допустим, ты права и его смерть подстроили. Как они так быстро выяснили, что ему что-то известно?

– Не знаю. Разве что… квартира Маркуса прослушивается. Он недавно прислал мне факс и намекнул, что говорить по телефону небезопасно. – Джоанна вытащила из кармана листок с сообщением и положила Алеку на стол. – Он объяснил, что эти слова Уильям произнес перед смертью, когда Зои приходила навестить его в больнице.

Алек прочитал факс, потом посмотрел на Джоанну.

– Ты поняла, что это значит?

– Да. Уильям пытался сказать, что Роза была фрейлиной. Алек… – Джоанна стиснула руки. – Это дело принимает все более серьезный оборот. И мне по-настоящему страшно.

– Запомни: пока мы не узнаем, на что именно ты наткнулась, следи за тем, что говоришь у себя дома. Мне уже приходилось сталкивался с подобным, когда я писал об ИРА[19]. «Жучки» чертовски трудно обнаружить, но я бы посоветовал тебе хорошенько проверить всю квартиру. Их вполне могли оставить во время обыска, может даже внутри стен.

– И, вероятно, у Маркуса тоже, – вздохнула она.

– Господи, Джо, я думаю, тебе лучше забыть об этом деле.

– Я пыталась, но оно, похоже, меня преследует. – Она в отчаянии провела рукой по волосам. – Я в самом деле не знаю, как быть. Прости, Алек. Не стоит нагружать тебя моими заботами. – Она встала и направилась к двери. – Да, кстати, ты угадал. Письмо мне так и не вернули. До скорого.

Алек закурил еще одну сигарету и уставился на экран. Ему осталось меньше двух лет до завершения прекрасной карьеры и

выхода на пенсию. Зачем создавать себе ненужные проблемы? Однако он понимал, что если упустит подобную историю, то будет сожалеть об этом до конца жизни.

Алек встал из-за стола и спустился на лифте в архив, чтобы отыскать все возможные публикации о сэре Джеймсе Харрисоне и заодно попытаться выяснить что-нибудь о фрейлине по имени Роза.

* * *

Два часа спустя Джоанна вышла из стоматологической клиники на Харли-стрит. От жужжания бормашины раскалывалась голова, половина рта онемела от новокаина. Борясь со слабостью, она медленно спустилась по ступенькам и побрела по улице. Когда мимо нее, вынырнув из-за спины, прошла женщина, Джоанна чуть не подпрыгнула от неожиданности, и сердце бешено забилось в груди.

Неужели тем вечером в квартире Маркуса их разговор подслушивали? Может, за ней и сейчас наблюдают? Джоанну прошиб пот, перед глазами заплясали багровые пятна. Она присела на корточки возле ближайшего здания, опустила голову между колен и сделала несколько медленных глубоких вдохов, чтобы немного успокоиться. Потом привалилась спиной к ограде, опоясывающей здание, и подняла глаза к ясному ночному небу.

– Черт возьми, – тихо простонала Джоанна, искренне желая, чтобы к ней подъехало такси и увезло домой.

В конце концов она поднялась на ноги и осторожно пошла дальше. Сегодня не было сил ни ждать автобус, ни спускаться в метро. Джоанна лишь надеялась, что где-нибудь в лабиринте улиц позади Оксфорд-стрит сможет поймать такси. Она миновала Харли-стрит, постоянно вытягивая руку при виде очередного таксиста, однако все были заняты. Завернув за угол, Джоанна оказалась на Уэлбек-стрит. Насколько она помнила, здесь, в доме номер десять, жила Зои – после ужина та записала свой адрес.

Оглядевшись, Джоанна поняла, что находится почти напротив десятого дома. Снова накатила слабость. Может, постучать в дверь и попросить чашку горячего сладкого чая, чтобы немного восстановить

силы? Но не посчитает ли Зои ее слишком навязчивой? В доме горел свет, и Джоанна решила все же попытать счастья.

Неуверенной походкой она направилась к дому и вдруг заметила, что входная дверь открылась. Джоанна застыла, наблюдая за происходящим. Со своего места она отлично видела, как из двери выглянула Зои, потом из припаркованной возле дома машины поспешно вылез человек и побежал по дорожке прямо к крыльцу. Оба тут же скрылись внутри, захлопнув за собой дверь.

Джоанна круглыми от потрясения глазами уставилась им вслед, со стороны наверняка походя на идиотку. Она ничуть не сомневалась, что пару мгновений назад видела Артура Джеймса Генри, герцога Йоркского, которого в кругу семьи и в прессе обычно называли просто Арт, принца королевской крови, третьего в очереди на престол. И он вошел в дом Зои Харрисон.

В конце концов Джоанна все-таки поймала такси и добралась домой. Сорок пять минут спустя она откинулась на спинку нового, очень удобного бежевого дивана и сделала глоток бренди, чтобы облегчить зубную боль. Подняв глаза, Джоанна уставилась в бледно-бежевый, покрытый трещинами потолок в поисках вдохновения. Сейчас ее занимали отнюдь не письма от странных старушек, умершие престарелые актеры и древние заговоры. Ведь, если ей не померещилось, она только что стала свидетельницей встречи между одним из самых завидных и интересных холостяков в мире и молодой, очень красивой актрисой.

У которой был ребенок.

По телу прошла дрожь возбуждения. Если бы удалось заснять этот момент на камеру, она легко смогла бы заработать сто тысяч фунтов стерлингов, продав снимок любой приглянувшейся ей британской газете.

– Зои Харрисон и принц Артур, герцог Йоркский. Вот так история! – выдохнула она.

Завтра нужно порыться в старых публикациях и выяснить, было ли у этих двоих какое-то общее прошлое. Или же увиденное ею – всего лишь встреча «старых друзей»? Они с Зои договорились в субботу пройтись по магазинам. Может, удастся исподволь что-нибудь узнать? И тогда, без сомнений, после подобной сенсации ее переведут из

отдела «Домашние питомцы и садоводство» быстрее, чем она успеет произнести слово «навоз».

Джоанна застонала, ужаснувшись собственным предательским мыслям. Неужели она всерьез раздумывала нажиться на этой информации? И это несмотря на отношения и даже, вероятно, чувства, которые связывали ее с братом Зои Маркусом. Да и с самой Зои они неплохо поладили и, вполне вероятно, смогли бы в будущем стать хорошими подругами. Джоанна мрачно усмехнулась, вспомнив, как сказала Маркусу при первой встрече, что одобрила бы законы о неприкосновенности частной жизни.

Печально, однако, что если принца и Зои на самом деле связывают отношения, эта история в ближайшее время выплывет на свет вне зависимости от того, сохранит ли тайну сама Джоанна. Газетные ищейки учуют скандальную новость еще до того, как двое причастных обменяются первым поцелуем.

Услышав стук во входную дверь, Джоанна неохотно сползла с дивана и открыла. Маркус с ухмылкой протянул ей полбутылки бренди.

– Привет, милая. Как зуб? – пробормотал он, склоняясь к ней для поцелуя.

– После бренди уже лучше, спасибо. У меня как раз закончилась бутылка, и твоя придется очень кстати. По телефону ты упомянул, что нам нужно поговорить…

Джоанна резко замолчала, когда Маркус приложил палец к губам. Он достал из кармана листок бумаги и протянул ей. Это была записка.

> *«На Уильяма Филдинга напали. Думаю, наши квартиры прослушиваются. Приезжал непонятный строитель, чтобы разобраться с отсыревшей стеной. Нужно обыскать квартиру, лишь потом мы сможем поговорить. Включи громкую музыку».*

Джоанна кивнула. Что ж, ее подозрения подтвердились.

Включив проигрыватель на полную громкость, они принялись тщательно осматривать квартиру. Ощупывали стены, пытаясь обнаружить там новые выемки, внимательно изучали половицы, искали под абажурами и на спинках шкафов.

– Это просто смешно! – бросила Джоанна после сорока минут бесплодных поисков и плюхнулась на новый диван. – Мы прошерстили все вдоль и поперек, – прошептала она на ухо присевшему рядом Маркусу, стараясь, чтобы он услышал ее сквозь звуки музыки, доносящиеся из стереосистемы. – Разве что «жучки» спрятаны где-то в стенах.

– Подумай, кто бывал в твоей квартире с тех пор, как началась эта история, – прошептал он в ответ.

– Я, Саймон, ты, по меньшей мере четверо полицейских, три курьера… – прошептала она, считая на пальцах, потом резко замерла и вскочила с дивана.

Не говоря больше ни слова, Джоанна бросилась в угол комнаты, где на столике у стены стоял стационарный телефон. Она осмотрела провод, ощупала его по всей длине, вплоть до того места, где он уходил в стену, и, глядя на Маркуса широко раскрытыми глазами, кивнула, а затем предупредительным жестом приложила палец к губам.

Джоанна потянула Маркуса в прихожую, схватила с вешалки их верхнюю одежду и вслед за ним вышла из квартиры.

Они пошли по тихой, освещенной фонарями улице. Маркус крепко обнял Джоанну, которая не могла справиться с дрожью.

– Господи, Маркус… мой телефон… А я еще удивлялась, что после ограбления телефонный техник появился даже без вызова!

– Все хорошо, милая. Все будет в порядке.

– «Жучок» стоит в квартире с января! Только представь, сколько всего они уже услышали! Алек предупреждал меня об этом. Что же делать? Как избавиться от «жучка»? Может, вытащить провод?

Чуть поразмыслив, Маркус покачал головой:

– Нет, иначе они поймут, что мы обнаружили слежку. И просто вернутся и заменят «жучок».

– Господи Иисусе! Мне плохо лишь при мысли, что они вновь заявятся в мою квартиру!

– Послушай, Джо, мы сейчас в выгодном положении, на шаг их опережаем…

– В самом деле? Мы ведь не знаем ни где «жучки», ни сколько их в квартире.

– Нам просто нужно быть осторожнее. И думать, что и где можно сказать, – медленно произнес он. – Неизвестно, что они способны слышать, – лишь телефонные разговоры или полностью все звуки в квартире. Но в любом случае нельзя дать им понять, что мы выяснили. И мобильниками придется пользоваться с осторожностью, их ведь тоже могут прослушивать.

Джоанна кивнула и прикусила губу.

– Уильяма Филдинга убили не случайно, – в конце концов проговорила она. – Думаю, в этом можно уже не сомневаться.

– Постой… Филдинг мертв? Я думал…

Она мрачно кивнула:

– Судя по всему, скончался в больнице сегодня ближе к вечеру. Когда я уходила из офиса, мой редактор как раз дописывал статью на эту тему. Дело становится опасным… Может, прекратить расследование и оставить все как есть?

Маркус остановился и сжал ее в крепких объятиях:

– Нет. Мы вместе с этим разберемся. А теперь давай снова отправляться на охоту за «жучками».

Он поцеловал ее и повел обратно к дому.

Настроившись еще более решительно, Джоанна уделила внимание уголкам квартиры, которые не пострадали в результате разгрома. Они с Маркусом ощупали все плинтуса, дверные коробки и наличники. В конце концов в верхней части дверного косяка в гостиной Джо обнаружила маленькую резиновую пуговицу. Она осторожно отклеила находку и поднесла к свету. Маркус подошел ближе, чтобы посмотреть.

Он постучал себя по носу и вернул «пуговицу» на косяк в гостиной, потом вышел на улицу и позвонил в дверь. В следующие полчаса он несколько раз входил в квартиру и вновь выходил на улицу, изображая различных странных персонажей, всякий раз говорящих с разным акцентом. Джоанне пришлось беседовать с мнимым импортером ямайского рома, потомком русского царя и поклонником «стрелялок» из Южной Африки. В конце концов, не в силах больше сдерживать смех, к тому времени почти перешедший в истерику, она выскочила на улицу вслед за Маркусом. Он явно был отличным актером и имитатором и, похоже, упустил свое призвание, подавшись в другую сферу. Когда игра наконец закончилась, Джоанна отлепила

«жучок», завернула его в несколько слоев ваты и бесцеремонно засунула в коробку из-под тампонов.

Она давно уже столько не смеялась, и, когда они забрались в постель и занялись любовью, от нежных ласк Маркуса на глазах во второй раз за вечер выступили слезы.

«Я… счастлива», – мелькнула непрошеная мысль.

– Я люблю тебя, – пробормотал Маркус, закрывая глаза.

Вскоре он уже крепко спал. Несмотря на драматические события, связанные с «Ключиком старушки», и их сегодняшнее открытие, рядом с ним Джоанне было комфортно и спокойно. Настойчиво гоня от себя жуткую мысль, что теперь в квартире в буквальном смысле «у стен есть уши», она задумалась о своих чувствах к Маркусу и признала, что, вероятно, тоже в него влюбилась. Потом прижалась к теплому мужскому телу и погрузилась в сон.

* * *

В пятницу в десять утра Саймон постучал в парадную дверь дома номер десять по Уэлбек-стрит.

– Здравствуйте, – поприветствовала его Зои.

– Доброе утро, мисс Харрисон.

– Полагаю, вам лучше войти. – Зои неохотно отступила в сторону, пропуская его внутрь.

– Спасибо.

Она закрыла входную дверь, и оба неловко застыли посреди прихожей.

– Я приготовила вам комнату на верхнем этаже, – нарушила молчание Зои. – Не слишком большую, но с собственным душем и туалетом.

– Благодарю. Я приложу все усилия, чтобы вам не мешать. И простите за это вторжение.

Судя по всему, для него сложившаяся ситуация была столь же неловкой, как и для нее, и Зои немного смягчилась. В конце концов, ни одному из них не дали права выбора в этом вопросе.

– Может, отнесете свои вещи в комнату, а потом мы вместе выпьем кофе? Поднимайтесь на самый верх и налево.

– Хорошо, спасибо. – Он благодарно улыбнулся и направился к лестнице с сумкой в руках.

Зои проводила его взглядом и пошла ставить чайник.

– Черный или с молоком? Сахар? – спросила она, когда десять минут спустя он появился в кухне.

– Черный, один кусочек сахара, пожалуйста.

Зои поставила перед ним кружку.

– У вас прекрасный старый дом, мисс Харрисон.

– Спасибо. И раз уж нам придется жить вместе… ну, под одной крышей, – поспешно пояснила она, – думаю, вам лучше называть меня Зои.

– Хорошо. А я Саймон. Понимаю, что вы меньше всего хотите видеть меня здесь. Обещаю вести себя как можно незаметней. Думаю, вас уже предупредили, что мне придется сопровождать вас повсюду, пусть даже в качестве пассажира на заднем сиденье машины. Или, если хотите, я сам могу сесть за руль.

– Нет, мне этого не говорили, – вздохнула Зои. – Сегодня днем мне нужно забрать из школы сына, Джейми. Вам ведь не обязательно ехать со мной туда?

– Боюсь, что обязательно, мисс Ха… Зои.

– Господи! – С трудом обретенное спокойствие Зои уже трещало по всем швам, готовое в любой момент превратиться в панику. – Не думала, что все зайдет настолько далеко. И кем я должна вас представить?

– Возможно, лучше всего сказать, что я старый друг семьи или дальний родственник, приехавший в Лондон из-за границы. Я немного поживу у вас в доме, пока не подыщу собственное жилье.

– Ладно, только Джейми – очень умный мальчик и непременно начнет спрашивать о линиях родства и прочих деталях. – Зои ненадолго задумалась. – Скажете, что вы внучатый племянник Грейс, покойной жены моего деда.

– Прекрасно. Тогда, может, я сам отвезу вас в школу сегодня днем? Думаю, ваш сын удивится, обнаружив меня на заднем сиденье машины.

– Ладно. – Зои прикусила губу. – И еще. Не хочу, чтобы кто-либо из членов семьи узнал правду. Не то чтобы я им не доверяю, просто…

– Вы им не доверяете, – закончил за нее Саймон, и они обменялись улыбками.

– Точно. Господи, сколько сложностей. Мы с подругой завтра собирались пройтись по магазинам. Вам обязательно идти с нами?

– Боюсь, что да. Но я обещаю держаться на приличном расстоянии.

Зои сделала глоток кофе.

– Теперь я начинаю сочувствовать членам королевской семьи и всем, кто с ними связан. Должно быть, ужасно не иметь возможности уединиться ни в собственном доме, ни за его пределами.

– Они привыкли к подобному с детства. Для них это – неотъемлемая часть жизни.

– Вам, наверное, тоже не слишком нравится такое назначение. Ну, у вас ведь есть своя жизнь? Жена, родные, которым будет вас не хватать?

– Нет. Большинство парней у нас в отделе – одиночки.

– Жаль, что вам досталась такая скучная работа. С трудом могу представить, чтобы агентства по международной безопасности внесли мое имя в «черный» список. О нас с Артом никому не известно.

– Пока что.

– Да, и я намерена скрывать наши отношения как можно дольше, – твердо проговорила она и встала. – Простите, мне нужно закончить кое-какие дела перед тем, как я… точнее, мы… поедем за Джейми.

22

В пятницу днем Маркус перевернул вверх тормашками и собственную квартиру. Он осмотрел участок стены в гостиной, рядом с которым воскресным вечером «строитель» складывал в ящик свои инструменты, и почти без удивления отметил, что именно там проходил телефонный ка– бель.

В конце концов Маркус тоже отыскал маленькое черное устройство в виде пуговицы, спрятанное под нижней крышкой кофейного столика. Он осторожно снял «жучок», поражаясь, что такая миниатюрная вещь может быть напичкана электроникой.

Когда Джоанна пришла к нему после работы, Маркус приложил палец к губам и указал на банку растворимого кофе, затем осторожно вытащил «жучок», спрятанный среди темно-коричневых гранул.

– Дорогая, может, примешь душ перед тем, как мы пойдем ужинать? – громко произнес он. – После возвращения я намерен вымазать тебя с ног до головы шоколадным соусом, а затем медленно его слизывать.

Она достала из рюкзака ручку и листок бумаги и написала крупными буквами: «Жду не дождусь». Затем, подняв бровь, положила ручку и записку на столик перед Маркусом и направилась в ванную.

* * *

На следующее утро Маркус принес ей в постель поднос с завтраком. Они быстро съели тосты и выпили кофе, потом оделись и пошли к остановке, решив доехать до Уэлбек-стрит на автобусе. Когда они устроились на свободных местах, Маркус с серьезным видом повернулся к ней.

– Пусть мы немного развлеклись с этими «жучками», но мне тошно лишь при мысли, что они слышали каждое наше слово.

– Само собой. Однако устанавливать «жучки» и прослушивать телефонные линии незаконно. Может, нам пожаловаться властям?

– Бесполезно! Ведь прослушку наших квартир организовали эти самые «власти».

– Прости, Маркус, не стоило втягивать тебя в это дело. Я одна во всем виновата.

– Ну что ты, милая.

В нем вдруг проснулись угрызения совести. Маркус посмотрел на Джоанну, доверчиво положившую голову ему на плечо, и задумался, не стоит ли рассказать ей о встрече с Иэном и полученных деньгах.

Но нет, уже слишком поздно. Она только разозлится и, возможно, захочет разорвать их отношения…

Сама мысль об этом казалась ему невыносимой.

* * *

– Привет, заходите, – встретила их Зои и впустила в дом. – Может, отправимся прямо сейчас? Мне не терпится пройтись по магазинам.

– Конечно, – согласилась Джоанна, когда Зои проводила их на кухню.

– Джейми наверху, в своей спальне, играет на компьютере. Это его надолго займет. Я поднимусь на минутку, чтобы попрощаться, и возьму пальто, – пояснила Зои и нахмурилась, глядя, как Маркус зажег сигарету. – И, пожалуйста, не дыми рядом с Джейми.

– Вообще-то, я оказываю тебе услугу, – раздраженно бросил Маркус. – Не задерживайтесь, Джо. Я знаю более интересный способ провести субботу, чем нянчиться с племянником, – подмигнул он ей.

– Не могу придумать ничего лучше похода по магазинам! – Джоанна нежно поцеловала Маркуса.

– Будешь мне должна за это.

– Зои, я… – раздался сзади знакомый голос.

Джоанна обернулась и потрясенно уставилась на Саймона, застывшего возле кухонной двери. В его взгляде читалось такое же неверие.

Позади него, уже в пальто, стояла Зои.

– Маркус, я упоминала, что Саймон приедет погостить? – спросила она.

– Какой еще Саймон? – поинтересовался Маркус.

– Уорбертон. Он наш дальний родственник со стороны бабушки Грейс. Приехал из Окленда, из Новой Зеландии. Он связался со мной и сообщил, что прилетает в Великобританию. Спросил, нельзя ли пожить у нас какое-то время. И вот он здесь, – торопливо объяснила Зои.

– Не знал, что у нас есть дальние родственники, – нахмурился Маркус.

– Я тоже, до поминальной службы по Джеймсу, – поспешно выдала Зои.

Джоанна, не в силах выдавить ни слова, лишь молча смотрела, как Маркус пожал руку другу ее детства.

– Рад знакомству, Саймон. Значит, мы в дальнем родстве?

– Да, похоже на то. – Саймон вновь стал невозмутимым.

– И надолго ты здесь?

– На некоторое время.

– Что ж, нам с тобой нужно как-нибудь вечерком выбраться в город. Посидим по-мужски, я покажу тебе лучшие места.

– Отличная идея.

– Ну что, пойдем? – вступила в разговор Зои. – Джо? – нервно позвала она, глядя, как Джоанна не сводит глаз с Саймона.

– Да-да, конечно, уже иду. Пока, Саймон. До встречи, Маркус. – Джоанна развернулась и вслед за Зои направилась к входной двери.

Саймон натянул куртку, которую держал в руках.

– Я тоже пойду. Посмотрю кое-какие достопримечательности. Рад знакомству, Маркус.

*** * ***

Зои и Джоанна отлично провели утро на Кингз-роуд, затем на автобусе поехали в Найтсбридж и долго бродили по «Харви Николс». Когда же ноги запросили пощады, женщины укрылись в кафе на верхнем этаже.

– Я угощаю, – сообщила Зои, прихватив меню с барной стойки. – Любая женщина, готовая терпеть моего брата, заслуживает по меньшей мере один бесплатный обед!

– Спасибо, не откажусь, – с улыбкой проговорила Джоанна, и Зои заказала два бокала шампанского.

– Думаю, ты в самом деле подходишь Маркусу. Ему нужна твердая рука, и он в тебя по-настоящему влюблен. Если брат предложит выйти за него замуж, соглашайся. И мы с тобой сможем часто гулять, как сегодня.

Зои всеми силами стремилась подружиться, и Джоанну, тронутую подобным отношением, вновь кольнуло сильное чувство вины за вероломные мысли о продаже истории Зои в газету. Когда принесли обед, Джоанна с аппетитом принялась за отменный бутерброд с пармской ветчиной и острой рукколой, однако Зои лишь ковырялась в своей тарелке.

– Вся эта история с Уильямом Филдингом… Кошмар, правда? – сменила тему Джоанна, потягивая шампанское.

– И не говори. Я ведь навещала его в больнице за день до смерти.

– Да, Маркус об этом упоминал.

– Он был в ужасном состоянии. Я очень расстроилась, ведь всего несколько дней назад мы разговаривали о дедушке. Он отдал мне на хранение прекрасное кольцо с печаткой. Вот, смотри.

Зои порылась в кармане сумочки, который застегивался на молнию, достала кольцо и протянула его Джоанне.

– Надо же, какое тяжелое. – Джо повертела кольцо в руках и посмотрела на эмблему. – Что будешь с ним делать?

– Отнесу на его похороны на следующей неделе. Вдруг появится кто-нибудь из родственников Уильяма.

Зои надежно спрятала кольцо обратно в сумочку.

– А что с фильмом? Съемки продолжатся?

– Похоже, у них достаточно отснятого материала, чтобы дальше обойтись без Уильяма. В среду я возвращаюсь в Норфолк.

– А на сколько останется твой… э-э… друг Саймон? – беспечно спросила Джоанна.

– Не знаю. Он приехал в Лондон на время, и я сказала, что он может оставаться, сколько захочет. Дом достаточно большой, в нем вполне хватит места для нас двоих.

– Верно. – Джоанна не нашлась, что добавить.

– Я наблюдала за твоим лицом, когда вы встретились, и мне показалось, что ты его узнала. Вы знакомы?

– Э-э… – Джоанна покраснела и не смогла солгать. – Да.

– Я так и подумала. – Зои заметно приуныла. – Откуда?

– Я знаю Саймона большую часть жизни. Мы выросли вместе в Йоркшире. Заметь, не в Окленде!

– Тогда ты, наверное, понимаешь, что он мне никакой не родственник, – медленно произнесла Зои.

– Да. Ну, по крайней мере, он никогда об этом не говорил.

Зои неуверенно посмотрела на Джоанну.

– Ты в курсе, чем он зарабатывает на жизнь?

– Саймон всегда говорил, что перебирает бумажки на госслужбе, но, думаю, подсознательно я никогда в это не верила. У него блестящий ум, он с отличием окончил Кембридж. На самом деле, Зои, ты не обязана ничего объяснять. Ясно, что у тебя свои причины не выдавать истинную личность Саймона передо мной и Маркусом. Просто по закону подлости оказалось, что мы с ним знакомы. Но обещаю, я ничего не скажу.

– Ох, Джоанна… – Зои теребила салфетку. – В данный момент я боюсь кому-либо доверять. И больше всего тебе, поскольку ты работаешь в газете. Извини, – быстро добавила она. – И все-таки я хочу рассказать тебе правду. Мне нужно с кем-нибудь поделиться, иначе я сойду с ума.

– Если тебе от этого станет легче, думаю, я и так уже знаю твой секрет, – тихо призналась Джоанна.

– В самом деле? Но откуда? Никто не в курсе. – Зои всерьез испугалась. – Все уже просочилось в прессу?

– Нет, не волнуйся, – поспешила успокоить ее Джоанна. – Опять же, это вышло совершенно случайно. Я видела, как в четверг вечером в твой дом входил мужчина.

– Как так? Ты за мной шпионила?

– Нет. – Джоанна твердо покачала головой. – Я ходила к дантисту на Харли-стрит и, пока искала такси, оказалась на Уэлбек-стрит. Меня охватила слабость, и я уже хотела постучать к тебе, чтобы немного прийти в себя и напроситься на чашку сладкого чая, но как раз в этот момент открылась входная дверь.

Зои нахмурилась:

– Только прошу, не лги, Джоанна, я этого не вынесу. Тебя точно не послали из газеты проверить информацию?

– Нет! Если бы они и решились кого-то отправить, то явно не начинающего репортера, который пишет о домашних животных и садоводстве.

– Ты права. Боже, Джо. – Зои посмотрела прямо на нее. – Ты разглядела этого мужчину?

– Да.

– Тогда ты наверняка догадываешься, почему у меня поселился Саймон.

– Полагаю, в целях защиты.

– Да. Они… точнее, он… настаивал на этом.

– Что ж, лучшего охранника и пожелать нельзя. Саймон – самый замечательный человек из всех, кого я знаю.

– Даже так? – На лице Зои мелькнула тень улыбки. – Неужели у Маркуса есть соперник?

– Господи, ничего такого. Он мне как брат. Серьезно, мы с Саймоном просто хорошие друзья.

– Кстати, о Маркусе. Ты ведь не рассказала ему о том, что увидела в четверг вечером? – с тревогой спросила Зои.

– Нет. Вообще-то, я очень хорошо умею хранить тайны. Если ты не хочешь говорить на эту тему, я пойму, но позволь спросить… У вас все серьезно?

В голубых глазах Зои появились слезы.

– Очень. К сожалению.

– Почему «к сожалению»?

– Потому что я сто раз бы предпочла, чтобы Арт оказался кем-нибудь другим. Простым бухгалтером из Гилдфорда или даже женатым человеком… Все лучше, чем его настоящее положение.

– Прекрасно понимаю, Зои, но мы не выбираем, в кого влюбляться.

– Конечно нет. Но если история выплывет наружу, только представь, каково придется Джейми. Я просто в ужасе.

– Да. Я как раз недавно думала, что рано или поздно тайное станет явным, особенно если у вас все серьезно.

– Невыносимо даже думать об этом. Хуже всего, что даже ради блага Джейми я вряд ли смогу покончить с этими отношениями. Мы с Артом… ну, нас всегда тянуло друг к другу.

– Вы давно знакомы?

– Да, уже много лет. Джоанна, предупреждаю: если когда-нибудь эта история появится в твоей газете, я за себя не отвечаю, – жестко проговорила Зои.

– Признаюсь, мне бы очень хотелось преподнести эту сенсацию своему редактору, но я выросла в Йоркшире, а там не принято нарушать обещаний. Я буду молчать.

– Ладно. Боже, мне нужно еще выпить. – Зои подала знак официанту и снова попросила два бокала шампанского. – Ну, поскольку ты и так, похоже, знаешь большую часть истории, а мне отчаянно нужно с кем-нибудь поговорить, я расскажу тебе все…

* * *

Устроившись за столиком позади весьма удачно расположенной колонны, Саймон заметил, что женщины полностью увлеклись беседой. Он решил воспользовался этой возможностью и, закрывшись в мужском туалете, набрал номер на мобильном телефоне.

– Уорбертон, сэр.

– Слушаю.

– Сегодня утром возникла проблема. В доме мисс Харрисон неожиданно появилась Хаслам. Само собой, она меня узнала. Что мне сказать, если она начнет задавать во– просы?

– Что вы работаете в Отделе по защите королевской семьи. По сути, это правда. Вы по прибытии установили «жучки»?

– Да, сэр.

– Отлично. Есть еще новости?

– Нет, сэр.

– Хорошо, Уорбертон. Удачи.

* * *

В четверть пятого женщины еще не вернулись. Маркус, устроившись на диване, смотрел по телевизору матч по регби между Уэльсом и Ирландией и заодно уничтожал запасы пива Зои. К счастью,

Джейми по-прежнему сидел в своей комнате и играл в какую-то замысловатую компьютерную игру. Маркус недавно поднимался к нему, но, когда племянник начал объяснять что-то про «волшебные монеты», поспешно улизнул вниз. За эти годы он не раз прилагал усилия подружиться с мальчиком – угощал шоколадками, возил в зоопарк, но на Джейми, казалось, ничто не производило впечатления, и Маркус в конце концов сдался. Порою у него возникало чувство, будто всю свою любовь племянник дарил лишь матери и Пра-Джеймсу, а для дядюшки просто не оставалось места.

– Дядя Маркус, – просунул голову в дверь Джейми. – Можно войти?

– Конечно. Это ведь твой дом. – Маркус выдавил улыбку.

Джейми вошел в комнату и встал, засунув руки в карманы, лицом к телевизору.

– Кто выигрывает?

– Ирландия. Уэльс вот-вот разгромят.

– Пра-Джеймс однажды рассказывал мне историю об Ирландии.

– В самом деле?

– Да. Он как-то останавливался там, в городке на берегу моря.

– Ну, в Ирландии почти все города находятся у моря.

Джейми подошел к окну и, отодвинув тюлевую занавеску, выглянул на улицу. Он явно ждал возвращения матери.

– Пра-Джеймс назвал этот город и показал в атласе. Он говорил о большом доме, окруженном водой, словно тот стоял посреди моря. А потом рассказал о юноше, который влюбился в красивую ирландскую девушку. У этой истории был печальный конец, и я помню, как сказал Пра-Джеймсу, что из нее получился бы хороший фильм.

Маркус навострил уши. Он не сводил взгляда с Джейми, который все еще смотрел в окно.

– Когда он тебе это рассказал?

– Как раз перед смертью.

Маркус встал и подошел к книжному шкафу, пробежал глазами по корешкам и отыскал старый атлас. Он открыл страницу с картой Ирландии, положил книгу на кофейный столик и подозвал Джейми.

– Где, говоришь, бывал Пра-Джеймс?

Джейми тут же уставился на нижнюю часть карты и указал местечко где-то в центре южного побережья Атлантики.

– Вот здесь. Дом находится в бухте. Он сказал, что это волшебное место и мне бы оно понравилось.

– М-м-м. – Маркус закрыл атлас и посмотрел на Джейми. – Принести тебе что-нибудь поесть?

– Нет, мама сказала, что сама покормит меня, когда вернется. Но она что-то задерживается.

– И не говори. Ох уж эти женщины. – Маркус заговорщически подмигнул.

– Мама сказала, что ушла вместе с твоей девушкой.

– Точно.

– Ты на ней женишься?

– Может быть, – улыбнулся Маркус. – Она мне в самом деле нравится.

– Тогда у меня будет тетя. Здорово. Ладно, я пойду в свою комнату.

– Конечно.

Джейми ушел, а Маркус взял листок бумаги и записал название города, на который указал племянник.

* * *

Зои и Джоанна вернулись только в половине шестого с кучей пакетов в руках.

– О-о, вы так быстро. Как погуляли, дамы? – иронично поинтересовался Маркус, встретив их в прихожей.

– Отлично, спасибо, – ответила Зои.

– Так здорово, что мы решили завтра повторить. Не успели обойти все, что хотели, – с усмешкой добавила Джоанна.

– Завтра воскресенье, Джо! – пораженно воскликнул Маркус.

– Конечно, милый, и все магазины открыты.

– Мы шутим, братишка, – успокоила Зои. – К тому же после сегодняшних мучений моей кредитной карте понадобится двухнедельный отдых в оздоровительном центре.

Дверь снова открылась, на пороге появился Саймон.

– Всем привет.

– Полюбовался достопримечательностями? – спросил Маркус.

– Конечно.

– И что ты успел посмотреть, Саймон? – не удержалась от вопроса Джоанна.

– О, Тауэр, собор Святого Павла, Трафальгарскую площадь… – Саймон взглянул ей прямо в глаза. – Увидимся позже, – кивнул он и зашагал вверх по лестнице.

– Где Джейми? – спросила Зои.

– В своей комнате.

– Маркус, только не говори, что позволил ему целый день сидеть за компьютером, – нахмурилась Зои.

– Ну извини. Я старался как мог, но он не слишком общительный. Не раздевайся, Джо, пойдем лучше домой.

Зои поцеловала Джоанну, потом Маркуса.

– До встречи. И спасибо за приятный день, Джо.

– Не за что. Я позвоню тебе на неделе, – отозвалась Джоанна, и, прежде чем Маркус вывел ее за дверь, они с Зои обменялись легкими заговорщическими улыбками.

После ухода гостей Зои поднялась наверх – посмотреть, как там Джейми, – и заодно спросила у сына, что приготовить на ужин: пюре с сосисками или картофельную запеканку с мясом. Мальчик выбрал первое и спустился вслед за матерью, чтобы поболтать, пока она будет возиться на кухне.

– Кажется, я не слишком нравлюсь дяде Маркусу, – проговорил Джейми.

– Ну что ты, нет, конечно. Но он не привык к детям, вот и все. Маркус тебе что-нибудь сказал, пока был здесь?

– Нет, ничего. Он целый день пил пиво. Может, рядом с новой девушкой ему станет лучше. Он сказал, что, возможно, женится на ней.

– Правда? Было бы здорово. Джо просто прелесть.

– А у тебя есть парень, мама?

– Я… вообще-то, да. Мне нравится один мужчина.

– Саймон?

– Господи, нет!

– А мне нравится Саймон. Он милый. Вчера вечером мы с ним вместе немного поиграли в компьютерную игру. Он спустится к ужину?

– Вообще-то я думала, что мы с тобой поужинаем вдвоем и заодно поболтаем.

– Ну, будет немного грубо не позвать его. Он ведь наш гость.

– Тогда сходи к нему, – сдалась Зои, – спроси, не хочет ли он к нам присоединиться.

Пять минут спустя Саймон, явно немного смущенный, вошел в кухню.

– Я точно не помешаю, Зои? Я вполне могу заказать пиццу.

– Мой сын хочет, чтобы ты поужинал с нами, – с улыбкой пояснила Зои, – так что присаживайся.

На протяжении всей трапезы она изо всех сил старалась сохранять невозмутимое выражение лица, пока Саймон развлекал Джейми историями об овцеводческой ферме, на которой жил в Новой Зеландии.

– Мама, мы съездим в Окленд навестить Саймона? Звучит круто!

– Вполне возможно.

– Саймон, пойдем попробуем новую компьютерную игру, которую мне сегодня подарила мама. Такая клевая! Но в нее гораздо лучше играть в компании.

– Джейми, оставь в покое бедного Саймона, – вздохнула Зои.

– Все хорошо. Я с удовольствием поиграю, – проговорил Саймон.

– Тогда пойдем.

Джейми встал и жестом поманил нового друга за собой. С улыбкой глядя на Зои, Саймон пожал плечами и вслед за мальчиком вышел из кухни.

Час спустя Зои поднялась наверх. Из комнаты сына доносились возбужденные крики Джейми и Саймона.

– Только не говори, что мне пора спать, – при виде нее отозвался мальчик, не отрывая глаз от экрана. – Сегодня суббота, мы почти добрались до третьего уровня, и я выигрываю.

– Значит, и завтра сможешь выиграть. Уже половина десятого, Джейми.

– Мама, пожалуйста!

– Прости, Джейми, но твоя мама права. Обещаю, завтра мы еще поиграем. Спокойной ночи. – Саймон отложил джойстик и похлопал Джейми по плечу.

– Спокойной ночи, Саймон! – крикнул вслед ему Джейми.

Пока сын был в ванной, Зои немного прибралась в его комнате.

– Ну, чем хочешь заняться завтра? – спросила она, когда мальчик лег в кровать.

– Закончить игру.

– А еще? – Зои подоткнула ему одеяло.

– Да ничем особенным. Подольше поспать, полдня смотреть телик и пить кока-колу. Все то, что не разрешается в школе, – улыбнулся он.

– Согласна на все, кроме колы. – Зои поцеловала его. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, мама.

Когда она спустилась вниз, Саймон на кухне наливал себе из-под крана стакан воды.

– Прости. От этого игрового возбуждения мне захотелось пить. Я уже ухожу.

– Думаю, после мастерского представления за ужином ты заслужил перед сном бокальчик чего-нибудь покрепче. Ты точно не учился на актера? – с притворным подозрением поинтересовалась Зои.

– Так уж случилось, что я неплохо знаком с Новой Зеландией. Моя девушка… точнее, бывшая девушка провела там весь прошлый год.

– Бывшая?

– Да. Ей так понравилась страна, что она решила остаться и выйти замуж за местного жителя.

– О-о, сочувствую. Хочешь бренди? Или виски?

– Ну… если я тебе не помешаю.

– Ничуть. Сам-знаешь-кто уехал куда-то по делам, так что все выходные я одна. Бар с напитками в гостиной. Пойдем туда, я разожгу камин. Становится зябко.

Саймон устроился в кресле со стаканом бренди, Зои растянулась на диване.

– Ты явно понравился моему сыну.

– Он смышленый ребенок. Наверное, ты им гордишься.

– Конечно. Но Маркус всегда говорит, что я слишком его балую.

– Как по мне, он совершенно обычный, хорошо воспитанный мальчик.

– Я стараюсь изо всех сил, но всегда нелегко растить ребенка в одиночку. Впрочем, рядом с ним хотя бы был мой дедушка. Кстати,

Джоанна просила передать, чтобы ты ей позвонил. – Зои не сводила глаз с лица Саймона. – Она сказала, что знает тебя уже много лет, и пообещала не рассказывать Маркусу, кто ты на самом деле. Она сдержит слово?

– Даже не сомневайся. Я безоговорочно доверяю Джо. Она знает большинство моих секретов.

– За исключением одного, – отозвалась Зои. – Хотя, кажется, и это для нее уже не тайна. Я рассказала ей об Арте, поскольку после встречи с тобой и сцены, свидетелем которой она стала, Джо и так практически догадалась. Но ты в самом деле думаешь, что, несмотря на работу в газете, она не проболтается?

– Никогда.

– Что ж, я очень надеюсь, что они с Маркусом останутся вместе. Она хорошо на него влияет.

Саймон молча кивнул и сделал глоток бренди.

– Держу пари, ты скучаешь по дедушке.

– Безумно.

– Вы были близки?

– Очень. Знаю, Джейми тоже по нему скучает, хотя почти о нем не говорит. Дедушка был главой семьи и практически заменил моему сыну отца. Но в последнее время я узнала о нем много такого, о чем раньше и не подозревала.

– В самом деле? Что, например? Ведь о его жизни, кажется, довольно много написано.

– Только на прошлой неделе, за пару дней до смерти, Уильям Филдинг рассказал мне, что дедушка родился в Ирландии. Честно говоря, он много всего поведал, но не знаю, есть ли в его словах правда. Когда заглядываешь в прошлое на семьдесят лет назад, факты перемешиваются с вы– мыслом.

– Точно, – как можно небрежнее проговорил Саймон. – Сэр Джеймс рассказывал тебе истории о былых временах? Наверняка он знал кого-нибудь из сильных мира сего.

– Да, конечно. Все его письма гниют на чердаке дома в Дорсете. После окончания съемок я съезжу туда и разберу коробки. – Зои подавила зевок.

– Ты устала. Что ж, не буду больше мешать. – Саймон допил бренди и встал. – Спасибо за выпивку.

– Без проблем. Спасибо, что развлек моего сына. Доброй ночи.

– Доброй ночи, Зои.

Саймон зашагал по лестнице в свою комнату. Он окончательно убедился, что Зои Харрисон понятия не имела о прошлом деда. Хотелось лишь надеяться – ради их общего блага, – что так будет и впредь.

* * *

Сегодняшнюю ночь Маркус и Джоанна решили провести в Крауч-Энде. В плане безопасности обе их квартиры оставляли желать лучшего, однако, как отметил Маркус, у Джо на двери, по крайней мере, были новые замки.

Когда они устроились в постели, накрывшись одеялом, чтобы приглушить голоса, он поинтересовался:

– Не хочешь провести следующие выходные в прекрасном загородном отеле в Ирландии?

– Что? Зачем? – спросила Джоанна.

– Потому что я, кажется, выяснил, где родился старина сэр Джим.

– Серьезно?

– Да. Мы с Джейми поболтали, и он признался, что сэр Джим рассказывал ему историю о волшебном месте в Ирландии, где мужчина и женщина полюбили друг друга. Он показал мне точку на карте.

– И где это?

– Если верить Джейми, речь о маленькой деревушке в Западном Корке под названием Росскарбери. Похоже, дед жил в доме, который стоял обособленно от других, прямо в бухте. В понедельник я позвоню в турагентство и попрошу порекомендовать хороший отель в тех краях. Даже если след окажется ложным, мы отлично отдохнем и заодно сбежим из напичканных «жучками» квартир. Будет здорово, если ты сможешь взять еще один выходной, чтобы провести там время без спешки.

– Постараюсь, – пообещала она. – Но начальник меня не слишком-то жалует.

– Просто скажи ему, что ты вот-вот раскроешь заговор Ирландской республиканской армии.

– Ага, среди садовых участков, – насмешливо фыркнула Джоанна.

23

Отбросив все формальности, Зои устроилась на переднем пассажирском сиденье «Ягуара», рядом с водителем. Так было лучше.

– Мне позвонили из дворца. Сегодня в восемь вечера я заберу его королевское высочество, – сообщил Саймон, выводя автомобиль с подъездной дорожки.

– Хорошо, – рассеянно кивнула Зои, провожая взглядом удаляющуюся фигуру сына на ступеньках школы. – Кажется, Джейми неохотнее прощался с тобой, чем со мной.

– Вовсе нет, но мы и правда хорошо провели время вместе. Даже в этой работе бывают яркие моменты. – Саймон выехал на автостраду, ведущую в Лондон. – Зои?

– Да.

– Я вовсе не собираюсь давать советы, но, может, безопаснее будет тебе поехать во дворец, чем его королевскому высочеству приезжать на Уэлбек-стрит? Так намного надежнее.

– Знаю. Но там я не могу расслабиться. Мне всегда кажется, что кто-то может подслушивать под дверью.

– Ладно. Сегодня вечером я постараюсь не попадаться на глаза.

– Спасибо. Э-э… Саймон, на этой неделе я снова уеду в Норфолк на съемки. Как ты объяснишь свое присутствие там?

– О, я заселюсь в гостиницу, потусуюсь в баре, буду изображать фаната на съемочной площадке… – Он одарил ее улыбкой. – Когда надо, я могу быть незаметным.

– Поверю на слово, – мрачно кивнула Зои.

Тем временем у дома номер десять по Уэлбек-стрит терпеливо ждал фотограф.

* * *

Саймон во второй раз за день остановил машину на Уэлбек-стрит. Ранее он уже доставил домой Зои, присутствие которой в салоне автомобиля его успокаивало. Принц на заднем сиденье, напротив, едва

ли не раздражал. Саймон стиснул зубы, наблюдая, как его королевское высочество нетерпеливо ерзает на месте и что-то быстро набирает в мобильном теле– фоне.

– Не трудитесь открывать дверь! – рявкнул принц, когда Саймон собрался выйти из машины. – Я сам вы– скочу.

– Хорошо, сэр.

Стоило Арту выбраться из салона, как на другой стороне дороги мелькнула инфракрасная вспышка, но ни водитель, ни пассажир этого не заметили. Саймон проводил взглядом принца, поднявшегося по ступенькам, потом со вздохом посмотрел на время. Эти двое вполне могли провести вместе несколько часов, и ему ничуть не хотелось наблюдать за их развлечениями. Он достал из бардачка триллер, включил лампочку и начал читать.

Мобильный зазвонил без десяти одиннадцать.

– Выхожу через пять минут.

– Хорошо. Я снаружи, готов ехать, сэр.

Саймон убрал книгу и завел двигатель. Ровно через пять минут входная дверь открылась. Оттуда выглянула Зои, быстро осмотрела улицу, затем махнула своему спутнику. Он вышел в прихожую, поспешно чмокнул ее в щеку и побежал к машине.

Снова вспыхнул инфракрасный свет.

– Что ж, Уорбертон, домой, пожалуйста.

– Да, сэр.

* * *

Когда Зои вернулась в Норфолк, в первое утро на съемочной площадке «Тесс» царило мрачное настроение. Всех потрясла смерть Уильяма, и прежней веселой атмосферы как не бывало.

– Слава богу, остался всего месяц, – заметила Миранда, актриса, играющая мать Тесс. – А то здесь прямо как на кладбище. Это твой новый парень? – между делом поинтересовалась она, рассматривая Саймона, который пил в баре кока-колу.

– Нет, он журналист. Его прислали сюда на недельку, чтобы взять у меня интервью, которое хотят приурочить к выходу фильма, – пояснила Зои. Эту историю они придумали вместе.

Несмотря на заверения, что он станет держаться в тени, за последние два дня все заметили, как Саймон слонялся возле съемочной площадки и делал какие-то пометки в блокноте. Оно и понятно: с такой-то внешностью он, несмотря на все усилия, просто не мог не привлекать внимания. Зои присутствие Саймона выбивало из колеи. Хорошо хоть по вечерам из-за большой загруженности она поздно возвращалась со съемок в отель и тут же отправлялась спать, тем самым избегая встреч с ним.

В четверг утром, когда Зои изучала сценарий для дневных съемок, зазвонил мобильный телефон.

– Привет, сестренка, это я. Как дела?

– Прекрасно, Маркус.

– Приедешь домой на выходные? Ты вроде говорила, что хочешь наведаться в Дорсет и начать разбираться с чердаком.

– Боюсь, не получится. Я уезжаю.

– Ясно. В какой-нибудь райский уголок?

– Просто в гости к друзьям.

– К каким еще друзьям?

– Маркус! Скажи прямо, чего ты хочешь, – бросила Зои.

– Ладно. Ты не возражаешь, если мы с Джо съездим в Дорсет и разберем еще несколько коробок на чердаке?

– Почему бы и нет. Только ничего не выбрасывайте, пока я не посмотрю. Ладно?

– Конечно. Все стоящее я сложу в одно место, а бесполезное – в другое.

– Хорошо. – У Зои не было времени спорить. – Поговорим потом. Передавай привет Джо. Пока.

Спускаясь по лестнице, Зои вдруг задумалась, разумно ли пускать брата в Дорсет, но быстро выбросила эту мысль из головы. Ей не терпелось провести спокойные выходные в объятиях Арта.

* * *

Маркус положил трубку, вышел из телефонной будки и огляделся по сторонам, убеждаясь, что за ним никто не наблюдает. Иэн до сих

пор не выходил на связь, но Маркус не сомневался, что за историей с «жучками» стоял именно его школьный знакомый.

По дороге он купил в пекарне кофе и булочки с беконом. Когда Маркус вернулся в квартиру, Джоанна как раз вышла из душа, перекинув через плечо мокрые волосы.

– Я позвонил Зои, – сообщил он. – Она разрешила съездить в Дорсет и снова покопаться на чердаке. Ты со мной?

– В эти выходные не получится. У меня смена в офисе, – вздохнула она и начала вытирать волосы полотенцем.

– Неужели в «Домашних питомцах и садоводстве» есть работа даже в выходные?

– Да! Именно по выходным проходит большинство местных событий вроде собачьих выставок, зимней распродажи мака и появления подснежников, которые находят отражение в этом разделе.

– Ух ты, круто.

– Ну, кое-кому из нас в самом деле нужно работать, Маркус. В противном случае я окажусь на улице и умру с го– лоду.

– Прости, Джо. – Маркус понял, что расстроил ее. – Но ты не возражаешь, если я сам съезжу в Дорсет?

– С чего бы? Я тебе не сторож.

– Нет, но я бы согласился на такую охрану. – Он подошел и заключил ее в объятия. – Не сердись. Я ведь уже извинился.

– Знаю, просто…

– Я все понимаю.

Маркус стянул с Джо полотенце и припал к ее губам. Она быстро забыла обо всем на свете.

* * *

Остановив машину у парадного входа большого особняка в георгианском стиле, Саймон помог Зои и принцу выйти, потом достал их вещи из багажника.

– Благодарю, Уорбертон. Можете взять выходной. Здесь есть мой человек. При необходимости мы вам позвоним.

– Спасибо, сэр.

– Увидимся в воскресенье вечером, Саймон, – обернувшись через плечо, с милой улыбкой попрощалась Зои, пока принц увлекал ее внутрь.

Два часа спустя Саймон с облегчением вернулся в свою квартиру на Хайгейт-хилл. Он не был здесь уже больше недели. Наконец-то у него найдется немного времени для себя.

Саймон прослушал сообщения на автоответчике. Четыре из них оставил Иэн. С каждым новым посланием приятель казался все более пьяным и под конец уже почти невразумительно бормотал что-то про замечательный «номер», который он сумел провернуть с «теми, наверху». Саймон не имел понятия, о чем толкует Иэн. Может, стоило по-тихому шепнуть кому следует о постоянном пьянстве и странном поведении коллеги?

Саймон набрал номер Джоанны и, когда она не ответила, оставил сообщение, предложив завтра вечером прийти к нему на ужин, чтобы поболтать.

«Наверное, кувыркается в постели с Маркусом Харрисоном», – решил он, кладя трубку.

Саймон принял душ, приготовил себе испанский омлет с салатом и сел смотреть фильм. Через несколько минут зазвонил телефон.

– Саймон, ты дома? – раздался в трубке голос Джоанны.

– Да.

– А я уж думала, ты вернулся в Окленд на стрижку овец.

– Очень смешно. Я хотел узнать, свободна ли ты завтра вечером, чтобы вместе поужинать.

– Нет.

– Страстное свидание с Маркусом?

– Если бы. Очень соблазнительное сельскохозяйственное мероприятие в Ротерхэме, на котором представят новое революционное средство для уничтожения сорняков. Сам понимаешь, насколько это захватывающе. Я вернусь только поздно вечером, но в воскресенье смогу прийти на обед.

– Хорошо. Днем мне на работу, так что приходи пораньше, я приготовлю поздний завтрак.

– Ладно. В одиннадцать подойдет?

– Отлично. До встречи.

Саймон положил трубку и вздохнул. Печально, что теперь в их отношениях появилась прохлада. Которая, стоило признать, возникла после того, как он не вернул ей письмо. Сейчас Джоанна, без сомнений, относилась к нему с подозрением, особенно когда поняла, что Саймон не простой госслужащий. Что ж, здесь только его вина; он сам из-за своей работы поставил под угрозу их дружбу и ее доверие.

Саймон поднялся, достал из холодильника пиво и сделал большой глоток, будто желая смыть горький вкус предательства…

Как Иэн.

Ему еще не доводилось убивать ни мужчин, ни женщин. Интересно, что он почувствует, когда все-таки придется? Ведь стоит отнять жизнь у другого человека, и больше у него не останется права выбора. По сравнению с этим все прочее, казалось, не имело особой моральной важности.

«Но стоило ли оно того?..»

Саймон подошел к раковине и вылил остатки пива в сливное отверстие, убеждая себя, что еще ничего не произошло. Он любил свою работу и подобную жизнь, но ситуация с Джоанной заставила более трезво оценить происходящее. Теперь Саймон понимал, что однажды наступит день, когда ему придется выбирать.

Раздался звонок в дверь. Застонав, он подошел к домо– фону.

– Кто?

– Я.

«Помяни дьявола…»

– Привет, Иэн. Я уже ложусь спать.

– Можно мне подняться? Пожалуйста.

Саймон неохотно открыл ему дверь. Вскоре Иэн, спотыкаясь, ввалился в квартиру. Выглядел он ужасно. Вечно щеголяющий в костюмах от Пола Смита и Армани, сегодня вечером, в грязном плаще, с опухшим, покрасневшим лицом и налитыми кровью глазами, приятель напоминал бродягу. В руке он держал полиэтиленовый пакет, из которого достал полупустую бутылку виски.

– Привет, Саймон, – пробормотал Иэн, тяжело опускаясь на стул.

– Что случилось?

– Эти ублюдки отправили меня в отпуск по семейным обстоятельствам. На целый месяц. И дважды в неделю мне придется ходить к шарлатану-доктору, будто я какой-то полоумный шизик…

– Но почему? – Саймон присел на край дивана.

– О, на прошлой неделе я провалил одно дело. Зашел в паб пропустить кружечку, но потерял счет времени, и цель ускользнула.

– Понимаю.

– Ну да, то еще развлечение. Почему мне вечно приходится заниматься всяким дерьмом?

– Потому что тебе доверяют.

– Доверяли. – Иэн рыгнул и глотнул еще виски прямо из бутылки.

– Ну, похоже, у тебя оплачиваемый отпуск. На твоем месте я бы радовался.

– Думаешь, мне разрешат вернуться? Ни за что. Все кончено, Саймон, после стольких лет работы… – И он распла– кался.

– Выше нос, Иэн. Кто знает, что будет дальше? Вряд ли им захочется тебя потерять. Ты всегда был одним из лучших. Просто возьми себя в руки и докажи, что это была случайность, и тебе обязательно дадут еще один шанс.

Иэн опустил голову:

– Нет, Сай. В лучшем случае меня отправят выписывать штрафы за неправильную парковку. Мне очень страшно. Согласись, я ведь угроза для них. Пьяница, которому известны все секреты. Что, если они… – Иэн вдруг замолчал, в глазах его появился страх.

– Ну что ты, тебя не тронут, – как можно убедительнее проговорил Саймон. – О тебе позаботятся. Помогут прийти в себя.

– Черта с два. Ты в самом деле думаешь, что существует специальный дом отдыха для перегоревших сотрудников разведслужбы? – рассмеялся Иэн. – Знаешь, я ведь пошел туда работать, насмотревшись фильмов о Джеймсе Бонде. Я пялился на всех его великолепных женщин и думал: «Если они – бесплатный бонус, то эта работенка мне подходит».

Саймон молчал. Да и что он мог сказать?

– Вот и все, – вздохнул Иэн, – конец. И что мне досталось за годы верной службы? Комнатка в Клэпхеме и пришедшая в негодность печень, – усмехнулся он, подводя печальный итог.

– Да ладно, приятель. Знаю, сейчас ты все видишь в черном цвете, но, если завяжешь с выпивкой, жизнь наладится.

– Только выпивка и помогает мне еще держаться. Ну что ж… – В глазах Иэна вдруг вспыхнул какой-то огонек. Злость? Раскаяние?

Трудно было сказать. – По крайней мере, я смог подзаработать. Последнее «дельце» внезапно принесло мне неплохой доход. Хотя знаешь… – Иэн встал и, покачнувшись, направился к Саймону. – Сперва я чувствовал себя немного виноватым. Ты сказал, она хороший человек, а с хорошими людьми не поступают по-свински. – Он икнул. – Но теперь я рад, что согласился.

– О ком ты говоришь, Иэн?

– Да так, забудь. – Приятель встал. – Прости, что потревожил. Мне пора идти. Не хочу, чтобы ты запятнал себя общением со мной. – Пошатываясь, он направился к двери, потом остановился и указал пальцем на Саймона. – Ты далеко пойдешь, старина. Но будь осторожен. И посоветуй подружке-журналистке убираться к черту из постели Маркуса Харрисона. Это опасно. Да и, судя по тому, что я подслушал, он тот еще любитель пудрить мозги.

Иэн выдавил из себя подобие улыбки и скрылся за дверью.

* * *

Суббота прошла спокойно. Саймон посмотрел регби по телевизору, почитал книгу и впервые за последние несколько дней отлично выспался. Когда он открыл глаза утром в воскресенье, часы показывали восемь тридцать две – намного позже его внутреннего будильника, обычно безошибочно поднимавшего Саймона в семь утра. Он включил «Радио четыре»[20], поставил вариться кофе и как раз собирался спуститься вниз за обычной стопкой воскресных газет, когда зазвонил телефон.

– Слушаю.

– У нас проблемы. Немедленно отправляйтесь на Уэлбек-стрит. Мы свяжемся с вами для дальнейших инструкций.

– Понял. Но почему изменились планы?

– Почитайте «Морнинг мейл» – и все поймете. До связи.

Ругаясь, Саймон сбежал вниз по лестнице к главному входу в здание и выхватил из лежащей на коврике стопки экземпляр «Морнинг мейл».

– Господи! Бедная Зои, – простонал он, прочитав заголовок.

Снедаемый злостью и беспокойством, Саймон помчался наверх и поспешно надел костюм.

«Черт бы тебя побрал, Джоанна, – подумал он. – Значит, вот как ты решила со мной расквитаться. Предать Зои и легко подзаработать…»

Саймон уже стоял у выхода, когда раздался звонок в дверь, и он вдруг вспомнил, что пригласил Джоанну на поздний завтрак. Пытаясь сдерживать ярость, Саймон нажал кнопку, чтобы впустить ее в подъезд.

«Нельзя обвинять кого-то без доказательств», – напомнил он себе, надевая пальто.

– Привет, – беззаботно поздоровалась Джоанна, войдя в квартиру, чмокнула его в щеку и протянула бутылку молока. – У тебя оно вечно заканчивается, так что я подумала…

Он сунул ей под нос газету.

– Видела?

– Нет. Я знала, что у тебя есть воскресная пресса, и не стала покупать. – Взгляд ее упал на заголовок. – Вот черт. Бедная Зои.

– Да, бедная Зои, – передразнил он.

Джоанна рассматривала фотографии герцога Йоркского. На одной он обнимал Зои за плечи, на другой целовал ее в макушку. Они походили на обычную пару красивых молодых влюбленных, гуляющих по сельской местности.

– «Принц Артур и его новая возлюбленная, Зои Харрисон, проводят вместе выходные в доме почтенного Ричарда Бартлетта и его жена Клионы», – вслух прочитала Джоанна. – Разве не ты отвез их туда?

– Да, еще в пятницу. А сейчас мне нужно идти.

– О, так поздний завтрак отменяется?

– Так точно. – Он пристально посмотрел на нее. – Джоанна?

– Да?

– Ты обратила внимание, в какой газете напечатали эту историю?

– Конечно. В нашей.

– Да, в твоей.

Она вгляделась в сердитое лицо Саймона, начиная понимать, к чему он клонит.

– Кажется, я догадываюсь, о чем ты подумал. Ты это серьезно?

– Вполне себе.

Джоанна вспыхнула от негодования. Винить ей себя было не в чем.

– Господи, Саймон! Да как тебе это в голову пришло? За кого ты, черт возьми, меня принимаешь?

– За амбициозную журналистку, перед которой внезапно замаячила сенсация года.

– Как ты смеешь! Зои – моя подруга. К тому же ты не знаешь, что мне известно.

– Зои сказала, что доверила тебе правду. Я был рядом с ней почти двадцать четыре часа в сутки и не понимаю, как кто-либо еще мог все разузнать. Возможно, сперва ты действительно не хотела, но в конце концов поддалась искушению и…

– Оставь этот покровительственный тон, Саймон! Я очень люблю Зои. Да, признаю, что подумывала об этом…

– Вот видишь!

– Но я никогда не смогла бы предать друга! – выпалила она.

– Это твоя газета, Джо! Зои спросила, можно ли тебе доверять, и я заявил, что ты в высшей степени надежна! Боже, как я об этом сожалею.

– Саймон, пожалуйста. Клянусь, это не я слила историю в газету.

– Эта несчастная женщина всеми силами пыталась защитить сына, за которым теперь тоже будут охотиться писаки. Она с ума сойдет и…

– Господи, Саймон. – Обиженная Джоанна удивленно покачала головой. – Неужели ты в нее влюбился? Ты всего лишь телохранитель. Утешать ее – забота принца, а вовсе не твоя.

– Что за глупости! Да и кто бы говорил. Встречаешься с этим идиотом Маркусом, чтобы раздобыть побольше информации о любовном письме. Возомнила себя современным Шерлоком Холмсом…

– Хватит, Саймон! Между прочим, мне на самом деле нравится Маркус. Возможно, я даже в него влюбилась, хотя тебя вовсе не касается, с кем я провожу время и…

– Как ты могла так жестоко ее обмануть?

– Черт возьми, Саймон! Я здесь ни при чем! Неужели после стольких лет нашей дружбы ты до сих пор не понимаешь, что я не

способна вот так предать подругу? И кстати, у тебя у самого рыльце в пушку! Я доверила тебе письмо, а ты мне солгал. Оно «распалось»? Да неужели? Мне отлично известно, что ты использовал меня, лишь бы заполучить его для своих сотрудников в МИ-5! Я ведь права? – настаивала она, зная, что попала в точку.

Саймон застыл, будто лишившись дара речи, потом бросил с яростью:

– Я ухожу! – Подхватил сумку с вещами и направился к двери, но вдруг остановился и обернулся. – Полагаю, Джоанна, что должен предупредить тебя: «мои сотрудники» платят Маркусу Харрисону, чтобы он спал с тобой. Не веришь – спроси Иэна Симпсона. Мне пора идти.

И он захлопнул за собой дверь.

Джоанна потрясенно замерла, не в силах поверить, что несколько минут назад здесь разыгралась подобная сцена. За все годы знакомства – до сегодняшнего дня – они не обменялись ни единым резким словом. И если уж Саймон, который знал Джо столько лет, обвинил ее в предательстве, можно не надеяться, что Зои решит иначе. И этот вздор насчет Маркуса… Ему платили, чтобы он с ней спал? Ну нет, не может быть. Ведь до ее рассказа Маркус ничего не знал о «Ключике старушки».

Джоанна тихонько застонала от разочарования. Казалось, ткань ее мира медленно распадалась на части. Порывшись в рюкзаке, она достала бумажник и вытащила оттуда визитку Иэна Симпсона. Немного подумала, подошла к телефону Саймона и набрала номер. Она не знала, что будет говорить, понимала только, что ей нужно выяснить правду.

Долго шли гудки, потом наконец раздался сонный голос:

– Привет, Саймон.

– Иэн Симпсон? – поинтересовалась она.

– Кто это?

– Джоанна Хаслам, подруга Саймона Уорбертона. Слушайте, возможно, мои слова прозвучат нелепо… Я вовсе не хочу впутывать в это Саймона, но он упомянул, что… э-э… мой парень, Маркус Харрисон, может… э-э… работать на того, кому вы служите. – В трубке царила тишина, и Джо продолжила: – Если ответ положительный, наверное, вы можете просто еще немного помолчать.

Последовала долгая пауза, затем раздался щелчок на линии, когда собеседник отключился.

Джоанна повесила трубку. Итак, Саймон сказал правду. Мысли закрутились в голове, она попыталась вспомнить все разговоры, которые вела с Маркусом. Оскорбленная до глубины души, пылая от гнева, Джо глубоко, прерывисто вздохнула и опустилась на диван, чтобы обдумать следую– щий шаг.

* * *

Саймон на бешеной скорости сорвался с места, однако, осознав, что слишком расстроен и не сможет как следует сосредоточиться на дороге, съехал на обочину и заглушил мотор. Сперва нужно успокоиться.

– Черт возьми! – Он ударил ладонями по рулевому ко– лесу.

Впервые в своей взрослой жизни Саймон настолько вышел из себя. Несмотря на давнюю дружбу с Джоанной, он даже не дал ей шанса объясниться. Осудил ее прежде, чем она успела открыть рот.

Но почему?

Неужели его выбил из колеи визит Иэна Симпсона? Или Джоанна оказалась права и он гораздо сильнее, чем следовало, привязался к Зои Харрисон?

– Проклятие, – выдохнул Саймон.

Что же он чувствовал? Любовь? Конечно нет. С чего бы вдруг? Ведь он познакомился с Зои всего пару недель назад и большую часть этого времени и близко к ней не подходил. И все же было в ней что-то, некая уязвимость, которая трогала его душу и вызывала желание защитить молодую женщину. И вовсе не из-за порученного задания, признался себе Саймон.

Похоже, именно этим объяснялась его беспричинная неприязнь к ее царственному любовнику, неплохому, в сущности, человеку, который всегда вел себя вежливо. Тем не менее Саймон не переносил Арта, удивляясь, как умная сердечная Зои смогла в него влюбиться. Однако тот ведь был «принцем». Вероятно, это многое компенсировало.

Саймон застонал, вспомнив слова, которые бросил напоследок Джоанне. Своим признанием, что Маркусу заплатили за связь с ней, он полностью нарушил правила.

«Она хороший человек…» – внезапно всплыли в памяти слова пьяного Иэна, сказанные в пятницу вечером.

Что, если…

– Вот черт! – Саймон стукнул кулаком по рулевому ко– лесу.

Картина произошедшего в его мозгу постепенно обретала все большую четкость. Когда Иэн упомянул «ее», Саймон предположил, что речь шла о Джоанне. Однако он ведь сам установил «жучки» и устройство для прослушки телефона в доме на Уэлбек-стрит. Само собой, его коллеги слушали…

Так что Иэн, который лишь недавно намекал на какой-то побочный заработок, вполне мог говорить о Зои. В конечном счете Джоанна не была мишенью для прессы, и газеты не стали бы платить кругленькую сумму за возможность распространить о ней сплетни.

А вот Зои точно представляла интерес…

Заводя двигатель, Саймон уже не сомневался, что поспешил с выводами.

У порога дома на Уэлбек-стрит обосновались фотографы, съемочные группы и журналисты. Не обращая внимания на их окрики и вопросы, Саймон пробрался сквозь толпу и вошел внутрь. Захлопнул дверь и запер все имеющиеся замки и задвижки.

– Зои? Зои?! – позвал он, но не услышал ответа.

Может, она еще не вернулась из Хэмпшира? Хотя когда Саймон звонил по дороге сюда, ему сообщили, что Зои дома.

Заглянув в гостиную, он заметил сквозь щель в старых камчатых шторах длинный объектив фотоаппарата и тут же метнулся к окну и плотнее задернул занавески. Потом прошел в столовую, кабинет, на кухню, зовя Зои по имени. Поднялся наверх, проверил главную спальню, комнату Джейми, гостевую комнату и ванную.

– Зои? Это Саймон! Где ты? – снова позвал он, на этот раз более настойчиво.

Саймон взбежал по лестнице на верхний этаж, где находились две небольшие мансардные комнаты. В той, которую выделили ему, никого не было. Он толкнул вторую дверь, по другую сторону узкой лестничной площадки. И там, среди ненужной мебели и детских

игрушек, Джейми увидел Зои. Она съежилась в углу между старым шкафом и креслом, прижимая к груди древнего плюшевого медвежонка. Ее лицо намокло от слез. В старой толстовке и спортивных штанах, с собранными в хвост волосами она выглядела ненамного старше своего сына.

– О, Саймон! Как хорошо, что ты здесь. Слава богу.

Зои потянулась к нему, и Саймон опустился рядом с ней на колени. Она уткнулась лицом ему в грудь и зарыдала.

Он почти ничем не мог ей помочь, однако крепко обнял молодую женщину, борясь с внутренним голосом, который нашептывал, как же здорово держать ее в объятиях.

В конце концов она подняла голову и взглянула на него полными страха голубыми глазами.

– Они все еще возле дома?

– Боюсь, что так.

– Когда я приехала, один из них приставил к дому лестницу. Он заглядывал в комнату Джейми, чтобы сделать снимок. Я… Господи, что я наделала?!

– Ничего, Зои. Всего лишь влюбилась в знаменитого мужчину. Вот, держи. – Саймон протянул ей носовой платок, чтобы вытереть слезы.

– Прости, что я так расклеилась. Меня все это очень потрясло.

– Не за что извиняться. Где его королевское высочество?

– Наверное, вернулся во дворец. Нас разбудили в Хэмпшире в пять утра и велели уезжать. Арт поехал на одной машине, я на другой. Дома я была около восьми, и журналисты уже торчали у входа. Думала, ты никогда не приедешь.

– Прости, Зои, но мне позвонили только в половине одиннадцатого. После возвращения ты что-нибудь слышала о его королевском высочестве?

– Ничего. А еще я очень беспокоюсь за Джейми. Вдруг журналисты заявятся в школу так же, как и сюда, чтобы его сфотографировать? Он ведь ничего не знает… О боже, Саймон, я вела себя как эгоистка! Не следовало снова начинать эти отношения и рисковать его спокойствием. Я…

– Постарайся не волноваться. Наверняка принц скоро позвонит. Во дворце позаботятся, чтобы вы с Джейми были в безопасности.

– Ты так думаешь?

– Конечно. Они тебя не бросят. Давай я спущусь и позвоню им прямо сейчас.

– Хорошо. И попроси тех, с кем будешь разговаривать, чтобы Арт связался со мной. С утра мы ничего не успели толком обсудить.

– Если хочешь, можешь спуститься вниз. Я задернул все шторы. Никто тебя не увидит.

– Пока нет, спасибо. – Зои покачала головой. – Сначала я немного успокоюсь.

– Я принесу тебе чаю. С молоком, без сахара, верно?

– Да. – На ее губах мелькнула тень улыбки. – Спасибо, Саймон.

Он спустился на кухню и поставил чайник. Утешая Зои, Саймон чувствовал себя полным дерьмом, ведь она почти наверняка пострадала из-за него. Он сам установил в доме «жучки», а какой-нибудь агент из его организации – призванной обеспечивать не только безопасность Великобритании, но и защищать тех, кто в этом нуждался, – продал услышанную информацию.

Саймон набрал номер службы безопасности дворца.

– Говорит Уорбертон. Я на Уэлбек-стрит, дом осажден журналистами. Что прикажете?

– На данный момент ничего. Оставайтесь на месте.

– В самом деле? Думаю, вы понимаете, что мисс Харрисон очень расстроена. Может, для нее есть более надежное место?

– Насколько я знаю, нет.

– Не лучше ли доставить ее во дворец?

– Это невозможно.

– Понимаю. А как насчет ее сына? Само собой, она очень беспокоится о том, как случившееся может повлиять на мальчика. Он учится в школе-интернате в Беркшире.

– Тогда ей лучше поговорить с директором. Возможно, они смогут обеспечить дополнительные меры безопасности. У вас все?

Саймон глубоко вздохнул, пытаясь сдержать гнев.

– Да, благодарю.

Он позвонил в школу Джейми, потом поднялся по лестнице с двумя кружками чая и тарелкой печенья.

– Ты говорил с ними? – спросила Зои, с надеждой глядя на него.

– Да. – Саймон протянул женщине кружку, затем опустился рядом с ней на колени. – Печенье?

– Спасибо. Что сказали?

– Что пока нам следует оставаться здесь и стойко держаться. Сейчас они решают, как быть дальше. Кстати, принц шлет тебе привет, – солгал он. – Он позвонит позже.

На лице Зои отразилось облегчение.

– А Джейми?

– Я разговаривал с директором, они в курсе происходящего. Журналисты туда еще не добрались, но в случае необходимости руководство предпримет дополнительные меры безопасности. Директор заверил, что с Джейми все хорошо. В любом случае у них в школе нет этой, как он выразился, «газе– тенки».

– Слава богу. – Зои откусила крошечный кусочек печенья. – Но что я ему скажу? Как объясню происходящее?

– Тебе нужно больше доверять Джейми. Он умный мальчик. Не забывай, Зои, что он рос в лучах славы, твоей и твоего дедушки. Джейми справится.

– Да, наверное. Думаешь, эту историю выдала Джоанна? – осторожно поинтересовалась она.

– Нет. Почти не сомневаюсь, что Джо здесь ни при чем. Хотя когда я только увидел новости, она как раз возникла у меня на пороге и… Я чересчур поспешно сделал вы– воды.

– Но все так совпало.

– Да. И все же я не верю, что это она. И тебе не стоит, – твердо сказал Саймон. – Я знаю ее целую вечность. Джо – верный друг. Правда, Зои.

– Она единственная знала правду, Саймон. Кто еще это мог быть?

– Понятия не имею, – снова солгал Саймон. – К сожалению, иногда даже у стен есть уши. – «В буквальном смысле», – добавил он про себя.

– Значит, пока нам не скажут, что делать, мы застряли в этом доме?

– Похоже на то.

Зои отпила чаю, затем подняла голову.

– Саймон… – с улыбкой начала она.

– Да, Зои?

– Я ужасно рада, что ты здесь.

24

На Уэлбек-стрит уже опустились сумерки, однако ни принц, ни служба безопасности дворца так и не связались с запертыми в доме Зои и Саймоном. К тому времени, когда в конце концов позвонил Маркус, молодая женщина уже слегка успокоилась. Он объяснил, что уехал в Хейкрофт-хаус разбирать коробки на чердаке, и узнал новости, лишь зайдя в деревенский паб, где к нему пристали жаждущие подробностей местные жители.

– Отличный улов, Зо, целый принц, – пошутил Маркус, стараясь ее подбодрить. – Чуть позже вечером я вернусь в Лондон, так что, если понадоблюсь, ты знаешь, где меня найти. Держи хвост пистолетом и не обращай внимания на болтовню этих придурков из СМИ. Страсти скоро улягутся. Люблю тебя, сестренка.

– Спасибо, Маркус.

Поддержка брата подбодрила Зои, и, повесив, трубку, она покинула свое укрытие в мансарде и с плюшевым медведем Джейми в руках спустилась в гостиную, где были плотно задернуты шторы.

Саймон за неимением лучшего занятия бродил по дому, методично проверяя, нет ли зазоров между занавесками и следов стамесок у основания подъемных окон. Он также потихоньку убрал все «жучки», которые установил, и сунул их в коробку с бумажными салфетками у себя в спальне. Не хватало еще, чтобы сотрудники в штаб-квартире следили за страданиями Зои. Хотелось, чтобы начальство поскорее решило, что делать, ведь до тех пор Саймон со своей подопечной останутся заперты вдвоем в доме.

Он прокрался по коридору. За входной дверью слышалось жужжание голосов толпившихся газетчиков. В гостиной Саймон увидел Зои, которая неподвижно застыла на диване.

– Чаю? Кофе? Чего-нибудь покрепче? – предложил он.

Зои взглянула на него и покачала головой.

– Спасибо, но меня немного подташнивает. Сколько времени?

– Без десяти пять.

– Нужно позвонить Джейми. Я всегда болтаю с ним по воскресеньям во время вечернего чая. – Она прикусила губу. – Что я ему скажу?

– Сперва поговори с директором, спроси, что он посоветует. Если Джейми ничего не знает, возможно, лучше ему пока не сообщать.

– Да, ты прав. Спасибо, Саймон. – Она подняла с пола мобильный и набрала номер школы.

Саймон прошел на кухню, чтобы заварить себе очередную кружку чая. Почему же принц до сих пор не связался с Зои? Раз он открыто заявлял о своей любви, то, вероятно, краткий ободряющий разговор с дорогой сердцу женщиной должен стоять на первом месте среди его планов. Но, конечно, он и служба безопасности дворца придут на помощь Зои и не бросят ее бороться с трудностями в одиночку.

– Похоже, с ним все хорошо. Джейми явно ничего не знает, – ворвался в его мысли голос Зои, в котором отчетливо звучало облегчение.

– Вот и хорошо, – с улыбкой повернулся к ней Саймон.

– Директор сказал, что у школьных ворот околачивается пара журналистов, но он поставил в известность местную полицию, и они следят за происходящим. Джейми спросил, как у меня прошла неделя, и я сказала, что все как обычно. – Зои испустила смешок. – Само собой, я не настолько глупа и понимаю, что он довольно скоро обо всем узнает… Ты правда думаешь, что лучше ему ничего не говорить?

– На данный момент – да. Неведение благословенно, особенно в десять лет. В школе он в безопасности, и, возможно, если история не получит дальнейшего развития, все скоро успокоится.

Зои села за кухонный стол и опустила голову на руки:

– Позвони, Арт, пожалуйста.

Саймон мягко погладил ее по плечу.

– Он позвонит, Зои, вот увидишь.

В восемь вечера Саймон принес в ее спальню небольшой телевизор, позаимствованный из комнаты Джейми. Он попытался уговорить Зои что-нибудь съесть, но она отказалась и, ссутулившись, села на кровать, такая же бледная, как свет луны, льющийся сквозь эркерное окно. Саймон на всякий случай задернул занавески – вдруг кто-то из писак внизу раздобыл лестницу.

– Может, сама позвонишь Арту? У тебя ведь есть номер его мобильного?

– Думаешь, я не пробовала? – раздраженно бросила Зои. – Раз сто за сегодняшний день. Но звонок сразу переходит на голосовую почту.

– Ладно, извини.

– Ты меня тоже. Ты ни в чем не виноват, и я не хочу на тебя срываться.

– Не волнуйся, я все понимаю, – заверил ее Саймон.

Не в силах усидеть на месте, Зои встала и принялась расхаживать по комнате. Тем временем Саймон подсоединил антенну, затем включил телевизор. Экран ожил, и спальню наполнил голос репортера.

– …что принц Артур, герцог Йоркский, третий в очереди на престол, завел себе новую возлюбленную. Ею стала актриса Зои Харрисон, внучка покойного сэра Джеймса Харрисона. Пару заметили во время прогулки по территории великолепного поместья его друзей в Хэмпшире.

Репортаж велся непосредственно с Уэлбек-стрит, и Зои с Саймоном молча наблюдали на экране телевизора все, что творилось перед домом. Весь тротуар и даже проезжую часть позади говорившего заполонили фотографы. Полицейские пытались контролировать толпу, пропуская машины сквозь бреши в людском потоке.

– Мисс Харрисон сегодня рано утром прибыла в свой лондонский дом и до сих пор избегала общения с представителями СМИ, собравшимися возле ее порога. Если мисс Харрисон в самом деле связывают с герцогом романтические отношения, дворец окажется в затруднительном положении. Мисс Харрисон – незамужняя мать, которая в одиночку воспитывает десятилетнего сына и всячески скрывает сведения об отце ребенка. Даст ли дворец свое благословение на столь сомнительные отношения, пока еще предстоит выяснить. Сегодня утром представитель Букингемского дворца сделал краткое заявление, подтвердив, что герцог и мисс Харрисон в самом деле были вместе в Хэмпшире в гостях у друзей, однако он уверяет, что их отношения не выходят за рамки обычной дружбы.

Саймон посмотрел на Зои, ожидая реакции, но ее лицо застыло, словно маска, а взгляд стал безжизненным.

– Зои, я…

– Стоило догадаться, что так и будет, – еле слышно проговорила она, направляясь к двери спальни. – Я через это уже проходила.

* * *

На следующее утро, так и не дождавшись инструкций, Саймон снова позвонил в службу безопасности.

– Какие указания?

– В настоящее время никаких. Оставайтесь на месте.

– Мисс Харрисон сегодня нужно ехать в лондонскую студию, чтобы поработать над озвучкой. Как мне увезти ее из дома, не устроив беспорядков на центральной улице Лондона?

В трубке ненадолго повисла тишина, потом последовал ответ:

– Используйте навыки, которые приобрели за годы обучения, оплаченного за счет британского правительства. До связи, Уорбертон.

– Проклятие! – выругался в трубку Саймон.

Что ж, теперь предельно ясно, что дворец не намерен поддерживать Зои.

– Кто это? – поинтересовалась она, войдя на кухню.

– Мой босс.

– И что он сказал?

Саймон глубоко вздохнул. Лгать не имело смысла.

– Ничего. Мы должны оставаться на месте.

– Понятно. Значит, мы сами по себе?

– Боюсь, что да.

– Прекрасно. – Зои развернулась и направилась в кабинет. – Напишу-ка я письмо Арту.

Выдвинув один из ящичков антикварного письменного стола деда, она порылась внутри и достала прекрасную чернильную ручку, которой пользовался Джеймс. Сняла колпачок и почеркала на старой квитанции за электричество, чтобы ее проверить. Ручка оказалась пуста. Зои вновь принялась копаться в ящиках в поисках сменного картриджа с чернилами, вытаскивая и бросая на пол все попадающиеся квитанции. В конце концов найдя искомое, она опустилась на колени, сгребла в кучу бумаги и сунула обратно в ящик. Однако краем глаза заметила название компании вверху одной из них.

Частное детективное агентство Регана
Окончательный расчет

Сумма к оплате: 8600 фунтов стерлингов

Поперек квитанции Джеймс нацарапал «Оплачено» и поставил дату: «19.10.1995». Зои прикусила губу. Интересно, с какой стати дедушке, особенно незадолго до смерти, понадобилось прибегать к услугам частного детективного агентства? Судя по заплаченной сумме, они проводили какое-то крупное расследование.

– Все хорошо?

Зои чуть не подпрыгнула, услышав голос Саймона. Он застыл в дверях с явным беспокойством на лице.

– Да, прекрасно. – Она сунула квитанцию на место и задвинула ящик.

– Во сколько тебя ждут в студии?

– В два.

– Ладно. Тогда выехать нужно примерно в час. Пойду на улицу, переставлю машину, чтобы потом было легче ускользнуть отсюда.

– Неужели мне придется столкнуться с этой толпой?

– Нет, если ты готова нацепить дурацкую шляпу и незаконно проникнуть на чужую территорию, – усмехнулся он. – Увидимся через несколько минут.

Пытаясь отогнать страх и злость, Зои сосредоточилась на письме.

> *«Дражайший Арт, для начала хочу сказать, что прекрасно понимаю, в какое ужасное положение поставила тебя эта ситуация. Я чувствую…»*

Зазвонил мобильный, прерывая поток мыслей Зои.

– Да? О, привет, Мишель. – Она выслушала своего агента, потом отрезала: – Нет, я не хочу ни выступать на телевидении, ни давать интервью «Мейл», «Экспресс», «Таймс» или чертовой «Тойтаунской газете»! Прости, что они донимают тебя… Мне больше нечего сказать. Без комментариев… Ладно, хорошо. Пока.

Зои стиснула зубы. Снова зазвонил мобильный.

– Что еще?! – рявкнула она.

– Это я.

– Арт! – Зои тихонько всхлипнула от облегчения. – Господи, я думала, ты никогда не позвонишь!

– Прости, любимая. Думаю, ты понимаешь, что здесь творится сущий ад.

– У меня тут тоже не затишье.

– Да, мне очень жаль, Зои. Нам нужно поговорить.

– Где?

– Хороший вопрос. Уорбертон с тобой?

– Да, ну, не прямо сейчас. Он вышел переставить машину. Мы здесь словно в осаде. Я чувствую себя зверем в клетке. – Она всеми силами старалась не расплакаться во время разговора с ним.

– Наверняка для тебя это ужасно, любимая. Я все понимаю, правда. Что скажешь насчет дома твоего дедушки в Дорсете? Ты сумеешь выскользнуть и приехать туда ве– чером?

– Возможно. А ты?

– Приложу все силы. Я попытаюсь быть там около восьми.

– Да, прошу тебя, постарайся.

– Конечно. Не забывай, что я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю.

– Мне нужно идти. Увидимся позже. Пока, любимая.

– До встречи.

Все напряжение Зои постепенно улетучилось вкупе с недавней решимостью разорвать отношения. Один лишь звук его голоса придал ей смелости. Она взглянула на письмо, которое начала писать, и разорвала его на кусочки. Арт все еще любит ее… Может, найдется способ…

Открылась входная дверь, и в дом ворвался шквал голосов, забрасывающих Саймона вопросами. Он поспешил войти и захлопнул за собой дверь, отрезая шум улицы. Зои выглянула в прихожую.

– Они похожи на стаю тявкающих шакалов. Не удивлюсь, если теперь попаду на первую полосу какой-нибудь газетенки в качестве потенциального отца Джейми, – проговорил он.

– Надеюсь, что нет, – помрачнела Зои.

– Извини. Это было бестактное замечание.

– Но точное, – криво усмехнулась она.

– Ты выглядишь лучше, – заметил Саймон, вглядываясь в ее лицо. – Немного полегчало?

– Звонил Арт и предложил мне сегодня вечером отправиться в дом дедушки в Дорсете. Он тоже попытается туда приехать. Так что нам необходимо ускользнуть отсюда, не привлекая внимания. Ладно, пойду наверх. Мне нужно принять душ.

– Отлично. Только не бери с собой много вещей. И не волнуйся, я осмотрелся в округе и придумал хитрый план. – Саймон улыбнулся и постучал себя по носу.

– Хорошо, – тихо рассмеялась Зои и стала подниматься по лестнице.

Когда за ней закрылась дверь ванной комнаты, Саймон прошел в кабинет и выдвинул ящик, который недавно уже открывала его подопечная. Быстро окинул взглядом содержимое и, заметив квитанцию, которая так заинтересовала хозяйку дома, сложил ее и сунул в карман. Потом задвинул ящик, вышел из кабинета и направился вверх по ступенькам.

Через десять минут они встретились в крошечном заднем дворике. Зои надела черные джинсы, черный свитер с высоким воротом и натянула широкополую шляпу, чтобы скрыть белокурые волосы. При виде столь необычного наряда Саймон с трудом подавил улыбку.

– Итак, я помогу тебе перебраться через стену, – объяснил он. – С другой стороны на высоте примерно четырех футов есть выступ, на который ты сможешь встать. Потом мы перелезем через следующую стену, затем еще через одну. За четыре дома отсюда расположен магазин антикварной мебели, в нем есть задняя дверь. Нам нужно попасть внутрь, отыскать дорогу в торговый зал и выйти с другой стороны под видом обычных покупателей.

– А на задней двери нет сигнализации?

– Должна быть, но давай решать проблемы по мере их возникновения. Ну, пойдем?

Они неторопливо двинулись вперед, перебираясь через стены, отделяющие друг от друга задние дворы домов, тянущихся вдоль улицы. Хорошо, что Зои была молода и в приличной физической форме. С помощью Саймона она довольно легко преодолела шестифутовые стены. В конце концов они остановились перед забранной решеткой задней дверью, над которой мигал маленький красный огонек.

– Черт, – пробормотал Саймон, осмотрев дверь. – Заперта изнутри.

Он подошел к маленькому окошку, расположенному рядом, на котором тоже была решетка, и достал из кармана кусачки. Вскоре нижняя часть решетки отошла, обнажая старое подъемное окно, между нижней частью которого и рамой виднелся зазор в полдюйма.

– Не знаю, есть ли здесь сигнализация, – предупредил Саймон. – Но если она вдруг сработает, будь готова быстро перебраться через стену.

Зои застыла в тревожном ожидании, пока он пытался поднять оконную створку. Саймон весь покраснел от напряжения, и в конце концов окно с тихим одобрительным стоном скользнуло вверх. Сигнализация не включилась.

Саймон поцокал языком и поманил Зои к себе:

– Какая небрежность с их стороны. Неудивительно, что развелось так много воров. Вперед.

Зои предстояло протиснуться в щель шириной в полтора фута и пошире открыть окно изнутри, чтобы впустить его. Минуту спустя оба уже стояли посреди кладовой, заполненной старыми изысканными стульями и столами из красного де– рева.

– Надень солнцезащитные очки, – велел он.

Зои послушно нацепила вытащенные из кармана огромные черные очки.

– Как я выгляжу? – с улыбкой спросила она.

– Как очаровательный муравей-ниндзя, – прошептал он. – А теперь следуй за мной.

Саймон провел Зои через кладовую и осторожно открыл дверь в другом конце. Выглянул в нее, потом поманил женщину к себе и указал на лестничный пролет.

– Наверное, так мы попадем в торговый зал, – шепотом пояснил он. – Почти выбрались.

Саймон начал подниматься по лестнице, Зои пошла следом. Добравшись до верха, он застыл перед очередной дверью, затем повернул ручку и заглянул в проем. После кивнул, открыл дверь шире и шагнул вперед, жестом показав Зои не отставать. Они вышли в пустой торговый зал, и Саймон направился к длинной, богато

украшенной кушетке. Зои держалась рядом. Из другой двери, за углом зала, появился пожилой муж– чина.

– Простите, сэр, я не услышал дверной колокольчик.

– Не беспокойтесь. Э-э… нас с женой заинтересовала эта кушетка. Можете немного о ней рассказать?

Пять минут спустя Зои с Саймоном, пообещав измерить место у себя в гостиной и вернуться, вышли на яркое, почти весеннее солнце, необычное для февральского дня.

– Не оглядывайся, Зои, просто иди вперед, – пробормотал Саймон, быстро направляясь к машине, припаркованной в нескольких ярдах дальше по улице.

Устроившись в салоне «Ягуара», Саймон завел мотор и влился в поток машин, направляясь в сторону Сохо, где находилась студия звукозаписи. Зои обернулась. Меньше чем в пятидесяти ярдах от нее журналисты по-прежнему толпились у входной двери дома номер десять. Как только машина завернула за угол, она показала им два поднятых средних пальца.

– Знаешь, а мне даже понравилось, – хихикнула она. – От одной лишь мысли, что все эти стервятники теперь торчат возле пустого дома, стало несказанно легче. – Зои накрыла его ладонь, лежащую на рычаге переключения передач. – Спасибо, Саймон.

Ее легкое прикосновение заставило его на миг отвлечься.

– К вашим услугам, мадам. Но не поддавайся ложному чувству безопасности. Рано или поздно кто-нибудь из них догадается, что тебя нет дома.

– Знаю, но давай надеяться, что это случится не раньше вечера.

Высадив Зои на Дин-стрит, перед зданием студии звукозаписи, Саймон набрал номер на своем мобильном.

– Простите, что звоню раньше обычного, сэр, но, возможно, позже мне будет затруднительно с вами связаться.

– Понимаю.

– Я кое-что нашел. Возможно, ерунда, но… – Он зачитал все, что было написано в квитанции, вытащенной из ящика стола.

– Я займусь этим, Уорбертон. Слышал, у вас сейчас напряженная пора.

– Да. Сегодня вечером я везу мисс Харрисон в Дорсет.

– Беседуйте с ней почаще, Уорбертон. Рано или поздно что-нибудь да всплывет.

– Честно говоря, сомневаюсь, что ей что-либо известно, но я попытаюсь, сэр. До свидания.

Саймон повесил трубку, отъехал от здания и наконец сумел припарковать машину на автостоянке на Брюэр-стрит. Потом отправил Зои сообщение с просьбой позвонить, как закончит, чтобы он забрал ее возле входа в студию.

Саймон вдруг понял, что проголодался, и направился в «Макдоналдс». По пути бросил взгляд на паб через дорогу, страстно желая выпить пива, но тут же вспомнил пьяного заплаканного Иэна и передумал. Он жевал безвкусный гамбургер и картошку фри, пытаясь сосредоточиться на книге, однако мозг заполняли образы Зои и воспоминания о том миге, когда она коснулась его руки.

«Держи себя в руках, Уорбертон, – мысленно отчитал он себя. – Первое правило: никогда не вовлекай в дело чувства».

Но, с нетерпением ожидая ее звонка, Саймон понимал, что уже перешел точку невозврата. Теперь оставалось лишь попробовать свести возможный ущерб к минимуму и готовиться к неизбежным страданиям, ведь скоро в его услугах больше не будет нужды и их пути разойдутся в разные сто– роны.

Зои появилась спустя два часа. Заметив, что она немного подкрасилась, Саймон вдруг подумал, что предпочитает ее естественную красоту. Зои была настолько привлекательной, что вовсе не нуждалась в косметике…

«Прекрати, Уорбертон!» – резко одернул он себя, завел двигатель и поехал в сторону трассы М3, ведущей в Дорсет.

– Как прошла озвучка? – небрежно поинтересовался он.

– Хорошо. Конечно, всех гораздо больше интересовали мои отношения с Артом, чем работа. – Зои провела рукой по длинным светлым волосам. – Кстати, Майк, режиссер, повел себя очень мило. Сказал, что у него есть квартира на юге Франции и, если захочу, я могу воспользоваться ею в любое время.

– Неприятно разочаровывать тебя, но он, возможно, уже прикидывает, как появление новой девушки принца Англии в главной роли его фильма повлияет на продажи билетов во всем мире.

– Ужасно циничное замечание, но, думаю, ты прав. – Зои вздохнула, глядя на Темзу, несущую свои воды под Чизвикским мостом.

– Но ты все равно выглядишь намного счастливее.

– Конечно. – Зои повернулась к Саймону, взгляд ее потеплел. – Через пару часов я увижу Арта.

Они подъехали к Хейкрофт-хаусу в начале седьмого вечера. Внутри, как всегда, царил холод. А по всей гостиной вперемешку с коробками с чердака беспорядочно валялось их содержимое.

– Проклятие, Маркус! – вскричала Зои, принимаясь складывать стопки старой бумаги обратно в коробки. – Знала ведь, что он устанет еще на полпути и сдастся. Теперь здесь даже больший беспорядок, чем раньше.

Саймон тем временем разжигал огонь в камине.

– Что ж, если ты застрянешь здесь на какое-то время, тебе будет чем заняться.

– Надеюсь, у Арта есть другие планы. Может, он предложит ненадолго уехать за границу. Но как быть с Джейми? О боже, я ничего не знаю, Саймон. Нужно сперва дождаться его приезда. А пока помоги мне перенести эти коробки в угол.

В конце концов в гостиной воцарился порядок, в камине весело запылал огонь, а на кухне заработала плита. Зои занялась продуктами, которые по пути купил Саймон, пока она пряталась в машине.

– Слава богу, наверху в шкафу есть какая-то одежда, – растерянно проговорила она. – Наверное, нужно пойти переодеться. Думаешь, он захочет поесть? Мне что-нибудь приготовить? Может, поставить жаркое на плиту, и без разницы, во сколько он приедет…

Чувствуя напряжение Зои, Саймон осторожно отвечал на ее вопросы. Вскоре она поднялась наверх переодеться, а он вышел из дома с биноклем, чтобы разведать обстановку. Сердце упало, когда Саймон заметил две припаркованные за воротами машины и раздвижную лестницу, ненадежно прислоненную к окружающей дом живой изгороди.

«И как эти люди умудряются так быстро все разнюхать?» – размышлял он, набираясь смелости, чтобы войти в дом и сообщить новости Зои.

– Боже, нет! – Она застыла посреди кухни с выражением отчаяния на лице.

– Зои, боюсь, я должен предупредить службу безопасности, что здесь журналисты.

– Почему они не могут оставить нас в покое?! Почему? Почему? Почему?! – Она колотила кулаком по столу, с каждым разом ударяя все сильнее.

– Прости, но я должен позвонить как можно скорее.

– Да, конечно. – Зои тяжело рухнула на стул.

Саймон вышел из комнаты и должным образом доложил о сложившейся ситуации. Когда он вернулся на кухню, Зои сидела возле стола и курила сигарету.

– Не знал, что ты куришь, – заметил Саймон.

– Наверное, Маркус оставил здесь пачку. И поверь, если бы я нашла в доме прозак[21], экстази или даже героин, то сегодня вечером приняла бы их без раздумий. – Ее глаза покраснели от усталости. – Он ведь теперь не приедет?

– Нет. Давай приготовлю что-нибудь на ужин. С тех пор как я вчера утром приехал на Уэлбек-стрит, не видел, чтобы ты хоть что-то съела.

– Очень мило с твоей стороны, но мне кусок в горло не лезет.

– Ладно. Я приготовлю ужин для себя.

Зои пожала плечами и встала:

– Пойду полежу в ванне. Думаю, вода уже достаточно нагрелась.

Когда она вышла из кухни, Саймон собрал все нужные ингредиенты и принялся резать овощи, насвистывая себе под нос, чтобы нарушить гробовую тишину, сгустившуюся вокруг него внутри этих древних стен.

Зои спустилась через час, одетая в старый цветастый дедушкин халат. Из кухни плыл соблазнительный запах.

– Что это? – поинтересовалась она, заглядывая Саймону через плечо в кастрюлю, где он что-то помешивал.

– А какая разница? Ты ведь не хочешь есть, забыла? – Он указал на открытую бутылку красного вина на столе. – Можешь налить себе. Хотя я открыл ее исключительно в кулинарных целях.

– Само собой. – Зои улыбнулась, налила вина и, сев на стул, стала наблюдать за работой Саймона. – Это входило в программу обучения?

– Нет. Я просто люблю готовить. Точно не хочешь?

– Ну давай, раз ты так старался.

Саймон наполнил две тарелки и поставил одну перед Зои.

– Острая говядина с чечевицей. Конечно, по-хорошему нужно мариновать мясо несколько часов, но должно быть съедобно.

Он устроился с другой стороны стола.

– М-м-м, как вкусно, – протянула Зои, которая уже успела попробовать.

– И что тебя так удивляет? – рассмеялся Саймон.

– Ты растрачиваешь свой талант впустую. Тебе следует открыть ресторан.

– Джоанна всегда так говорит.

– Она права. – Зои продолжала есть. – Вы с Джоанной когда-нибудь были… ну, ты знаешь…

– Любовниками? Нет, никогда. Я всегда воспринимал ее как сестру, и подобная связь казалась… кровосмесительной. Хотя…

– Что?

– На самом деле ничего особенного. Несколько недель назад она ночевала у меня, и мы поцеловались. – Саймон покраснел. – Ее как раз бросил парень, но я считал, что у нас с бывшей девушкой еще существовали отношения, и прервал наш поцелуй. – Саймон замер, не донеся вилку с едой до рта. – Интересно, если бы я тогда знал, что она меня бросит, то как бы отреагировал?

– Ну, теперь это уже не важно, – пожала плечами Зои.

– Хочешь еще? Получилось довольно много, – предложил Саймон, глядя на ее пустую тарелку.

– С удовольствием, спасибо. Очень вкусно! Ты планируешь всегда этим заниматься? – поинтересовалась Зои, когда он поставил перед ней вторую порцию.

– Чем именно?

– Работать телохранителем. Забывать о собственной жизни ради безопасности других.

– Кто знает…

– Просто мне кажется, ты впустую тратишь время. Это бесперспективная работа.

– Надо же, спасибо, – засмеялся он.

– Я не это имела в виду, – покраснела Зои.

– Не волнуйся, ты права. Я не хочу всегда заниматься только этим.

– Что ж. – Зои подняла свой бокал. – За то, чтобы мы оба отыскали свой истинный путь.

– За нас, – отозвался Саймон, беря стакан с водой.

В этот миг у Зои зазвонил мобильный.

– Прости. – Она вышла из кухни, чтобы ответить на звонок.

Саймон убрал со стола и приготовил кофе. Зои вернулась через десять минут.

– О, Саймон! Все будет хорошо! – с улыбкой воскликнула она.

– В самом деле? Здорово.

– Звонил Арт. Он организовал для нас поездку за границу. Его друг-бизнесмен одолжил нам частный самолет и летний домик в Испании. Похоже, там самая современная система безопасности, так что можно будет расслабиться и спокойно поговорить о будущем, подальше от посторонних глаз.

– Ну… э-э… хорошо. Когда ты уезжаешь?

– Завтра утром. Арт сказал, что с тобой свяжутся. Я должна быть в Хитроу к девяти утра. Он будет ждать меня в VIP-зале четвертого терминала. Радуйся, ты наконец-то сможешь от меня освободиться. Арт берет своих людей, чтобы присматривать за нами в Испании.

– Ладно. Кофе?

– С удовольствием. Давай посидим возле огня, – предложила Зои, провожая Саймона вместе с кофе в гостиную. – Как чудесно, если за нами никто не будет шпионить. Нам жизненно необходимо время, чтобы поговорить.

Зои скрестила ноги и устроилась возле камина, обхватив руками кружку.

– Значит, если он предложит, ты выйдешь за него замуж? – спросил он, делая глоток кофе.

– Думаешь, предложит? В подобной ситуации?

– Ладно, спрошу иначе. Ты хочешь провести рядом с ним остаток своей жизни?

– Господи, конечно! – У Зои заблестели глаза. – Я мечтаю об этом уже больше десяти лет.

– Десять лет? Черт возьми, значит, я ошибся. Эта история не так уж быстро просочилась в прессу, – мягко поддразнил он ее.

– В самом деле. – Она помолчала, теребя выбившуюся нитку на ковре, потом призналась: – Мы познакомились с ним больше десяти лет назад. Я была очень молода… всего восемнадцать. Поверь, я не настолько наивна и сомневаюсь, что на этот раз все пойдет как по маслу. Его родные, как и в прошлый раз, могут запретить нам общаться. Возможно, в Испании Арт просто подберет вежливые слова и сообщит, что у нас ничего не выйдет.

Саймон не стал упоминать о дискуссии, которую слышал в эфире радио «Файф лайф» по поводу того, готова ли королевская семья принять в свой клан незамужнюю мать. В проведенных общественных опросах преобладал отрицательный ответ.

Зои подняла взгляд на Саймона.

– Я хочу кое о чем тебя попросить.

– Слушаю.

– Не знаю, сколько меня не будет. И я подумала… ну…

– Выкладывай, Зои.

– Не мог бы ты в выходные съездить в школу и вместо меня навестить Джейми? Я обещала приехать, но теперь у меня явно не получится. А он, кажется, привязался к тебе и…

– Конечно. Даже не сомневайся.

– Когда мы прилетим, я позвоню в школу. Может, даже попрошу передать Джейми, что снимаюсь в… рекламе или еще в каком-нибудь ролике в Испании. Не хочу ему лгать, но нам с Артом нужно немного времени, чтобы поговорить.

– Да, – рассеянно согласился Саймон, размышляя, как изысканно она выглядит в свете камина. Он поднялся, не желая дольше продлевать агонию. – Я пойду спать, Зои. Нам рано вставать, и, возможно, мне придется проявлять чудеса вождения, чтобы избавиться от этих крыс снаружи.

– Конечно. – Зои встала, подошла к нему и, привстав на цыпочки, поцеловала в щеку. – Спасибо, Саймон. Я никогда не забуду, как ты помогал мне последние два дня. Без тебя я бы просто спятила.

– Спасибо. – У него сжалось сердце. – Доброй ночи, – пробормотал он и вышел из гостиной.

* * *

На следующее утро в аэропорту Хитроу Зои отошла от Саймона и бросилась в объятия принца.

– Арт!

– Привет, Зои. – Арт поцеловал ее в макушку. – Что ж, нам пора. Благодарю, Уорбертон, за всю вашу помощь. – Он небрежно кивнул Саймону.

– Да, пока, Саймон, – помахала ему Зои.

Арт тут же повел ее в VIP-зал. За ними последовал небольшой отряд сотрудников службы безопасности.

Саймон по лабиринту коридоров аэропорта направился обратно в зону общего доступа. Зазвонил его мобильный.

– Уорбертон.

– Слушаю, сэр.

– До возвращения мисс Харрисон вы освобождаетесь от обязанностей охранника. Ждите дальнейших инструкций.

– Хорошо. Благодарю, сэр.

Саймон отогнал «Ягуар» обратно в гараж и сдал ключи. Потом направился в паб и заказал себе пинту эля «Титли» с идеальной пенкой, в котором искренне и сознательно вознамерился утопить свои печали.

Изолированная пешка

Пешка, на соседних вертикалях с которой нет пешки того же цвета. Ее наличие может считаться проявлением слабости соперника либо использоваться как возможность для контригры

25

Сидя за рабочим столом, Джоанна уныло стучала по клавиатуре – требовалось написать статью о десяти самых опасных растениях, способных убить домашнего питомца. Чувств почти не осталось, внутри царила лишь пустота. Она была сбита с толку и словно оцепенела. По всему выходило, что ею просто попользовались. И сейчас ей безумно хотелось все бросить и вернуться в Йоркшир, чтобы до конца своих дней считать там овец.

Маркус звонил ей на мобильный, а вчера вечером даже на прослушиваемый стационарный телефон в квартире, однако Джоанна не брала трубку. Узнав о предательстве, она вычеркнула Маркуса из своей жизни. Им было хорошо вместе, но теперь ясно, что все проведенные вместе счастливые мгновения оказались ложью. Маркус всего лишь использовал ее ради информации. Одна мысль об этом вызывала дрожь во всем теле.

Она буквально считала минуты до половины шестого, когда придет время выключать компьютер. Хотя и сама не понимала, отчего так стремится домой, в пустую квартиру, где не будет ни парня, ни лучшего друга. Весь офис гудел от новостей о связи Зои Харрисон с принцем, и это лишний раз сыпало соль на раны Джоанны. К тому же утром Мэриан, редактор отдела женских новостей, пригласила ее в свои владения.

– Ты писала статью о Маркусе Харрисоне, брате Зои.

– Да, – угрюмо подтвердила Джоанна.

– И ходят слухи, что ты с ним трахаешься. – Мэриан никогда не стеснялась в выражениях.

– Было дело. Сейчас уже нет.

– С каких пор?

– Со вчерашнего дня.

– Досадно. А я хотела предложить твою кандидатуру, чтобы попробовать взять у нее интервью. Вы ведь теперь почти семья.

– Боюсь, это невозможно.

– Жаль. Так ты смогла бы избавиться от «Домашних питомцев и садоводства». – Мэриан грызла ручку, не сводя взгляда с Джоанны. –

Ладно, Джо, тебе решать. Если не ты, так найдется кто-нибудь другой. Пытаешься ее защитить?

– Нет.

– Прекрасно. В противном случае лучшее, что ты могла бы сделать, – это заставить ее согласиться на беседу с тобой. Ты-то хотя бы сможешь ей посочувствовать.

Мэриан пренебрежительно махнула рукой, и Джоанна юркнула обратно к своему столу.

В конце концов в пять часов двадцать девять минут и пятьдесят пять секунд Джоанна, застонав от облегчения, выключила компьютер и направилась к выходу. Пока она ждала лифт, подошел Алек.

– Привет, Джо. Все хорошо?

– Вовсе нет, Алек.

– Что ж, ладно… Надо поговорить, но не здесь. Встретимся во «Френч Хаус» через час. Похоже, ты была права.

Даже не дав ей возможности отказаться, Алек развернулся и вновь направился в свой кабинет.

Ну и ладно. Все равно ей больше нечего терять.

Следующий час Джоанна бесцельно бродила по Лестер-сквер и Трокадеро, все больше раздражаясь из-за туристов, которые попадались ей на пути. Когда она вошла в переполненный бар, Алек уже сидел на табурете у стойки.

– Бокал вина? – предложил он.

– Ага, – кивнула она, придвигая барный стул к нему поближе.

– Слышал, у тебя выдался не лучший день.

– Точно.

– Мэриан поведала, что ты отказалась даже попробовать поговорить с Зои Харрисон. А ведь ты могла бы использовать эту возможность, чтобы вернуться ко мне.

– Я бы только зря потратила время, Алек. Зои наверняка убеждена, что именно с моей подачи в газете появилась первая статья, и скорее предпочла бы позировать полуобнаженной для издания «Новостишки об интрижках», чем разговаривать со мной.

– Черт возьми! – У Алека отвисла челюсть. – Ты знала о ней и принце?

– Да. Она рассказала мне эту историю. Спасибо. – Джоанна сделала глоток вина. – И, надо сказать, довольно подробно.

– Господи, – простонал Алек. – Значит, ты могла бы преподнести эту новость?

– О да. И теперь чертовски жалею, что промолчала, поскольку обвиняют, видимо, все равно меня.

– Боже, Джо! Тебе нужно закалять характер. Да история, подобная этой, могла бы дать небывалый толчок твоей карьере!

– Думаешь, я не догадываюсь?! Да я вчера полночи размышляла о том, что подобные игры, кажется, не для меня. Мне не хватает силы духа. Зато имеется ужасное, несвойственное журналистам качество – способность хранить секреты. – Она допила вино. – Можно мне еще?

– Что ж, по крайней мере, ты уже начинаешь пить, как заправский писака. – Алек подал знак бармену. – Да ладно, мои новости должны тебя взбодрить.

– Меня восстанавливают в должности?

– Нет.

Джоанна оперлась локтями о стойку и опустила голову на руки.

– Тогда твои слова ничем мне не помогут.

– Даже если я скажу, что узнал кое-какую пикантную информацию о твоей старушке? – поинтересовался Алек, закуривая «Ротманс».

– Ага. Я махнула рукой на это дело. Дурацкое письмо сломало мне всю жизнь. С меня хватит.

– Прекрасно. – Он затянулся сигаретой. – Ладно, не стану рассказывать, что почти не сомневаюсь в личности этой женщины. И что до приезда в Англию она последние шестьдесят лет прожила во Франции.

– Все равно ничего не хочу знать.

– Или что Джеймсу Харрисону удалось купить дом на Уэлбек-стрит в 1928 году, – продолжал Алек, словно бы ее не слыша. – Особняк принадлежал высокопоставленному политику, который ранее входил в кабинет министров Ллойда Джорджа[22]. Странно, что актер без гроша в кармане смог позволить себе такой большой дом. Разве что ему перепала крупная сумма денег.

– Извини, Алек, но я не при делах.

– Ну и, наконец, я не скажу тебе, что в двадцатых годах некая Роза Элис Фитцджеральд служила фрейлиной в королевском доме.

Джоанна уставилась на него, разинув рот.

– Ни фига себе! Бери-ка целую бутылку.

Они уселись за столик в углу, и Алек рассказал, что ему удалось выяснить.

– Итак, ты хочешь сказать, что моя старушка Роза и Джеймс Харрисон, он же Майкл О'Коннелл, вступили в сговор и шантажировали кого-то из королевской семьи? – уточнила Джоанна.

– Да, я так предполагаю. По-моему, письмо, которое ты получила, на самом деле было любовным посланием самой Розы к Джеймсу, точнее, Майклу, или, как в нем написано, Сиаму. И не имело никакого отношения к истинной интриге.

– Но почему в письме Роза упоминала о невозможности отношений с Джеймсом?

– Потому что достопочтенная Роза Фитцджеральд была фрейлиной. Она происходила из аристократической шотландской семьи. И вряд ли бедный ирландский актер мог составить ей хорошую партию. Наверняка им приходилось держать свою связь в секрете.

– Господи! Зачем я столько выпила? В голове туман. И мысли путаются.

– Тогда я буду думать за тебя. Проще говоря, полагаю, что Роза и сэр Джеймс…

– Майкл О'Коннелл в те дни, – поправила Джоанна.

– Майкл и Роза были любовниками. Роза, исполняя свои обязанности в королевском доме, узнала некую пикантную историю и рассказала Майклу-Джеймсу, который после начал шантажировать заинтересованное лицо. В свертках, которые Уильям Филдинг забирал для Майкла-Джеймса, вероятно, были деньги. Затем Майкл исчез, возможно, бежал из страны, и попутно кинул Розу. А несколько месяцев спустя вернулся в новом облике и на полученные деньги купил дом на Уэлбек-стрит, женился на Грейс – и все путем.

– Ладно. Давай обдумаем твое предположение, – проговорила Джоанна. – Стоит признать, оно ничуть не хуже всего, что до сих пор приходило мне в голову. И, похоже, концы с концами сходятся. Но почему после смерти Джеймса Харрисона поднялся такой кипиш?

– Что ж, попробуем немного поразмыслить. Мы точно знаем, что Роза провела много лет за границей и вернулась в страну сразу после смерти сэра Джеймса. Быть может, теперь, когда его не стало, она

планировала раскрыть правду. Хотела очернить его имя, отплатить за то, что он бросил ее много лет назад.

– Но почему она не заговорила раньше?

– Боялась. Вдруг у Джеймса был на нее какой-то компромат и он угрожал Розе. А потом она узнала, что больна и время на исходе, и решила, что больше нечего терять. Я ничего не знаю, Джо, просто предполагаю.

Алек затушил сигарету в пепельнице и закурил другую.

– Но ее признание могло вызвать панику во влиятельных кругах. В это дело вовлечена МИ-5, Алек. И похоже, речь о чем-то весьма серьезном, – выдохнула Джоанна. – Настолько, что начальство убедило Маркуса Харрисона соблазнить меня с целью выяснить, что мне известно.

– Кто тебе это сказал?

– Мой друг Саймон.

– Ты уверена в его словах?

– О да.

Алек выругался себе под нос.

– Проклятие, Джо… Что все это значит?

– Ну, если следовать ходу твоих мыслей, то Роза и Майкл явно обнаружили нечто важное. – Она заговорила тише. – Боже, Алек, уже два человека погибли при странных обстоятельствах… Я не хочу стать третьей.

Они немного помолчали. Джоанна отчаянно пыталась привести в порядок затуманенные мысли. В памяти вспыли сказанные Алеком слова: «Никому не доверяй…»

– Алек, откуда этот внезапный интерес после того, как ты меня выгнал?

Он разразился лающим смехом:

– Не волнуйся, солнце, мне не платят, чтобы я за тобой шпионил. Но, сдается, тебе нужна помощь. Потому что это дело просто так не отпустит. А все прочие, похоже, тебя обманули. Я же, хоть и не похож на рыцаря в сияющих доспехах, постараюсь сыграть эту роль.

– Если я решу продолжить расследование.

– Да. Итак, что дальше?

– До того как я узнала правду об истинных чувствах Маркуса, мы с ним собирались на выходные в Ирландию. Уильям Филдинг говорил

об ирландских корнях, и Маркусу вроде бы удалось определить, где мог родиться Майкл О'Коннелл, если в этом вообще есть какая-то правда.

– Каким образом?

– Он сказал, сын Зои упомянул местечко в Ирландии, о котором дед рассказывал ему перед смертью. Возможно, мальчик ошибся, но…

– Никогда не отмахивайся от слов ребенка, Джо. Свои лучшие новости я выудил именно у детишек.

– Значит, тебя совсем не мучают угрызения совести, Алек.

– А это – признак хорошего журналиста. – Он взглянул на часы. – Мне пора. Само собой, мы с тобой сегодня не разговаривали. И я не стану советовать тебе поехать в Ирландию и посидеть в местном баре, где можно услышать множество сплетен. Не скажу поторопиться, пока Маркус или кто-либо другой тебя не опередил. И, конечно же, не упомяну, что сегодня вечером ты неважно выглядишь. Вполне возможно, в ближайшие пару дней тебя свалит грипп и ты не сможешь выйти на работу. – Алек сунул сигареты в карман. – Доброй ночи, Джо. Позвони, если возникнут проблемы.

– Доброй ночи, Алек.

Джоанна проводила его взглядом и, несмотря на паршивый день, улыбнулась. По крайней мере, Алек, вино или смесь того и другого сумели поднять ей настроение. Она вышла на улицу и поймала такси. Не нужно спешить, утро вечера мудренее. Лучше сперва обдумать полученную информацию и лишь потом планировать, как быть дальше.

Вернувшись домой, Джоанна нашла на автоответчике восемь новых сообщений от Маркуса. В дополнение к семи пропущенным вызовам на мобильный и многочисленным звонкам на рабочий телефон, которые Джо попросила секретаршу сразу блокировать.

– Похоже, тебе заплатили чертову уйму денег, скользкая, двуличная, мерзкая, ничтожная, насквозь прогнившая жаба, – прорычала она, глядя на телефон, и направилась в ванную принять душ.

Когда она вышла с мокрыми волосами, завернувшись в полотенце, в дверь позвонили. Джоанна выглянула из-за занавески. На пороге ее дома стояла ничтожная, насквозь прогнившая жаба.

– Боже! – воскликнула она и включила телевизор.

Пусть торчит там сколько угодно, не стоит обращать на него внимания.

– Джоанна, – сквозь щель в почтовом ящике донесся его голос. – Это я, Маркус. Знаю, что ты дома. Я видел тебя за занавеской. Впусти меня! Что я такого сделал? Джоанна!

– Черт! Черт! Черт! – проворчала Джоанна, надела халат и пошлепала к двери. Если ему не открыть, Маркус перебудит половину соседей.

– Привет. Впусти меня, Джо. – Он смотрел на нее сквозь щель в почтовом ящике.

– Сгинь отсюда!

– Да-да, как по волшебству. Но в чем я, по-твоему, провинился?

– Раз уж ты не знаешь, черта с два я тебе буду говорить. Просто убирайся из моей жизни и впредь держись от меня подальше.

– Джоанна, я люблю тебя. – Его голос дрогнул. – Впусти меня, и мы обсудим, что за преступление я совершил. Иначе я буду стоять здесь всю ночь и… петь о своей любви.

– Маркус, если ты не уберешься отсюда через пять секунд, я вызову полицию и тебя арестуют за домогательство.

– Ладно. Я не против. Но мы с тобой, вероятно, попадем на первую полосу завтрашней газеты, ведь я теперь как-никак брат новой возлюбленной принца Артура… Хотя тебя вряд ли это волнует. Я…

Джоанна резко распахнула дверь, и Маркус чуть не ввалился в прихожую.

– Ладно. Ты победил, – бросила она, дрожа от ярости, потом вздрогнула и попятилась, когда он попытался до нее дотронуться. – Не подходи ко мне. Я серьезно.

– Ладно-ладно. Но скажи мне, что я такого сделал?

Джоанна скрестила руки на груди:

– Признаюсь, мне сразу показалась странной твоя забота и столь внезапная влюбленность. Меня ведь предупреждали, что ты мерзкая, вонючая крыса. А я-то, дура, решила поверить тебе и принять все за чистую монету. Думала, что, может, ты относишься ко мне иначе, чем ко всем прочим женщинам Лондона.

– И это в самом деле так, Джо. Я…

– Заткнись, Маркус. Сейчас я говорю. Так вот, оказывается, твои чувства ко мне не имели никакого отношения к любви. Зато твой

кошелек сполна наслаждался моим обществом.

– Я…

– Пару дней назад мне поведали, что ты ухаживал за мной и кувыркался в постели за определенную плату.

Его щеки вспыхнули лихорадочным румянцем, и Джоанна едва удержалась от желания со всей силы влепить ему пощечину.

– Нет, Джоанна, тот, кто сказал об этом, неправильно все понял. Ну да, мне дали немного денег, но не для того, чтобы выудить у тебя информацию. Мне поручили найти пропавшее письмо. Клянусь, когда ты рассказала о Розе и мы провели вместе первую ночь, я еще ничего не знал. Лишь пару дней спустя ко мне обратились за помощью. Я хотел все тебе рассказать, но решил, что ты испугаешься. А теперь ты мне не веришь, и…

– Ты сам бы себе поверил?!

– Нет. Конечно нет, но… – Маркус выглядел так, словно готов был вот-вот расплакаться. – Прошу, поверь, я в жизни не чувствовал ничего подобного. Никогда… И деньги тут ни при чем. Я просто подумал, что если мы объединим наши усилия и знания, то сможем найти ответы, и… я… черт возьми! – Маркус резко потер пальцами веки.

Такой реакции Джоанна не ожидала. Она-то думала, он станет твердо отстаивать свою невиновность и все отрицать либо безжалостно подтвердит ее правоту, когда поймет, что проиграл. Но вместо этого, к ее удивлению, он, казалось, искренне был расстроен и страдал из-за их размолвки. Однако после предательства Мэтью и Саймона обман Маркуса стал для нее последней каплей.

– Ты взял деньги, Маркус, и скрыл это от меня. А ведь мне говорили, что ты эгоист. Зря я не поверила. А твоя сестра? Наверняка это ты продал «Мейл» новость о них с принцем. И знал ведь, что все шишки достанутся мне, но разве это тебя волновало, когда выпал шанс легко заработать!

– Нет! – с жаром возразил Маркус. – Я никогда бы не продал Зои!

– Зато продал меня! Как я вообще могла тебе поверить? – От злости у нее перехватило дыхание.

– Я не лгу! Но как тебя убедить?

– Никак! Пять минут истекли. Можешь убираться.

– Я просто хотел тебя защитить… Знаю, звучит бессмысленно, но… дай мне еще один, последний шанс, – с мольбой проговорил он.

– И не надейся. Даже если ты сейчас говоришь правду, то все равно солгал мне. Ради денег. Ты трус, Маркус.

– Ты права. Я промолчал, потому что боялся тебя потерять. Но я не лгу о своих чувствах. Я в самом деле люблю тебя, Джоанна, и буду сожалеть о своем поступке всю оставшуюся жизнь.

– Прощай.

И, не добавив больше ни слова, она захлопнула дверь, чтобы он не увидел слезы в ее глазах.

«Во всем виноваты усталость, эмоции и напряжение», – убеждала она себя, направляясь в спальню. Маркус – всего лишь новая привычка, от которой она легко избавится.

Лежа в темноте, Джоанна отчаянно желала уснуть и, чтобы отвлечься от мыслей о Маркусе, вспоминала разговор с Алеком. Однако мозг, словно новорожденный зайчонок, перескакивал с одного факта на другой, ни на чем не задерживаясь. В конце концов она сдалась, вылезла из постели и включила чайник, а потом с чашкой горячего крепкого чая в руках устроилась на кровати и достала из рюкзака папку с надписью «Роза». Вновь перечитала все факты и нарисовала схему, на которой отобразила все, что узнала к настоящему моменту.

Может, стоит дать этому делу еще один шанс? К тому же Ирландия – необычайно красивая страна, а отель и авиабилеты уже забронированы. Кроме того, за время поездки она хоть немного отдохнет от Лондона и всего случившегося после Рождества.

– Была не была! – выдохнула Джоанна.

Она обязана сделать еще один шаг в этом расследовании – ради самой себя. Иначе до конца своих дней будет мучиться неизвестностью. Да и терять ей больше нечего…

– Кроме жизни, – мрачно пробормотала она.

* * *

Три дня спустя в аэропорту Джоанна зарегистрировалась на рейс до Корка, потом достала мобильный телефон и направилась к выходу на посадку.

– Алло!

– Алек…

– Слушаю.

– Это я. Передай Эду, что у меня сильнейший грипп. Мне так плохо, что я вряд ли приду в норму раньше середины следующей недели.

– Пока, Джо. Удачи. И будь начеку. Ты знаешь, где меня найти.

– Спасибо, Алек. Пока.

Лишь когда самолет поднялся в воздух, неся ее к деревушке, лежащей по ту сторону Ирландского моря, Джоанна вздохнула с облегчением.

26

Когда самолет Джоанны приземлился в аэропорту Корка, Маркус по-прежнему валялся в постели. Уже наступил полдень, но смысла вставать особо не было. Как и в предыдущие дни, с тех пор как Джоанна вышвырнула его из своей квартиры. Он был совершенно раздавлен, поскольку потерял ее и понимал, что винить в этом некого, кроме самого себя.

В конце концов Маркус все-таки заставил себя вылезти из кровати и побрел в гостиную. В голову пришла мысль рассказать Джо о своих чувствах в письме. Он взял со столика у стены незнакомую золотую ручку, и сердце сжалось от понимания, что ее здесь, наверное, оставила Джоанна. Маркус закрыл глаза, и перед внутренним взором сразу возник ее образ – уже в сотый раз с того момента, как он проснулся этим утром.

Маркус начал писать, поверяя бумаге все, что скопилось внутри. Впервые в жизни он по-настоящему влюбился. Речь шла не о похоти, страстном увлечении или еще каком-нибудь второстепенном чувстве, которые прежде связывали его с женщинами. Нет, любовь к Джоанне поселилась глубоко внутри, и сердце мучительно ныло от разлуки с ней, а голова казалась пустой и тяжелой, как будто его поразила какая-то болезнь. И все его помыслы занимала только эта женщина. Он даже начал ненавидеть свой драгоценный кинопроект, поскольку в первую очередь из-за него позарился на деньги этого придурка Иэна…

Тем же вечером Маркус доехал на автобусе до Крауч-Энда. В окнах квартиры Джоанны не горел свет, поэтому он сунул письмо сквозь почтовую щель в двери, молясь, чтобы она прочла его и позвонила. Потом отправился домой и снова лег в постель в обнимку с бутылкой виски.

Незадолго до полуночи раздался звонок в дверь.

Маркус соскочил с кровати, словно вырвавшийся из силка кролик, и бросился в прихожую, всей душой надеясь, что Джоанна все-таки решила ответить на его сердечное послание. Однако на пороге застыла высокая крепкая фигура Иэна Симпсона.

– Чего тебе? Ночь на дворе, – бросил Маркус.

Иэн, не спрашивая разрешения, вошел в квартиру.

– Где Джоанна Хаслам? – требовательным тоном поинтересовался он, обводя взглядом гостиную.

– Уж точно не здесь.

– Тогда где? – Громила Иэн шагнул к Маркусу.

– Понятия не имею. Я и сам хотел бы знать.

Иэн застыл так близко, что Маркус слышал его неровное дыхание. От незваного гостя отчетливо пахло алкоголем. Или это от него самого разило виски? Маркус подавил тошноту.

– Тебе платили, чтобы ты за ней присматривал, помнишь? Но дружок Джоанны, Саймон, ее предупредил.

– Какой еще Сай…

– Саймон, придурок! Телохранитель твоей сестры.

Маркус сделал шаг назад и потер затуманенные алкоголем глаза.

– Слушай, я из кожи вон лез, чтобы найти это письмо, но Джоанна меня бросила и…

Иэн схватил Маркуса за воротник рубашки.

– Ты ведь знаешь, где она, лживый ублюдок!

– Я ничего не знаю. Я… – Маркус видел перед собой налитые кровью глаза Иэна. Его гость от гнева и выпивки явно почти потерял голову. – Д-давай ты меня отпустишь и м-мы спокойно поговорим.

Ударом в живот Маркуса отбросило к дивану. Он ударился головой о стену, и перед глазами заплясали звездочки.

– Да брось, приятель! Мы ведь на одной стороне, не забыл? – через силу выдавил Маркус, с трудом выпря– мляясь.

– Вот уж вряд ли, – рассмеялся Иэн, меряя шагами комнату. – Она куда-то уехала? – требовательно спросил он. – Напала на след?

– Какой след? Я…

Иэн спокойно подошел и ударил Маркуса коленом в пах. Тот осел на пол, задыхаясь от боли.

– Лучше тебе все мне рассказать. Я знаю, что ты ее прикрываешь, хочешь защитить.

– Нет! Я правда…

От удара ногой по почкам Маркус снова взвыл, и его обильно вырвало.

– Что вы вдвоем задумали? Говори!

– Ничего. Я… – Не в силах больше выносить побои, Маркус отчаянно рылся в памяти в поисках какой-нибудь наживки, чтобы

бросить Иэну и сбить того со следа. Потом его озарило. – В выходные мы собирались в Ирландию. Я сказал ей, что, кажется, сэр Джеймс родился в тех местах.

– Где именно?

– В графстве Корк…

– В какой части? – Иэн присел на корточки и поднес к лицу Маркуса сжатый кулак. – Говори, приятель, иначе может стать намного хуже.

– Я… – Маркус изо всех сил пытался вспомнить название места. – Росскарбери.

– Нужно кое-кому позвонить. Если я узнаю, что ты солгал, то вернусь. Усек?

– Да, – выдохнул Маркус.

Иэн издал хрюкающий звук, который вполне мог означать смех, или проявление жалости, или и то и другое сразу.

– В школе ты всегда был трусом. И с тех пор не изменился, Маркус. – Иэн поднял ногу и поднес носок ботинка к носу своей жертвы. Маркус съежился, но гость, отведя ногу назад, лишь болезненно ткнул его в щеку. – До встречи.

Дождавшись, пока за Иэном захлопнется дверь, Маркус перевернулся и встал на колени, потом, чертыхаясь от боли, подвигал челюстью из стороны в сторону. В конце концов он сумел подняться на ноги, доплелся до дивана и, рухнув на него, уставился в пространство. Лицо, пах и живот болезненно ныли.

– Господи Иисусе! – пробормотал Маркус, радуясь, что смог скормить Иэну сказочку об Ирландии.

Конечно, Джоанны нет в Корке. Туда она отправилась бы в последнюю очередь, поскольку рисковала встретить там Маркуса. А это значит, что Иэн вернется, когда раскроет обман, но к тому времени Маркус подготовится к встрече. Возможно, на время переедет к Зои, пока все не уляжется…

Внезапно болезненно ноющую грудь пронзил страх. А что, если она все же уехала?.. Нет, не может быть. Какой в этом смысл? Хотя Иэн ведь сказал, что Джо идет по следу…

– Боже мой! – простонал Маркус.

Неужели он только что невольно бросил Джоанну на съедение психически неуравновешенному пьяному льву? Маркус ринулся в

кухню и начал рыться в куче бумаг, ища номер телефона отеля, в котором забронировал номер. Потом снял трубку.

* * *

Насвистывая песню Эллы Фитцджеральд, Саймон мчал по автостраде в сторону Беркшира, где находилась школа Джейми. Он до сих пор сидел без дела в ожидании инструкций и успел за эти дни хорошенько отдохнуть. Давно ему не было так спокойно, пусть даже из-за отсутствия занятий в голову постоянно лезли мысли о Зои. К счастью, призрак Сары развеялся без следа. Однако поселившиеся в нем новые чувства казались сильнее в тысячу раз. При одной лишь мысли, что через полчаса он увидит сына Зои, Саймон тайно радовался, поскольку, общаясь с мальчиком, чувствовал себя ближе к его матери.

Отыскав ресторан, где, кажется, подавали отличные воскресные обеды, Саймон направился туда по узким проселочным дорогам. Джейми, смущенный предстоящим обедом с Саймоном, вел себя тише, чем дома в Лондоне.

– Пожалуй, возьму говядину, – заявил Саймон, изучив меню, и взглянул на Джейми. – А тебе?

– Курицу, спасибо.

Саймон заказал еду, взял себе пинту пива и кока-колу для Джейми.

– Ну, как прошла неделя? – поинтересовался он, отмечая, насколько Джейми похож на свою мать. Те же потрясающие голубые глаза, густые светлые волосы и тонкие черты лица.

– Хорошо, – неуверенно ответил Джейми. – А мама надолго уехала?

– Точно не знаю. Наверное, вернется на следующей неделе.

– Вот как. И что это за работа?

– Кажется, какая-то реклама. Точно не знаю.

Джейми сделал глоток колы.

– Ты все еще живешь в лондонском доме?

– Вообще-то, завтра я решил отправиться в небольшое путешествие. В Шотландию или, может, в Ирландию. Как дела в школе? – спросил Саймон, меняя тему разговора.

– Нормально. Как обычно.

– Хорошо.

Саймон обрадовался, когда им принесли еду. Джейми ковырялся в тарелке с цыпленком и, несмотря на все попытки его разговорить, отвечал по большей части односложно. Он отказался от десерта, хотя в меню был домашний яблочный пирог с мороженым.

– Помню, я всегда уплетал за обе щеки, если родители забирали меня на обед из школы. С тобой точно все хорошо, приятель?

– Да. А в Новой Зеландии есть школы-интернаты?

– Я… да, конечно, есть. Если живешь на овцеводческой ферме, за много миль от любого крупного поселения, то приходится ехать учиться в город, – придумал Саймон. – Ты точно не хочешь десерт?

– Точно.

Когда пришло время везти мальчика обратно в школу, Саймон вздохнул с облегчением. Усевшись в машину, Джейми уставился в окно и что-то начал тихо напевать себе под нос.

– Что ты поешь?

– Детскую песенку про колечко из роз. Пра-Джеймс часто пел ее мне, а потом, когда я стал старше, объяснил, что в ней говорится о людях, умирающих от чумы.

– Ты скучаешь по нему, Джейми?

– Да. Но я знаю, что он до сих пор присматривает за мной с небес.

– Не сомневаюсь в этом.

– И у меня остались его розы, которые напоминают о нем на земле.

– Розы?

– Да. Пра-Джеймс любил розы. Теперь они растут у него на могиле.

Вскоре Саймон остановил машину перед школой. Джейми открыл дверцу и выбрался наружу.

– Спасибо за обед, Саймон. Счастливо добраться до Лондона.

– На здоровье. Пока, Джейми.

Мальчик взбежал по ступенькам и скрылся внутри здания. Саймон проводил его взглядом и со вздохом повел машину по гравийной дорожке, оставляя школу позади.

Час спустя, вернувшись в свою квартиру, он обнаружил сообщение на автоответчике.

«Завтра ровно в восемь жду вас у себя».

Что ж, короткий отпуск подошел к концу.

Саймон приготовил себе салат «Цезарь», потом принял душ и отправился спать, стараясь не представлять Зои в Испании рядом с принцем.

27

Приземлившись в аэропорту Корка, Джоанна отыскала пункт аренды автомобилей и взяла напрокат «Фиесту». Она обзавелась картой, раздобыла немного ирландских фунтов стерлингов и, следуя указателям, выехала на шоссе № 71. Как ни странно, эта главная дорога из аэропорта весьма напоминала какую-нибудь проселочную в ее родном Йоркшире. Февраль подходил к концу, и день выдался солнечным. За окнами машины проплывали быстро зеленеющие холмистые поля.

Час спустя Джоанна уже спускалась по крутому склону холма в деревню Росскарбери. Слева, огражденное низкой стеной, простиралось глубокое устье реки, где-то вдали впадающей в море. По бокам от него пестрели сельские домики, коттеджи и бунгало. У подножия холма Джоанна заглушила мотор, чтобы хорошенько осмотреться вокруг. Наступил отлив, и на прибрежный песок устремились всевозможные виды птиц. В большой луже, оставленной приливом, грациозно плавала стая лебедей.

Выйдя из машины, Джоанна прислонилась к низкой стене и вдохнула полной грудью. Чистый свежий воздух совсем не походил на лондонский. В нем ощущался легкий привкус соли, доносимый с Атлантического океана, до которого отсюда было не больше мили. И тут она заметила большой дом с крышей из серого шифера и флюгером на дымовой трубе, послушным воле ветра. Он стоял в конце узкой дороги, вдававшейся в устье реки, на каменном ложе, с трех сторон окруженном водой. Судя по всему, это и был тот дом на берегу залива, о котором говорил Маркус.

Солнце вдруг скрылось за облаком, и залив вместе с домом накрыла тень. Джоанна вздрогнула и, поспешно вернувшись в машину, завела мотор и уехала.

В тот вечер она устроилась возле камина в уютном баре своей гостиницы с порцией горячего портвейна. Впервые за несколько недель Джоанне удалось по-настоящему расслабиться, и, хотя в голову по-прежнему лезли мысли о Маркусе, на чье имя был забронирован номер, ей даже удалось поспать после обеда. Устроившись на старой двуспальной кровати в своей комнате, чтобы изучить карту

Росскарбери, она сама не заметила, как погрузилась в сон, а когда открыла глаза, за окном уже стемнело и часы показывали семь вечера.

«Здесь я точно чувствую себя в безопасности», – подумала Джоанна.

– Будете ужинать тут у камина или в столовой? – прервал ее мысли голос Маргарет, жены весельчака Вилли, которому принадлежала гостиница.

– Лучше здесь, спасибо.

Расправляясь с ужином, состоящим из бекона, капусты и картофеля, Джоанна наблюдала за местными жителями, то и дело входившими в дверь. И молодые, и старые, все они, казалось, были знакомы и почти до мелочей знали подробности жизни друг друга. Наевшись до отвала, Джоанна неторопливо направилась к бару и заказала напоследок перед сном еще порцию горячего портвейна.

– Приехали в отпуск? – полюбопытствовал мужчина средних лет в комбинезоне и резиновых сапогах, сидящий на высоком табурете возле барной стойки.

– В некотором роде, – ответила она. – Я ищу своего родственника.

– Да-да, сюда часто приезжают люди в поисках родственников. Можно сказать, что в нашей благословенной стране родилась половина Западного полушария. – Его ответ вызвал смешки у прочих посетителей бара. – А как звали вашего родственника? – спросил мужчина.

– Майкл О’Коннелл. Полагаю, он родился здесь примерно на рубеже веков.

Мужчина потер подбородок.

– Таких наверняка отыщется немало, уж больно распространенное имя в здешних краях.

– Не подскажете, где можно начать поиски?

– В бюро регистрации, на площади рядом с аптекой. И в церкви, конечно. Или поезжайте в Клонакилти, где ваш соотечественник открыл собственный бизнес по отслеживанию ирландских корней. – Мужчина осушил пинту стаута[23]. – Он обязательно найдет в своем компьютере связанного с вами О’Коннелла, ну, за деньги, само собой. – Мужчина подмигнул сидящему рядом с ним соседу. – Подумать только, как меняются времена. Шестьдесят лет назад мы были чуть ли не пещерными людьми и жили в болоте. Никто не хотел

иметь с нами дела. А теперь сам президент Соединенных Штатов налаживает связи.

– Твоя правда, – кивнул его сосед.

– Вы, случайно, не знаете, кому принадлежит дом в устье реки? Из серого камня, с флюгером, – осторожно спросила Джоанна.

Сидящая за столиком в углу пожилая женщина в заношенной куртке и шерстяной шапке, прикрывающей волосы, с внезапным интересом посмотрела на Джоанну.

– А-а, эта древняя развалюха, – протянул мужчина. – Дом пустовал все время, что я живу здесь. Поспрашивайте Фергала Малкахи, местного историка. Кажется, когда-то давным-давно им владели англичане, использовали его как аванпост береговой охраны, но с тех пор… Знаете, в этих краях осталось много собственности, за которой некому присматривать.

– Все равно спасибо. – Джоанна взяла с барной стойки горячий портвейн. – Доброй ночи.

– Доброй ночи, миссис. Надеюсь, вы найдете свои корни.

Вскоре после ухода Джоанны пожилая женщина в углу встала и направилась к двери. Заметив ее, мужчина возле барной стойки подтолкнул локтем соседа.

– Надо было отправить ее к чокнутой Киаре Дизи. Она бы обязательно поведала парочку историй об О’Коннеллах из Росскарбери.

Мужчины рассмеялись и в честь удачной шутки заказали еще по порции «Мерфиса».

* * *

На следующее утро, после обильного ирландского завтрака, Джоанна решила взяться за дело. Царившая вчера почти весенняя погода резко испортилась, сменившись унылым серым дождем, из-за которого залив внизу окутался ту– маном.

Все утро она провела в прекрасном протестантском соборе в компании дружелюбного настоятеля, который позволил ей просмотреть записи о крещениях и свадьбах, однако так ничего и не нашла.

– Вероятнее всего, ваш родич зарегистрирован в католической церкви Святой Марии, чуть дальше по этой же улице. Мы, протестанты, всегда были здесь в меньшинстве, – печально улыбнулся настоятель.

В церкви Святой Марии священник был занят – выслушивал чью-то исповедь, а освободившись, отпер шкафчик, где хранились регистрационные книги.

– Если он родился в Россе, то непременно есть в записях. В те времена здесь крестили всех младенцев. Итак, нам нужен 1900 год?

– Верно.

Следующие полчаса Джоанна просматривала имена крещеных. Однако в нужном ей году в книге не числилось ни одного малыша по фамилии О'Коннелл. И за пару лет до и после тоже.

– Вы уверены, что фамилия верная? Может, вам нужен О'Коннор? – уточнил священник. – Тогда мы смогли бы помочь.

Джоанна пожала плечами. О какой уверенности могла идти речь, если она приехала в Ирландию из-за сомнительного рассказа старика и походя брошенных слов маленького маль– чика?

Джоанна продрогла до костей и, выйдя из церкви, побрела через площадь обратно в отель, чтобы съесть миску горячего супа.

– Есть успехи? – поинтересовалась Маргарет.

– Никаких.

– Вам лучше поспрашивать кого-нибудь из местных стариков. Возможно, они вспомнят фамилию. Или Фергала Малкахи, как предложил вчера один из посетителей. Он преподает историю в школе для мальчиков.

Джоанна поблагодарила ее за совет.

После обеда она с досадой обнаружила, что бюро регистраций закрыто. Дождь к тому времени прекратился, и Джоанна, нуждаясь в свежем воздухе и физической нагрузке, одолжила у дочери Маргарет велосипед и выехала из деревни в сторону устья реки. Транспорт оказался не слишком надежным, его сильно трясло, лицо обжигали порывы ветра. Узкая дорожка петляла добрых полмили, прежде чем вывела Джоанну к дому береговой охраны. Она слезла с велосипеда и прислонила его к каменной стене. Отсюда было видно, что шиферная крыша местами совсем прохудилась, стекла в окнах треснули, и некоторые из них попросту заколотили досками.

Джоанна подошла к проржавевшим воротам и толкнула створку. Та со скрипом отворилась. Она поднялась по ступенькам крыльца и неуверенно взялась за ручку входной двери, но старый замок, даже заржавевший, все еще надежно оберегал дом от незваных гостей. Джо потерла рукавом окно слева от входа, чтобы стереть грязь, но не смогла разглядеть внутри ничего, кроме черноты.

Отступив на несколько шагов, она задумалась, как же еще можно попасть в дом. На глаза попалось разбитое окно в задней части, выходящее на устье реки. Однако чтобы добраться до него, нужно было спуститься к самому устью, а после вскарабкаться на высокую каменную стену позади дома, защищающую жилище от морских волн. К счастью, наступил отлив, и Джоанна по скользким, позеленевшим от водорослей ступенькам сошла на мокрый песок и прикинула высоту стены. Примерно десять футов.

Сумев найти опоры в осыпающемся кирпиче, она с трудом взобралась на стену и оказалась на выступе шириной около двух футов. Разбитое окно находилось прямо над ней. Джо поднялась на ноги и заглянула внутрь. Ветер снаружи почти утих, однако внутри отчетливо слышалось его тихое завывание. Комната, которую она видела в окно, в прежние времена, вероятно, служила кухней. У стены все еще стояла старая черная плита, успевшая за годы вынужденного отдыха покрыться ржавчиной, напротив висела раковина со старомодным водяным насосом. Посреди грязного каменного пола валялась дохлая крыса.

Внезапно где-то внутри хлопнула дверь. Вздрогнув от испуга, Джоанна чуть не свалилась с выступа. Она развернулась и села, свесив ноги с края, а после спрыгнула и приземлилась на мягкий мокрый песок. Отряхнув джинсы, Джоанна поспешно бросилась к велосипеду и на предельной скорости покатила прочь от дома.

За ней из окна своего домика наблюдала Киара Дизи. Эта женщина всегда знала, что однажды сюда кто-нибудь придет. Что ж, этот день настал, и теперь она сможет наконец рассказать свою историю.

* * *

– Вот тот, кто вам нужен. Фергал Малкахи, – сообщила на следующий день Маргарет, подводя Джоанну к барной стойке.

– Добрый день, – улыбнулась Джоанна, стараясь не выдать своего удивления.

Она ожидала увидеть престарелого профессора с седой бородой, однако Фергал Малкахи выглядел ненамного старше ее. Синеглазый, с густыми черными волосами, в джинсах и простом свитере, он до боли напомнил Джоанне Маркуса. Но когда Фергал встал, оказалось, что он намного выше ее бывшего возлюбленного и гораздо более худощавый.

– Рад знакомству, Джоанна. Слышал, вы потеряли родственника, – улыбнулся он, и в уголках его глаз появились морщинки.

– Да.

Фергал постучал по барному стулу рядом с собой.

– Присаживайтесь. Выпьем по стаканчику, и вы мне все расскажете. Нам «Мерфис», Маргарет. Мне пинту.

Раньше Джоанна никогда не пробовала стаут, однако крепкий сливочный вкус оказался весьма приятным.

– Итак, как зовут этого вашего родственника?

– Майкл О’Коннелл.

– Полагаю, вы уже побывали в церквях?

– Да. И ни в одном приходе не было записей о его крещении. Или о браке. Я хотела обратиться в регистрационное бюро, но…

– По выходным оно закрыто, знаю. И смогу помочь. Так уж вышло, что там работает мой отец. – Фергал помахал перед ней ключом. – Он живет прямо над бюро.

– Спасибо.

– Еще я слышал, вас интересует дом береговой охраны?

– Да, хотя не знаю точно, имеет ли он какое-то отношение к моему пропавшему родственнику.

– В прежние времена это был великолепный старый дом. У отца даже где-то есть фотографии. Жаль, что его бросили на произвол судьбы, но никто из деревенских, само собой, к нему и пальцем не притронется.

– Почему?

Фергал отхлебнул из поставленной перед ним пинты.

– Возможно, вам известно, как в подобных мелких поселениях из маленькой крупицы правды и нескольких громких сплетен возникают

целые мифы и легенды. А этот дом так долго пустовал, что успел обрасти историями. Возможно, рано или поздно какой-нибудь богатый американец приедет и купит его за бесценок.

– Что за истории, мистер Малкахи?

– Зовите меня просто Фергал, – с улыбкой поправил он. – Я историк и имею дело с фактами, а не с фантазиями, поэтому никогда не верил в эти россказни. – Его глаза блеснули. – Однако в полнолуние около полуночи ни за что не подошел бы к этому месту.

– В самом деле? Почему?

– В этих краях поговаривают, что лет семьдесят назад молодая женщина из деревни, Ниам Дизи, спуталась с мужчиной, который останавливался в доме береговой охраны. Вскоре тот вернулся домой, в Англию, и бросил девушку беременной. А она совершенно обезумела от горя, родила в этом доме мертвого ребенка и вскоре сама сошла в могилу. Некоторые жители деревни верят, что ее призрак по-прежнему там обитает и в ненастные ночи мучительные, полные ужаса крики Ниам эхом разносятся по округе. Кто-то даже утверждал, что видел в окне ее лицо и испачканные в крови руки.

У Джоанны кровь застыла в жилах. Пытаясь совладать с собой, она сделала глоток «Мерфиса» и чуть не подави– лась.

– Это всего лишь история, – заверил обеспокоенный Фергал. – Я не хотел вас напугать.

– Нет-нет… Я вовсе не испугалась. Наоборот, мне очень интересно. Вы сказали, семьдесят лет назад? Возможно, люди, которые обитали здесь в те времена, до сих пор живы.

– Вообще-то, да. Младшая сестра той девушки, Киара, все еще живет в фамильном доме. Но не пытайтесь с ней разговаривать. Она с детских лет слегка не в себе. Уверяю вас, она искренне верит в эту историю и еще добавляет к ней собственные завершающие штрихи.

– Значит, ребенок умер?

– Так говорят, хотя некоторые утверждают, что его убил отец Ниам. Я даже слышал версию, что малыша забрали лепреконы… – Он улыбнулся и покачал головой. – Только представьте себе времена – кстати, не столь уж далекие, – когда еще не было электричества и люди развлекались тем, что собирались вместе, пили, слушали музыку и обменивались историями, а уж правдивыми или нет… Издавна повелось, что сообщать новости в Ирландии – все равно что играть в

«испорченный телефон». Все соперничали друг с другом, стараясь приукрасить свою историю и придать ей побольше значимости. В данном случае достоверно известно лишь то, что девушка умерла. Но что конкретно в том доме, сойдя с ума от несчастной любви? – Фергал пожал плечами. – Я как-то сомне– ваюсь.

– Где живет эта Киара?

– Внизу, в розовом домике, окна которого выходят на залив. Прямо напротив дома береговой охраны. Я бы сказал, пугающий для нее вид. Ну а теперь, может, заскочим в бюро и посмотрим записи моего отца?

– Да, если вам удобно.

– Конечно. Я никуда не тороплюсь. – Фергал указал на стаут Джоанны. – Пойдем, когда вы будете готовы.

Маленький кабинет, в котором последние сто пятьдесят лет регистрировались все родившиеся и умершие в деревне Росскарбери, казалось, не сильно изменился с течением времени, разве что сейчас письменный стол из мореного дуба освещала лампа дневного света.

Фергал принес из задней комнаты записи, относящиеся к началу века.

– Вы берите себе рождения, я займусь смертями, – предложил он.

– Ладно.

Они устроились по разные стороны стола и в молчании принялись изучать каждую запись. Джоанна отыскала Фионнуалу и Кэтлин О’Коннелл, но в период с 1897 по 1905 год здесь не рождалось ни одного мальчика с такой фамилией.

– Что-нибудь нашли? – спросила она.

– Ничего. Разве что Ниам Дизи, ту умершую девушку. Ее смерть зарегистрировали второго января 1927 года. Но нигде не упоминается, что ее ребенок умер вместе с ней. Может, его рождение отметили в книге?

Фергал принес очередной древний фолиант в кожаном переплете, и они вместе склонились над пожелтевшими страницами, где записывались новорожденные дети.

– Ничего. – Фергал захлопнул книгу, и в воздух взлетело облачко пыли. Джоанна громко чихнула. – Может, этого ребенка на самом деле не существовало. Вы уверены, что Майкл О’Коннелл родился здесь, в Росскарбери? Просто в каждом городке или районе велись свои

собственные записи. Если он появился на свет в нескольких милях отсюда, к примеру в Клонакилти или Скибберине, его рождение зарегистриро– вали там.

Джоанна потерла лоб.

– Честно говоря, Фергал, я ничего не знаю.

– Что ж, наверное, стоит проверить записи в обоих этих городках. Сейчас я все здесь закрою и провожу вас обратно в отель.

Этим вечером народу в баре было больше, чем накануне. Перед Джоанной поставили еще один «Мерфис», и местные, с которыми заговорил Фергал, втянули ее в разговор.

– Повидайтесь с Киарой Дизи, хотя бы ради интереса! – со смехом предложила молодая женщина с весело блестящими глазами и гривой рыжих волос, услышав о том, что Джоанну очаровал дом береговой охраны. – Она своими россказнями запугала всех нас еще в детстве. Как по мне, она просто ведьма.

– Прекрати, Эйлин. Мы же не крестьяне, чтобы верить в подобные фантазии, – упрекнул ее Фергал.

– В каждой стране есть свои легенды, правда? – спросила Эйлин у Фергала, хлопая ресницами. – И свои чудаки. Их даже ЕС не в силах запретить.

Тут же начались жаркие споры между сторонниками и противниками ЕС.

Джоанна украдкой зевнула:

– Приятно со всеми вами познакомиться и спасибо за помощь, но я, пожалуй, пойду спать.

– Такая юная лондонская девчонка? Я думал, вы только после рассвета разбредаетесь по своим постелям, – заметил один из мужчин.

– Во всем виноват здешний чистый воздух. Мои легкие до сих пор не могут прийти в себя. Всем доброй ночи, – пожелала Джоанна и направилась к лестнице, но Фергал остановил ее, тронув за плечо.

– Завтра утром до двенадцати я свободен, – проговорил он. – Могу отвезти вас в государственный архив в Клонакилти. Он больше здешнего, и вполне вероятно, что у них есть записи о том, кому принадлежит дом береговой охраны. Можно также заглянуть в местную церковь, вдруг там найдется что-нибудь новое. Я заеду за вами утром, в девять.

– Конечно. Спасибо, – улыбнулась Джоанна. – Было бы здорово. Доброй ночи.

* * *

Они встретились с Фергалом в девять утра в пустом баре и через двадцать минут уже входили в большое, недавно построенное здание городского совета. Похоже, Фергал знал женщину в приемной. Он быстро объяснил суть дела, а после махнул Джоанне, приглашая ее следовать за ними в храни– лище.

– Что ж, здесь все планы Росскарбери. – Женщина указала на полку, заставленную папками, и направилась к двери. – Если нужно что-нибудь еще, Фергал, просто позови.

– Конечно, Джинни. Спасибо.

У Джоанны возникло ощущение, что по этому молодому человеку вздыхали все местные девушки.

Вслед за Фергалом она подошла к полке.

– Итак, берите ту стопку, я возьму эту. Записи о доме должны быть где-то здесь.

Целый час они просматривали пожелтевшие пыльные бумаги, и наконец Фергал торжествующе воскликнул:

– Нашел! Взгляните-ка сюда.

Внутри папки лежал план дома береговой охраны в Росскарбери.

– «Нарисован для мистера Х. О. Бентинка, Драмноуг-хаус, Росскарбери, 1869 год», – зачитал Фергал. – Это местный англичанин, живший в то время в этих местах. Он уехал во время Смуты. Как и многие англичане.

– Но ведь прошло уже больше ста двадцати лет. Не факт, что он до сих пор владеет домом.

– Ну, его праправнучка, Эмили Бентинк, все еще живет в Ардфилде, деревушке между Клонакилти и Россом. Она превратила поместье в коммерческое предприятие и тренирует там скаковых лошадей. Навестите ее. Возможно, ей известно что-нибудь еще. – Фергал посмотрел на часы. – Через полчаса нужно уезжать. Давайте сделаем ксерокопии этих планов и помчим в церковь.

Фергал поздоровался со священником, перекинулся с ним парой слов, и в распоряжении Джоанны оказались извлеченные из шкафа старые записи о крещении.

Она быстро пробежала пальцем по списку.

– Только взгляните! – Ее глаза вспыхнули от возбуждения. – Майкл Джеймс О'Коннелл. Крещен десятого апреля 1900 года. Наверняка это он!

– Ну вот, Джоанна. – Фергал широко улыбнулся и взглянул на часы. – Нужно возвращаться в Росс. Мне нельзя опаздывать на урок. По дороге я запишу вам несколько указаний, как добраться до поместья Бентинков.

* * *

Когда они выехали из Клонакилти, Фергал поинтересовался у сидящей за рулем Джоанны:

– Итак, вы нашли своего родственника. Что дальше?

– Не знаю. Но теперь я хотя бы не чувствую, что гоняюсь за химерой.

Она высадила Фергала возле школы и, последовав его указаниям, направилась в Ардфилд. Через двадцать минут утомительной езды по узким проселочным дорогам Джоанна свернула к воротам Драмноуг-хауса. Изрытая выбоинами подъездная дорожка вскоре привела ее к большому белому дому. Припарковавшись рядом с заляпанным грязью «Лендровером», она вышла из машины, любуясь открывающимся отсюда великолепным видом на лежащий вдали Атлантический океан.

Джоанна взглянула на дом, ища признаки жизни, но за высокими окнами в георгианском стиле не мелькнуло ни одной человеческой фигуры. Главный вход обрамляли ионические колонны, и, подойдя ближе, Джо заметила, что входная дверь слегка приоткрыта. Она постучала и, не получив ответа, осторожно толкнула створку.

– Есть тут кто-нибудь? – позвала Джоанна, и ее голос эхом разнесся по похожему на пещеру коридору.

Не решившись войти, она отступила от двери и двинулась вдоль стены дома, потом завернула за угол. Позади особняка нашлась

конюшня, где женщина в потертой куртке и бриджах для верховой езды чистила лошадь.

– Добрый день. Простите за беспокойство, но я ищу Эмили Бентинк.

– Считайте, что нашли, – проговорила женщина с отчетливым английским акцентом. – Чем могу помочь?

– Меня зовут Джоанна Хаслам. Я провожу здесь кое-какие исследования, касающиеся моих родственников, и хотела бы узнать, по-прежнему ли дом береговой охраны в Росскарбери принадлежит вашей семье.

– Решили его купить?

– Нет. К сожалению, мне это не по карману, – с улыбкой призналась Джоанна. – Меня больше интересует его история.

– Ясно. – Эмили уверенными движениями продолжала чистить лошадь. – По правде говоря, я мало о нем знаю. Слышала лишь, что в конце девятнадцатого века британское правительство решило создать в заливе аванпост, чтобы покончить с местными контрабандистами, и поручило это дело моему прапрадеду. Дом построили по его заказу, хотя вряд ли наша семья когда-либо по-настоящему им владела.

– Понимаю. А не подскажете, как можно выяснить настоящего владельца?

– Вот так, Сержант, хороший мальчик. – Эмили похлопала лошадь по крупу и отвела обратно в стойло. Потом взглянула на часы. – Пойдемте в дом, я как раз собиралась завари– вать чай.

Пока Эмили ставила чайник на плиту, Джоанна обвела взглядом просторную неопрятную кухню, все стены которой покрывали сотни наградных розеток, выигранных на конных соревнованиях в Ирландии и за рубежом.

– Должна признать, я немного запоздала с изучением семейной истории, – вздохнула Эмили, – поскольку в поте лица возилась с лошадьми и приводила в порядок этот дом.

Сняв с огня большой чайник из нержавеющей стали, хозяйка налила Джоанне чашку чая.

– Раньше здесь жила бабушка, она занимала только две комнаты на первом этаже, – продолжила Эмили. – Когда я приехала сюда после ее смерти, десять лет назад, дом был в полном запустении. К

сожалению, влажный воздух ничего не щадит, и некоторые вещи пропали безвозвратно.

– И все же это красивый старый дом.

– О да. В период своего расцвета он пользовался огромной популярностью, а о здешних балах, вечеринках и охотах ходили легенды. Мой прадед принимал сильных мира сего со всей Европы, включая английскую королевскую семью. Кажется, здесь останавливался даже принц Уэльский со своей любовницей. Ведь это было идеальное убежище. Прежде корабли с хлопком регулярно ходили из Англии в Клонакилти, а оттуда не составляло труда проплыть на лодке вдоль побережья, чтобы сохранить свой приезд в тайне.

– Вы его восстанавливаете?

– Пытаюсь, конечно. Если лошади на следующей неделе завоюют в Челтнеме несколько наград, я стану еще на шаг ближе к цели. Дом слишком велик для меня одной. Когда бóльшая часть его станет пригодной для жилья, я бы хотела открыть здесь высококлассную гостиницу, где туристам будут предлагаться постель и завтрак, чтобы особняк хоть как-то окупал себя. Но случится это, пожалуй, не раньше нового тысячелетия. – Эмили с блеском в глазах посмотрела на Джоанну. – А вы чем занимаетесь?

– Вообще-то я журналист, но здесь не по работе. Я ищу своего родственника. Перед смертью он говорил о Росскарбери и доме у самого залива.

– Он был ирландцем?

– Да. Я нашла запись о его крещении в церкви в Клонакилти.

– Как его звали?

– Майкл О’Коннелл.

– Ясно. Где вы остановились?

– В гостинице «Росс».

– Что ж, сегодня ближе к вечеру я пороюсь в старых документах в библиотеке. Вдруг смогу откопать для вас что-нибудь полезное. А теперь, боюсь, мне пора возвращаться в конюшню.

– Спасибо, Эмили.

Джоанна допила чай и встала. Они вместе вышли из кухни.

– Вы ездите верхом?

– О да. Я выросла в Йоркшире и большую часть детства провела в седле.

– Если захотите прокатиться, пока вы в Ирландии, добро пожаловать. Что ж, до встречи. – Эмили помахала ей рукой.

* * *

Позже тем же вечером Джоанна сидела на обычном месте, в баре возле камина, когда ее окликнул хозяин гостиницы.

– Вас к телефону, Джоанна. Эмили из Драмноуг-хауса.

– Спасибо. – Она встала и обошла барную стойку, чтобы взять трубку. – Алло?

– Джоанна, это Эмили. В поисках нужных вам сведений я сама раскопала кое-что интересное. Похоже, пока милая бабуля не обращала внимания на то, что творится в поместье, соседу удалось оттяпать у нас по меньшей мере десять акров земли и поставить на них ограду.

– О, какая жалость. А их можно вернуть?

– Нет. В наших краях, если после семи лет огораживания никто не потребовал землю обратно, она ваша. Теперь понятно, почему сосед всякий раз при виде меня в испуге убегает. Ладно, не важно. У меня осталось несколько сотен акров, но, пожалуй, в ближайшем будущем стоит окружить их оградой.

– Ну и дела. Вам удалось найти какие-либо документы, связанные с домом береговой охраны?

– Боюсь, что нет. Попалось пару документов о праве собственности на какие-то лачуги, от которых, вероятно, сейчас остались только развалины, но ничего, что относилось бы к дому на берегу. Нужно поискать бумаги о праве собственности в кадастровой службе в Дублине.

– А когда вы сможете этим заняться?

– Через неделю, может, через две.

– Я могу сама обратиться туда?

– Думаю, да, если вы возьмете с собой схему участка. Правда, до Дублина не очень близко, добрых четыре часа на машине. Лучше сядьте на экспресс из Корка, так быстрее.

– Тогда я, наверное, поеду завтра. Ни разу не была в Дублине, хочу посмотреть город. В любом случае огромное спасибо, Эмили. Я очень ценю вашу помощь.

– Терпение, Джоанна. Я сказала, что не нашла свидетельство о праве собственности, зато наткнулась на кое-что другое, и это может вас заинтересовать. Во-первых, мне попалась старая бухгалтерская книга за 1919 год, в которой велись записи о выплате зарплаты персоналу. В списке числится человек по имени Майкл О'Коннелл. Хотя это может быть всего лишь совпадением.

– Ясно. Значит, много лет назад он, возможно, работал у вас в доме?

– Да, похоже на то.

– И чем занимался?

– В книге это не указано. Но в 1922 году его имя исчезло из списка. Предполагаю, что он уехал.

– Спасибо, Эмили. Это ценные сведения.

– Во-вторых, я нашла письмо от 1925 года, адресованное моему прадедушке. Может, заскочите завтра, чтобы взглянуть?

– Лучше зачитайте. Я только возьму ручку и бумагу, чтобы делать пометки.

Джоанна жестом попросила у Маргарет лист бумаги и что-нибудь, чем можно писать.

– Ладно, без проблем. Письмо датировано одиннадцатым ноября 1925 года. *«Дорогой Стэнли…»* Это мой прадедушка. *«Надеюсь, это письмо застанет вас в добром здравии. Лорд Эшли попросил написать вам и известить о прибытии к вашим берегам некоего джентльмена, гостя правительства Его Величества. Он приедет второго января 1926 года и на время остановится в доме береговой охраны. Надеюсь, вас не затруднит забрать его с борта судна, которое причалит в гавани Клонакилти примерно в полночь, а после в целости и сохранности доставить в новое жилище. И, пожалуйста, попросите женщину из деревни убраться в доме перед его приездом. Возможно, она пожелает также работать на джентльмена на постоянной основе, вести хозяйство и готовить для него. Это очень деликатная ситуация, и предпочтительнее, чтобы пребывание этого джентльмена в доме береговой охраны держалось в тайне. Лорд Эшли сообщил, что свяжется с вами для дальнейших указаний.*

Разумеется, все расходы берет на себя правительство Его Величества. Только пересылайте мне квитанции. Передавайте привет Амелии и детям. Искренне ваш, лейтенант Джон Мур». Вот и все, – проговорила Эмили. – Вы поняли, о чем речь?

– Ага. – Джоанна просмотрела свои стенографические пометки. – Полагаю, вы не нашли никаких писем, где сообщалось бы, кем на самом деле был этот джентльмен?

– Боюсь, что нет. В любом случае надеюсь, вам это поможет. Удачи в Дублине. Доброй ночи, Джоанна.

28

Зои открыла ставни и вышла на широкую террасу. Внизу расстилалось Средиземное море. Над головой раскинулось безоблачное синее небо; солнце, несмотря на ранний час, уже припекало. В Англии подобная погода бывала разве что в июле. Впрочем, даже горничная заметила, что сейчас на Менорке необычайно жарко для конца февраля.

Великолепная белоснежная вилла с башенками, где поселились они с Артом, принадлежащая одному из братьев короля Испании, угнездилась среди сорока акров покрытой пышной растительностью земли. Сквозь высокие окна, от пола до потолка, внутрь мягко задувал теплый ветерок, а выложенные плиткой полы сияли, натертые невидимыми руками. Дом возвышался над морем, и папарацци, чтобы проникнуть внутрь, пришлось бы карабкаться вверх по скале на шестьдесят футов, а после ускользать от ротвейлеров, которые охраняли высокие стены с натянутой поверху смертоносной проволокой, находящейся под напряжением. Так что здесь Зои и Арт могли спокойно наслаждаться обществом друг друга, не боясь, что их побеспокоят.

Зои опустилась в шезлонг и уставилась вдаль. Арт еще спал, и ей не хотелось его будить. Прошедшая неделя выдалась поистине счастливой. Впервые ни дела, ни люди не могли разлучить влюбленных. Мир как будто отодвинулся в сторону и теперь вращался без них.

Арт постоянно клялся ей в вечной любви и обещал преодолеть все преграды на пути их отношений, говорил, что готов на решительные шаги, если другие не примут его выбор.

Об этом Зои мечтала много лет и не понимала, отчего же сейчас ее не распирало от счастья.

Возможно, давало о себе знать напряжение, в котором она жила последние недели, – ведь не зря люди часто жаловались, что, вопреки всем ожиданиям, их медовый месяц оказывался далек от идеала. Или, может, Зои просто поняла, что в повседневной жизни они с Артом едва знали друг друга. Много лет назад, когда начался их роман, оба были по сути незрелыми, уязвимыми подростками, вслепую ищущими путь

к взрослой жизни. А за последние несколько недель они провели вместе лишь три или четыре дня и еще меньше ночей.

– Украденные мгновения… – тихо пробормотала Зои.

И все же здесь они были вдвоем, однако вместо желанной расслабленности ее не покидало напряжение. Вчера вечером шеф-повар приготовил великолепную паэлью, но когда подали ужин, Арт недовольно заявил, что в следующий раз повару неплохо бы посоветоваться с ним по поводу меню. Судя по всему, он терпеть не мог моллюсков в любом виде. Зои же с удовольствием принялась за паэлью и рассыпалась в щедрых похвалах шеф-повару, отчего Арт надулся еще сильнее, а позже обвинил ее в «чрезмерной дружелюбности» к персо– налу.

За последние дни проявилось множество мелочей, которые не столько злили, сколько раздражали Зои. Казалось, они всегда занимались только тем, что хотел Арт. И пусть он обычно спрашивал мнение Зои, но после неизменно принимался ее разубеждать, и в конечном счете она соглашалась с его планами, чтобы не нарушать царившее спокойствие. Постепенно стало ясно, что у них очень мало общего, – да и неудивительно, учитывая, в насколько разных мирах они вращались. Арт получил прекрасное образование в школе и университете, имел обширные познания в области культуры и разбирался в политике, но весьма слабо представлял, чем занимаются простые люди в повседневной жизни. Ему были чужды обычные приятные занятия вроде готовки, просмотра сериалов по телевизору и похода по магазинам. Арта постоянно переполняла нервная энергия, он с трудом мог расслабиться, и даже если бы и согласился посмотреть с ней фильм, вряд ли они пришли бы к единому мнению о том, какой выбрать.

Зои вздохнула. Наверняка подобные различия обнаруживались у любой пары, проводящей вместе сутки напролет. Она пыталась убедить себя, что все уладится само собой и им вновь удастся пережить волшебный роман, так захвативший обоих в прошлом.

Ну и, конечно, окружающая обстановка лишь усугубляла положение. Они оказались в заточении в самой роскошной тюрьме, какую только можно себе представить, а Зои безумно хотелось выйти из дома и в одиночестве прогуляться по пляжу. Но в таком случае за ней на машине последовал бы телохранитель Деннис, и весь смысл

уединения был бы утерян. Однако Зои призналась себе, что не возражала бы, окажись здесь Саймон. Рядом с ним она чувствовала себя спокойно.

Поднявшись с шезлонга, Зои оперлась локтями о перила балкона и мысленно перенеслась в те сутки, которые они с Саймоном провели вместе на Уэлбек-стрит. Он готовил для нее, успокаивал, когда она совсем отчаивалась. С ним Зои просто была самой собой, и ей это нравилось.

Но была ли она собой рядом с Артом?

Зои не смогла бы ответить.

Она тихо вернулась в комнату и на цыпочках прокралась в ванную.

– Доброе утро, любимая, – донесся с кровати его голос.

– Доброе утро, – радостно ответила Зои.

– Иди ко мне. – Арт протянул к ней руки.

Она подошла к кровати и позволила Арту себя обнять. Он впился ей в губы долгим, чувственным поцелуем, заставляя вновь потерять голову.

– Еще один день в раю, – прошептал он. – Я умираю с голоду. Ты велела подать завтрак?

– Нет, пока нет.

– Сходи к Марии и попроси ее принести свежевыжатый апельсиновый сок и круассаны. А еще копченую рыбу – кажется, ее вчера должны были доставить самолетом. Мои вкусовые рецепторы уже в предвкушении. – Арт нежно похлопал ее по попке. – А я пока приму душ. Увидимся внизу, на террасе.

– Но, Арт, я как раз шла в ду…

– Что, любимая?

– Ничего, – вздохнула Зои. – Увидимся внизу.

Остаток утра они загорали возле бассейна, Зои читала роман, Арт просматривал английские газеты.

– Только посмотри на эти заголовки, любимая. «Позволительно ли сыну монарха брать в жены мать-одиночку?»

– Арт, я даже знать не хочу, что там пишут.

– Нет, ты все-таки послушай. В газете объявили, что проводят опрос и двадцать пять тысяч читателей позвонили, чтобы высказать

свое мнение. Восемнадцать тысяч, то есть больше двух третей, ответили положительно. Интересно, мама с папой это читали?

– А есть какая-то разница?

– Конечно. Они крайне чувствительны к общественному мнению, особенно в данный момент. Гляди-ка, «Таймс» даже взяли интервью у протестантского епископа, который нас поддержал. Он говорит, что матери-одиночки – неотъемлемая часть современного общества и если монархия хочет выжить в новом тысячелетии, то должна избавиться от оков прошлого и показать, что способна приспосабливаться.

– А какой-нибудь недовольный моралист обязательно заявит в «Телеграф», что публичные люди обязаны подавать пример и не связываться с простыми гражданами, чье сексуальное поведение вызывает сильные сомнения, – мрачно пробормотала Зои.

– Да, есть и такие. Но послушай, любимая. – Поднявшись со стула, Арт пересел на шезлонг Зои, взял ее ладонь и поднес к губам. – Я люблю тебя. Да и в любом случае Джейми – моя плоть и кровь. Наш брак не должен вызывать сомнений с любой моральной точки зрения.

– Да, только суть в том, что его происхождение навсегда должно остаться в тайне. – Зои встала с шезлонга и принялась расхаживать взад-вперед. – Я даже не представляю, как вообще рассказать Джейми о нас с тобой.

– Любимая, ты посвятила Джейми больше десяти лет своей жизни. И хотя он появился на свет в результате ошибки…

Зои резко обернулась, в ее глазах вспыхнула ярость.

– Не смей называть Джейми ошибкой!

– Я просто неправильно выразился, любимая. Но он уже не малыш и живет сейчас собственной жизнью. А мы с тобой должны использовать эту возможность стать счастливыми, пока не стало слишком поздно.

– Речь не о взрослом человеке, Арт! Отнюдь. Джейми всего десять лет. И ты говоришь о нем как о великой жертве с моей стороны. Поверь, это не так. Он – центр моего мира. И ради него я бы снова прошла через все страдания.

– Да-да, знаю, прости. Боже, кажется, утро у меня не задалось, – пробормотал Арт. – Но есть и хорошие новости. Сегодня днем за нами придет яхта. Мы поплывем на Майорку и заберем в гавани моего друга принца Антонио с женой Мариэллой. А потом на пару дней выйдем в

открытое море. Они тебе понравятся. Антонио и Мариэлла с большим сочувствием относятся к нашему затруднительному положению. – Он протянул руку и погладил Зои по волосам. – Ну же, любимая, выше нос.

После обеда, пока горничная собирала вещи Зои для прогулки на яхте, зазвонил мобильный. Увидев, что это директор школы Джейми, Зои тут же взяла трубку.

– Алло…

– Мисс Харрисон? Это доктор Уэст.

– Здравствуйте, доктор Уэст. Все в порядке?

– Боюсь, что нет. Джейми нет в школе. Он пропал сегодня утром, сразу после завтрака. Мы тщательно обыскали школу и территорию вокруг, но не нашли никаких следов.

– Господи! – В ушах застучала кровь, и Зои, боясь, что может рухнуть на пол, опустилась на кровать. – Я… Он что-нибудь взял? Одежду? Деньги?

– Одежду нет, но вчера им выдавали деньги на карманные расходы. Возможно, у него что-то осталось. Мисс Харрисон, я вовсе не хочу вас пугать, наверняка с мальчиком все хорошо… Но, с учетом обстоятельств, все же существует небольшая вероятность, что Джейми могли похитить.

– Боже! – Зои поднесла ладонь ко рту. – Вы связались с полицией?

– Поэтому я вам и звоню. Хотел спросить вашего разрешения заявить о его пропаже.

– Да, конечно! Немедленно сообщите в полицию. Я вылечу домой при первой же возможности. Прошу, доктор Уэст, как только будут новости, звоните мне немедленно.

– Разумеется. Постарайтесь не волноваться, мисс Харрисон. Я всего лишь проявляю осторожность. Подобные случаи не редкость. Ссора с другом, выговор учителя… и мальчики сбегают. Обычно они возвращаются через несколько часов. Вполне возможно, и в этот раз окажется все так же просто. Я поговорю с одноклассниками Джейми, вдруг они смогут пролить какой-нибудь свет на его исчезно– вение.

– Да, спасибо. Д-до свидания, доктор Уэст.

Дрожа всем телом, Зои поднялась с кровати и попыталась взять себя в руки.

– Б-боже, м-молю тебя, – прошептала она. – Я отдам что угодно, только бы с ним все было хорошо. Пусть он не пострадает…

– Сеньора? Вам плохо? – спросила Мария и, не получив ответа, добавила: – Я позову его королевское высочество.

Через несколько минут в комнату вошел Арт:

– Любимая, в чем дело?

– Джейми, – выдохнула Зои. В ее взгляде отчетливо читалось страдание. – Он пропал из школы. Директор думает, что его могли похитить! – Зои стерла слезы с глаз. – Если с ним что-то случилось из-за моего эгоизма, я…

– Успокойся, Зои, и послушай меня. Все мальчики убегают из школы. Даже я однажды сбежал, отправил своих охранников прогуляться и…

– Вот именно, у тебя были охранники! Я ведь просила защиту для Джейми, но ты уверял, что в этом нет необходимости. И вот что случилось!

– Но ведь нет никаких причин подозревать чье-то вмешательство. Не сомневаюсь, что с Джейми все хорошо и он к ужину вернется в школу, поэтому…

– Если нет причин подозревать чье-то вмешательство, тогда с чего ты приставил ко мне телохранителя, а собственного сына оставил без защиты? Ведь твой сын гораздо уязвимее меня! О господи! Боже!

– Зои! Успокойся, прошу. Ты слишком драматизируешь.

– Что?! У меня пропал сын, а ты твердишь об излишнем драматизме?! Найди мне самолет, я сейчас же лечу домой! – Зои принялась бросать вещи в наполовину упакованный че– модан.

– Вот теперь ты в самом деле ведешь себя глупо. Если он не вернется к завтрашнему утру, ты непременно полетишь домой, но сегодня вечером мы прокатимся на яхте и поужинаем с Антонио и Мариэллой. Они с нетерпением ждут встречи с тобой. И ты сможешь отвлечься.

– Отвлечься?.. – Зои в отчаянии бросила в него туфлей. – Господи Иисусе! Мы ведь говорим о моем сыне, а не о каком-то загулявшем домашнем питомце! Джейми пропал! И я не могу плавать по Средиземному морю, пока мой ребенок… мой малыш, – Зои громко всхлипнула, – возможно, в опасности.

– Ты перегибаешь палку. – Арт раздраженно поджал губы. – К тому же сомневаюсь, что сегодня вечером ты сможешь вылететь домой. Придется ждать утра.

– Ну нет! Я полечу сегодня, Арт. Не забыл, ты ведь принц, и тебе достаточно лишь приказать. Немедленно найди мне самолет, или я отыщу его сама! – Зои уже кричала, совершенно не заботясь, что он о ней подумает.

– Ладно-ладно. – Арт выставил перед собой ладони и попятился к двери. – Я попробую что-нибудь устроить.

Три часа спустя Зои стояла в небольшом VIP-зале аэропорта Махон в ожидании вылета частного самолета, который доставит ее в Барселону. А после, сев на поздний рейс авиакомпании «Бритиш Эйрвейс», она полетит в Хитроу.

Арт не поехал с ней в аэропорт, предпочтя отправиться на яхте на Майорку. Когда Зои садилась в машину, они коротко попрощались и обменялись вежливыми поцелуями в щеку.

Она порылась в сумочке и достала мобильный. Сама Зои ступит на британскую землю не раньше полуночи и лишь тогда сможет отправиться на поиски сына. Пока же ей не помешала бы помощь, и она могла полностью довериться только одному человеку.

Зои набрала номер, молясь, чтобы он ответил.

– Алло, – раздался в трубке знакомый голос.

– Саймон, это Зои Харрисон.

29

Последовав совету Эмили, Джоанна села в экспресс, едущий из Корка в Дублин, и теперь смотрела на стекающие по стеклу струйки воды. Дождь начался еще вчера вечером и всю ночь мешал ей заснуть. Мерный стук дождевых капель в ее голове, словно в некоей гипнотической пытке, сменялся ударами градин. Впрочем, даже без дождя ей вряд ли удалось бы погрузиться в сон. Джоанна была слишком напряжена и большую часть ночи просто таращилась в усеянный трещинами потолок, пытаясь понять, куда может завести ее новая информация.

«Это очень деликатная ситуация…» – вспомнилась ей строчка из письма.

«Что это значит? И имеет ли на данный момент хоть какую-то важность?» – устало подумала Джоанна, скрестила руки на груди и закрыла глаза, надеясь хоть немного подремать до конца пути.

– Здесь занято? – раздался мужской голос с американским акцентом.

Джоанна открыла глаза. Рядом стоял высокий мускулистый мужчина в джинсах и клетчатой рубашке.

– Нет.

– Прекрасно. Необычно, что в здешних поездах еще остались вагоны для курящих. У нас в стране их давно запретили.

Как странно. Неужели она выбрала себе вагон для курящих? Непохоже на нее. Впрочем, усталость и замешательство могли кого угодно сбить с толку.

Мужчина уселся по другую сторону стола и закурил сигарету.

– Хотите?

– Нет, спасибо, я не курю, – ответила Джоанна, молясь, чтобы мужчина не вздумал бесконечно дымить и в следующие два с половиной часа поддерживать беседу.

– Хотите, потушу?

– Нет, все нормально.

Не сводя с нее взгляда, он сделал еще одну затяжку.

– Вы англичанка?

– Да.

– Я тоже был в Англии перед тем, как приехал сюда. Останавливался в Лондоне. Чудесный город.

– Хорошо, – бросила она.

– Но я обожаю Ирландию. Вы здесь в отпуске?

– Можно и так сказать. В рабочем отпуске.

– Странствующий писатель или что-то в этом роде?

– Нет. Вообще-то журналист.

Мужчина бросил взгляд на лежащую перед ней на столе топографическую карту Росскарбери.

– Решили обзавестись недвижимостью? – небрежно спросил он, однако Джоанна напряглась и внимательно посмотрела на незнакомца.

– Нет. Просто изучаю историю интересующего меня дома.

– Семейные связи?

– Да.

Рядом с ними остановилась тележка с чаем.

– Боже, умираю с голоду. Наверное, все дело в свежем воздухе. Мэм, мне кофе, одну из этих булочек и сэндвич с тунцом. Хотите что-нибудь… э-э…

– Люси, – быстро солгала Джоанна. – Кофе, пожалуйста, – попросила она у молодой женщины, управляющей тележкой, и полезла в рюкзак за кошельком, но мужчина только махнул рукой.

– Я не разорюсь, если куплю кофе. – Он с улыбкой протянул ей стаканчик. – Курт Броснан. И прежде чем вы спросите, не имею никакого отношения к «Пирсу».

– Спасибо за кофе, Курт.

Джоанна сложила карту, однако мужчина, кажется, уже утратил к ней интерес. Он открыл пластиковый лоток, достал оттуда сэндвич с тунцом и откусил большой кусок.

– Не за что, – отозвался он. – Значит, по-вашему, у вас есть какие-то ирландские корни?

– Вполне возможно.

Пришлось смириться с тем, что, пока этот Курт в поезде, вздремнуть ей не удастся. Глядя, как он жует сэндвич, оставляя крошки на столе, Джоанна мысленно отругала себя за прежнюю паранойю.

«Не все гоняются за тобой», – напомнила она себе. К тому же он американец и никак не связан с ее делом.

– У меня тоже. В маленьком городке на побережье Западного Корка. Говорят, мой прапрадедушка был родом из Клонакилти.

– А я остановилась в соседнем с ним городке, Росскарбери.

– Правда? – Курт просиял, словно ребенок, радуясь подобному совпадению. – Я был там позавчера, в большом соборе. Потом выпил пинту лучшего стаута из всех, что когда-либо пробовал, в городской гостинице…

– В «Россе»? Я там как раз остановилась.

– Да неужели! А теперь, значит, поехали в Дублин?

– Да.

– Уже бывали там?

– Нет. У меня есть кое-какие дела, а после я решила прогуляться по городу. А вы бывали?

– Нет, мэм, тоже еду впервые. Может, погуляем вместе?

– Сперва мне нужно сходить в кадастровую службу. Возможно, потребуется не один час, чтобы отыскать то, что мне необходимо.

– Это там хранятся документы о праве собственности? – поинтересовался Курт, принимаясь за булочку.

– Да.

– Рассчитываете найти здесь какое-нибудь наследство?

– Вроде того. В Росскарбери есть дом, но никто не знает, кому он принадлежит.

– Здесь все несколько непринужденнее, чем в моей стране. Только представьте, – Курт закатил глаза, – люди не ставят машины на сигнализацию и не запирают входные двери на замок. Вчера я обедал в местном ресторане, так хозяйка сообщила, что ей нужно ненадолго уйти, и попросила меня, как закончу, отнести тарелку в раковину и закрыть за собой дверь! Да, здесь совсем иной образ жизни. Ну, – Курт кивнул на карту, – покажите-ка мне, где ваш дом.

Несмотря на первоначальные опасения Джоанны, поездка в Дублин оказалась довольно приятной. Жизнерадостный Курт развлекал ее рассказами о своем родном Чикаго, а когда поезд подъехал к станции Хьюстон, достал из кармана маленький блокнот и золотую ручку.

– Дайте мне свой номер телефона в Росскарбери. Можем как-нибудь встретиться там и посидеть в баре.

Джоанна записала на клочке бумаги номер своего мобильного и протянула ему. Курт с довольной улыбкой сунул его в карман пиджака.

– Что ж, Люси, за беседой дорога пролетела незаметно. Когда вы возвращаетесь в Западный Корк?

– О, не знаю. Пока не решила. – Поезд остановился, и она поднялась с места. – Рада знакомству, Курт.

– Я тоже, Люси. Может, еще увидимся.

– Возможно. До свидания, – улыбнулась она и вслед за другими пассажирами вышла из вагона.

Кадастровая служба находилась неподалеку от реки, рядом со зданием четырех судов. Джоанна добралась туда на такси. Заполнив бесконечное количество бланков, она встала в очередь и в конце концов получила на руки папку.

– Вон там есть свободный стол, если вы хотите изучить документы, – сказала молодая женщина.

– Спасибо, – проговорила Джоанна и направилась к столу.

К ее разочарованию, оказалось, что двадцать седьмого июня 1928 года правительство Ее Величества передало дом береговой охраны в собственность «Свободного государства Ирландия». Сделав ксерокопию документов и планов, Джоанна вернула папку, поблагодарила женщину и вышла на улицу.

Дождь до сих пор не закончился. Раскрыв свой маленький лондонский зонтик, она прогулялась до Графтон-стрит, от которой ответвлялось множество небольших переулков, заполненных весьма привлекательными пабами. Джоанна нырнула в ближайший и заказала стакан «Гиннесса». Она скинула «непромокаемую» – как значилось на этикетке – куртку, которая не соответствовала этому описанию, и провела рукой по влажным волосам.

– Прекрасный мягкий денек, верно? – проговорил бармен.

– Здесь когда-нибудь заканчивается дождь?

– Не слишком часто, – без тени иронии ответил бармен. – И люди еще удивляются, почему так много дублинцев в конце концов становятся заправскими алкоголиками.

Джоанна как раз собралась заказать сырную булочку, когда в дверях возникла знакомая фигура.

– Люси, привет! – махнул ей Курт с радостной улыбкой и подошел, чтобы сесть рядом. Тут же с его куртки на пол натекла

лужица воды. – «Гиннесс», пожалуйста, – заказал он бармену. – И еще один для дамы.

– Я… у меня уже есть, спасибо, – пробормотала она, пытаясь скрыть недоверие, вызванное подобным совпадением.

– Ну, вообще-то, ничего странного, – пояснил Курт, явно что-то уловивший в ее тоне. – Вы ведь в одном из самых известных пабов Дублина. «Бейли» рекомендуют к посещению во всех туристических брошюрах. Сам Джеймс Джойс[24] когда-то пил здесь.

– Правда? Я не обратила внимания на название. Просто заскочила сюда, чтобы укрыться от дождя.

– Ну, как поиски?

– Никак. – Она взяла в руки «Гиннесс».

– Да, у меня тоже выдалось не слишком удачное утро. На улице чертовски сыро, и нужен комплект «дворников», чтобы хоть что-нибудь рассмотреть. Поэтому я решил сдаться, провести вечер в баре и переночевать в роскошной обстановке. Я забронировал себе номер в «Шелбурне». Говорят, это лучший отель в городе.

– Верно. Мне сырную булочку, – попросила Джоанна у бармена.

– Не хотите поужинать сегодня в ресторане моего отеля? Я угощаю, чтобы немного вас взбодрить.

– Спасибо за предложение, но…

Курт поднял руки:

– Мэм, клянусь, я ни на что не намекаю. Просто вы одна, я один. Возможно, вечер станет лучше, если мы составим друг другу компанию.

– Нет, спасибо.

Джоанна встала, теперь уже всерьез встревожившись. Курт казался достаточно серьезным, но ее слишком потрясло его внезапное появление.

– Что ж, ладно. – Курт, похоже, очень расстроился. – Когда вы возвращаетесь в Западный Корк?

– Я… э-э… пока не знаю.

– Ну, может, встретимся еще в тех местах.

– Все может быть. До свидания, Курт.

* * *

– Распишитесь здесь, – указала Маргарет молодому человеку, стоящему возле стойки регистрации.

– Спасибо. – Он поднял голову. – За последние несколько дней здесь, случайно, не останавливалась молодая англичанка по имени Джоанна Хаслам?

– И кому она понадобилась?

– Я ее парень, – с теплой улыбкой проговорил мужчина.

– Ну да, здесь живет девушка с таким именем. Но сегодня она уехала из города. Вернется вечером или завтра, – пояснила Маргарет.

– Отлично. Незачем ей знать, что я здесь. Завтра у нее… день рождения, и я решил сделать сюрприз. – Он приложил палец к губам. – Ни слова обо мне. Хорошо?

– Конечно, я ничего не скажу.

Маргарет вручила мужчине ключ и не сводила с него взгляда, пока он поднимался по лестнице.

«Эх, вот бы снова стать молодой», – с нежностью подумала она и отправилась в погреб за новой бочкой.

Взятие

Удаление фигуры противника с доски

30

На следующее утро Саймон вновь оказался в кресле перед письменным столом с кожаной столешницей.

– Симпсон не вышел на работу без уважительных причин, – сообщил ему старик в инвалидном кресле.

– Понимаю.

– Как и ваша подруга, мисс Хаслам.

«Никак сбежали вместе», – мелькнула в голове шутливая мысль, но Саймон посчитал, что говорить такое вслух неразумно.

– Возможно, это совпадение, сэр.

– С учетом обстоятельств я в этом сомневаюсь. Нам только что прислали психологический отчет по Симпсону. Психолог обеспокоен и рекомендует ему пройти срочное лечение. – Старик объехал вокруг стола. – Он слишком много знает, Уорбертон. Я хочу, чтобы вы нашли его, и поскорее. Интуиция подсказывает, что он, возможно, отправился вслед за Хаслам.

– Я думал, ее квартира прослушивается. Как и у Маркуса Харрисона. Разве вам не сообщили, где она может быть?

– Нет. Похоже, они обнаружили «жучки», поскольку за последние несколько дней мы не услышали ничего интересного. Точнее, устройство в квартире Харрисона работало некорректно, но наши люди готовятся его заменить. В случае с мисс Хаслам мы не слышали вообще ничего, кроме гневного голоса Маркуса Харрисона, который звонил на ее стационарный телефон и спрашивал, куда она делась.

– Неужели ни у кого нет предположений, где они могут быть?

– Вы же читали досье, Уорбертон, – раздраженно бросил старик. – На месте Хаслам куда бы вы отправились, чтобы раскопать побольше сведений о нашем человеке?

– Может, в Дорсет, чтобы продолжить поиски на чердаке? Когда я был в том доме, то заглянул на чердак. Наверху хранится бесчисленное множество коробок с материалами, сэр.

– А то мы не знаем! С тех пор как Зои Харрисон уехала с его королевским высочеством в Испанию, у меня там круглосуточно работало десять человек. Они ничего не нашли. – Старик вновь завел

кресло за свой стол. – Харрисон по-прежнему проживает в своей лондонской квартире. Возможно, вам стоит с ним пообщаться.

– Да, сэр. Я к нему зайду.

– После мне доложите, и мы решим, что делать дальше.

– Хорошо, сэр.

– Я слышал, вы вчера навещали юного Джейми Харрисона?

– Да, сэр.

– По делу или ради удовольствия?

– В качестве одолжения Зои Харрисон, сэр.

– Осторожнее, Уорбертон. Вы знаете правила.

– Конечно, сэр.

– Ладно. Сообщите, как будут новости.

– Слушаюсь.

Саймон поднялся с кресла и вышел из кабинета, молясь, чтобы старик не заметил, как вспыхнули его щеки. Ведь даже если он мог контролировать тренированное тело и разум, его сердце жило по своим собственным законам.

* * *

Не застав дома Маркуса, Саймон вернулся в офис и позвонил родителям Джоанны, но они ничего не знали о местонахождении дочери. Он не сомневался, что подруга до сих пор идет по следу. Может, отправилась во Францию? Саймон потратил пару часов, изучая списки пассажиров всех самолетов и паромов, отправившихся за последние несколько дней, однако не нашел в них имени Джоанны.

Какие же еще места были связаны с тайной, которую они оба так отчаянно пытались раскрыть?

Саймон мысленно вернулся в тот день, когда ему дали изучить содержимое той папки, запретив делать какие-либо пометки. Ведь там упоминалось что-то еще…

В конце концов он вспомнил и сорок пять минут спустя уже знал, что Джоанна три дня назад села в самолет до Корка. Саймон тут же забронировал себе билет на вечерний рейс. Он уже направлялся в Хитроу по забитой машинами Хаммерсмит, когда зазвонил его мобильный.

– Привет, Зои. – Саймон очень удивился, услышав ее голос. Вырулив на обочину, что оказалось весьма непросто из-за большого потока машин, он припарковал автомобиль. – Где ты?

– В аэропорту Махон на Менорке. Ох, Саймон… – Она подавила рыдание.

– Что такое? В чем дело?

– Джейми пропал. Директор школы полагает, что мальчика могли похитить. Боже, Саймон, а вдруг он уже мертв. Я…

– Подожди, Зои. Успокойся и объясни, что произошло.

Как смогла, Зои рассказала о звонке из школы.

– Они заявили в полицию?

– Да, но Арт не хочет поднимать лишнего шума. Говорит, что не стоит привлекать средства массовой информации без крайней необходимости, потому что…

– Вы трое вновь окажетесь в центре внимания, – закончил за нее Саймон. – Ну, возможно, ему придется это пережить. В конце концов, гораздо важнее найти Джейми. Если местные жители узнают о пропаже ребенка, то, возможно, смогут помочь.

– Как вел себя Джейми, когда ты его навещал?

– В целом нормально, однако был не слишком разго– ворчив.

– Он не поделился своим беспокойством?

– Нет, хотя, быть может, его и вправду что-то тревожило. И поэтому я почти не сомневаюсь, что с Джейми все хорошо. Вероятно, ему просто захотелось немного побыть одному. Он разумный мальчик, Зои. Постарайся успокоиться.

– Я смогу вернуться в Лондон только через несколько часов. Можно тебя кое о чем попросить?

– Конечно.

– Съезди в лондонский дом. У тебя ведь еще есть ключ. Если Джейми там нет, поищи в Дорсете. Ключ за домом, слева под бочкой для воды.

– Но ведь полиция…

– Саймон, он тебя знает и доверяет тебе. Пожалуйста. Я… – Голос Зои вдруг пропал.

– Зои? Зои? Ты здесь? Черт возьми! – Саймон хлопнул ладонями по рулю.

Он ведь сейчас был нужен в другом месте. Следовало как можно скорее вылететь в Ирландию, чтобы помочь Джоанне, даже не подозревающей о нависшей над ней опасности.

Итак… кому отдана его преданность?

По логике вещей, ответ напрашивался сам собой. Конечно же, давней подруге и правительству, которому он служил. Однако сердце-предатель рвалось помочь женщине и ребенку, вошедшим в его жизнь всего несколько недель назад. С минуту Саймон боролся с собой, потом завел мотор и вновь влился в поток машин, а дождавшись подходящей возможности, развернулся и поехал обратно в центр Лондона.

Дом на Уэлбек-стрит встретил его темными окнами. Саймон предполагал, что возле двери до сих пор могут торчать журналисты, ожидая появления давно исчезнувшего призрака, но никого не заметил. Он повернул в замке ключ, включил свет. Проверил все комнаты на первом этаже, хотя годами тренированные инстинкты уже подсказали ему, что поиски бесплодны. В доме не ощущалось чьего-либо присут–ствия.

Тем не менее Саймон осмотрел комнату Зои, затем вошел в спальню Джейми. Опустившись на кровать, обвел взглядом стены, увешанные детскими картинками, плакат «Могучих рейнджеров» с обратной стороны двери, плюшевых мишек и машинки с дистанционным управлением – свидетельство переходного возраста Джейми.

– Где же ты, приятель? – спросил Саймон в пустоту, безразлично глядя на маленький замысловатый гобелен над кроватью мальчика.

Само собой, никто не ответил, и Саймон вновь направился к лестнице, чтобы осмотреть верхний этаж дома.

Потом спустился вниз, прошел в гостиную и вдруг заметил, как перед домом остановилась патрульная машина, оттуда вылез полицейский и направился к входной двери. Саймон распахнул ее прежде, чем мужчина успел нажать на кнопку звонка.

– Здравствуйте.

– Добрый день, сэр. Вы здесь живете? – спросил детектив.

– Нет. – Саймон усталым жестом показал удостоверение личности.

– Что ж, мистер Уорбертон, полагаю, вы ищете сбежавшего молодого человека?

– Да.

– Похоже, это дело решили держать в тайне и не сообщать газетчикам об исчезновении мальчика. Ну, из-за его матери и ее… бойфренда.

– Наверное. Что ж, дом я осмотрел, его здесь нет. Вы останетесь поблизости на случай, если он появится?

– Нет, меня просто попросили заехать сюда и проверить. Но, если вы настаиваете, я могу кого-нибудь прислать.

– Не помешает. Скорее всего, мальчик, если сможет, направится домой, – проговорил Саймон. – Сейчас мне пора, но проследите, чтобы кто-нибудь дежурил неподалеку.

– Хорошо, сэр, конечно.

Дорога до Хейкрофт-хауса заняла у Саймона чуть больше двух часов. Когда он остановил машину перед домом, часы показывали начало одиннадцатого. Захватив из бардачка фонарик, Саймон поспешил на поиски бочки и с разочарованным вздохом достал из-под нее ключ. Джейми явно не успел добраться сюда раньше него.

Саймон вернулся к входу и отпер тяжелую дверь. Потом, включая свет, обошел комнату за комнатой. На сушилке до сих пор стояли сковородки, еще с того вечера, когда Саймон готовил Зои ужин; ее постель наверху так и осталась незастеленной, ведь утром они уехали очень рано.

Однако больше он ничего не нашел. Дом был пуст.

Спустившись вниз, Саймон позвонил сержанту, который теперь дежурил у дома на Уэлбек-стрит, и узнал, что Джейми еще не вернулся. В свою очередь он сообщил, что тоже пока не нашел следов мальчика. Затем направился на кухню, чтобы перед возвращением в Лондон выпить кофе.

Саймон сел за стол и с силой провел ладонями по волосам, пытаясь собраться с мыслями. Если Джейми не появится к утру, придется предать дело огласке – и плевать на дворец.

Он поднялся, насыпал в кружку растворимый кофе и добавил кипятка, вновь и вновь прокручивая в голове последний разговор с мальчиком.

После третьей кружки кофе заныла печень, а к горлу подступила тошнота. Саймон встал и в последний раз прошелся по комнатам. Потом включил уличное освещение и вышел через кухонную дверь в сад за домом. Довольно большой и, судя по всему, неплохо ухоженный, хотя сейчас, в конце зимы, он больше походил на карандашный рисунок, ожидающий, когда его кто-нибудь раскрасит. Саймон осветил лучом фонарика живую изгородь, окаймлявшую сад. В одном его углу – похоже, там, где было больше всего солнца, – находилась небольшая беседка, а рядом с ней каменная скамья. Саймон подошел ближе и сел, протянул руку, чтобы коснуться ползучего растения, покрывающего стены беседки, и тут же вскрикнул, уколов палец об острый шип.

«Розы, – подумал он. – Как же здесь должно быть красиво в разгар лета».

Розы…

«Пра-Джеймс любил розы. Теперь они растут у него на могиле…» – всплыли в памяти слова Джейми.

Саймон тут же вскочил на ноги и бросился к задней двери, чтобы позвонить.

Кладбище находилось всего в четверти мили от дома, вниз по дороге, за церковью. Саймон остановил машину возле железных ворот. Обнаружив висячий замок, он просто перелез через них и двинулся по дорожке между могил, освещая фонарем имена, выбитые на надгробных камнях. Вскоре из-за облака выплыл полумесяц, заливая кладбище призрачным светом, и Саймон невольно вздрогнул. Церковные часы пробили полночь. Их размеренный скорбный звон, казалось, отдавал долг памяти умершим душам, лежащим у его ног.

Саймон постепенно миновал могилы тех, кто был похоронен в семидесятых годах, потом в восьмидесятых. В глубине кладбища мелькнул надгробный камень, на котором значилось «1991 год». По мере продвижения даты на надгробиях все больше приближались к текущему году. Саймон добрался почти до конца кладбища, когда заметил одинокую могилу, на которой рос небольшой куст, а на надгробном камне было написано:

СЭР ДЖЕЙМС ХАРРИСОН
актер
1900–1995

«Спокойной ночи, милый принц,
Пусть колыбельную тебе здесь ангелы поют…»[25]

На краю могилы, скорчившись, лежал Джейми. Саймон тихо подошел к мальчику и опустился рядом с ним на колени. Повернул фонарик так, чтобы увидеть его лицо, но в то же время не встревожить. Пощупал пульс, к счастью ровный, дотронулся до руки мальчика. Холодная, но не слишком, ничего опасного. Похоже, Джейми просто крепко спал. Облегченно вздохнув, Саймон нежно погладил его по светлым волосам.

Мальчик вдруг пошевелился.

– Мама?

– Нет, приятель, это Саймон. И ты в полной безопасности.

Джейми резко поднялся, в его широко раскрытых глазах застыл ужас.

– Что… Где я?

Он огляделся по сторонам, затем начал дрожать.

– Джейми, все хорошо. Я с тобой. – Саймон инстинктивно притянул мальчика к себе. – Сейчас мы уйдем отсюда, сядем в машину, и я отвезу тебя домой. Там разожжем камин в гостиной, и за чашкой горячего чая ты расскажешь мне, что произошло. Согласен?

Джейми поднял голову. Ужас в его глазах сменился доверием.

– Хорошо.

Когда они добрались до дома, Саймон взял с кровати Зои стеганое одеяло и укрыл им дрожащего Джейми, который молча сидел на диване, глядя в пространство. Потом развел огонь в камине и приготовил чай. Сообщив лондонскому сержанту, что мальчик благополучно найден, он оставил сообщение на голосовой почте Зои, а после вернулся в гостиную и сел на другой конец дивана.

– Выпей, Джейми. – Он протянул мальчику кружку с чаем. – Это поможет согреться.

Сжав кружку в маленьких ручках, Джейми сделал глоток горячей жидкости.

– Ты на меня сердишься?

– Конечно нет. Мы все волновались, но не сердились.

– Мама будет в ярости, когда узнает.

– Она знает, что ты исчез из школы, и уже летит домой из Испании. Скоро должна приземлиться. Она позвонит, как только сможет, и ты поговоришь с ней и объяснишь, что с тобой все хорошо.

Джейми отхлебнул еще чаю.

– Она уехала в Испанию не на съемки, правда? – медленно проговорил он. – Она была с ним.

– С ним?

– Со своим парнем, принцем Артуром.

– Да. – Саймон внимательно взглянул на Джейми. – Как ты узнал?

– Один из старших мальчиков подложил мне в шкафчик страницу из газеты.

– Ясно.

– А после Дикки Сисман, который всегда меня ненавидел, потому что я попал в команду по регби, а он нет, начал называть м-маму шлюхой принца, – срывающимся голосом признался Джейми. Саймон поморщился, но ничего не сказал. – Он спросил, кто м-мой отец, и я сказал, что Пра-Джеймс. А Дикки и другие рассмеялись и заявили, что он не м-может быть м-моим отцом, потому что он м-мой прадедушка, а я дурак, если верю в это. Н-ну, я знаю, что на самом деле Пра-Джеймс не м-мой папа, Саймон. Н-но для м-меня он все равно что был отцом. А теперь его больше н-нет. – Плечи Джейми дрожали от рыданий. – Он сказал, что н-никогда не бросит м-меня, всегда будет рядом, если м-мне понадобится… стоит лишь позвать, и он ответит… Но его н-нет! Ведь он умер!

Саймон осторожно взял у мальчика кружку с чаем, подвинулся ближе и притянул Джейми к себе.

– Я н-не верил, что он на самом деле ушел, – продолжал Джейми. – Н-ну, я знал, что больше не увижу его как человека, он сказал м-мне об этом, н-но обещал, что всегда будет рядом. А когда он м-мне понадобился, то его н-не было! – Из груди Джейми рвались рыдания. – М-мама тоже уехала. И н-никого не осталось. А я больше не м-мог терпеть н-насмешки в школе. М-мне н-нужно было уйти, и я пошел к Пра– Джеймсу.

– Понимаю, – тихо проговорил Саймон.

– Хуже всего, что м-мама солгала мне!

– Не нарочно, Джейми. Она пыталась защитить тебя.

– Раньше она всегда рассказывала мне обо всем. У нас не было секретов. Если бы я знал правду, то смог бы защищаться, когда мальчишки надо мной насмехались.

– Ну, порой взрослые тоже заблуждаются. Думаю, твоя мама неверно оценила ситуацию.

– Нет. – Джейми устало покачал головой. – Просто я больше не главный в ее жизни. Появился принц Артур, и она любит его больше, чем меня.

– О, Джейми, ты сильно заблуждаешься. Твоя мама тебя обожает. Поверь, она чуть не обезумела, когда узнала, что ты пропал, и перевернула небо и землю, чтобы сесть в самолет, вернуться домой и броситься тебя искать.

– Правда? – Джейми мрачно вытер нос. – Саймон…

– Да?

– Мне придется переехать в один из их домов?

– Не знаю, Джейми. Думаю, до этого еще далеко.

– Я слышал, как один из учителей смеялся у себя в кабинете с учителем физкультуры. Он сказал, что н-не в первый раз бастард переезжает во д-дворец.

– Джейми, твоя мама очень скоро вернется домой, – произнес Саймон, про себя кляня жестокость человеческой натуры. – Пообещай, что расскажешь ей все, о чем говорил мне, чтобы в будущем больше не было недоразумений.

Джейми поднял голову и взглянул на Саймона.

– А ты его видел?

– Да.

– Какой он?

– Милый. Хороший человек. Наверняка он тебе понравится.

– Сомневаюсь. Разве принцы играют в футбол?

Саймон рассмеялся:

– Да.

– И едят пиццу и печеные бобы?

– Вероятнее всего.

– Мама выйдет за него замуж, Саймон?

– Думаю, об этом может сказать тебе лишь она сама. – У него в кармане зазвонил мобильный. – Алло, Зои? Ты получила мое

сообщение? Да, Джейми со мной, в целости и сохранности. Мы в Дорсете. Хочешь с ним поговорить?

Саймон протянул телефон Джейми и вышел из комнаты, чтобы дать ему спокойно пообщаться с матерью, а вернувшись, отметил на щеках мальчика легкий румянец.

– Она будет сильно ругаться? – поинтересовался Джейми.

– У нее был сердитый голос?

– Нет, – признался он. – Очень счастливый. Она сказала, что едет прямо сюда, ко мне.

– Ну вот видишь.

Саймон сел на диван, и Джейми, зевая, привалился к его коленям.

– Хотел бы я, чтобы на месте принца был ты, Саймон, – сонно пробормотал он.

«Я тоже», – мысленно согласился Саймон.

Джейми с улыбкой поднял голову:

– Спасибо, что знаешь, где искать.

– Без проблем, приятель. Обращайся.

* * *

В начале четвертого утра Зои на такси подъехала к Хейкрофт-хаусу. Расплатившись с водителем, она открыла входную дверь и вошла внутрь. В доме царила тишина. Зои заглянула сперва в кухню, потом направилась в гостиную, где нашла мужчин на диване. Джейми крепко спал, привалившись к коленям Саймона. Сам Саймон сидел с закрытыми глазами, откинув голову на спинку. При виде Джейми и мужчины, который так великодушно помог им обоим, когда казалось, что рассчитывать уже не на кого, на глаза Зои навернулись слезы.

Она подошла ближе. Саймон открыл глаза и очень осторожно отодвинулся от Джейми, подложив вместо себя подушку, а после знаками показал, что лучше выйти из комнаты.

Они молча прошли на кухню, и Саймон закрыл дверь.

– С ним правда все хорошо?

– Клянусь, с ним все в полном порядке.

Зои опустилась на стул и обхватила голову руками:

– Слава богу. Ты хоть представляешь, что творилось у меня в голове во время этого бесконечного полета?

– Нет. – Саймон подошел к чайнику. – Чаю?

– С удовольствием. Мне с ромашкой. Вон в том ящике немного осталось. Где ты его нашел?

– Он спал на могиле твоего дедушки.

– Боже, Саймон! Я… – Зои в ужасе прижала руку ко рту.

– Не вини себя, Зои, правда. Думаю, просто так совпало, что на Джейми сразу все навалилось… грубые, но вполне естественные насмешки в школе, запоздалое горе и…

– Мой отъезд.

– Да. Держи. – Он поставил перед ней чай.

– Значит, он узнал об Арте от других мальчиков?

– Боюсь, что да.

– Проклятие! Надо было сразу ему рассказать.

– Все совершают ошибки, и я тоже. Вспомни, это ведь я советовал тебе молчать. Но, к счастью, все еще можно легко исправить.

– Он казался слишком уж спокойным после смерти Джеймса. – Зои сделала глоток чая. – Стоило предвидеть нечто подобное.

– Думаю, лишь оказавшись в беде, Джейми впервые осознал, что человек, которого он обожал и считал своим отцом, в самом деле ушел навсегда. Особенно когда другие злонамеренно предложили ему замену. Но он хороший парень и со всем справится. Что ж, раз ты теперь здесь, мне пора идти.

– Куда ты? – удивилась Зои.

– Долг зовет. – Саймон на цыпочках вернулся в гостиную и взял со стула куртку, потом вышел в прихожую, где ждала Зои. – Джейми все еще крепко спит. Думаю, единственное, что ему сейчас нужно, – это забота любящей матери.

– Да. Боже, и нам все-таки придется поговорить. – Вслед за Саймоном она подошла к входной двери. – Как мне тебя отблагодарить?

– Забудь об этом. Главное, вы оба берегите себя. Передавай привет Джейми. Скажи, мне жаль, что пришлось уйти не попрощавшись.

– Конечно. – Зои с грустью кивнула. – Саймон…

– Да? – Он обернулся и посмотрел на нее.

Она немного помолчала, затем тряхнула головой:

– Нет, ничего.
– Пока, Зои.
Натянуто улыбнувшись, Саймон открыл дверь и вышел из дома.

31

Припарковав взятую напрокат «Фиесту» у обочины перед гостиницей «Росс», Джоанна с облегчением заглушила мотор. Вторая ночь без сна почти полностью ее измотала. Заночевать пришлось в дешевом отеле в Дублине, и всякий раз, заслышав какой-нибудь скрип, она подскакивала на кровати. Появление Курта в пабе совершенно выбило ее из колеи. Неужели он правда следил за ней? Или у нее развилась настоящая паранойя?

С минуту Джоанна просто сидела, неподвижно глядя на дождь, по-прежнему заливающий живописную площадь.

– Чертова старуха, – пробормотала она себе под нос.

Не столкнись с ней Джо в тот злополучный день, все сложилось бы иначе. Сидела бы сейчас дома, в Лондоне, по-прежнему работала в отделе новостей, а не торчала под дождем в забытом богом ирландском городишке.

Нет, хватит. Нужно поскорее возвращаться в Англию и приложить все силы, чтобы оставить в прошлом последние несколько недель и навсегда забыть об этом деле. А все, что удалось узнать, она отдаст Саймону, и пусть распоряжается этой информацией по своему усмотрению. Ведь неспроста его прикрепили к Зои Харрисон – наверняка велели выведать, что ей известно и какие тайны хранит дом на Уэлбек-стрит. Что ж, Джо поделится с ним знаниями. И конец истории.

В конце концов Джоанна вылезла из машины, достала из багажника сумку с вещами и вошла в отель.

– Добрый день. Хорошо съездили? – поинтересовалась Маргарет, появляясь за стойкой бара.

– Да, прекрасно, спасибо.

– Великолепно.

– Я сегодня улетаю домой, Маргарет. Если смогу купить билет на вечерний рейс из Корка.

– Как скажете. – Маргарет чуть приподняла бровь. – Пока вас не было, кто-то оставил вам конверт. – Она повернулась и достала его из ящика Джоанны. – Вот.

– Спасибо.

– Наверняка там поздравительная открытка на день рож– дения.

– Нет, мой день рождения только в августе. В любом случае спасибо. – Джоанна направилась к лестнице.

Проводив постоялицу взглядом, Маргарет на миг задумалась, а после позвонила Шону, своему племяннику, в местное отделение полиции.

– Помнишь, ты спрашивал меня о молодом человеке, который зарегистрировался здесь вчера? Возможно, он все-таки не тот, за кого себя выдает. Сейчас он ушел, сказал, что вернется после шести… Наверное, тебе лучше приехать.

Отперев дверь в свой номер, Джоанна положила сумку и вскрыла конверт. В нем оказалось письмо. Быстро пробежав глазами по строчкам, она опустилась на кровать и вчиталась уже более внимательно. Не сразу, но ей все же удалось разобрать написанные жутким почерком слова, полные грамматических ошибок.

Дарагая мисс, слышала вы в баре спрашавали пра дом берегавой ахраны. я а нем знаю. прихадите ка мне если хатите правды. буду ждать в розавом домики напротев таго дома.

мисс киара дизи

Киара… Имя показалось ей знакомым. Джоанна порылась в памяти, вспоминая, от кого могла услышать об этой женщине. Точно, о ней упоминал историк, Фергал Малкахи. Он назвал Киару чокнутой.

Есть ли смысл к ней идти? Вряд ли от этого будет толк. Если она что и расскажет, так очередную полузабытую историю, почти не связанную с теми давними событиями, о которых Джоанне больше не хотелось ничего знать.

«Полоумные старушки и так уже принесли мне кучу неприятностей», – твердо сказала она себе, потом скомкала письмо и выбросила в корзину для бумаг.

Сняв телефонную трубку, набрала «девятку», чтобы подключиться к городской линии, и позвонила в отдел бронирования «Аэр Лингус». В самолете, вылетающем из Корка без двадцати семь, еще имелись свободные места. Оплатив билет своей многострадальной кредитной картой, Джоанна начала складывать

вещи в рюкзак. Затем вновь взялась за телефон и позвонила в редакцию Алеку.

– Это я.

– Господи, Джоанна! Давно бы пора выйти на связь.

– Прости. Время пролетело незаметно.

– Ясно. Что ж, Эд ежедневно выносил мне мозг, желая видеть справку от врача, потом отправил кого-то к тебе домой и выяснил, что в квартире тебя нет. Я сделал все, что мог, но, боюсь, тебя уволили.

– О боже, Алек! – Джоанна опустилась на кровать, к горлу подступил ком.

– Прости, солнце. Возможно, на него кто-то надавил, но результата это не меняет, – вздохнул Алек. Джоанна молчала, изо всех сил стараясь не расплакаться. – Джо, ты еще здесь?

– А я-то как раз решила завязать с этим чертовым делом и вернуться вечером в Лондон! Как думаешь, если я приду завтра к Эду, паду ниц к его ногам, рассыплюсь в глубочайших извинениях и предложу приносить ему чай, пока вновь не заслужу благосклонность, у меня есть шанс остаться?

– Не-а.

– Ты наверняка ошибаешься.

Джоанна с несчастным видом уставилась на цветастые обои. Увядшие розы заплясали у нее перед глазами.

– Судя по твоим словам, ты так ничего и не выяснила, – вновь заговорил Алек.

– Практически ничего. Знаю только, что некий Майкл Джеймс О’Коннелл родился на побережье, в нескольких милях отсюда, и, возможно, в молодости работал в большом доме у прадеда женщины, с которой я разговаривала. О, а еще есть старое письмо от британского чиновника. В нем говорится, что некий джентльмен поживет в доме в качестве гостя правительства Его Величества. Это было в 1926 году.

– О ком речь?

– Понятия не имею.

– Может, следует это выяснить?

– Нет уж. У меня и так голова идет кругом. Я хочу… – Джоанна прикусила губу. – Хочу скорее попасть домой и вернуться к прежней жизни.

– Ну, поскольку это невозможно, ты ничего не потеряешь, продолжив расследование.

– Я правда не могу, Алек. Это дело мне не по зубам.

– Да ладно тебе, Джо. Как по мне, единственный способ возобновить карьеру – это заполучить потрясающую историю и продать ее тому, кто больше заплатит. Ты уже не обязана хранить верность нашей газете. И если другие откажутся публиковать ее здесь, всегда можно обратиться в иностранные издания. У меня такое чувство, что ты вот-вот отыщешь нужные ответы. Ради бога, Джо, не сдавайся на финишной прямой.

– Какие «ответы»? Все, что я выяснила, не имеет смысла.

– Кто-нибудь что-то да знает, как и всегда. Но будь осторожна. Они скоро нападут на твой след.

– Мне пора, Алек. Я позвоню тебе, как буду в Лондоне.

– Хорошо, Джо. Только не забудь. И береги себя.

Несколько минут Джоанна в оцепенении сидела на кровати. Подумать только, что с начала года она лишилась парня, большей части имущества, лучшего друга, а теперь и работы. И, что бы ни думал Алек, ей все еще было что терять.

– К примеру, жизнь, – пробормотала она себе под нос.

Пять минут спустя Джоанна, подхватив дорожную сумку, заперла дверь в номер и спустилась вниз.

– Значит, уезжаете? – прощебетала Маргарет из-за стойки регистрации.

– Да. – Джоанна протянула ей кредитную карточку. – Благодаря вам пребывание здесь было очень приятным. Спасибо.

– Не за что. Надеюсь, вы к нам скоро вернетесь.

Джоанна подписала квитанцию об оплате кредитной картой, которую протянула ей Маргарет.

– Ну вот и все. До свидания, Маргарет, и спасибо. – Она взяла сумку и направилась к двери, но ее догнал голос хозяйки:

– Джоанна, вас никто не собирался навестить?

– А что? Мне кто-нибудь звонил?

– Нет. – Маргарет покачала головой. – Счастливого пути. И берегите себя.

– Конечно.

Джоанна убрала сумку в багажник «Фиесты» и выехала с площади, направившись в сторону устья реки. На развилке включила левый поворотник и, ожидая, пока проедет машина, обвела взглядом окрестности. В глаза тут же бросился одиноко стоящий одноэтажный розовый домик, отделенный от дома береговой охраны песчаной отмелью. Между этими жилищами было не более пятидесяти ярдов. Мгновение поколебавшись, Джоанна смиренно тряхнула головой и свернула направо. Если она не станет задерживаться, то еще успеет на свой рейс. Джо не заметила, как машина позади нее тоже изменила направление и поехала по узкой дороге вслед за «Фиестой», держась на некотором расстоянии.

Когда Джоанна постучала в дверь домика, изнутри донеслось:

– Войдите.

Она очутилась в маленькой гостиной, навевающей мысли о другой эпохе, которая была скудно обставлена ветхой деревянной мебелью. В большом камине ярко пылал огонь, над ним на цепочке висел черный чайник. Голые стены оживляли только большое распятие и пожелтевшая гравюра с изображением Мадонны с младенцем.

Киара Дизи, пожилая женщина с коротко подстриженными седыми волосами, сидела возле камина на деревянном стуле с высокой спинкой, но при виде гостьи поднялась, чтобы поздороваться. И хотя, судя по морщинистому лицу, ей можно было дать от семидесяти до восьмидесяти лет, на ногах она держалась твердо, без малейших признаков какой-либо неуверенности.

– Это ты из гостиницы? – спросила Киара, твердо пожимая руку гостье.

– Да, Джоанна Хаслам, – подтвердила та.

– Садись. – Киара кивнула на стул по другую сторону камина. – И расскажи мне, зачем тебе нужно знать о доме береговой охраны.

– Мисс Дизи, это долгая история.

– Я как раз такие люблю. И зови меня Киарой. При обращении «мисс Дизи» я чувствую себя старой девой, хотя, к чему отрицать, в девках я и впрямь подзадержалась, – хихикнула она.

– Я журналистка, ищу здесь информацию о человеке по имени Майкл О’Коннелл. Хотя вполне возможно, что в Англию он вернулся совершенно под другим именем.

Взгляд Киары стал острым.

– Да, он находился здесь под именем Майкл, но его фамилии я не знаю. И ты не ошиблась, он в самом деле стал зваться иначе.

– Вы знали, что он воспользовался другим именем?

– Да, Джоанна. С тех пор как мне исполнилось восемь. В те времена, почти семьдесят лет назад, меня заклеймили лгуньей и выдумщицей. В деревне и по сей день верят, что я сошла с ума. Конечно, это не так. Я столь же нормальная, как и ты.

– Вы, случайно, не знаете, имел ли Майкл какое-либо отношение к дому береговой охраны?

– Он жил там, пока болел. Его хотели спрятать, пока ему не станет лучше.

– Вы его знали?

– Ну, официально нас не знакомили, но я иногда ходила в тот дом вместе с Ниам, упокой Господи ее душу. – Старая женщина перекрестилась.

– С Ниам?

– С моей старшей сестрой. Она была прекрасна… синеглазая красавица с длинными темными волосами… – Киара уставилась в огонь. – Ни один мужчина не устоял бы перед ней. Вот и он влюбился.

– Майкл?

– Да, он звался этим именем, но нам известно и другое.

– Киара, может, расскажете мне эту историю с самого начала?

– Постараюсь, но прошло много лет с тех пор, как я в последний раз произносила эти слова. – Киара глубоко вздохнула. – Все это предложил Стэнли Бентинк из большого дома в Ардфилде. Он сказал, что приедет важный гость. Ниам в то время работала у него горничной, поэтому мистер Бентинк попросил ее позаботиться о приезжем, который остановится в доме береговой охраны, поскольку отсюда до него рукой подать. Из дома на берегу Ниам вернулась с блеском в глазах и загадочной улыбкой, сказала мне только, что тот джентльмен – англичанин, и больше ничего. Конечно, в то время я была всего лишь ребенком и в силу возраста не понимала, что происходило между ними. Иногда я ходила в тот дом, чтобы помочь с уборкой, и однажды увидела, как они обнимались на кухне. Но в те годы я еще ничего не знала ни о любви, ни о физической близости. А потом он ушел, исчез в ту ночь в море, прежде чем они пришли за ним…

– Они? – перебила Джоанна.

– Те, кто его выслеживал. Ниам предупредила Майкла об опасности, хотя и понимала, что ради спасения собственной жизни ему придется уехать и оставить ее. Но сестра верила, что, вернувшись в Лондон, он пошлет за ней. Сейчас-то ясно, что надежды не было, но она этого не знала.

– Кто его выслеживал, Киара?

– Я расскажу об этом, дай только договорить. После его отъезда Ниам с папой сильно поссорились. Она кричала как сумасшедшая, он орал в ответ. И на следующее утро сестра тоже исчезла.

– Ясно. Вы знаете, куда она ушла?

– Нет. И понятия не имею, где она провела следующие несколько месяцев. Кто-то в деревне говорил, что видел ее на ярмарке в Баллибанионе в компании цыган, другие твердили про Бэндон.

– Почему она уехала?

– Перестань задавать вопросы, Джоанна, и услышишь ответы. Примерно полгода спустя после ее исчезновения мама с папой пошли на мессу с моими сестрами, но я осталась дома, потому что сильно простудилась. Мама не хотела, чтобы я кашляла на протяжении всей проповеди. Я лежала в постели и услышала крики. Жуткие, походящие на предсмертные вопли животного. Прямо в ночной рубашке я подошла к двери, – Киара указала на вход в дом, – и прислушалась. Крики явно исходили из дома береговой охраны. Они продолжали звенеть у меня в ушах, когда я пошла туда.

– А вы не испугались?

– Я была в ужасе, но меня как будто тянуло вперед, словно бы кто-то управлял моим телом. – Киара бросила взгляд на залив. – Дверь оказалась открыта. Я вошла внутрь и наверху, на его кровати, увидела ее с испачканными кровью ногами… – Женщина закрыла лицо ладонями. – Я до сих пор отчетливо вижу ее. Кошмары того дня преследовали меня всю жизнь.

По спине Джоанны пробежал холодок.

– Там была ваша сестра, Ниам?

– Да. А между ее ног, все еще связанный с ней, лежал новорожденный младенец.

Джоанна сглотнула и молча уставилась на Киару. Та, немного придя в себя, продолжила:

– Я… сперва решила, что ребенок умер, он посинел и не плакал. Взяла его на руки и зубами перегрызла пуповину – папа так всегда делал с коровами. Потом обняла и попыталась согреть, но он не шевелился.

– Боже. – Глаза Джоанны наполнились слезами.

– Я подошла к Ниам, которая к тому времени уже перестала кричать. Она лежала неподвижно, с закрытыми глазами, но кровь по-прежнему сочилась из ее тела. Я попыталась ее растормошить, чтобы отдать ей ребенка, вдруг она смогла бы ему помочь… Но сестра не двигалась. – Киара уставилась в пространство широко распахнутыми, полными ужаса глазами. Ее разум будто бы вернулся на много лет назад, заставляя заново переживать ту страшную сцену. – Я села на кровать, качала на руках безжизненного младенца и пыталась разбудить сестру. Наконец она все же открыла глаза. Я сказала ей, что у нее родился ребенок, и предложила его подержать. А она жестом показала мне подойти ближе. Я наклонилась над ней и поднесла ухо к губам, чтобы слышать ее шепот.

– Что она сказала?

– Что в кармане ее юбки письмо для отца ребенка. Его нужно отправить в Лондон. Как и самого младенца. Потом она подняла голову, поцеловала малыша в лоб, вздохнула и больше не сказала ни слова.

Киара зажмурилась, но слезы все равно потекли по щекам.

На время в комнате повисло молчание.

– Как ужасно в таком юном возрасте пережить подобный кошмар, – наконец прошептала Джоанна. – Но что было дальше?

– Я завернула малыша в покрывало с кровати. Оно промокло от крови, но ничего лучшего я не нашла. Потом я сунула руку в карман Ниам и достала письмо. Но мне некуда было его положить. В ночной рубашке карманов не оказалось. Ребенка срочно требовалось отнести к доктору, и я, боясь потерять письмо, спрятала его под половицу, чтобы забрать позже. Я скрестила руки Ниам на груди, как делал гробовщик с моей бабушкой, подхватила малыша и побежала за помощью.

– Что случилось с ребенком? – осторожно спросила Джоанна.

– Вот тут-то и начинается путаница. Говорят, меня нашли посреди устья реки, я стояла и кричала, что Ниам умерла в доме береговой охраны. После этого я много месяцев болела. Сперва лежала в

больнице в Корке с пневмонией. Стэнли Бентинк оплатил лечение. Потом, когда поправилась, меня поместили в сумасшедший дом, считая, что в голове у меня сплошные выдумки. Родители приехали меня навестить и сообщили, что все мои видения были вызваны бредом из-за лихорадки. Ниам не возвращалась, и никакого ребенка не существовало. Просто разум сыграл со мной злую шутку. – Киара поморщилась. – Долгое время я пыталась объяснить им, что оставила ее мертвую в доме береговой охраны, спрашивала о малыше, но они лишь качали головами и по-прежнему держали меня в том богом забытом месте.

– Как они могли? – Джоанна содрогнулась. – Должно быть, кто-то забрал ребенка у вас из рук!

– Да. Я не сомневалась, что все увиденное мною было реальным, однако постепенно осознала: если продолжу настаивать на своем рассказе, то останусь в сумасшедшем доме до конца своих дней. В конце концов я сказала врачам, что ничего не видела, и, когда в следующий раз папа пришел меня навестить, сделала вид, что была не в себе и стала жертвой галлюцинаций, вызванных лихорадкой. – Киара криво усмехнулась. – Он в тот же день забрал меня домой. Но с того момента все в городе считали меня чокнутой. Другие дети смеялись надо мной, обзывали… Я к этому привыкла, поддерживала игру и пугала их странными разговорами, чтобы хоть немного отыграться, – хихикнула она.

– И ваши родители больше не упоминали о том, что вы видели?

– Никогда. Но ты ведь понимаешь, что я не лгу, Джоанна?

– Вы возвращались в тот дом, чтобы проверить, на месте ли письмо?

– Конечно. Мне ведь нужно было убедиться, что я права, а они ошибались.

– И письмо по-прежнему лежало там?

– Да.

– Вы прочли его?

– Не сразу. Тогда я еще не умела читать. Но позже научилась и, конечно, узнала, что в нем.

Джоанна глубоко вздохнула:

– Киара, о чем говорилось в письме?

Женщина окинула ее задумчивым взглядом:

– Возможно, я скажу тебе позже. Однако слушай, я еще не закончила.

Джоанна не могла понять, есть ли в словах Киары какая-то правда. Или она, как считали жители городка, в самом деле просто стала жертвой иллюзий.

– Только много лет спустя, когда мне исполнилось восемнадцать, произошедшее наконец-то обрело смысл. И я поняла, почему тот случай так упорно держали в тайне, которую было жизненно важно сохранить. Настолько, что родители решились объявить дочь сумасшедшей и запереть в психушке, лишь бы она помалкивала о том, что видела…

– Продолжайте, – напряженно попросила Джоанна.

– Мы с мамой поехали в Корк за тканью для новых простыней. И там на первой полосе газеты «Айриш таймс» я увидела знакомое лицо. Того самого мужчины, гостившего в доме береговой охраны.

– Но кто он? – спросила Джоанна.

И Киара Дизи рассказала.

32

Неторопливо поднявшись по лестнице, он подошел к своему гостиничному номеру. Как ни странно, дверь оказалась незаперта. Он только пожал плечами, списав все на небрежность горничной. Наверняка женщина забыла запереть дверь после уборки. Он приоткрыл створку и уперся взглядом в двух полицейских в форме, которые стояли посреди спальни.

– Добрый день. Чем могу помочь?

– Вы, случайно, не Иэн К. Симпсон?

– Нет, – ответил он.

– Тогда, может, объясните, почему на вашем прикроватном столике лежит ручка с его инициалами? – спросил другой офицер, постарше.

– Конечно. Все очень просто.

– Великолепно. Вы нам расскажете. Лучше в участке, так будет удобнее.

– Что? Почему? Я не Иэн Симпсон и не сделал ничего плохого!

– Отлично, сэр. Составьте нам компанию, и мы сможем во всем разобраться.

– Ну уж нет! Это смешно! Я гость в вашей стране. Простите, но я ухожу.

Развернувшись, он направился к двери, но полицейские схватили его за руки. Он задергался, пытаясь вырваться, но они держали крепко.

– Отпустите меня! Какого хрена здесь творится? Я могу доказать, что я не Иэн Симпсон! Загляните ко мне в бумажник.

– Всему свое время, сэр. А теперь не могли бы вы успокоиться? Не стоит волновать Маргарет и ее постоянных посетителей.

Вздохнув, он сдался на милость полицейских, крепко, словно в тисках, сжимающих его руки.

– Я свяжусь с британским посольством, – предупредил он, шагая по коридору. – Нельзя же вот так вламываться в спальню, приписывать человеку чужую личность и тащить его в тюрьму! Мне нужен адвокат!

Собравшиеся в баре с интересом наблюдали, как полицейские вывели мужчину на улицу и усадили в поджидающую у гостиницы машину.

* * *

Самолет Саймона приземлился в аэропорту Корка в десять минут пятого. Он уже получил выговор из Темз-хауса за то, что не попал на рейс ни прошлым вечером, ни сегодня рано утром. Все дело в том, что на обратном пути из Дорсета, поняв, что вот-вот уснет прямо за рулем, Саймон заехал на автозаправочную станцию и вырубился на четыре часа. Проснулся лишь в начале десятого. Оставалось только лететь часовым рейсом, однако самолет задержали на два часа.

Покинув зал прилета, Саймон достал телефон.

– Рад, что вы наконец-то добрались, – саркастически бросил в трубку Дженкинс.

– Я тоже. Есть какие-нибудь новости?

– Похоже, ирландская полиция установила местонахождение Симпсона. Он укрылся в той же гостинице, что и Хаслам. Как мы и просили, его отвезли в местный участок. Ждут вашего прибытия, чтобы провести опознание.

– Хорошо.

– Судя по всему, он безоружен. В номере оружия тоже не нашли. Но я все-таки пошлю пару наших ребят, чтобы помочь вам сопроводить его обратно.

– Конечно. А… Хаслам?

– Наши ирландские коллеги сообщили, что она выписалась из гостиницы. Похоже, возвращается в Лондон. Ее имя значится в списке пассажиров рейса, вылетающего из Корка в шесть сорок вечера. Поскольку Симпсон сейчас под замком, подождите ее прибытия в аэропорту и узнайте, удалось ли ей что-либо выяснить. Потом свяжитесь со мной для дальнейших инструкций.

– Хорошо, сэр.

Саймон тяжело вздохнул. Ему ничуть не улыбалось торчать еще два часа в аэропорту, а после разговаривать с Джоанной. Он подошел к киоску, купил газету и устроился на сиденье, откуда отлично просматривался вход в зал вылета.

В половине седьмого по громкоговорителю объявили о завершении посадки на рейс до Хитроу. Подтвердив на стойке регистрации, что мисс Дж. Хаслам не явилась, Саймон отправился в

зону посадки и тщательно осмотрел зал вылета. Определенно, Джоанны здесь не было. Через выход на посадку пробежал последний пассажир и спустился по лестнице к ожидающему его самолету.

– Все, сэр. Посадка окончена, – сообщила молодая ирландка за стойкой регистрации.

Саймон лишь обреченно вздохнул, наблюдая через большое окно, как лестница бесшумно отъезжает от самолета, а дверь закрывается. Глупо было думать, что все окажется так просто.

Двадцать минут спустя, сидя за рулем взятой напрокат машины, Саймон мчался по шоссе № 71 в сторону Росскарбери.

* * *

Пламя камина освещало гостиную, отбрасывая на стены призрачные, мерцающие тени. На улице уже стемнело, однако женщины, погруженные в собственные мысли, едва ли это заметили.

– Ты ведь мне веришь? – в конце концов нарушила молчание Киара.

Вполне закономерный вопрос, ведь Киару Дизи много лет считали сумасшедшей, и теперь ей требовалось хоть немного ободрения.

– Да. – Джоанна приложила пальцы к вискам. – Я просто… сейчас не в силах ясно мыслить. Мне так много хочется у вас спросить.

– Время еще есть, Джоанна. Отдохни, соберись с мыслями и возвращайся завтра, тогда и поговорим.

– Киара, вы сохранили это письмо?

– Нет.

Джоанна разочарованно поникла.

– Значит, нет никакого способа доказать ваши слова.

– В доме есть.

– Простите?

– Письмо лежит там, под половицами. Мне показалось, так будет безопаснее всего.

– Оно наверняка отсырело за это время.

– Нет. Дом, может, и старый, но сухой. Его специально строили так, чтобы он мог выдержать самые суровые погодные условия. К тому же, – с блеском в глазах призналась Киара, – я убрала его в жестяную

коробку и спрятала под окном в той спальне, где она умерла. Оттуда как раз виден этот дом.

– Тогда… нужно пойти и забрать его? Иначе как я докажу, что мы с вами не спятили…

– Будь осторожна, Джоанна. В том доме обитают злые духи. Порой я до сих пор слышу, как она плачет на другом берегу залива…

– Конечно. – Джоанна не стала поддаваться страху. – Я могу забрать его утром, когда рассветет.

Погрузившись в собственные мысли, Киара посмотрела в окно.

– Надвигается шторм. К утру устье реки разольется…

– Что ж… – Джоанна встала. Темнота и разговоры о призраках и штормах подсказывали, что пришло время действовать. – Спасибо за рассказ, Киара.

– Будь осторожна. – Женщина сжала руку Джоанны. – Никому не доверяй.

– Конечно. Надеюсь, я вернусь завтра с письмом.

На улице над устьем реки вовсю завывал ветер, дождь хлестал косыми струями. При виде черного силуэта дома береговой охраны, выделяющегося на фоне неба, Джоанна непроизвольно вздрогнула. Почти на ощупь отперла машину и, спасаясь от резких порывов, с облегчением забралась внутрь и захлопнула дверцу. Гул двигателя почти заглушил доносящийся снаружи шум. Джоанна решила вернуться в деревню, надеясь, что тепло камина и горячий портвейн успокоят расшатанные нервы и помогут ей спокойно разобраться в своих мыслях.

Она остановилась возле гостиницы, намереваясь провести здесь еще одну ночь, и уже собралась выйти из машины, когда из дверей отеля в нескольких ярдах от нее показалась знакомая фигура. Мужчина вышел на тротуар, и Джоанна инстинктивно пригнулась.

«Боже, пожалуйста, пусть он меня не заметит…»

На пару мучительных мгновений фары залили ее машину ярким светом, и сердце как безумное застучало в груди. Потом вновь наступила темнота, и лишь тогда Джоанна снова смогла дышать. Выпрямившись, она откинула голову на спинку сиденья. За ней явно следили, а значит, время на исходе. Нельзя ждать до утра. Нужно сейчас же отправляться в дом береговой охраны и забрать письмо, пока ее кто-нибудь не опередил.

Услышав стук в заднее стекло, Джоанна чуть не подскочила от неожиданности. Обернувшись, она увидела возле машины еще одно знакомое лицо и неохотно опустила стекло. Мужчина с улыбкой направился к ней.

– Добрый вечер, Люси.

– Здравствуйте, Курт, – осторожно проговорила она. – Как дела?

– Отлично.

– Хорошо.

– Я уж думал, что упустил вас. Заскочил в гостиницу, а мне сказали, что вы уехали. Я как раз собирался возвращаться в Клонакилти, где остановился, когда заметил вас в машине. – Он разглядывал ее лицо. – Вы ужасно бледная. Что-нибудь случилось?

– Все хорошо.

– Куда-то собрались?

– Я… нет. Как раз вернулась. Теперь хочу просто лечь спать.

– Ясно. С вами точно все хорошо?

– Да, Курт. До свидания.

– До свидания. – Он жизнерадостно помахал ей рукой.

Джоанна подняла стекло и, увидев, что он направился к своей машине, вылезла из салона и под дождем зашагала к входу в гостиницу. Потом встала у окна, дождалась, пока его автомобиль скрылся из виду, и вновь вернулась в машину.

Направляясь к дому береговой охраны, она то и дело поглядывала в зеркало заднего вида, но узкая дорожка позади нее оставалась пуста.

* * *

На улице лило как из ведра. Саймон на машине направлялся к полицейскому участку на другом конце деревни Росскарбери. По пути он заехал в гостиницу, чтобы перед встречей с Иэном быстро осмотреть номер, в котором тот остановился. Однако женщина за стойкой регистрации, Маргарет, объяснила, что стражи порядка уже забрали всего его вещи и полчаса назад увезли в полицейский участок. Что касается Джоанны, она выписалась еще днем и в четыре часа уехала в аэропорт. С тех пор Маргарет ее не видела.

Саймон остановился возле небольшого белого дома с террасой, в котором лишь благодаря светящейся вывеске можно было опознать полицейский участок. В приемной никого не оказалось. Саймон нажал на кнопку звонка, и из соседнего помещения вышел молодой человек.

– Добрый вечер, сэр. Не погода, а настоящее проклятие. Чем могу помочь?

– Я Саймон Уорбертон, приехал подтвердить личность Иэна Симпсона. – Он показал свое удостоверение.

– Шон Райан. Рад вас видеть. Ваш парень с самого приезда доставляет нам неприятности. Бесится, что попал сюда. Впрочем, обычное дело.

– Он трезвый?

– В общем-то да. Мы проверили его на алкоголь, результаты в норме.

«Это меняет дело», – подумал Саймон, а вслух сказал:

– Что ж, пойдемте взглянем на него.

Вслед за Шоном он прошел по короткому узкому коридору.

– Он так скандалил, что пришлось запереть его в служебном помещении. Будьте осторожней, Саймон.

– Конечно.

Шон отпер дверь и отступил в сторону, пропуская Саймона вперед. За столом сгорбился мужчина, уронив голову на руки, в пепельнице дымил окурок «Мальборо Лайт». Услышав шум, мужчина поднял голову и при виде Саймона облегченно вздохнул.

– Слава богу! Хоть ты скажи этим чертовым невежественным пэдди[26], что я не Иэн Симпсон!

У Саймона упало сердце.

– Привет, Маркус.

* * *

Джоанна припарковалась на заросшей травой обочине, прямо напротив дома береговой охраны. Заглушив двигатель, она достала фонарик и, несмотря на расшатанные нервы, постаралась взять себя в

руки. Потом вышла из машины и на подгибающихся ногах направилась через дорогу к дому.

В свете фонаря стало видно, что уже начался прилив и вода в устье реки постепенно поднималась. Однако Джоанна знала лишь единственный способ проникнуть в дом – вскарабкаться по стене и проскользнуть внутрь через кухонное окно.

Уже изрядно промокшая под проливным дождем, она стиснула зубы и начала спускаться по ступенькам прямо в море. Ледяная вода доходила почти до колен. Подобравшись к стене позади дома, Джоанна посветила вверх фонариком, чтобы отыскать кухонное окно, затем подвинулась в сторону на несколько шагов и оказалась прямо под ним. Она вытянула руки и ухватилась за верхний край стены кончиками пальцев, затем попыталась на ощупь отыскать, куда можно поставить ногу. Мышцы напряглись от усилий, руки грозили вот-вот разжаться. Джоанна вдруг вскрикнула от боли и чуть не опрокинулась навзничь в воду, когда хватка немного ослабла. Лишь с четвертой попытки ей удалось найти подходящее углубление в кирпиче, опереться и, тяжело дыша, взгромоздиться на стену.

Она осторожно встала на скользкий выступ и осветила фонариком разбитое окно, в котором еще торчали остатки стекла. Поняв, что так ей не пролезть, Джоанна натянула ниже рукав куртки, чтобы закрыть ладонь, сжала руку в кулак и ударила в нижний угол. Кусок стекла раскололся и вылетел из рамы, оставляя достаточно места, чтобы протиснуться внутрь. Выбив все торчащие осколки, Джоанна в конце концов влезла в окно головой вперед и в свете фонаря увидела, что до пола кухни еще добрых три фута. Она чуть подвинулась на животе и вытянула руки, касаясь влажного пола кончиками пальцев. Потом, резко вскрикнув, полетела вперед и с глухим стуком приземлилась на твердый пол. Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы прийти в себя. Ощутив, как что-то пушистое щекочет лицо, Джоанна резко вскочила и в свете фонаря увидела рядом с собой дохлую крысу.

– Господи боже! – пробормотала она, тяжело дыша от страха и отвращения, и поморщилась – плечо, на которое пришелся удар об пол, нещадно ныло.

Гнетущая атмосфера дома уже давала о себе знать, окутывала ее, и Джоанна каждой клеточкой тела ощущала опасность, страх и смерть,

сочащиеся из стен. Интуиция подсказывала, что нужно выбираться отсюда и убегать.

– Ну уж нет, – пробормотала она себе под нос. – Надо забрать письмо. Ведь я уже почти у цели.

Джоанна крепче стиснула фонарик и осветила кухню, пытаясь найти выход. Руки дрожали так сильно, что луч света беспорядочно метался из стороны в сторону. Она все же отыскала дверь, открыла и вышла в прихожую. Взгляд тут же наткнулся на лестницу, ведущую наверх. Джоанна медленно стала подниматься по ступенькам, которые скрипели и стонали под ее весом. Было слышно, как за стенами дома шторм уже разыгрался не на шутку. Оказавшись на лестничной площадке, Джоанна замерла, не зная, куда двинуться дальше. Парализованная страхом, она лишилась чувства ориентации.

– Думай, Джоанна, думай, – велела она себе. – Тебе нужна комната с видом на розовый домик.

В конце концов сообразив, где находится, она повернула налево, прошла по коридору и открыла дверь в самом конце.

* * *

Вслед за Саймоном Маркус подошел к машине, припаркованной возле участка, и плюхнулся на пассажирское сиденье.

– Саймон, черт возьми! Ты можешь объяснить, что тут происходит? – поинтересовался он.

– Мы полагали, что следом за Джоанной здесь появился один неприятный персонаж по имени Иэн Симпсон. Тебя просто приняли за него.

– Да знаю я про этого Иэна! Поэтому и прилетел сюда – не сомневался, что он будет ее преследовать. Но не волнуйся, Джоанна в безопасности. Она уехала домой. Мне рассказала Маргарет. Я как раз хотел собрать вещи и последовать за ней в Лондон, когда меня схватили полицейские.

– Она не улетела тем рейсом. Я ждал ее в аэропорту Корка, но Джоанна так и не появилась.

– Господи! – На лице Маркуса ясно читался страх. – Ты знаешь, где она сейчас? А если этот ублюдок схватил ее… Саймон, он

настоящий зверь!

– Не волнуйся, я ее разыщу. А тебя пока отвезу обратно в гостиницу. Заодно осмотрю комнату Джоанны.

– Вместо того чтобы искать ее, я потратил впустую уйму времени, пока сидел взаперти в этом чертовом полицейском участке! Я показал этим идиотам кучу кредитных карточек с моим именем, но они все равно не поверили, что я тот, за кого себя выдаю!

– На столике у твоей кровати нашли ручку Иэна Симпсона с выгравированными на ней инициалами.

– Джо оставила эту ручку у меня в квартире, и я прихватил ее с собой. Что за неразбериха.

– Прости за недоразумение, Маркус. Но сейчас самое главное – найти настоящего Иэна Симпсона и Джоанну.

Когда Саймон припарковался перед гостиницей, Маркус в отчаянии покачал головой.

– Одному богу известно, где она, но мы должны отыскать ее раньше этого ублюдка, – проговорил он, входя внутрь вслед за Саймоном.

При виде Маркуса Маргарет испуганно застыла.

– Он… безопасен?

– Абсолютно, – кивнул Саймон. – Его всего лишь приняли не за того человека. Могу я взять ключ от комнаты мисс Хаслам? Мы за нее беспокоимся. Сегодня вечером она не появилась в аэропорту Корка.

– Конечно. Я туда пока еще не заходила. Внизу было слишком людно. – Маргарет протянула Саймону ключ.

– Благодарю.

– Я с тобой, – заявил Маркус и впереди Саймона заспешил вверх по лестнице.

Саймон отпер дверь в номер Джоанны и принялся методично осматривать типичные в таких случаях места, пока Маркус беспорядочно ходил по комнате, хватая то одно, то другое. В конце концов, ничего не найдя, он опустился на кровать и обхватил голову руками.

– Ну же, Джо, где ты?

Приметив корзину для бумаг, Саймон высыпал содержимое на пол и выудил из общей кучи скомканный листок бумаги. Развернул его и сумел разобрать не слишком понятный почерк.

– Она поехала на встречу с женщиной, – сообщил Саймон. – В розовый домик напротив дома в заливе.

– Кто… где…

– Маркус, я сам разберусь. Оставайся здесь и не лезь в неприятности. Увидимся позже.

– Подожди… – начал Маркус, однако Саймон уже вышел за дверь и исчез.

Следуя указаниям Маргарет, он сел в машину и по узкой дорожке поехал к устью реки. Домик Киары Дизи одиноко возвышался над песчаной отмелью, напротив темного зловещего силуэта дома в заливе. Выбравшись из машины, Саймон направился к двери.

33

Джоанна застыла посреди комнаты, столь же неподвижная, как окружающие ее стены. Внутри было совершенно пусто, чьи-то неведомые руки вынесли отсюда все до последней вещицы.

Она посветила фонариком вниз, разглядывая толстые деревянные половицы, потом подошла к окну, из которого был виден домик Киары. Присев на корточки, Джоанна потянула руками за одну из досок пола. Та скрипнула и легко поднялась. Внезапно послышался скребущий звук и шорох убегающих маленьких лапок. Джоанна сглотнула.

Опустившись на пол, она ухватила онемевшими от холода пальцами еще одну прогнившую доску. Легко, почти как по маслу, половица пошла вверх, в пропитанный влагой воздух взвились пыль и деревянные щепки. Джоанна заглянула в открывшуюся дыру, в свете фонарика блеснула ржавая жестянка. Она тут же схватила банку и попыталась дрожащими пальцами приподнять крышку.

За дверью вдруг раздались шаги. Медленные, размеренные, словно бы нежданный гость старался двигаться как можно тише. Джоанна инстинктивно сунула жестянку обратно в тайник, выключила фонарик и застыла на месте. Прятаться было негде и некуда бежать. Прерывисто дыша, она вцепилась в сломанную половицу и принялась ждать. Вскоре послышался скрип открываемой двери.

* * *

Саймон вошел в розовый домик. В гостиной никого не было. Огонь в камине погас, оставив после себя лишь кучку тлеющих углей. Открыв щеколду на двери, Саймон прошел в кухню, окинул взглядом эмалированную раковину с насосом, заглянул в кладовую, в которой хранились консервированные овощи, полбуханки содового хлеба[27], немного масла и сыра. Потом через заднюю дверь вышел на улицу, где находилась уборная.

Вернувшись в дом, Саймон прошел через гостиную и поднялся по лестнице. Дверь наверху была закрыта. Он осторожно постучал, чтобы

не напугать старую женщину, если она уже легла спать. Затем постучал громче – вдруг у нее проблемы со слухом. Так и не дождавшись ответа, Саймон повернул ручку и открыл дверь. В комнате царила темнота.

– Мисс Дизи? – прошептал он и нащупал в кармане фо– нарик.

Заметив на кровати очертания тела, Саймон подошел ближе, наклонился и посветил фонариком в лицо. На него не мигая смотрели зеленые глаза, открытый рот застыл в беззвучном крике.

Отыскав на стене выключатель, Саймон включил верхний свет. Сердце сжалось в страшном предчувствии. Он осмотрел тело: ни ран, ни синяков, но навечно застывший в глазах ужас говорил сам за себя. Смерть этой женщины наступила не от естественных причин. Здесь явно поработал профес– сионал.

* * *

В комнату кто-то вошел. Мужчина, судя по тяжелой поступи. В кромешной тьме было не разглядеть, но Джоанна слышала, как он приближается. Внезапно в лицо ей ударил яркий луч света. Она подняла половицу и махнула ею в воздухе перед собой.

– Надо же! Люси?

Шаги слышались уже ближе, свет фонаря раздражал глаза. Джоанна замахнулась снова.

– Прошу, стой! Хватит! Люси, это я, Курт. Успокойся, я не причиню тебе вреда. Честное слово.

Охваченная ослепляющим страхом, Джоанна не сразу осознала, что голос и в самом деле был знакомым. Она уронила половицу и, сжав в трясущихся руках собственный фонарик, посветила ему в лицо.

– Ч-что в-вы… з-здесь д-делаете? – дрожащим голосом выдавила она, зубы стучали от страха и холода.

– Прости, что напугал тебя, милая. Я просто беспокоился о тебе, вот и все. Когда мы виделись раньше, ты… немного нервничала. Вот я и последовал за тобой сюда – хотел убедиться, что с тобой все хорошо.

– Вы за мной следили?

– Боже, Люс, ты промокла насквозь. Так недолго и простудиться. Держи-ка. – Курт положил фонарик на пол и достал из кармана

фляжку. – Выпей немного.

Он шагнул вперед, потом внезапно сжал затылок Джоанны и поднес фляжку к ее рту. Не желая пить мерзкую жидкость, она сжала губы, и содержимое фляжки пролилось ей на блузку.

– Ну же, Люс, – подбодрил ее Курт. – Всего капельку. Это местный самогон, он поможет согреться.

Теперь, когда его фонарь лежал на полу, а ее собственный светил вниз, глаза Джоанны привыкли к полумраку, и ей удалось рассмотреть, в какой стороне выход.

– Извините, я не привыкла к крепким напиткам. – Она выдавила из себя дрожащий смешок и развернулась в сторону открытой двери, однако он преграждал ей путь. – Что вы здесь делаете?

Он поднял фонарик. Луч света на мгновение скользнул по его лицу, освещая ухмылку, вдруг напомнившую Джоанне оскал хищного зверя.

– Я же сказал, что волновался за тебя. Кстати, могу задать тот же вопрос. Зачем ты посреди ночи полезла в заброшенный дом?

– Долгая история. Может, уйдем отсюда? Я все объясню, как только вернемся в гостиницу.

– Ты что-то здесь ищешь, верно? – Курт посветил фонариком на вырванные половицы. – Тайное сокровище?

– Да, но пока я ничего не нашла. Оно может быть спрятано под любой из этих досок. – Джоанна указала на пол.

– Прекрасно, тогда я сумею помочь. А потом уйдем отсюда куда-нибудь в тепло, пока ты не простудилась.

Джоанна не спорила, размышляя про себя, как же выбраться из этой ситуации. Он слишком высокий и широкоплечий, физически ей с ним не справиться. Оставался лишь один вариант: попробовать ускользнуть незаметно.

– Хорошо… Я продолжу искать здесь, а вы начните оттуда. – Она кивнула в дальний конец комнаты, подальше от укромного места возле ее ног, где лежала ржавая жес– тянка.

– И мы встретимся посередине, черт возьми, – рассмеялся он, нагнулся и поднял половицу.

Джоанна тоже наклонилась и осторожно затолкала жестянку глубже под оставшиеся доски.

– Пока что фига с маслом, – сообщил он. – Ты что-нибудь нашла?

– Нет. Давайте лучше уйдем отсюда! – крикнула она, пытаясь перекричать вой ветра, порывы которого сотрясали дом до самого основания.

– Раз уж мы здесь, давай доведем дело до конца. Свою половину я проверил, сейчас помогу тебе.

– Не надо, я тоже почти закончила…

Однако он уже подскочил к ней и начал рыться среди сломанных половиц. Потом резко выпрямился с жестянкой в руке и окинул Джоанну понимающим взглядом.

– Смотри, что я нашел, Джо, – усмехнулся он, сжал жестянку в крупных ладонях и без особых усилий открыл крышку. Оттуда вылетел конверт и упал на пол.

– Постойте… – начала она.

– Я сохраню это для тебя, Джо.

– Нет, я… – С нарастающим ужасом она вдруг осознала, что Курт назвал ее настоящее имя.

Он засунул письмо в карман непромокаемой куртки и застегнул его на молнию.

– Что ж, я думал, будет сложнее, – ухмыльнулся Курт и двинулся к ней. Она отступила, изо всех сил стараясь не споткнуться о дыры в полу. – Пора прекращать игру, Джо, – бросил он.

Теперь в его голосе не осталось и следа былой сердечности, черты лица скрывала темнота, в сильном теле таилась угроза.

Джоанна ровнее встала на ноги. Сердце бешено колотилось в груди, все мышцы напряглись.

– Игру? – с улыбкой переспросила она, стараясь выглядеть как можно увереннее. – О, я тоже кое-что нашла. Смотрите-ка сюда.

Джоанна направила луч фонарика в дыру между половицами и, когда Курт повернулся, чтобы взглянуть, навалилась на него всем весом и толкнула вперед.

Вскрикнув от неожиданности, он потерял равновесие и споткнулся, но, ухватившись за стену, сумел устоять на ногах. Придя в себя, Курт снова развернулся к ней, и Джоанна с размаху ударила его коленом в промежность.

– А-а-а-а! Сука! – простонал он, сгибаясь пополам.

Лишь бросившись к двери, Джоанна осознала, что выронила фонарик и ничего не может разглядеть. Курт быстро нагнал ее, дернул

за лодыжку и повалил на пол. Потом, не давая прийти в себя, подобрался сзади и обхватил руками за талию. Он сжимал ее тело, словно в тисках. Джоанна закричала и начала брыкаться, но мужчина уверенно тащил ее вперед, затем вдруг выпустил и что есть силы толкнул в спину. Не удержавшись на ногах, она покатилась вниз по лестнице, прямо в темноту.

* * *

Все еще борясь с тошнотой из-за увиденного наверху, Саймон застыл возле розового домика. Ветер завывал вокруг, будто банши[28], дождь хлестал прямо в лицо.

– Господи, Джоанна, где же ты? – позвал он, перекрикивая шум.

Сквозь стоны разбушевавшейся стихии до него долетел какой-то звук. Женский крик, вызванный то ли ужасом, то ли болью – отсюда было не разобрать. Когда из-за быстро несущихся облаков показалась луна, Саймон бросил взгляд на большой дом, одиноко стоящий в устье реки, вокруг которого плясали волны с шапками пены. Крик доносился изнутри. Но вода слишком поднялась, чтобы можно было перейти вброд.

Саймон бросился к машине и завел двигатель.

* * *

Капли дождя, падающие на лицо, помогли ей немного прийти в себя, и Джоанна, застонав от боли, открыла глаза. В голове будто сгустился туман, зрение расплывалось, и луна в небе казалась зыбким снежным островом. Надеясь хоть немного собраться с мыслями, она приподнялась и обнаружила, что лежит возле входной двери дома. Глубоко вдохнула, и левый бок пронзило мучительной болью. Вскрикнув, Джоанна упала спиной на неровный гравий. Закружилась голова, угрожая снова лишить ее сознания. Тут же кто-то подхватил ее под руки и потащил по гравийной насыпи.

– Что?.. Хватит… прошу… – Она вновь начала брыкаться, однако сил почти не осталось, а противник держал ее железной хваткой.

– Глупая девчонка! Возомнила себя слишком умной?!

Впереди показалась грубая каменная лестница, ведущая вниз, к устью реки. Теперь вода плескалась почти у края верхней ступеньки.

– Кто ты? Отпусти меня!

– Нет, детка, так не пойдет, – рассмеялся Курт.

Он бросил Джоанну на холодные каменные плиты у кромки воды, быстро развернул лицом вниз и грубо заломил руки за спину. Потом сдвинул ее вперед, так что голова и плечи зависли над водой. Она с ужасом смотрела вниз, на безжалостные волны. Прилив все еще продолжался, и поверхность воды из-за сильного течения покрылась рябью.

– Ты хоть понимаешь, сколько неприятностей всем доставила? Ну? – прорычал Курт, оттягивая ее голову назад за волосы; еще немного – и он сломал бы ей шею.

– На кого ты работаешь? – выдохнула Джоанна. – Что ты…

Она с трудом успела сделать болезненный вдох, прежде чем Курт окунул ее лицом в ледяную воду. Джоанна задергалась, пытаясь высвободить руки, но в легких почти не осталось воздуха. Силы покидали ее, перед глазами заплясали разноцветные круги…

Она едва не теряла сознание, когда Курт внезапно выпустил ее волосы. Джоанна вынырнула, судорожно хватая ртом воздух и отплевываясь, затем беспрепятственно откатилась от кромки воды. Жадно дыша, она нашла глазами Курта. Он, словно в трансе, смотрел на дом.

– Кто там? – прокричал он. – Кто?

Джоанна смутно уловила какой-то резкий звук. Он доносился издалека, вторя ее собственному прерывистому дыханию и плеску поднимающейся воды.

– Хватит шуметь! Перестань! – Курт зажал руками уши и яростно затряс головой, потом завалился набок и испустил болезненный стон.

Вот он – ее шанс спастись. Но письмо…

«Забудь о нем, – тут же велел внутренний голос. – Оставь его и беги».

Пошатываясь, Джоанна встала на ноги на мокром, скользком камне и огляделась. Видимо, чтобы спастись, придется войти в воду.

Единственный шанс выбраться отсюда живой – доплыть до стены, окружающей устье реки, и перебраться через нее. Ее легкие еще не оправились от недостатка кислорода, а бок при каждом вдохе пронзала резкая боль, но выбора не оставалось. Она шагнула в ледяную воду и тут же ушла на дно. К счастью, ноги быстро коснулись земли, и Джоанна с облегчением поняла, что вода доходит ей лишь до шеи. Что ж, по крайней мере, можно идти вброд, а не плыть.

«Вперед, Джо! Ты справишься», – мысленно подбодрила она себя, превозмогая головокружение и тошноту. Только бы не потерять сознание.

Джоанна обернулась, чтобы проверить, заметил ли Курт ее уход, и в окне спальни на втором этаже увидела человеческую фигуру с протянутыми руками, словно подзывающую ее к себе. Похоже, мозг из-за нехватки кислорода решил сыграть с ней злую шутку. Джоанна моргнула и покачала головой, но когда открыла глаза, фигура все еще маячила в окне. Потом вдруг кивнула, развернулась и ушла в глубь комнаты.

Шторм внезапно начал утихать. Вода вокруг успокоилась, вой ветра стих, сменившись жуткой тишиной. Через силу переставляя ноги, Джоанна побрела вперед, радуясь, что стена устья становилась все ближе.

«Давай, Джо, – уговаривала она себя. – Ты уже рядом, почти на месте…»

Сзади донесся внезапный всплеск воды. Кажется, она больше не одна. Джоанна заставила себя двигаться быстрее.

«Еще несколько футов, всего-то ничего…»

– ДЖОАННА! – прокричал знакомый голос.

Она на миг замерла и прислушалась. Почти тут же на нее навалилось чье-то тело, и Джоанна снова ушла под воду. Легкие отчаянно молили хоть о глотке воздуха, и она вдохнула холодную соленую жидкость.

«У меня ничего не осталось…»

Она задергалась всем телом, содрогнулась и перестала сопротивляться.

* * *

Через пятнадцать минут после ухода Саймона Маркус спустился в бар, где выпил двойную порцию виски, то и дело поглядывая на свой мобильный и мысленно умоляя, чтобы тот зазвонил.

Надо было напроситься вместе с Саймоном. Если что-нибудь случится с Джо, он голыми руками свернет шею этому парню.

Женщина за стойкой бара взглянула на него с сочувствием и указала на окна, сквозь которые из-за проливного дождя почти ничего нельзя было разглядеть.

– Ваш приятель чокнутый, если выбрался из дома в такой вечер. Всего месяц назад кто-то погиб во время шторма в устье реки. – Она покачала головой. – Налить еще?

– Двойную порцию. Спасибо.

– А что за дело у вашего приятеля к сумасшедшей Киаре? – донесся голос от столика за его спиной.

– Прошу прощения?

Маркус повернулся и заметил старика с густыми усами, который потягивал стаут.

– Видел, как он поехал по дорожке к домику девицы Дизи. Что ему там нужно? Лучше ее не трогать.

– Понятия не имею. Мы просто ищем мою девушку… – Маркус замолчал, когда к горлу подступил ком. Джо пропала, а он сидит здесь на заднице и ничего не делает… – Кто вообще такая эта Дизи? Где живет?

– Примерно в полумиле отсюда, напротив большого дома в устье реки. В розовом домике, его легко заметить, – пояснила Маргарет.

– Ясно. – Маркус допил виски и направился к двери.

– Вы же не собираетесь туда? – поинтересовался старик. – В такую погоду там опасно.

Не обратив внимания на его слова, Маркус вышел на улицу. Вокруг завывал ветер. Собравшись с духом, он зашагал навстречу его порывам и уже через несколько шагов промок насквозь под струями дождя. Подгоняемый тревогой и выпитым виски, Маркус бросился бежать, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце. В лужах на неровной дороге отражался свет уличных фонарей. Слева вздымались черные воды речного устья, прилив еще не закончился, и яростные волны бились о преграждающую им путь каменную стену.

Из темноты донесся пронзительный крик, и Маркус застыл на месте. Вдалеке он заметил темный дом, одиноко возвышающийся в устье реки. Крик, казалось, исходил оттуда. Приблизившись, Маркус остановился, чтобы перевести дыхание, и прислушался. Ветер внезапно стих, воцарилась тишина. Он снова бросился бежать и, добравшись до дома, услышал громкий всплеск. В свете луны Маркус разглядел в воде, плещущейся у его ног, две фигуры и узнал мокрые, как у тюленя, темные волосы Джоанны. Второй человек быстро приближался к ней.

– ДЖОАННА! – прокричал он; ужас сковал все его тело.

Маркус подбежал к тому месту, откуда смог бы быстрее добраться до Джо и ее противника, и прыгнул в воду. Почти не ощущая холода, он поплыл вперед. Когда человек бросился сзади на Джоанну и затянул под воду, Маркус тут же узнал в нем Иэна.

– Отпусти ее! – закричал он, приближаясь.

– А я-то думал, приятель, что разобрался с тобой еще в Лондоне, – рассмеялся Иэн, по-прежнему крепко удерживая тело женщины, которая уже перестала сопротивляться.

С яростным воплем Маркус бросился на противника. Сцепившись друг с другом, оба ушли под воду. Маркус вынырнул, наполовину ослепший, соленая вода щипала глаза. Он ухватился за куртку Иэна и попытался нанести удар ногой, но резко отшатнулся назад, когда в руке противника блеснул металл. Тут же над водой эхом разнеслись два выстрела, и живот пронзила мучительная боль.

Маркус дергал руками и ногами, чтобы оставаться на поверхности, однако сил бороться уже не оставалось. Он моргнул, глядя в торжествующее лицо Иэна, и камнем пошел ко дну.

* * *

Когда наступившую ночную тишину пронзили звуки выстрелов, Саймон резко остановил машину и бросился к кромке воды. В свете фонаря он различил две фигуры. Не раздумывая, Саймон прыгнул в воду и как можно скорее поплыл в их сторону.

– Не приближайся, Уорбертон, – предупредил Иэн. – У меня пистолет, и я пристрелю тебя не раздумывая.

– Иэн, ради всего святого! Что ты делаешь? В кого ты только что стрелял?

Саймон посветил фонариком на воду вокруг и разглядел два тела. Одно отнесло течением к самым ступеням, второе плавало неподалеку лицом вверх.

– Как я и думал, твоя подружка привела меня к нему.

– Где она?

Иэн кивнул на ступеньки.

– Пловец из нее никудышный, – усмехнулся он. – Но я нашел, что искал. Докажу им, что все еще могу справиться с заданием, и на следующей неделе меня восстановят в должности.

– Конечно, – кивнул Саймон.

Он продвигался вперед, не сводя взгляда с пистолета в дрожащих руках Иэна, направленного прямо на него.

– Извини, Уорбертон, но я не допущу, чтобы ты украл…

Саймон замахнулся и ударил Иэна кулаком в нос. Раздался характерный хруст. Коллега свалился навзничь в воду, пистолет выпал у него из руки. Саймон мгновенно подхватил оружие, и в ночи прозвучали еще два выстрела. Через несколько мгновений морские волны навсегда поглотили безжизненное тело Иэна.

Саймон подобрался к Джоанне. Приливной волной ее тело унесло в сторону, и теперь оно лежало на полузатопленных ступенях. Он подхватил подругу на руки и отнес в безопасное место. Нащупав слабый пульс, Саймон, даже не задумываясь, начал действовать – зажал ей пальцами нос и сделал несколько вдохов рот в рот, потом надавил на грудную клетку.

– Дыши, ради бога! Дыши! – бормотал он, ритмично нажимая ладонями ей на грудь.

В конце концов Джоанна закашлялась, у нее изо рта полилась вода, и Саймон осознал, что никогда в жизни еще не слышал такого прекрасного звука.

– С тобой все будет хорошо, милая, – успокаивал он, когда ее начала бить неудержимая дрожь.

– Спасибо, – одними губами прошептала Джоанна и чуть заметно улыбнулась.

– Сиди здесь, отдыхай. Нужно еще кое-кому помочь.

Саймон поднялся на ноги и вернулся в воду, чтобы вытащить второе тело.

– Господи Иисусе! Маркус… – пробормотал он и, подтащив его к ступенькам, вытянул наверх.

В лунном свете лицо Маркуса выглядело совсем белым, изо рта сочилась скользкая темная жидкость. Он был еще жив, хотя пульс казался слабее, чем у Джоанны. Почти не надеясь на благополучный исход, Саймон снова начал делать искусственное дыхание. И Маркус в конце концов пошевелился и открыл глаза.

– Значит, вот каково это – получить пулю, – прошептал он. – Джоанна?

– Жить буду.

Саймон поднял голову. Рядом с ним стояла Джоанна. Похоже, несколько сделанных шагов измотали ее, и она тяжело опустилась на землю рядом с Маркусом.

– Я сбегаю к машине, вызову помощь. Оставайся тут… Говори с ним, чтобы не отключался, – велел Саймон и исчез в темноте.

– Маркус, все хорошо, – мягко проговорила Джоанна.

– Я пытался спасти тебя… – пояснил он и закашлялся, потом застонал, с уголка губ потекла струйка крови.

– Знаю. И тебе удалось. Спасибо, Маркус, но сейчас тебе лучше помолчать.

– П-прости за все. Я… люблю тебя, – улыбнулся Маркус и закрыл глаза.

– Я тоже тебя люблю, – прошептала Джоанна, обняла его и разрыдалась у него на плече.

Шах

Угроза захвата короля во время следующего хода противника

34

Северный Йоркшир
Апрель 1996 года

Неподвижно сидя на жесткой траве вересковой пустоши, Джоанна подняла глаза к йоркширскому небу. Похоже, у нее есть в лучшем случае полчаса, прежде чем голубой свод над головой затянут спешащие с запада серые облака. Она осторожно пошевелилась, пытаясь занять более удобное положение. Падение с лестницы не прошло для нее бесследно – помимо жутких фиолетовых синяков рентген выявил два сломанных ребра слева. Ей все еще было больно дышать или резко двигаться, и, несмотря на заверения врача, что для полного выздоровления нужен лишь небольшой отдых, она с трудом верила, что когда-нибудь до конца оправится от произошедшего.

Картины того вечера, когда Джоанна едва не рассталась с жизнью, преследовали ее днем и ночью, хаотичные, разрозненные воспоминания вторгались в сны, мешая нормально спать. Только в последние пару дней она смогла собраться с духом, чтобы обдумать все, что произошло, и попытаться собрать воедино факты.

Следующие несколько часов после того, как Саймон вытащил ее из воды, прошли как в тумане. Он вызвал скорую, и фельдшеры вкололи ей сильное обезболивающее, из-за чего по дороге в больницу Джоанна просто вырубилась. В памяти остались смутные воспоминания о рентгеновских аппаратах и незнакомых лицах, которые нависали над ней и пытались выяснить, где у нее болит, об уколе иглы в руку, когда ей поставили капельницу. В конце концов ее оставили в покое, позволив погрузиться в блаженный сон.

Джоанна проснулась на следующее утро, не слишком понимая, что произошло, и удивляясь, почему до сих пор жива. Впрочем, несмотря на боль, она безмерно радовалась, что не рассталась с жизнью, – до тех пор, пока у ее кровати не появился хмурый Саймон. И стало ясно, что худшее еще впереди…

– Привет, Джо, как дела? – поздоровался он.

– Бывало и лучше, – пошутила она, вглядываясь в его лицо в поисках ответной улыбки.

– Да. Послушай, все, что случилось… ну, это подождет. Мы обсудим все, как только ты окрепнешь. Мне просто очень жаль, что ты вообще оказалась замешана в этом деле. И я не сумел как следует тебя защитить.

Он сжимал и разжимал руки – верный признак волнения перед тем, как сообщить плохие новости, знакомый ей еще с детских времен.

– В чем дело, Саймон? – поинтересовалась Джоанна. – Выкладывай.

Он прочистил горло и отвел взгляд.

– Джо, я должен… сказать тебе кое-что неприятное.

– Вперед, – подбодрила она, сомневаясь, что его новость окажется такой уж «неприятной» в сравнении с тем, что с ней случилось.

– Не знаю, много ли ты помнишь из вчерашнего вечера…

– Понятия не имею. Говори уже, Саймон, – настаивала Джоанна.

– Что ж, ладно. Ты помнишь, что там был Маркус?

– Я… смутно, – вздохнула Джоанна. В памяти вдруг всплыл образ лежащего на земле Маркуса, из уголка рта которого сочилась кровь. – О боже… – Она вгляделась в лицо Саймона.

Он лишь покачал головой и накрыл ее руку своей.

– Прости, Джо, мне очень жаль. Но он не справился.

Саймон говорил что-то еще – о том, что Маркус получил смертельно опасные повреждения внутренних органов и по приезде в больницу медики констатировали его смерть, однако Джоанна не слушала.

«Я люблю тебя…» – прошептал он ей и закрыл глаза – возможно, в последний раз.

По ее щеке скатилась маленькая слезинка.

«ДЖОАННА!» – вновь словно наяву услышала она пронзительный крик и осознала вдруг, что голос, нагнавший ее в устье реки, принадлежал Маркусу.

Он явно появился там раньше Саймона и – внезапно поняла Джоанна – оттащил от нее противника за миг до того, как она лишилась сознания…

– Господи, он ведь спас мне жизнь, – прошептала Джо.

– Точно.

Джоанна закрыла глаза. Может, если она перестанет двигаться, весь этот кошмар исчезнет? Но нет, ее надежды не сбылись, и

пришлось признать, что Маркус больше никогда не станет любить ее и раздражать, будить в ней чувства, ведь он умер, ушел навсегда… Теперь уже ей не удастся отблагодарить его за спасение собственной жизни.

На следующее утро в аэропорту Корка Джоанну на носилках подняли в самолет королевских военно-воздушных сил Великобритании и доставили в больницу Гая в Лондоне. Во время полета Саймон извинился, что ему пришлось состряпать свою версию случившегося в Ирландии, но она его почти не слушала.

Еще через день Джоанну навестила Зои, подошла к ее кровати и сжала в своей маленькой ладони ее руку. Голубые глаза актрисы, так похожие на глаза Маркуса, казались безжизненными после пережитого горя.

– Поверить не могу, что его больше нет, – прошептала Зои, потянувшись к Джоанне.

И женщины разрыдались, сжимая друг друга в объятиях.

– Саймон сказал, вы с Маркусом были в отпуске, когда все случилось, – в конце концов заговорила Зои, взяв себя в руки.

– Да, – согласилась Джо, как научил ее Саймон.

Для всех остальных придумали объяснение: несчастный случай во время прогулки близ устья реки, где шла охота на уток. Стрелка так и не поймали. Джоанна упала в воду и чуть не утонула в коварных волнах, но в конце концов сумела позвонить Саймону, и он договорился, чтобы самолет королевских военно-воздушных сил доставил их обратно в Англию. Ей с трудом верилось, что кто-то мог купиться на эту ложь. Хотя, с другой стороны, правда звучала ничуть не более реалистично.

– Маркус в самом деле любил тебя, Джо, – тихо сказала Зои. – Да, он был эгоистом, но по-настоящему пытался измениться. И ты ему в этом помогала.

Джоанна промолчала. Она слишком оцепенела от горя и потрясения, к тому же не желала добавлять очередную ложь к накрепко сплетенной паутине, из которой уже не выпутаться. Ее нити и так почти физически давили ей на грудь. Вряд ли они когда-нибудь ослабнут.

Маркуса похоронили несколько дней спустя, но Джоанна не пошла на церемонию. Саймон посоветовал ей не высовываться, и

после выписки из больницы она уехала в Йоркшир к родителям, где мама кормила ее бесконечными домашними супами, помогала мыться, одеваться и вообще с удовольствием нянчилась с ней, как с ребенком.

Ей позвонила Зои и сообщила, что Маркуса похоронили в Дорсете, на семейном участке, рядом с его дедушкой Джеймсом. Церемония была скромной, пришли только родные и несколько друзей.

С того страшного вечера минуло уже больше месяца, но ужас случившегося тогда по-прежнему жил в ее памяти. Джоанна вздохнула. Саймон позвонил ей и сообщил, что приедет на несколько дней навестить родителей и заскочит повидаться. Похоже, он куда-то уезжал, поэтому не появился в Йоркшире раньше. Что ж, возможно, завтра она сможет получить ответы на некоторые вопросы.

Джоанна бросила взгляд на сотни белых точек на склоне холма. В это время года овцы активно давали приплод, и холм напоминал переполненные детские ясли для покрытых шерстью малышей.

– Круговорот жизни, – пробормотала Джоанна и сглотнула ком в горле – сейчас она была готова расплакаться из-за любой мелочи. – У Маркуса он прервался из-за меня… – выдохнула она, глотая слезы.

Джоанна не находила в себе сил даже начать осмысливать его смерть, и тот факт, что он пожертвовал собой ради нее, не давал ей покоя ни днем ни ночью. О, как же она ошиблась, назвав его трусом при последней встрече. Нет, он был каким угодно, только не трусливым…

* * *

– Как дела, Джо? – поинтересовался загорелый, цветущий на вид Саймон, входя в кухню фермерского дома.

– Нормально, – пожала она плечами.

Саймон расцеловал ее в обе щеки:

– Хорошо. А у вас, миссис Хаслам?

– Как всегда, милый Саймон. Сам знаешь, здесь мало что меняется, – улыбнулась ему Лора, мать Джоанны, и взяла в руки чайник. – Чаю? Кофе? Кусочек пирога?

– Спасибо, миссис Хаслам, может быть, позже. Джо, давай пообедаем в пабе?

– Если ты не против, я лучше останусь дома.

– Сходи, золотце, – подбодрила ее мать, бросив на Саймона полный беспокойства взгляд. – Ты с самого приезда никуда не выходила.

– Мам, я гуляла каждый день после обеда.

– Ты знаешь, о чем я, Джо. О местах, где есть люди, а не только овцы. А теперь ступай и хорошо проведи время.

– И я наконец смогу выпить пинту пенного «Джона Смита». В Лондоне у него совсем другой вкус, – вступил в разговор Саймон. – Как она? – понизив голос, спросил он Лору, когда Джоанна неохотно встала и пошла за курткой.

– Тело выздоравливает, но… такой тихой я прежде ее не видела. Вся эта история с ее погибшим парнем страшно подорвала ее дух.

– Не сомневаюсь. Что ж, я всеми силами постараюсь ее подбодрить.

Миновав вересковые пустоши, они въехали в Хауорт и решили посидеть в «Черном быке», где часто зависали в подростковом возрасте.

Саймон принес на столик пинту и стакан апельсинового сока.

– Твое здоровье, Джо, – произнес он тост. – Я рад тебя видеть.

– Твое здоровье. – Она без особого энтузиазма стукнула своим стаканом о его пивной.

Саймон накрыл ладонью ее руку:

– Я так горжусь тобой. Ты пережила ужасное испытание. Боролась изо всех сил, и то, что случилось с Маркусом…

– Он появился там из-за меня, Саймон. Весь тот вечер… смешался у меня в голове, но я помню его лицо, когда он лежал на земле и говорил, что любит меня… – Она яростно смахнула слезинку. – Я не могу смириться, что стала причиной его смерти.

– Джо, ты ни в чем не виновата. Это я сплоховал. Мне следовало приехать раньше. Я ведь знал, что ты в опасности.

С тех пор как он развернул машину на Хаммерсмит, чтобы помочь Зои найти Джейми, Саймона тоже терзали тревожные мысли.

– Если бы в тот вечер я не отправилась к Киаре, а просто села в самолет… или с самого начала вняла твоим предупреждениям и не взялась упорно расследовать это чертово запутанное дело… «Современный Шерлок Холмс», так ты меня назвал…

При этом воспоминании оба чуть заметно улыбнулись.

– Прости, что я сорвался на тебя в тот день, когда история о принце и Зои просочилась в прессу. Не стоило сомневаться в твоей честности.

– Да, ты прав, – твердо согласилась Джоанна. – Хотя сейчас это не важно. Мелочи по сравнению со смертью Маркуса.

– Вовсе нет. И не забывай, что не ты нажала на курок.

– Точно, в него стрелял Курт, – мрачно подтвердила Джоанна. – Скажи мне, Саймон, кто он такой? Эта мысль не дает мне покоя с тех пор, как я очнулась в больнице.

– Один мой коллега. Иэн Симпсон.

– Господи, – немного помолчав, проговорила Джоанна. – Тот самый, что перевернул вверх дном мою квартиру?

– Да, он явно участвовал во взломе, – вздохнул Саймон. – Послушай, Джо, я понимаю твое желание разобраться в происходящем, но ты сама уже убедилась, что порой лучше оставить все как есть.

– Нет! – В ее глазах вспыхнул гнев. – Я знаю, что он работал на твою контору и пытался помешать мне докопаться до правды. И потом, когда я была почти у цели, решил избавиться от меня и выстрелил в Маркуса!

– Джо, на тот момент Иэн больше не работал на «мою контору». Его отправили на больничный из-за психических проблем, усугубленных выпивкой. Он оказался опасным непредсказуемым типом, который любой ценой пытался вернуть себе работу и заодно покрыть себя славой. Это Иэн продал историю о Зои и принце в «Морнинг мейл». Дом на Уэлбек-стрит прослушивался, так что он знал все подробности. Похоже, Иэн не один год получал так называемые «откаты» от журналистов. На его банковском счете оказалось больше четырехсот тысяч фунтов стерлингов, а самый последний взнос на семьдесят тысяч был сделан на следующий день после того, как новость попала на первую полосу. Проще говоря, от его моральных принципов уже ничего не осталось.

– Ох, Саймон! – Джоанна прижала руки к пылающим щекам. – А я подозревала Маркуса и прямо заявила ему об этом. Я…

– Сочувствую. – Саймон взял ее за руку, глядя, как в глазах Джо вновь появляются слезы. А ведь могло случиться и так, что сейчас он

сам оплакивал бы ее.

– Где этот мудак? – поинтересовалась она.

– Умер, Джо.

– В тот же вечер? – Джоанна резко побледнела.

– Да.

– Но как?

– В него стреляли.

– Кто?

– Я.

– О господи. – Она закрыла лицо руками. – Так вот чем ты зарабатываешь на жизнь?

– Нет, но во время исполнения служебных обязанностей подобное случается, точно так же, как и при работе в полиции. Откровенно говоря, мне впервые пришлось в кого-то стрелять, но лучше уж он, чем ты. Я принесу нам еще выпить. На этот раз джин с тоником?

Джоанна пожала плечами. Саймон сходил к бару и вернулся с двумя стаканами. Она сделала глоток джина и посмотрела прямо на друга.

– Я знаю, что за всем этим стоит, Саймон.

– Неужели?

– Да. Хотя это уже не важно. Письмо, которое я нашла, скорее всего, покоится на дне моря вместе с Иэном. А если нет, значит, оно там, где я никогда не смогу его найти.

– Вообще-то я достал это письмо, для пользы дела. Сырое, размякшее месиво.

– И кто сейчас со мной говорит? Саймон – давний друг Джо, или тот, другой, первоклассный сотрудник секретной службы? – посмотрела на него Джоанна.

– Оба сразу. – Саймон порылся в кармане и вытащил пластиковый конверт. – Я знал, что ты спросишь, поэтому принес то, что от него осталось.

Джоанна взяла конверт и заглянула внутрь. В нем лежали кусочки пострадавшей от воды бумаги.

– Присмотрись внимательнее, – посоветовал Саймон. – Важно, чтобы ты мне поверила.

– И какой в этом смысл? Подобное легко подделать. – Она помахала перед ним конвертом. – Значит, весь сыр-бор… смерть

Маркуса… из-за этого?

– Не знаю, что сказать, – тихо проговорил Саймон. – Честно говоря, если бы не вмешательство чокнутого взбунтовавшегося агента, ничего бы не произошло. Зато начальство теперь призадумается. А то они легко забывают, к каким психологическим последствиям может привести подобная работа. Агентов нельзя просто взять и выставить за порог, заявив, что их услуги больше не требуются. Понимаю, ты не хочешь об этом говорить, но когда я только поступил на службу, то равнялся на Иэна. В свое время он был блестящим агентом, одним из лучших.

– Не сомневаюсь. Даже в безумном состоянии, стоя в бушующем море, он умудрялся очень метко стрелять. И лишил Маркуса жизни, – пробормотала Джоанна. – А вдруг и тебя ждет подобный конец?

– Боже… надеюсь, что нет. Признаюсь, после этого случая я всерьез задумался о своем будущем.

– Хоть какой-то толк от всего этого.

– Я просто рад, что ты жива и все кончено. Теперь давай-ка тебя накормим, а то одна кожа да кости.

Саймон заказал две порции жаркого из баранины. Он быстро опустошил свою тарелку, Джоанна же едва притронулась к еде.

– Не голодна?

– Нет. – Она встала, морщась от ноющей боли в ребрах. – Пойдем отсюда. Я хочу раз и навсегда узнать, верно ли то, что я выяснила. И поскольку у меня уже паранойя, давай поговорим там, где нас точно никто не подслушает. Может быть, после этого я смогу постепенно вернуть свою жизнь в прежнее русло.

Они медленно поднялись на холм, миновали церковь Хауорта и дошли до вересковых пустошей за деревней. Джоанна цеплялась за Саймона для поддержки.

– Мне нужно присесть, – пропыхтела она и осторожно опустилась на жесткую траву. Потом легла на спину и попыталась расслабиться и выровнять дыхание. – В этой истории еще многое не сходится, – в конце концов заговорила Джоанна, – но, думаю, основную суть я уловила. – Она тяжело вздохнула. – Мою старушку с деревянными ящиками звали Роза Фитцджеральд, она служила фрейлиной при королевском дворе и влюбилась в актера-ирландца по имени Майкл О’Коннелл, также известного нам как сэр Джеймс Харрисон. Из-за ее

высокого происхождения они держали свои отношения в тайне. Письмо, которое Роза прислала мне, было адресовано ему, но, если я не ошибаюсь, служило лишь «отвлекающим маневром», поскольку сотрудники твоей конторы явно искали не его.

– Нет. Продолжай.

– Допустим, Майкл, навещая родственников в Ирландии, услышал, что неподалеку, в доме береговой охраны, остановился некий английский джентльмен, который закрутил роман с местной девушкой, и узнал его.

– И кто был этот джентльмен, Джоанна?

– Киара Дизи мне рассказала. Десять лет спустя, в день коронации, она увидела его фотографию на обложке «Айриш таймс». – Джоанна посмотрела вдаль. – Это был герцог Йоркский. Человек, который стал королем Англии, когда его брат отрекся от престола.

– Да. – Саймон медленно кивнул. – Молодец.

– Потом Майкл узнал, что девушка беременна. И, честно говоря, больше мне ничего не удалось выяснить. Ты не мог бы… сообщить кое-какие подробности? Не пойму, как стало известно о письме, написанном Ниам Дизи, в котором наверняка говорилось об их романе с герцогом и о ее беременности. Могу лишь предположить, что Майкл О'Коннелл узнал о его существовании и воспользовался им как средством шантажа, чтобы обезопасить себя и свою семью до конца жизни. Если бы оно всплыло на свет, разразился бы грандиозный скандал, особенно после того, как герцог стал королем.

– Да. Был уговор, что после смерти Майкла-Джеймса письмо должно вернуться к нам. Однако мы его не получили, и началась всеобщая паника.

– Но почему ваши сотрудники не заглянули в дом береговой охраны, где умерла Ниам? Это же было самое очевидное место.

– Иногда люди не видят того, что у них прямо под носом, Джо. Все предполагали, что Майкл держал его при себе, чтобы иметь возможность им распоряжаться. – Саймон смотрел на нее с гордостью. – Ты умница! Хочешь работать со мной?

– Ни за какие коврижки. – Джоанна чуть заметно улыбнулась. – Киара сказала, что ребенок умер. А представь, если бы он выжил? Между прочим, отпрыск будущего короля Англии. Сводный брат или сестра нашей королевы!

– Да. – Саймон немного помолчал. – Представляю.

– А бедную Киару Дизи заклеймили сумасшедшей. Нужно написать ей или даже съездить навестить. Она должна знать, что письма больше нет и все наконец закончилось.

Саймон накрыл руку Джоанны своей и сжал ладонь.

– Боюсь, Киара тоже умерла в ту ночь, Джо. От рук Иэна.

– Боже, нет! – Джоанна покачала головой. Сможет ли она справиться с очередным кошмаром? – Как это все ужасно. Подумать только, как много людских жизней унесло случившееся более семидесяти лет назад.

– Знаю – и согласен с тобой. Но ты сама сказала: если бы правда стала известна, разразился бы грандиозный скандал, даже спустя семьдесят лет.

– Однако… – Джоанна сделала глубокий вдох; легкие сильно напрягались от всех этих разговоров. – Кое-что по-прежнему не складывается. К примеру, с какой стати дворцу отправлять герцога Йоркского в Ирландию сразу после ее раздела?[29] Ну, ирландцы ведь ненавидели англичан, и сын суверена наверняка был главной мишенью для ирландской республиканской армии. Почему не в Швейцарию? Или куда-нибудь, где потеплее?

– Точно не могу сказать. Возможно, потому, что там его стали бы искать в последнюю очередь. Он болел, ему требовалось время, чтобы прийти в себя в спокойной обстановке. Как бы то ни было, – вздохнул Саймон, – сейчас самое время поставить точку в этом деле.

– И все равно здесь что-то не так. – Джоанна примяла ботинком пучок травы. – Но можешь радоваться – я официально сдаюсь. Я слишком страдаю и злюсь на весь свет…

– Имеешь полное право. Но горе и злость рано или поздно пройдут. Однажды ты проснешься и поймешь, что они больше над тобой не властны, – заверил Саймон и, достав из кармана конверт, протянул ей. – Давай, открывай. У меня для тебя хорошая новость.

Внутри оказалось письмо от редактора ее газеты. Джоанне предлагали, как только она достаточно оправится, вернуться на работу в возглавляемый Алеком отдел новостей.

– Где ты его взял? – поинтересовалась Джоанна, потрясенно глядя на Саймона.

– Меня попросили передать его тебе. Очевидно, что все задействованные лица теперь в курсе ситуации и пересмотрели прежние решения. Но лично мне жаль, что ты не можешь вернуться в сиянии славы с сенсацией века. В конце концов, именно ты опередила нас и отыскала спрятанное сокровище. Ладно, пойдем. Не хватало еще тебе простудиться. – Он бережно помог ей встать на ноги и осторожно обнял. – Я скучал по тебе. Мне не нравится, когда мы в ссоре.

– Мне тоже.

Они спустились с холма, держась за руки.

– Саймон, я хотела бы еще кое-что спросить насчет того вечера.

– Что?

– Ну, знаю, прозвучит очень глупо, и я вообще-то не верю ни во что подобное, но… ты слышал доносившийся из дома женский крик?

– Да. Признаюсь, я подумал, что кричала ты. Именно поэтому и бросился туда тебя искать.

– А я, вообще-то, не кричала. Кстати, Иэн, видимо, тоже услышал этот крик. Он держал мою голову под водой, потом внезапно отпустил меня и закрыл уши руками, как будто услышал какой-то невыносимый звук. Ты… видел женщину в окне верхнего этажа?

– Нет, Джо, – усмехнулся Саймон. – Тебе, наверное, померещилось.

– Может быть, – согласилась Джоанна, садясь в машину, и вздохнула, когда перед мысленным взором вновь отчетливо предстало лицо той женщины. – Вполне возможно.

Час спустя, помахав на прощание Джоанне и ее родителям, Саймон отъехал от фермерского дома семьи Хаслам. Перед тем как вернуться к родителям, живущим по соседству, ему требовалось позвонить.

– Сэр? Это Уорбертон.

– Как дела?

– Она подобралась близко, но не настолько, чтобы паниковать.

– Слава богу. Вы ведь уговорили ее забыть об этом деле?

– В этом не было необходимости, – заверил его Саймон. – Она сама решила покончить с расследованием. Хотя кое-что из сказанного ею… Думаю, вам следует знать, что именно Уильям Филдинг сообщил Зои Харрисон перед смертью.

– Что?

– Полное имя посланницы нашей «Леди». Кажется, мы кое-что неверно поняли.

– Не по телефону, Уорбертон. Не стоит нарушать правила. Увидимся завтра в офисе в девять утра.

– Хорошо, сэр. До свидания.

35

За день до того, как вернуться в Лондон и собрать воедино осколки своей жизни, Джоанна поехала в соседний городок Китли, чтобы навестить Дору, бабушку по отцовской линии. У Доры была удобная квартира в жилом комплексе, предназначенном специально для пожилых людей, и в свои восемьдесят с небольшим она по-прежнему обладала острым умом.

Когда бабушка восторженно заключила ее в объятия, а после впустила в квартиру и поставила перед ней тарелку свежеиспеченных булочек, Джоанна почувствовала себя виноватой, что не навещала старушку почаще. Дора, еще пять лет назад жившая всего в четырех милях от дома сына и его семьи, всегда занимала важное место в жизни внучки. Ее уютный коттедж стал для Джоанны вторым домом, а сама бабушка – кем-то вроде второй матери.

– Что ж, юная леди, рассказывай, как ты оказалась в больнице, – с улыбкой проговорила Дора, наливая чай в две изящные фарфоровые чашки. – Я очень сочувствую, что так вышло с твоим молодым человеком. – В ее теплых карих глазах светилось беспокойство. – Ты ведь знаешь, что твой дедушка в тридцать два года погиб на войне. Его смерть разбила мне сердце.

Джоанна вкратце изложила версию, придуманную Саймоном.

– Да, твой отец сказал, что ты чуть не утонула. – Дора окинула ее проницательным взглядом. – Но меня тебе не одурачить. В отличие от твоих родителей, я-то помню, сколько призов по плаванию ты выиграла в школе. И когда я услышала эту историю, то сразу подумала, что здесь скрыто нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Итак, прелесть моя. – Она сделала глоток чая и посмотрела на внучку. – Кто же пытался тебя утопить?

Джоанна не смогла сдержать слабую улыбку. Да, бабушка – стреляный воробей, ее просто так не проведешь.

– Это очень долгая история, бабуль, – пробормотала она, принимаясь за вторую булочку.

– Люблю хорошие истории. И чем длиннее, тем лучше, – подбодрила Дора. – Да и времени у меня теперь в избытке.

Джоанна мысленно взвесила ситуацию. Бабушке она доверяла, как никому другому. К тому же ей хотелось облечь свои путаные мысли в слова. И она начала рассказывать. Дора отлично умела слушать и редко прерывала Джоанну, лишь порой переспрашивала кое-что по ходу дела, так как стала плоховато слышать левым ухом.

– Ну вот и все, – закончила Джоанна. – Мама с папой, конечно, ничего не знают. Я не хочу их волновать.

– О, дитя мое… – Дора сжала руки Джоанны и покачала головой. В ее глазах светилась смесь гнева и сочувствия. – Я горжусь, что ты так хорошо справилась. Подумать только, какая могла разыграться трагедия. Но, боже, что за история! Ничего лучше за последние годы не слышала. Я даже вспомнила о Блетчли-парке[30], где провела два года во время войны, расшифровывая сообщения, полученные с помощью азбуки Морзе.

Об этом Джоанна слышала уже много раз. Если верить Доре, именно ее шифровальные навыки помогли выиграть Вторую мировую войну.

– Наверное, то было потрясающее время.

– Я бы с радостью поведала тебе, что происходило за закрытыми дверями, детка, но я подписала акт о неразглашении государственной тайны и обязана хранить секреты до самой смерти. Как бы то ни было, сомневаюсь, что хоть когда-нибудь общественность узнает даже половину из них. Еще чаю?

– Я принесу.

– А я помогу.

Они вместе прошли на безукоризненно чистую кухню. Джоанна поставила чайник, Дора тем временем ополоснула заварник под краном.

– Ну, что будешь делать? – поинтересовалась бабушка.

– С чем?

– Со своей историей. Ты ведь не подписывала никаких бумаг о неразглашении. Если пролить свет на это дело, можно неплохо заработать.

– Бабуль, у меня не хватит доказательств. Тем более я на собственной шкуре выяснила, что ради сохранения этой тайны высокопоставленные люди готовы даже убивать. Слишком многие уже погибли.

– А что у тебя вообще есть на руках?

– Оригинал записки, которую прислала мне Роза, ксерокопия любовного письма, адресованного Майклу О'Коннеллу, и театральная программка «Хэкни Эмпайр», которая вроде бы почти и не связана с этой историей, но подтверждает, что у Джеймса Харрисона было другое имя.

– Ты захватила письма и программку с собой?

– Да. Я всегда ношу их в рюкзаке, а ночью кладу под подушку. Все еще опасаюсь, что за мной кто-нибудь следит. Однако они мне больше ни к чему. Может, положишь их к остальным своим реликвиям, связанным с королевской семьей?

Дора собирала старые газетные вырезки и фотографии, и эта коллекция, выдающая в ней ярую монархистку, была в семье объектом постоянных шуток.

– Что ж, давай посмотрим.

Вернувшись с чайником в гостиную, Дора налила две чашки чая и устроилась в своем любимом кресле.

– Неужели ты и вправду допускаешь мысль, что у одного из твоих драгоценных королей могла быть интрижка на стороне, особенно у того, кто женился на твоей любимой принцессе? – заметила Джоанна, роясь в рюкзаке в поисках коричневого конверта.

– Мужчины есть мужчины, – пожала плечами Дора. – Да и до недавнего времени для королей и королев было в порядке вещей заводить себе любовниц и любовников. Отлично известно, что происхождение многих монархов вызывало немалые сомнения. Знаешь ли, детка, в те времена ничего не слышали о способах предохранения. В Блетчли-парке я дружила с женщиной, чья мать служила в Виндзоре младшей горничной. Она мне многое порассказала об Эдуарде VII. У него была куча любовниц, и, по ее словам, он обрюхатил по меньшей мере двух из них. Спасибо, прелесть моя. – Дора взяла в руки конверт и вынула из него бумаги. – Итак, что у нас здесь?

Дора прочитала письма, затем открыла театральную программку.

– Я несколько раз видела сэра Джеймса в театре, – проговорила бабушка. – Но здесь он выглядит по-другому. Я помнила его темноволосым, а на этой фотографии блондин.

– Когда он превратился в Джеймса Харрисона и принял новую личность, то покрасил волосы в черный цвет и отрастил усы.

– А это кто? – спросила Дора, глядя на фотографию, которую Джоанна нашла на чердаке Хейкрофт-хауса.

– Джеймс Харрисон, Ноэль Кауард и Гертруда Лоуренс. Учитывая, что они в вечерних нарядах, наверняка этот снимок с какой-нибудь вечеринки в честь премьеры.

Дора внимательно изучила фотографию, потом взглянула на снимок Джеймса Харрисона в театральной программке.

– Боже милостивый! – выдохнула она и удивленно покачала головой. – Вовсе нет!

– Что значит – нет?

– Этот мужчина рядом с Ноэлем Кауардом определенно не Джеймс Харрисон. Подожди минутку, и я тебе это докажу.

Дора встала и вышла из комнаты. Послышался шум открывающегося ящика и шорох бумаги. Наконец Дора вернулась с торжествующим блеском в глазах, снова села, положила на стол стопку пожелтевших газетных вырезок и поманила Джоанну к себе. А после указала на выцветшую зернистую фотографию, потом на остальные и в конце концов положила рядом с ними найденный Джоанной снимок.

– Видишь? Без сомнений, это один и тот же человек. Ты просто приняла его за другого, детка.

– Но… – Дыхание сперло, ее слегка затошнило. Глядя на фотографию, Джоанна попыталась осознать увиденное. Затем указала на лицо в программке, принадлежащее молодому Майклу О’Коннеллу. – И это тоже не он?

Дора сняла очки и пристально посмотрела на Джоанну.

– Сомневаюсь, что в те времена принц, второй в очереди на трон, стал бы выступать в спектакле в «Хэкни Эмпайр».

– Хочешь сказать, что мужчина рядом с Ноэлем Кауардом – герцог Йоркский?

– Сравни это фото с другими его снимками: в день свадьбы, в форме офицера военно-морского флота, во время коронации… – Дора ткнула пальцем в лицо. – Говорю тебе, это он.

– Но фотография Майкла О’Коннелла в театральной программке… Такое чувство, что это один и тот же человек.

– Как будто двоится в глазах, верно? Кстати, детка, я принесла кое-что еще. На это стоит взглянуть. – Дора достала очередную вырезку. – Признаюсь, я удивилась, когда ты упомянула о «госте»,

прибывшем в Ирландию в начале января 1926 года. Смотри, на этом снимке герцог и герцогиня, которые в январе 1926 года приезжали в Йоркский собор. Родители тоже были там в толпе собравшихся. Так что очень сомневаюсь, что герцог примерно в то же время мог находиться в Южной Ирландии. В те годы подобные путешествия занимали довольно много времени. К тому же герцогиня тогда носила первого ребенка, она была на шестом месяце беременности. Насколько я знаю, эта пара не покидала берегов Англии до тех пор, пока в следующем году они не отправились в Австралию.

Джоанна сжала руками голову, пытаясь оценить все услышанное.

– Значит… в Ирландии не мог быть герцог Йоркский?

– Знаешь, – медленно проговорила Дора, – в те дни многие известные люди пользовались двойниками. Этим славился Монти и, конечно, Гитлер. Вот почему до него не могли добраться. И сомнения в том, того ли человека убили, останутся навсегда.

– Хочешь сказать, что Майкла О'Коннелла использовали в качестве двойника герцога Йоркского? Но зачем?

– Откуда же мне знать? Однако герцог никогда не отличался крепким здоровьем. Он с детства болел и всегда жутко заикался. А еще всю жизнь страдал от приступов бронхита.

– Но ведь кто-нибудь обязательно бы заметил. Все эти фотографии в газетах…

– В те дни, детка, качество подобных снимков оставляло желать лучшего. Ни новомодных линз, заостряющих внимание на лице, ни телевидения. Если повезет, можно было увидеть королевскую семью издалека или услышать по радио. Наверняка дублер понадобился не просто так. К примеру, герцог болел, но его недуги не хотели афишировать на всю страну. И поэтому нашли простое решение проблемы.

– Ладно, пусть так. – Джоанна попыталась обдумать новую информацию. – Допустим, Майкл О'Коннелл исполнял роль двойника герцога Йоркского, но к чему весь этот сыр-бор?

– Не спрашивай меня, детка. Это ведь ты журналист, который занимается расследованиями.

– Господи! – Джоанна в отчаянии покачала головой. – Я-то думала, что во всем разобралась, но если твои предположения верны, я вновь возвращаюсь на исходную позицию. К чему все эти смерти? И

что такого важного говорилось в том письме, которое они так жаждали заполучить в свои руки? – С бешено бьющимся сердцем она уставилась в пространство. – Если… ты права, Саймон намеренно сбил меня с курса.

– Возможно, он решил, что лучше так, иначе ты бы окончательно увязла в этой истории, – глубокомысленно заметила Дора. – Саймон – йоркширец до мозга костей, и ты ему как сестра. И что бы ни сделал этот парень, не сомневайся – он пытался тебя защитить.

– Ошибаешься. Даже если Саймон и заботится обо мне, за последние несколько недель я поняла, кому он на самом деле предан. Господи, бабуль, я так запуталась. И уже поверила, что все кончено, можно забыть об этом деле и снова вернуться к обычной жизни.

– А кто тебе мешает, детка? Мы всего лишь заметили сходство между молодыми людьми…

– Сходство? Да никто не смог бы различить эти фотографии! Не похоже на простое совпадение. Нужно вернуться в Лондон и все переосмыслить. Я могу одолжить эти вы– резки?

– Само собой, но обязательно верни.

– Спасибо. – Джоанна собрала вырезки и сунула в рюкзак.

– Потом расскажешь, детка, что удастся разузнать. Интуиция подсказывает мне, что ты на правильном пути.

– И моя тоже, помоги мне, Господи. – Она тепло поцеловала Дору. – Может, я чересчур драматизирую, но, пожалуйста, бабуль, никому не говори о том, что мы сегодня обсуждали. Жуткая закономерность: всем, кто влез в это дело, впоследствии не поздоровилось.

– Я буду молчать, хотя половина здешних стариков настолько дряхлые, что не помнят, какой сегодня день, не говоря уж о подобной истории, – усмехнулась Дора.

– Мне пора. Можешь не провожать.

– Хорошо. Береги себя, Джоанна. И помни: несмотря ни на что, ты можешь доверять Саймону.

Попрощавшись с бабушкой, Джоанна вышла из дома и направилась к машине. Она почти не сомневалась, что, даже если Дора невольно указала ей путь к истине, последний совет бабушки насчет Саймон был крайне ошибочным.

36

Когда Саймон вошел в офис, вокруг прежнего стола Иэна витал легкий аромат дорогих духов, а переполненные пепельницы и кружки с недопитым кофе сменил горшок с орхидеей. На спинке стула на элегантной цепочке висела сумочка от «Шанель».

– У нас новичок? – спросил Саймон у Ричарда, местного сплетника, занимающего должность системного менеджера.

– Моника Берроуз. – Ричард поднял бровь. – Ее временно прислали к нам из ЦРУ.

– Ясно.

Саймон сел на свое место и включил компьютер, чтобы проверить электронную почту. В прошлом месяце он практически не бывал в офисе и сейчас при взгляде на стол Иэна испытывал противоречивые эмоции. Его терзало чувство вины за то, что именно он оборвал жизнь коллеги…

Саймон никогда не смог бы описать собственных чувств, не сумел бы подобрать слов, чтобы объяснить случившееся. Его не обвинили в этом преступлении, не осудили, но и не помиловали, и поэтому он, будучи сам для себя судьей и присяжными, понимал, что ему до конца жизни суждено томиться в тюрьме своей совести. Саймон все больше и больше сомневался, что годится для подобной должности.

Однако нужно взять себя в руки. Моника не виновата, что ей досталось рабочее место человека, которого больше не существовало…

«Человеческая жизнь подобна ведру с водой. Зачерпни оттуда полную чашу, и оно наполнится до краев», – однажды сказал ему кто-то.

Отбросив в сторону неприятные мысли, Саймон посмотрел на часы. До назначенной встречи осталось всего пятнадцать минут.

– Привет, – произнес за спиной незнакомый голос.

Саймон обернулся. Перед ним стояла высокая брюнетка в жакете и юбке, прилизанная с ног до головы. Женщина выглядела безукоризненно.

– Моника Берроуз, – протянула она руку. – Рада познакомиться.

– Саймон Уорбертон.

Он пожал ей руку, мысленно отметив, что, несмотря на теплую улыбку, в идеально подведенных зеленых глазах застыл холод.

– Кажется, мы соседи, – промурлыкала Моника, уселась за стол и скрестила длинные стройные ноги. – Может, поможешь мне здесь освоиться?

– Конечно, но, боюсь, сейчас мне пора идти.

Поднявшись, Саймон кивнул ей и направился к двери.

– Увидимся, – услышал он ее слова на пороге кабинета.

«Жизнь продолжается…» – мысленно сказал себе Саймон, выходя из лифта на верхнем этаже, и зашагал по коридору, устланному толстым ковром.

– Даже когда уже закончилась, – тихо закончил он вслух и остановился у стола преданной секретарши, восседавшей здесь в гордом одиночестве.

Саймон вошел в кабинет, где сидел мужчина в инвалидном кресле, который выглядел совсем хрупким. Сквозь высокие окна лился яркий солнечный свет, лишь подчеркивающий глубокие морщины на его лице.

– Доброе утро, сэр, – поздоровался Саймон, подходя к столу.

– Садитесь, Уорбертон. Прежде чем мы продолжим… Вы что-нибудь выяснили в частном детективном агентстве, которое нанял Джеймс Харрисон?

– Их сотрудник рассказал, что Джеймс Харрисон попросил разузнать, что случилось много лет назад в Ирландии с девушкой по имени Ниам Дизи.

– Чувство вины в последние годы жизни, – вздохнул старик. – Полагаю, они ничего не узнали?

– Только то, что женщина и ребенок умерли во время родов, сэр.

– Радует, что хоть в этом деле британской службе безопасности удалось в достаточной степени замести следы. Я так понимаю, ситуация с Маркусом Харрисоном улажена?

– Да. Стрельбу представили как несчастный случай. Сомневаюсь, что кто-то станет копать глубже. Его похороны состоялись в прошлом месяце.

– Хорошо. Теперь вернемся к имени, что назвала вам мисс Хаслам. Это весьма интересная информация. Я всегда гадал, кому настолько доверяла наша «Леди», чтобы поручить доставку этих

чертовых писем. Конечно, мне следовало заподозрить ее уже давно. Ведь она, безусловно, была близкой подругой нашей «Леди». Впрочем, если память мне не изменяет, к тому времени, когда все произошло, эта женщина уже вышла замуж. Я послал на ее поиски несколько человек, но, вероятнее всего, к настоящему моменту она мертва.

– Возможно, сэр, но в данном случае стоит проверить все варианты.

– Мы просмотрели каждый клочок бумаги на этом проклятом чердаке. Вы не заметили других тайников, Уорбертон?

– Боюсь, что нет. И я вполне могу допустить, что он уничтожил письмо. Быть может, его больше не существует. Я ни капли не сомневаюсь, что семья Харрисон ничего не знает о прошлом сэра Джеймса.

– Да, но эта Хаслам подобралась почти вплотную к разгадке. Нам просто повезло, что ирландская интрижка Харрисона обеспечила идеальное прикрытие. – Старик снова вздохнул. – Черт, он ведь наверняка сохранил письмо, и я успокоюсь, лишь когда его найдут и уничтожат. Попомните мои слова: если мы не доберемся до письма, его отыщет кто-нибудь другой.

– Да, сэр.

– Поскольку других вариантов особо и нет, возвращайтесь к Зои Харрисон. Во дворце пока не знают, как разрулить сложившуюся ситуацию. Его королевское высочество упорно не желает образумиться, и там вынуждены мириться с его поведением. Однако они все же надеются, что эти отношения закончатся.

У Саймона упало сердце.

– Да, сэр, – проговорил он, глядя на свои руки.

– Принц также настаивает, что им с мисс Харрисон пора официально вместе появляться на публике. Во дворце согласились, чтобы она сопровождала его на премьеру фильма через пару недель. Еще он жаждет, чтобы она переехала к нему, но во дворце пока сопротивляются. На прошлой неделе мисс Харрисон уехала в короткий отпуск с сыном, но в понедельник утром она будет ждать вас на Уэлбек-стрит.

– Да, сэр. И последнее: Моника Берроуз из ЦРУ. Дженкинс сказал, что она будет работать бок о бок с нами. Полагаю, ей ничего не известно?

– Ни в малейшей степени. Лично я не одобряю все эти связи с иностранными разведслужбами, обмен методами и общие идеи. Дженкинс поручит ей какую-нибудь незначительную слежку. Пусть проводит время с сотрудниками отдела, перенимает опыт и тому подобное. Благодарю, Уорбертон. Поговорим завтра в обычное время.

Саймон вышел из кабинета. Сегодня старик выглядел совсем усталым. Но ведь он многие годы в одиночку хранил этот секрет. Подобного бремени достаточно, чтобы подорвать самые крепкие силы.

И теперь эта тайна всем грузом давила на Саймона.

* * *

– Джоанна!

Толстые волосатые руки обхватили ее за плечи и заключили в медвежьи объятия.

– Привет, Алек, – пробормотала она, застигнутая врасплох подобным проявлением привязанности.

Он опустил Джоанну, отступил назад и окинул ее взглядом.

– Как ты, солнце?

– Нормально.

– Ужасно выглядишь, детка, кожа да кости. С тобой точно все хорошо?

– Да. Честно говоря, Алек, я просто хочу заняться работой и постараться забыть последние несколько недель.

– Что ж, увидимся в местном пабе в час дня, съедим по сэндвичу. Мне нужно кое-что тебе рассказать. С тех пор как ты уехала, произошли некоторые… изменения. А теперь шагай к своему прежнему столу и разберись с письмами в электронной почте, – подмигнул ей Алек и вновь уткнулся в свой экран.

Джоанна прошла по кабинету, вдыхая спертый воздух. Сколько бы здесь ни вешали табличек о запрете курения, над столами в отделе новостей постоянно висели облака сигаретного дыма. Кресло Элис по соседству пустовало, и Джоанна этому только обрадовалась. Ей хотелось немного освоиться здесь, не выдерживая при этом шквал вопросов.

Сев в кресло, она включила компьютер и невидящим взглядом уставилась в экран, мысленно перебирая новые факты. После разговора с бабушкой Джоанна сравнила другие снимки молодого герцога с фотографией Майкла О'Коннелла из программки. Двое мужчин были практически неотличимы друг от друга.

Приняв идею Доры о «двойнике», Джоанна в общих чертах представила, как все могли устроить. Молодого актера, внешне очень похожего на герцога Йоркского и примерно того же возраста, выбрали, чтобы сыграть роль всей его жизни. В то время, когда развивалась эта история, герцог не мог поехать в Ирландию, поскольку наносил официальные визиты, к тому же его жена была беременна. Поэтому в доме береговой охраны, вероятнее всего, жил Майкл О'Коннелл. И, следовательно, именно он вступил в отношения с Ниам Дизи. А десять лет спустя бедняжка Киара увидела фотографию с коронации герцога Йоркского на обложке «Айриш таймс» и, разумеется, решила, что это он жил в доме на другом берегу залива и крутил роман с ее покойной сестрой. Наверняка в письме, столько лет пролежавшем под половицами дома, были лишь прощальные слова умирающей женщины, адресованные Майклу, мужчине, которого она любила.

Но почему тогда Майкл О'Коннелл сменил личность? Каким секретом обеспечил себе особняк на Уэлбек-стрит, деньги, жену-аристократку и громкую актерскую славу? И при чем здесь любовное письмо Сиаму от таинственной женщины, с которого, собственно, и началось ее расследование? Кто его написал? Роза, как сперва решила Джоанна, или кто-то другой?..

Она разочарованно вздохнула. Даже несмотря на немыслимое сходство между двумя мужчинами, в конечном счете у нее не было абсолютно никаких доказательств, что бы ни произошло в те времена.

Джоанна огляделась по сторонам, пытаясь вернуться к реальности. Не стоило сомневаться: если в ее поведении проскользнет хоть намек, что та история до сих пор не забыта, за нее тут же возьмутся. Ей позволили вернуться к прежней жизни лишь потому, что она не выяснила ничего опасного. Но хватит ли у нее сил и мужества продолжить поиски правды? Даже не имея четких ответов, Джоанна нутром чуяла, что крайне близко подобралась к столь тщательно оберегаемой тайне.

Несмотря на все протесты, ровно в час Алек утащил ее в ближайший паб. Он сгорал от желания услышать всю историю целиком.

– Ну, выкладывай, – заявил Алек, глядя на нее поверх пинты пива.

– Что тут выкладывать? – пожала плечами Джоанна. – Мы с Маркусом гуляли, и нам не повезло столкнуться с охотниками. Его подстрелили. Я, убегая от выстрелов, свалилась в устье реки. Меня подхватило течением, и я чуть не утонула, – повторила она, словно мантру.

– Охотники на уток? – фыркнул Алек. – Ради бога, Джо! Ты это мне говоришь? Что же такого ты выяснила, что чуть не рассталась с жизнью, а Маркус отправился на тот свет?

– Ничего, Алек, честно, – устало проговорила она. – Все мои зацепки ни к чему не привели. А теперь глава окончена. У меня снова есть любимая работа. И я намерена опять копаться в грязном белье супермоделей и звезд мыльных опер, забыв о воображаемых интригах с участием всяких там старушек.

– Хреновая из тебя лгунья, Хаслам. Но я признаю, что те, наверху, проделали отличную работу и хорошенько тебя запугали. Что весьма жаль, потому что я еще немного покопался в этом деле.

– На твоем месте я бы не тратила время, Алек. Это путь в никуда.

– Не сочти за хвастовство, солнце, но я работаю журналистом дольше, чем ты живешь на свете, и за милю чую запах скандала. Так ты хочешь послушать или нет?

– Вообще-то, нет. – Джоанна небрежно пожала плечами.

– Ну и ладно, но я все равно расскажу. Я читал одну из биографий сэра Джеймса, и кое-что показалось мне странным, – начал Алек, и Джоанна постаралась сделать вид, что ей не интересно. – Там говорилось, что сэра Джеймса с его женой Грейс связывали очень близкие отношения. У них был крепкий брак, и после ее смерти он долго не мог оправиться.

– Да. И что?

– Грейс, похоже, умерла во Франции. Если бы твой возлюбленный скончался за границей, тебе наверняка захотелось бы забрать тело и похоронить его на родине, чтобы когда-нибудь упокоиться рядом с ним. Но, как мы знаем, сэр Джим похоронен в Дорсете. Один, – добавил Алек.

– Пусть так. Маркуса вот привезли домой из Ирландии. – Джоанна с трудом сглотнула. – Хотя я была слишком слаба, чтобы пойти на похороны.

– Соболезную, солнце. Но вот тебе живой пример. Так почему же сэр Джеймс не привез сюда свою любимую? Может, она все-таки не умерла?

– Не знаю. Можно мне сэндвич? Я жутко проголодалась.

– Конечно. С сыром?

– Ага.

Перекрикивая гомон голосов, Алек заказал сэндвич и еще напитки.

– В любом случае сейчас ей было бы за девяносто, так что шансы, что она жива или находится в здравом уме, не слишком велики.

– Ты в самом деле думаешь, что она все еще может быть жива? И тоже замешана в этом деле?

– Кто знает, Джо. Все возможно. – Алек отхлебнул пива.

– Алек, все это очень интересно, но я уже сказала, что покончила с расследованием.

– Ну, это как знаешь, солнце.

– Да и как найти того, кто, судя по всему, умер почти шестьдесят лет назад?

– Ах, Джо, в этом-то вся хитрость нашего ремесла. Всегда есть способ что-то выяснить, если правильно спрашивать.

– И как же нужно спросить?

– Через извещение на странице некрологов. Их читает любая старая карга, чтобы узнать, не сыграл ли в ящик кто-нибудь из знакомых. Давай, Джо, ешь сэндвич. Тебе не помешает немного поправиться.

* * *

В тот вечер Джоанна приехала домой совершенно без сил и наполнила себе ванну. После чистого воздуха Йоркшира Лондон, как и она сама, казался грязным. Потом, надев халат и пушистые тапочки, Джо уселась на диван в гостиной и вновь задалась вопросом, не

слишком ли быстро вернулась. В Йоркшире она хотя бы чувствовала себя в безопасности и не была так одинока, как сейчас.

Джоанна потянулась к стопке почты, скопившейся за время ее отсутствия, и начала открывать конверты. Среди них нашлось милое письмо от Зои Харрисон. Сестра Маркуса радовалась, что Джо вернулась в Лондон, и предлагала как-нибудь вместе пообедать. Кроме того, набралось огромное количество неоплаченных счетов, и Джоанна снова возблагодарила небо, что смогла вернуться на работу. Когда она сортировала письма на «важные» и «бесполезные», на пол из стопки выскользнул тонкий белый конверт. На нем значилось только ее имя, написанное от руки.

Джоанна подняла его и вскрыла.

Милая Джо,

прошу, не рви сразу это письмо. Знаю, я повел себя как полный засранец. Когда я понял, насколько ранил и разозлил тебя, то, признаюсь честно, возненавидел себя как никогда в жизни.

Я с самого детства винил других в своих проблемах и теперь наконец понял, что вел себя как трус. Я даже не осмелился сказать тебе правду о деньгах. Я тебя не заслу– живал.

Как только мы встретились в том ресторане, я сразу понял, что ты особенная, непохожая на других, и захотел быть с тобой. Ты невероятная женщина, сильная и храбрая, и рядом с тобой я чувствую, насколько жалок.

Вероятно, ты сейчас качаешь головой – если еще не выбросила письмо в мусорное ведро. Я не самый романтичный человек и не умею четко выражать мысли, но здесь я обнажаю перед тобой свое сердце. Джоанна Хаслам, я в самом деле люблю тебя. Мне никак не изменить прошлое, но я надеюсь, что смогу повлиять на будущее.

Если ты все же сумеешь меня простить, я хочу ради тебя измениться к лучшему. И показать, каким могу быть.

Снова повторюсь: я люблю тебя.
Маркус

P. S. Я не рассказывал газетчикам о Зои. Она моя сестра. Я бы никогда так с ней не поступил.

– О боже, Маркус… – пробормотала Джоанна, не сдерживая слезы. – Ты уже показал мне, любимый! Уже показал!

Она снова расплакалась, скорбя о необратимости смерти. Как жаль, что ей уже не выпадет возможность отблагодарить его за все, что он для нее сделал. Вновь перечитывая последние слова Маркуса, Джоанна понимала, что, несмотря на недостатки, никто и никогда не любил ее так сильно, как этот мужчина. А теперь его не стало.

– Я не сильная и не храбрая, – прошептала она, направляясь в спальню.

Порывшись в рюкзаке, Джоанна достала снотворное, которое прописал ей доктор при выходе из больницы. Сегодня оно ей точно понадобится.

Она вытащила конверт со своими «доказательствами» и старые газетные вырезки, потом, забравшись в кровать, снова просмотрела всю стопку и в очередной раз сравнила фотографии. Мысли лихорадочно крутились в мозгу в поисках от– ветов.

– Это твой дедушка, Маркус, – прошептала Джоанна в безмолвии комнаты, проглотила таблетку и попыталась поудобнее устроиться на новом матрасе. – Кем же он был?

Час спустя, так и не заснув, несмотря на лекарство, Джоанна села в кровати. Наверное, она все же обязана выяснить правду ради Маркуса, который лишился жизни во время расследования.

Решив последовать совету Алека и разместить объявление в специальном разделе, Джоанна села за компьютер. Составив список изданий, в который вошло с десяток французских газет, а также множество местных, она решила, что начнет с «Ле монд» и «Таймс» – ведь, будучи англичанкой по происхождению, Грейс могла покупать ее, чтобы быть в курсе событий. Если эти объявления не дадут результата, Джоанна выберет другие два издания, потом следующие и так далее. Хотя не было никаких гарантий, что Грейс по-прежнему жила во

Франции. Она вполне могла уехать еще много лет назад, вскоре после инсценировки собственной смерти.

Но как сформулировать объявление? Ей нужно дать понять Грейс, что можно безбоязненно раскрыть себя, и в то же время не привлечь внимание тех, кто следил за этим делом.

Полночь давно миновала. Джоанна, скрестив ноги, сидела на кровати. По мере того как она, ломая голову, подбирала нужные слова, рядом росла груда смятых черновиков, которые придется сжечь дотла еще до наступления утра.

Когда забрезжил рассвет, Джоанна набрала объявление и, отпечатав его на принтере, тут же удалила из памяти компьютера. Придя на работу, она воспользовалась офисным факсом и отправила текст в обе газеты с пометкой опубликовать как можно скорее. Объявление должно появиться через два дня. Правда, затея была сомнительная, но сейчас ей оставалось только ждать.

* * *

Обеденный перерыв Джоанна провела в местной библиотеке на Хорнтон-стрит, обложившись книгами по истории королевской семьи. Она рассматривала очередную фотографию молодого герцога Йоркского и его невесты, и ее внимание привлекло кольцо на пальце его левой руки. Оно было частично скрыто в тени, но форма и выгравированный символ показались Джо знакомыми.

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить, где могла видеть это кольцо, однако так и не нашла ответа. Выругавшись себе под нос, Джоанна взглянула на часы. Обеденный перерыв подошел к концу.

В четыре часа, налив себе кружку чая, она вдруг в возбуждении стукнула кулаком по столу.

– Ну конечно! – пробормотала Джоанна, подняла трубку и набрала номер Зои.

* * *

В тот же вечер Зои, открыв дверь дома на Уэлбек-стрит, быстро осмотрела улицу и пригласила Джоанну внутрь, после чего тепло ее обняла.

– Как ты?

– Я… хорошо.

– Точно? Ты сильно похудела, Джо.

– Похоже на то. А ты как?

– Ну… так же. Чай? Кофе? Вино? Поскольку солнце уже клонится к закату, я выбираю последнее.

– Присоединяюсь, – кивнула Джоанна, вслед за хозяйкой проходя на кухню.

Зои взяла полупустую бутылку и налила вина в два бокала.

– Ты тоже выглядишь не очень, – заметила Джоанна.

– Честно говоря, я чувствую себя дерьмово.

– Я тоже.

– Твое здоровье.

Они притворно-торжественно чокнулись бокалами и уселись за кухонный стол.

– Как прошло возвращение в Лондон? – поинтересовалась Зои.

– Тяжело, – призналась Джоанна. – Вчера вечером, разбирая почту, я нашла вот это, – тихо проговорила она и протянула Зои письмо. – Это от Маркуса. Похоже, он написал его после нашей ссоры… Я подумала, что ты… ну… возможно, захочешь прочитать.

– Спасибо. – Зои вскрыла конверт. Джоанна наблюдала, как по мере чтения в ее голубых глазах заблестели слезы. – Спасибо, что показала его мне. – Она сжала руку Джоанны. – Для меня очень важно, что Маркус так сильно любил тебя. Я сомневалась, что брату суждено испытать подобное чувство, и счастлива, что он познал любовь, пусть даже ненадолго.

– Зря я не поверила, что Маркус меня любит, но, учитывая его поведение и репутацию, это было очень трудно. Мы поругались, и я ужасно себя чувствую. Я обвинила его в том, что он продал в газеты историю о тебе и Арте. – Хоть отчасти, но Джоанна говорила правду.

– Понимаю. А я сперва решила, что это твоих рук дело, но Саймон поклялся, что ты здесь ни при чем.

– Любезно с его стороны. В любом случае ни я, ни Маркус в этом не замешаны.

– Тогда кто же?

– Без понятия. Может, какой-нибудь сосед, заметивший, как Арт входил в твой дом и выходил отсюда? Боже, Зои, мне так стыдно, что я обвинила Маркуса.

– Ну, по крайней мере, вы помирились в Ирландии.

– Да, – солгала Джоанна, сожалея, что никогда не сможет рассказать Зои, как Маркус спас ей жизнь. – И мне ужасно его не хватает.

– Мне тоже. Пусть он порой раздражал меня, потакал своим желаниям и не умел обращаться с деньгами, в нем была страсть. И любовь к жизни. А теперь давай сменим тему, пока мы обе не залили слезами всю кухню. Ты сказала, что хочешь взглянуть на кольцо Уильяма Филдинга.

– Да.

Зои сунула руку в сумочку и достала маленькую кожаную коробку, которую протянула Джоанне. Та открыла ее и внимательно посмотрела на лежащее внутри кольцо.

– Ну? Это его ты видела в каталоге, о котором упомянула по телефону? Потерянная семейная реликвия из царской России? Бесценное кольцо, похищенное прямо с пальца какого-то убитого архиепископа во времена Реформации?

– Сейчас трудно сказать, но оно, безусловно, может оказаться ценным… Я могу одолжить это кольцо на несколько дней, чтобы проверить? Обещаю беречь его как зеницу ока.

– Конечно, оно ведь даже не мое. У бедняги Уильяма не осталось живых родственников. Я спрашивала на похоронах, но там собрались либо старые друзья-актеры, либо просто знакомые по работе. Может, если это кольцо чего-то стоит, передать деньги от его продажи в благотворительный актерский фонд? Думаю, Уильяму понравилась бы эта мысль.

– Отличная идея. – Джоанна закрыла коробку и убрала в рюкзак. – Как только что-нибудь узнаю наверняка, я дам тебе знать. А теперь рассказывай, как поживает твой принц.

– Нормально. – Зои сделала большой глоток вина.

– Всего лишь «нормально»? Неподходящее слово для любви всей твоей жизни, сказочных отношений десятилетия и…

– Мы уже давно не виделись. Во время пасхальных каникул я провела несколько дней с Джейми. Он все еще потрясен случившимся и нервничает из-за возвращения в школу – боится, что мальчишки вновь начнут обо мне болтать.

– Бедный Джейми. Прости, Зои. Меня не было несколько недель, и я почти не в курсе, что здесь происходит.

– Ну, в школе его дразнили из-за моих отношений с Артом. Я ничего ему не рассказывала, но пока мы с Артом находились в Испании, Джейми все узнал и сбежал из школы. Саймон нашел его спящим на могиле прадеда. – Лицо Зои смягчилось. – Удивительно, насколько хорошо Саймон узнал Джейми, чтобы догадаться, где его искать. Он такой хороший, Джоанна. Мой сын его обожает.

– Но вы с Артом по-прежнему вместе, верно?

– Честно говоря, когда я уезжала из Испании, то очень на него злилась. Судя по всему, он так и не понял, как сильно я испугалась, и, признаться, не слишком волновался об исчезновении Джейми. Хотя по возвращении в Лондон Арт подарил мне букет и долго извинялся за свою бесчувственность, а еще пообещал обеспечить Джейми лучшую защиту.

– Значит, все снова хорошо?

– Вроде бы да. Арт из кожи вон лезет, чтобы его родители и остальные члены семьи меня приняли. Но, – Зои провела пальцем по основанию бокала, – признаюсь тебе, я всерьез начинаю сомневаться в своих чувствах к нему. Мне отчаянно хочется верить, что любовь, жившая во мне долгие годы, настоящая. Ведь я всегда мечтала быть рядом с Артом, а теперь, когда мы вместе… – Зои покачала головой, – начинаю искать у него недостатки.

– Ну, как по мне, это вполне понятно, Зои. Никто не сможет сравниться с воображаемым принцем твоей мечты.

– Я твержу себе то же самое, но, честно говоря, Джо, сомневаюсь, что у нас с ним много общего. То, что мне кажется забавным, у него в лучшем случае вызывает легкую улыбку. Арт вообще редко смеется. И он такой… – Зои задумалась, подыскивая подходящее слово, – негибкий. Никакой спонтанности.

– Наверное, это больше связано с его положением, а не с личностью.

– Возможно. Но знаешь, как бывает, когда рядом с мужчиной ты не чувствуешь себя самой собой? Как будто вечно играешь какую-то роль и не можешь по-настоящему рассла– биться.

– Отлично знаю. Я встречалась с таким пять лет, хотя не осознавала этого, пока он меня не бросил. Мой бывший, Мэтью, не пробуждал во мне лучших качеств. Мы редко веселились.

– В том-то и дело, Джо. Когда мы с Артом вместе, то лишь напряженно обсуждаем будущее, не позволяя себе просто насладиться моментом. И я все еще не набралась смелости познакомить его с Джейми. У меня ужасное предчувствие, что Арт не слишком понравится моему сыну. Он такой… чопорный. Помимо всего прочего, – вздохнула Зои, – меня тревожит мысль, что всю оставшуюся жизнь мне придется находиться под пристальным вниманием. СМИ станут анализировать каждый мой шаг, и куда бы я ни повернулась, в лицо будет направлен объектив камеры.

– Если ты в самом деле любишь Арта, он поможет тебе с этим справиться. Просто сосредоточься на своих чувствах к нему.

– Вроде как, любовь побеждает все?

– Точно.

– Что ж, наверное, в этом вся суть. Но порой я ощущаю себя Винни-Пухом, застрявшим в кроличьей норе. Я так далеко зашла, что не понимаю, как вообще отсюда выбраться. Господи, в подобные моменты я искренне жалею, что дедушка умер. Он обязательно нашел бы здравые, мудрые слова на эту тему.

– Вы в самом деле были близки?

– Очень. Жаль, что ты не знала его, Джо. Вы бы полюбили друг друга. Дед обожал решительных женщин.

– А твоя бабушка была решительной? – полюбопытствовала Джоанна.

– Честно говоря, не знаю. Мне известно лишь, что она происходила из богатой английской семьи. Уайты были ужасно знатными, и бабушка звалась «леди». Конечно, после свадьбы с дедушкой она лишилась титула. Неплохая партия для актера, особенно если он в самом деле родился в Ирландии.

Сердце Джоанны пропустило удар.

«Поговорите с леди Белого рыцаря…»

– Значит, девичья фамилия Грейс – Уайт?[31]

– Да. Она была очень милой… изящной и миниатюрной.

– Как ты.

– Наверное. Может, именно поэтому Джеймс так меня любил. Кстати, о мертвых женах… Я хотела тебе кое-что сказать. Меня пригласили сыграть одну из них.

– Прости? – Джоанна заставила себя сосредоточиться на словах Зои.

– «Парамаунт» снимает крупный многомиллионный ремейк «Неугомонного духа»[32]. Мне предложили роль Эльвиры.

– Зои, черт возьми! Ведь речь о Голливуде?

– Ну да. И если я соглашусь, роль моя. Они увидели черновой вариант «Тесс», позвонили мне и ввели в курс дела, а вчера связались с моим агентом и предложили почти непристойную сумму денег.

– Фантастика! Молодчина, Зои! Ты это заслужила.

– Да ладно тебе, Джо. – Зои закатила глаза. – Они наверняка решили, что американская аудитория охотно соберется посмотреть на подружку английского принца. Не хочу показаться циничной, но вряд ли мне предложили бы роль, не мелькай мое лицо во всех американских газетах рядом с Артом.

– Не принижай себя, Зои, – посоветовала Джоанна. – Ты в высшей степени талантливая актриса. Рано или поздно тебя бы заметили в Голливуде, вне зависимости от Артура.

– Да. Но я все равно не могу согласиться на эту роль.

– Почему?

– Нужно быть реалисткой, Джо. Если я выйду замуж за Арта, самое серьезное, что мне придется делать, – жевать канапе и бесконечно пожимать руки на благотворительных мероприятиях, если этим не сможет заняться кто-нибудь из моих потенциальных высокопоставленных родственников.

– Времена меняются, Зои. Может, королевской семье нужен кто-то вроде тебя, чтобы втолкнуть их, несмотря на все упорство, в новое тысячелетие. В наши дни женщины тоже работают. И точка.

– Возможно, но не в кино, где иногда приходится раздеваться или целовать главного героя.

– Что-то я не припомню наготы в «Неугомонном духе», – усмехнулась Джоанна.

– Ее там нет, но ты уловила мою мысль, – вздохнула Зои. – Нет, если я решусь выйти замуж за Арта, мне придется распрощаться с карьерой актрисы. Вспомни Грейс Келли.

– То было в пятидесятых годах, Зои! Ты уже обсуждала это с Артом?

– Э-э… пока нет.

– Тогда предлагаю не откладывать ваш разговор. Пока пресса обо всем не пронюхала.

– Вот об этом я и говорю! – В голубых глазах Зои вспыхнул гнев. – Моя жизнь больше мне не принадлежит. Стоит только выйти в магазин за молоком, как меня снимают папарацци. Ладно, еще есть две недели, чтобы решить, соглашаться ли на эту роль. В воскресенье я отвезу Джейми обратно в школу, а потом на пару дней съезжу в Дорсет, чтобы попытаться привести мысли в порядок.

– Одна?

– Конечно нет. – Зои подняла бровь. – Те дни давно остались в прошлом. Со мной поедет Саймон, хотя я не возражаю против его присутствия. Он отлично готовит. И как никто умеет слушать.

Джоанна заметила, как взгляд Зои внезапно смягчился.

– Думаю, тебе просто нужно понять, достаточно ли ты любишь Арта, чтобы ради него от всего отказаться. Потеряет ли твоя жизнь смысл, если его не будет рядом.

– Знаю. И я должна принять решение. А ты любила Маркуса, Джо?

– Да, я определенно в него влюбилась. Но к тому времени, когда смогла довериться ему, забыть о его репутации и поверить в чувства ко мне, стало уже слишком поздно. Хотелось бы, чтобы судьба отпустила нам больше времени вместе… Он был особенным человеком.

– Ох, Джо… – Зои протянула руку через стол. – Как печально. Ты пробудила в нем все лучшее.

– Он заставлял меня смеяться и относился ко всему не слишком серьезно… Ну, за исключением своих драгоценных фильмов. С ним я была самой собой. Мне ужасно его не хватает, – призналась Джоанна. – Ладно, я лучше пойду. Мне нужно кое-что… доделать в офисе.

– Конечно. И прости, что сомневалась в тебе. Как я могла хоть на минуту подумать, что это ты сообщила о нас с Артом в газету?

– Не волнуйся. Честно говоря, я по меньшей мере минуту обдумывала эту идею! – Джоанна с улыбкой встала и поцеловала Зои. – Если захочешь поговорить, ты знаешь, где меня найти.

– Да, и ты тоже. Придешь на открытие памятного фонда в конце недели? Я буду говорить вместо Маркуса. – Зои протянула ей одно из приглашений, лежащих в стопке на столешнице.

– Конечно.

– И еще… Приходи на ужин в следующие выходные, когда я вернусь из Дорсета. Настало время познакомить Арта с моими друзьями. Так ты сможешь сама составить о нем мнение. Хотелось бы узнать, что ты думаешь.

– Договорились. Позвони мне в течение недели. Береги себя.

Джоанна вышла из дома. К остановке на другой стороне улицы как раз подъезжал автобус. Она бросилась через дорогу, пробираясь мимо стоящих в пробке машин, и запрыгнула в открытую дверь. Отыскав сзади место, устроилась на сиденье и вынула из рюкзака фотографию, которую так усердно рассматривала прошлой ночью, потом дрожащими пальцами открыла коробку с кольцом.

Сомнений больше не осталось. Кольцо, лежащее на ее ладони, походило на то, которое когда-то носил на мизинце герцог Йоркский.

Джоанна уставилась в окно, глядя на проносящиеся мимо дома Оксфорд-стрит. Похоже, ее любимая бабушка, всего лишь отпустившая невинное замечание, оказалась права. Но неужели она все-таки нашла прямое доказательство, что Майкла О’Коннелла в самом деле использовали в качестве двойника больного герцога Йоркского? И хватит ли кольца, чтобы с уверенностью это утверждать?

Однако было в этом деле что-то еще…

Надежно спрятав коробку с кольцом обратно в рюкзак, Джоанна достала письмо Розы и снова перечитала.

«Если вы не застанете меня, поговорите с леди Белого рыцаря…»

Джеймса посвятили в рыцари. Его жена Грейс была не только «леди», но и «Уайт» – «белой».

У Джоанны внутри все перевернулось. Похоже, Алек попал в точку.

37

Услышав звонок в дверь, Зои открыла и улыбнулась при виде того, кто стоял на пороге.

– Привет, Саймон, – поздоровалась она и, пропустив его внутрь, приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку. – Рада тебя видеть. Как дела?

– Хорошо. У тебя?

– Вроде справляюсь, – вздохнула Зои, глядя, как Саймон направился к лестнице с сумкой в руке. – Джейми очень жалел, что разминулся с тобой, – добавила она, поднимаясь вслед за ним по ступенькам. – Вчера я отвезла его обратно в школу. Бедняжка, он так нервничал… Но я хорошенько поговорила с директором, и тот пообещал присмотреть за Джейми. – Глядя, как Саймон положил сумку на кровать, Зои достала открытку, на которой фломастером были нарисованы двое людей, играющих на компьютере, и протянула Саймону. – Это от Джейми, в честь твоего возвращения. Ему не понравился мужчина, заменявший тебя. Сказал, тот не такой веселый, как ты.

Саймон с улыбкой прочитал надпись внутри.

– Так мило с его стороны.

– Что ж, устраивайся, потом спускайся вниз, чего-нибудь выпьем. Я приготовила ужин, за мной ведь должок.

– Зои, прости, не хочу портить праздник, но я уже поужинал. И у меня сегодня куча работы. Спасибо за любезное предложение, но, может, как-нибудь в другой раз, ладно?

Она заметно помрачнела.

– Я весь день готовила и… – Зои замолчала, увидев его замкнутое лицо. – Ладно, не бери в голову.

Саймон молча занялся распаковкой привезенных с собой немногочисленных вещей.

– Ничего, если мы завтра съездим в Дорсет? – продолжила она в тишине. – Мне нужно время, чтобы кое-что обдумать. Я должна вернуться в Лондон в четверг на церемонию открытия памятного фонда, но мы ведь сможем уехать на денек, правда?

– Конечно. Как скажешь.

Зои вдруг отчетливо поняла, что она здесь лишняя.

– Не буду больше мешать. Когда закончишь с работой, спускайся, выпьем по чашечке кофе.

– Спасибо.

Зои, явно приуныв, вышла из комнаты Саймона и спустилась вниз. Из кухни навстречу ей плыл аппетитный аромат. Налив себе бокал вина из бутылки, которую выбрала ранее из винтажной коллекции в погребе, она села за стол.

Весь день ее переполняла безумная энергия. С утра Зои сновала по дому, наводя порядок, потом сбегала на рынок на Бервик-стрит за свежими продуктами для ужина и вернулась домой с охапками цветов, чтобы создать ощущение весны. Она застонала, впервые осознав, что вела себя как женщина, взволнованная мыслью о встрече с мужчиной, который ей действительно нравился…

Саймон так и не спустился, и у Зои пропал аппетит. Немного поковырявшись в мусаке и греческом салате, она предпочла утопить печали в бутылке превосходного вина.

В десять позвонил Арт с признаниями в любви и словами о том, как ему ее не хватает. Он напомнил, что через неделю им предстоит первый публичный выход в свет, и попросил подобрать подходящее платье – то есть «не слишком откровенное». Слова Арта только усугубили ее раздражение. Сухо пожелав ему спокойной ночи, Зои повесила трубку и отправилась спать.

Однако уснуть не смогла. Лежа в кровати, она корила себя, что дала волю воображению и точно так же, как все эти годы представляла себя рядом с Артом, теперь задумалась о Саймоне. Все то время, что они провели вместе, он относился к ней с теплотой, и Зои убедила себя, что тоже ему небезразлична. Но сегодня вечером Саймон держался холодно и отстраненно, давая понять, что лишь выполнял свою работу и ничего больше. А она вдруг окончательно осознала, что хотела бы видеть рядом с собой вовсе не мужчину, по которому сходила с ума всю жизнь, а другого, спящего сейчас в комнате наверху, всего в нескольких футах от нее, и расплакалась от разочарования.

На следующий день по дороге в Дорсет они практически не разговаривали. Одолеваемая похмельем Зои напряженно застыла на заднем сиденье, пытаясь сосредоточиться на сценарии «Неугомонного духа» и в то же время принять хоть какое-то решение.

Они заехали за продуктами в супермаркет в Блэндфорд-Форум, потом направились в Хейкрофт-хаус. Внеся в дом сумку с ее вещами и покупки, Саймон коротко осведомился, не нужно ли ей что-нибудь еще, а после исчез наверху, в своей спальне.

В семь вечера, когда Зои сидела за столом, гоняя вилкой по тарелке свиную отбивную с комковатым соусом, Саймон забрел на кухню.

– Не возражаешь, если я приготовлю себе кофе?

– Конечно нет, – ответила она. – Если хочешь, в духовке еще есть свиная отбивная и картофель.

– Спасибо, Зои, но тебе незачем готовить на мою долю. Это не твоя обязанность, так что на будущее не беспо– койся.

– Брось, Саймон, ты же для меня готовил. Да и раз уж все равно пришлось возиться с ужином…

– Что ж… спасибо. Я поем наверху, если не возражаешь.

– Я сделала что-то не так? – жалобно спросила Зои, наблюдая, как он достает блюдо из плиты.

– Нет.

– Точно? Ты как будто меня избегаешь.

– Вовсе нет, – возразил он, не встречаясь с ней взглядом. – Я просто понимаю, что и так довольно сложно жить в одном доме с незнакомцем, который вторгается в твое личное пространство, поэтому стараюсь не навязывать свое общество, если ты хочешь побыть одна.

– Тебя вряд ли можно назвать незнакомцем, Саймон. Скорее уж другом. После всего, что ты сделал для Джейми, ну… я не могу относиться к тебе иначе.

– Я лишь выполнял свою работу, Зои. – Поставив кофе и тарелку на поднос, Саймон направился к двери. – Если понадоблюсь, буду у себя. Доброй ночи. – И он закрыл за собой дверь кухни.

Зои отодвинула тарелку с нетронутым ужином и уронила голову на руки.

– Лишь выполнял свою работу, – печально пробормотала она.

* * *

– Хорошие новости. Наша «посланница» еще жива.

– Вы нашли ее? – спросил Саймон, расхаживая по комнате с мобильником возле уха.

– Нет, но мы выяснили, где она жила раньше. Несколько лет назад, после смерти мужа, она переехала. С тех пор у дома сменилось три владельца, и у нынешних жильцов нет адреса для пересылки. Однако, думаю, к завтрашнему дню мы ее выследим. И тогда, возможно, что-нибудь удастся выяснить. Как только мы установим ее местонахождение, я свяжусь с вами, и вы полетите во Францию, Уорбертон.

– Хорошо, сэр.

– Я позвоню утром. Доброй ночи.

* * *

– Тащи свой зад в Саут-Бэнк. В фойе Национального театра состоится открытие памятного фонда Джеймса Харрисона.

– Знаю, Алек. Я все равно собиралась туда, чтобы поддержать Зои, – напряженно ответила Джоанна.

– Завтра мы опубликуем интервью, которое ты взяла у Маркуса Харрисона, в дополнение к его некрологу. И раз уж ты все равно пойдешь, заодно напиши статью о церемонии открытия.

– Алек, прошу… Я бы предпочла появиться там просто в качестве друга. Для… них обоих.

– Не глупи, Джо.

– Я думала, что интервью с Маркусом решили не публиковать. Зачем вставлять его сейчас?

– Потому, солнце, что семья Харрисон вновь представляет интерес для прессы. Снимок Зои, выступающей на церемонии открытия вместо покойного брата, будет хорошо смотреться на первой полосе.

– Господи, Алек! У тебя что, совсем нет сердца? – Джоанна в отчаянии покачала головой.

– Прости, Джо, я знаю, что ты скорбишь, – уже мягче проговорил Алек. – Но ты ведь не захочешь, чтобы о нем писал тот, кто его не знал, верно? Стив пойдет с тобой, чтобы делать снимки. До встречи.

Фойе Национального театра было битком набито журналистами и фотографами, здесь же мелькало несколько телекамер, хотя обычно подобные мероприятия привлекали лишь горстку не слишком заинтересованных молодых репор– теров.

Джоанна схватила стакан коктейля «Бак физ»[33] с подноса проходящего мимо официанта и сделала глоток. Проведя целый месяц в Йоркшире, она отвыкла от толп шумных несдержанных людей. В другом конце фойе появился Саймон и слегка кивнул ей в знак приветствия.

– Слава богу, ты здесь, – прошептал ей кто-то на ухо.

Испуганно обернувшись, Джоанна увидела Зои в элегантном бирюзовом платье.

– Не думала, что это событие вызовет такой ажиотаж, – призналась Джоанна, обнимая Зои.

– Я тоже. Впрочем, вряд ли эти люди заявились сюда, чтобы почтить память Маркуса или Джеймса. Они скорее надеются увидеть здесь сама-знаешь-кого. – Зои недовольно сморщила нос. – Ну, я-то делаю это ради брата и дедушки.

– Само собой. По крайней мере, я смогу написать прекрасную статью о Маркусе и его увлечении памятным фондом.

– Спасибо, Джо. Это будет здорово. Не уходи без меня, потом вместе где-нибудь посидим.

Пока Зои беседовала с другими представителями прессы, Джоанна рассматривала увеличенные фотографии сэра Джеймса Харрисона, которые висели на досках по всему фойе. На одной, в образе короля Лира, он застыл в величественной позе, воздев руки к небесам, с тяжелой золотой короной на голове.

«Искусство, имитирующее жизнь, или жизнь, имитирующая искусство?» – задумалась Джоанна.

Здесь был и снимок, где рядом с сэром Джеймсом стояли Зои и Маркус – должно быть, их сняли на какой-нибудь премьере фильма. Джоанне вдруг захотелось провести пальцами по беззаботному лицу Маркуса, который уверенно смотрел в камеру. Обернувшись, она увидела привлекательную женщину примерно одного с ней возраста, которая стояла всего в нескольких футах от нее. Незнакомка, поймав взгляд Джоанны, улыбнулась ей и растворилась в толпе.

Лишь в два часа дня журналисты наконец отстали от мисс Харрисон. Джоанна тихо сидела в углу пустого фойе и делала заметки о церемонии, взятые из короткой эмоциональной речи Зои и заявления для прессы.

– Как я выглядела? На протяжении всей речи я едва сдерживала слезы, – проговорила Зои, опускаясь рядом с ней на одно из фиолетовых сидений.

– Ты была великолепна. Думаю, завтра вы с памятным фондом появитесь во всех СМИ.

Зои закатила глаза:

– По крайней мере, все это ради благого дела.

На выходе из театра Джоанна заметила ту же женщину, что уже видела ранее. Незнакомка читала брошюру об ожидаемых постановках.

– Кто она такая? – спросила Джоанна, когда они окунулись в теплый солнечный весенний день и не спеша двинулись по Саут-Бэнку, глядя на сверкающие воды Темзы.

Зои обернулась, чтобы посмотреть.

– Понятия не имею. Вероятно, журналистка.

– Я ее не знаю. Кстати, немногие известные мне коллеги носят дорогие дизайнерские костюмы.

– Если ты не мыслишь жизни без джинсов и свитеров, вовсе не значит, что другие не следят за модой, – поддразнила ее Зои. – Давай лучше пойдем чего-нибудь выпьем.

Они не спеша прошлись вдоль реки и остановились у винного бара. Зои повернулась к Саймону, застывшему в нескольких ярдах позади них.

– Можно нам посекретничать? Девчачьи разговоры… Мы недолго.

Они вошли в бар, и Саймон указал на столик.

– Я посижу там.

– Надо же, – пробормотала Джоанна, когда они уселись за свой столик и заказали два бокала вина. – Такая постоянная слежка, пусть даже со стороны Саймона, свела бы меня с ума.

– Понимаешь, что я имела в виду? – Зои взяла меню и спряталась за ним.

Джоанна заметила, что взгляды всех посетителей устремились к ее подруге. Саймон прошел в дальний конец зала и исчез на кухне.

– Куда это он?

– А, на всякий случай проверяет путь к отступлению. Кажется, у него пунктик по поводу запасных выходов…

Женщины захихикали. Появился вежливый официант с двумя бокалами вина.

– Серьезно, Джо. – Зои подалась вперед. – Я просто не знаю, смогу ли так жить. Ладно, твое здоровье.

– Твое здоровье, – эхом отозвалась Джоанна.

Только в пятом часу она попрощалась с Зои и села в автобус, чтобы доехать до офиса.

– Наконец-то явилась, – прорычал Алек, когда Джоанна вышла из лифта.

– Я брала эксклюзивное интервью у Зои Харрисон, Алек.

– Так держать.

Не успела она усесться за стол и включить компьютер, как подошел Алек и протянул ей небольшой сверток.

– Принесли сегодня на ресепшен для тебя.

– О, спасибо. – Джоанна взяла сверток и положила рядом с клавиатурой.

– И что, ты собираешься его открыть? – поинтересовался он.

– Ну да, через пару минут. Сперва хочу напечатать этот материал. – Джоанна уткнулась взглядом в экран.

– Как по мне, эта штука похожа на небольшое зажигательное устройство.

– Что?! – воскликнула Джоанна, но, заметив его улыбку, покорно вздохнула и протянула ему сверток. – Ладно, от– крывай.

– Точно?

– Да.

Алек вскрыл посылку и вытащил маленькую коробочку и письмо.

– От кого это? – поинтересовалась Джоанна, продолжая печатать. – Там ничего не тикает?

– Пока нет. В письме говорится: *«Дорогая Джоанна, я хотела связаться с вами, но не нашла ни адреса, ни номера телефона. А вчера я увидела ваше имя под статьей в газете, которую читаю ежедневно. Внутри медальон, который ваша бабушка Роза подарила мне на*

Рождество. Я нашла его в ящике стола во время весенней уборки и решила, что лучше отдать его вам, раз уж вы так и не смогли с ней увидеться. Пожалуйста, дайте мне знать, что получили его в целости и сохранности. Заглядывайте как-нибудь на чашечку чая. Будет приятно встретиться. Надеюсь, вы нашли свою бабушку, упокой Господь ее душу. С наилучшими пожеланиями, Мюриэль Бейтман».

Алек протянул Джоанне коробочку.

– На, держи. Или хочешь, чтобы я открыл?

– Спасибо, сама справлюсь.

Джоанна сняла крышку и вынула слой ваты, положенный сверху для защиты. Под ним оказался золотой медальон с изящным, филигранным узором на толстой тяжелой цепочке из розового золота. Джоанна осторожно вынула его из коробочки и положила на ладонь.

– Красивый.

– Как по мне, Викторианской эпохи. – Алек внимательно рассматривал медальон. – Ценная вещица, особенно эта цепочка. Значит, он принадлежал таинственной Розе.

– Похоже на то. – Джоанна возилась с застежкой, открывающей медальон.

– Рискну предположить, что в нем фотография сэра Джеймса, – заметил Алек.

Джоанне наконец удалось подцепить крышку кончиками пальцев. Она заглянула внутрь, потом вдруг нахмурилась и заметно побледнела.

– Джо, все хорошо? – спросил Алек. – В чем дело?

Когда она в конце концов подняла голову и взглянула на своего начальника, ее карие глаза сияли.

– Я… – Горло перехватило, и Джоанна попыталась немного успокоиться. – Я поняла, Алек. Клянусь Богом, я все поняла.

38

– Боюсь, я ее потеряла, – вздохнула Моника Берроуз. Сидя за столом напротив Дженкинса, она щелкала ручкой, словно у нее был нервный тик.

– Где? Во сколько?

– Вечером после работы я проследила за ней до дома, а вчера утром – до Кенсингтона. Она вошла в здание офиса и – хоп! – больше не появилась.

– Возможно, работала там ночью над статьей.

– Так я и подумала. Однако сегодня утром вошла в приемную и попросила о встрече с ней. Мне сказали, что ее нет, заболела.

– Вы заходили к ней домой?

– Конечно. Там никого нет. Не знаю, как она выбралась, мистер Дженкинс, но точно каким-то образом ускользнула.

– Думаю, вы понимаете, что это не слишком хорошо, Берроуз. Изложите все в отчете. Я спущусь, как только поговорю с коллегой.

– Да, сэр. Простите, мистер Дженкинс.

Дождавшись, пока Моника выйдет из кабинета, Лоуренс Дженкинс позвонил на верхний этаж.

– Говорит Дженкинс. Эта Хаслам снова исчезла. Я приставил к ней Берроуз… вы ведь сказали, что нужно просто наблюдать. И прошлым вечером она потеряла объект. Да, сэр, сейчас поднимусь.

* * *

Подойдя к окну своей спальни под самой крышей Хейкрофт-хауса, Саймон окинул взглядом раскинувшийся внизу сад. В увитой розами беседке он заметил Зои; запрокинув голову в соломенной шляпке, она подставила милое личико лучам солнца.

Саймон тяжело вздохнул. Они приехали из Лондона два дня назад, поздно вечером, и он сразу поднялся в свою спальню. Последние несколько дней ему пришлось чертовски тяжело. По долгу службы Саймон был вынужден двадцать четыре часа в сутки находиться рядом

с женщиной, которую любил, без какой-либо возможности сбежать или сделать передышку. Но она принадлежала другому, и он, чтобы сохранить рассудок, не нашел ничего лучше, чем замкнуться в себе. Раз за разом Саймон отвергал все проявления ее доброты и ненавидел себя за смятение и боль, которые читались в глазах Зои.

В кармане завибрировал мобильный, и он взял трубку.

– Сэр?

– Вы что-нибудь слышали о Хаслам?

– Нет. А что?

– Она вновь куда-то пропала. Вы, кажется, сказали, что она потеряла след.

– Так и было, сэр. Она точно скрывается намеренно? Возможно, причины ее отсутствия совершенно невинны.

– В этой ситуации нет ничего невинного, Уорбертон. Когда вы возвращаетесь в Лондон?

– Я привезу мисс Харрисон из Дорсета сегодня после по– лудня.

– Свяжитесь со мной, как только приедете.

– Да, сэр. Есть новости о «посланнице»?

– Мы выследили ее, но в доме никого не оказалось. Соседи сообщили, что она уехала в длительный отпуск. Быть может, это совпадение либо она снова решила переехать. Мы всеми силами стараемся ее разыскать, но даже в наши дни мир огромен.

– Понимаю. – Саймон не смог скрыть разочарование в голосе.

– Хаслам что-то замышляет, Уорбертон. Я в этом не сомневаюсь. И нам, черт возьми, лучше выяснить, в чем дело.

– Да, сэр.

В трубке повисла тишина.

* * *

Отложив в сторону меню, Джоанна взглянула на часы. Струнный квартет в чайной комнате Палм-Корт заиграл первый танец. Из-за соседних столиков поднялись пожилые леди и джентльмены в нарядах, напоминающих о более изящной эпохе, и вышли на площадку для танцев.

– Мадам желает сделать заказ?

– Да. Чай с бутербродами на двоих, пожалуйста.

– Замечательно, мадам.

Джоанна нервно потеребила медальон на шее. Чтобы попасть в знаменитую чайную комнату отеля «Уолдорф», пришлось купить сегодня утром летнее платье, и в подобном наряде ей было не слишком комфортно. Она выбрала столик, из-за которого прекрасно могла видеть вход. Часы уже показывали двадцать минут четвертого, и с каждой проходящей минутой сердце билось все чаще, а уверенность в благополучном исходе постепенно убывала.

Полчаса спустя чай «Эрл Грей», поданный в блестящем серебряном чайнике, остыл, а бутерброды с огурцом и сливочным сыром, так и оставшиеся нетронутыми на тарелке из тонкого фарфора, начали подсыхать. В половине пятого нервозность и несколько чашек выпитого чая в полной мере дали о себе знать, и поход в уборную превратился в насущную необходимость. До конца чаепития с танцами оставалось полчаса. Ей нужно продержаться до тех пор, просто на всякий случай.

В пять часов, после восторженных оваций музыкантам, гости начали расходиться. Оплатив счет, Джоанна взяла сумочку и направилась в дамскую комнату. Поправила волосы, довольно неумело зачесанные наверх, и вновь немного подкрасила губы.

Стоило признать, что затея была смехотворная. Даже если Грейс Харрисон все еще жила на этом свете – что маловероятно, – шансы на то, что она увидит объявление или откликнется на него, почти равнялись нулю.

Джоанна вдруг заметила, что уже не одна. Позади нее стояла женщина и смотрелась в зеркало. Безупречно уложенные седые волосы незнакомки обрамляли тщательно накрашенное лицо, на котором, несмотря на возраст, все еще угадывались благородные черты.

– Говорят, однажды в «Уолдорфе» останавливался рыцарь, – проговорила женщина.

Медленно обернувшись, Джоанна посмотрела в поблекшие зеленые глаза, в которых светился ум, и кивнула.

– И с ним его леди в белом.

Вдвоем они поднялись на несколько лестничных пролетов и по устланному толстым ковром коридору дошли до номера незнакомки. Женщина протянула ей ключ. Джоанна отперла дверь и вслед за леди

вошла внутрь. Та тут же заперлась изнутри и, подойдя к окну, из которого открывался вид на оживленную лондонскую улицу, заполненную туристами и театралами, задернула шторы.

– Пожалуйста, садитесь, – предложила женщина.

– Спасибо… Э-э… я могу называть вас Грейс?

– Конечно, можете, моя дорогая, если вам так хочется, – коротко усмехнулась женщина и опустилась в одно из удобных кресел в богато украшенной гостиной.

Джоанна села напротив нее:

– Но вы ведь Грейс Харрисон, урожденная Уайт? Жена сэра Джеймса Харрисона, умершая во Франции более шестидесяти лет назад?

– Нет.

– Тогда кто же вы?

Пожилая женщина улыбнулась:

– Если мы хотим подружиться, а я в этом не сомневаюсь, зовите меня просто Розой.

* * *

Вернувшись с Зои в Лондон, Саймон сразу поднялся наверх в свою спальню и закрыл дверь. Он обнаружил на мобильном четыре пропущенных вызова и набрал номер начальника.

– Я разговаривал с редактором газеты, где работает Хаслам, – бросил Дженкинс. – Кажется, пропала не только она, но и редактор отдела новостей, некий Алек О’Фаррелл. Он сообщил своему начальнику, что наткнулся на нечто важное, и попросил пару дней, чтобы с этим разобраться. Они нас переиграли, Уорбертон. – В его голосе слышалась едва скрываемая паника. – В данный момент я привлекаю к этому делу всех доступных людей, – продолжил Дженкинс. – Если мы отыщем О’Фаррелла, то вытащим из него, куда делась Хаслам.

– Но ведь они не смогут обнародовать ту историю, сэр? Вы этого не допустите?

– Уорбертон, есть два или три редактора-бунтаря, которые с радостью ухватятся за подобную возможность, не говоря уже об

иностранных изданиях. Бога ради, ведь это сенсация века!

– Что прикажете делать, сэр?

– Спросите у мисс Харрисон, не знает ли она что-нибудь о Хаслам. Они виделись на церемонии открытия памятного фонда, а после вместе пошли выпить в бар. Потом Хаслам вернулась в офис, и Берроуз потеряла ее из виду. Оставайтесь пока на месте. Я свяжусь с вами позже.

* * *

Джоанна во все глаза уставилась на женщину.

– Но вы не можете быть Розой. Я познакомилась с ней на поминальной службе по Джеймсу Харрисону. Это была совсем другая женщина. К тому же она умерла.

– Роза – не самое редкое имя, а в те времена оно было особенно популярным. И вы не ошиблись, моя дорогая. Вы в самом деле познакомились с Розой. С Грейс Розой Харрисон, давно умершей женой сэра Джеймса Харрисона.

– Та старушка из церкви была Грейс Харрисон? Покойная жена Джеймса Харрисона? – изумленно переспросила Джоанна.

– Да.

– Но почему она представилась вторым именем?

– Пыталась хоть как-то защитить себя. После смерти Джеймса она настояла на поездке в Англию, а затем, несколько недель спустя, прислала мне письмо из Лондона, где сообщила, что собралась на его поминальную службу. Грейс сильно болела, у нее оставалось очень мало времени, и она решила, что эта служба даст ей прекрасную возможность в последний раз взглянуть на сына Чарльза и хоть раз в жизни увидеть внуков, Маркуса и Зои. Я знала, что это опасно и проблем не избежать, но она была непреклонна. Грейс верила, что все, кто мог бы ее узнать, к тому времени уже отправились на тот свет. Конечно же, она заблуждалась.

– Мы сидели рядом на скамье, когда она увидела мужчину в инвалидном кресле. И у Розы… точнее, у Грейс случился какой-то приступ. Она начала задыхаться, и мне пришлось вывести ее из церкви.

– Знаю. В последнем письме она рассказала мне и о вас, и о подсказках, которые вам отправила. Я ожидала получить весточку от вас чуть раньше, хотя не сомневалась, что вам потребуется время, чтобы во всем разобраться. Грейс не могла сообщить все сразу, не подвергнув опасности вас или меня.

– Но как вы поняли, что я вас искала? Ведь мое объявление было адресовано Грейс.

– Потому что, моя дорогая, я все знала с самого начала. И когда прочитала в газетном объявлении, что «леди в белом» приглашают составить компанию своему «рыцарю» за чаем в «Уолдорфе», то не сомневалась, что оно предназначалось мне.

– Но как подсказка из письма Грейс – «Поговорите с леди Белого рыцаря» – относится к вам?

– Потому что, моя дорогая, я вышла замуж за французского графа по фамилии Ле Блан и…

– «Блан» по-французски означает «белый». Боже мой! Я поняла все совершенно неправильно.

– Вовсе нет. Ведь я здесь, и все хорошо, – улыбнулась Роза.

– Почему Грейс решила рассказать эту историю именно мне?

– Она сказала, что вы умная и добрая девушка, а у нее было в запасе не так уж много времени. В тот же миг, как он ее заметил, Грейс поняла, что ей не жить, что этот человек отыщет ее и убьет, – вздохнула Роза. – Я, честно говоря, не понимаю, зачем ей понадобилось вновь ворошить это дело. Она сильно озлобилась… и, полагаю, решила отомстить.

– Кажется, я знаю, в чем причина ее злости, – тихо сказала Джоанна.

Роза бросила на нее вопросительный взгляд.

– В самом деле? Должно быть, после смерти бедной Грейс вы основательно взялись за это дело.

– Да. Можно сказать, оно захватило всю мою жизнь.

Роза аккуратно сложила маленькие ручки на коленях.

– Могу я поинтересоваться, что вы намерены делать с собранной информацией?

Лгать здесь и сейчас не имело смысла.

– Хочу ее опубликовать.

– Понимаю. – Роза немного помолчала, раздумывая над ее словами. – Конечно, именно поэтому Грейс прежде всего и прислала вам то письмо. Она решила воздать по заслугам тем, кто разрушил ее жизнь, основательно всколыхнуть правящие круги. Что же до меня… Скажем так, я все еще сохраняю остатки преданности, хотя один Бог знает почему.

– Значит, вы мне не поможете сложить все кусочки воедино? Думаю, за эту историю нам предложат баснословные деньги. Вы стали бы богатой.

– И что старухе вроде меня делать с деньгами? Купить спортивный автомобиль? – Роза усмехнулась и покачала головой. – Тем более я и так достаточно богата. Покойный муж меня прекрасно обеспечил. Дорогая моя, разве вы не задавались вопросом, почему так много людей из моего окружения отправились на тот свет, а я все еще жива и могу рассказать эту историю? – Она подалась вперед. – Только благоразумие сберегло мне жизнь. Я всегда умела хранить секреты. Но, конечно, не ожидала, что мне придется оберегать самую тщательно скрываемую тайну века. Ну, такова жизнь. Я вот что хочу сказать: ради Грейс я могу направить вас по верному пути, но, для собственной безопасности, не стану говорить открыто.

– Понимаю.

– Раз Грейс доверяла вам, значит, и я должна довериться. Однако у меня есть обязательное условие – полная анонимность. Если хоть где-нибудь будет упомянуто мое имя или наша с вами встреча, моя неминуемая смерть окажется на вашей совести. Мое пребывание в Англии, да еще и в вашем обществе, смертельно опасны для нас обеих.

– Тогда зачем вы приехали?

– Отчасти из-за Джеймса, – вздохнула Роза, – но в основном из-за Грейс. Возможно, по праву рождения я принадлежала к высшему обществу, но вовсе не одобряла поступки власть предержащих, то, как они разрушали жизни других людей, лишь бы избежать огласки. Знаю, что в ближайшие несколько лет мне предстоит встретиться с Творцом. И хочу, чтобы Он знал: для тех, кто был мне дорог на этой земле, я сделала все, что могла.

– Понимаю.

– Закажите нам чего-нибудь попить. Я бы не отказалась от чашечки хорошего чая. А потом вы расскажете мне, что уже знаете, и

двинемся дальше.

Когда заказ доставили в номер, Джоанна начала свой рассказ. Ей потребовался почти час, чтобы ввести Розу в курс дела, поскольку ее спутница была немного глуховата, к тому же она то и дело уточняла обнаруженные Джоанной факты.

– Медальон доставили мне в офис, и стоило увидеть внутри фотографию герцогини, как все встало на свои места, – вздохнула Джоанна и сделала глоток белого вина, чувствуя, что от напряжения перехватило дыхание.

Роза понимающе кивнула:

– Как раз медальон на вашей шее и убедил меня, что именно вы разместили объявление. Вы могли получить его только от Грейс.

– На самом деле Грейс подарила его своей соседке Мюриэль в благодарность за доброту.

– Она, должно быть, уже знала, что они идут по ее следу. Вообще-то это был мой медальон, подарок от нее. Грейс он всегда нравился. И когда она уезжала в Лондон, я отдала его ей как талисман. Отчего-то я всегда верила, что медальон защищал меня. К сожалению, на Грейс его магия не подействовала…

* * *

Когда позже тем же вечером Саймон спустился в кухню, Зои сидела за столом с бокалом вина и составляла список.

– Привет, – поздоровался он.

– Привет, – отозвалась она, не поднимая глаз.

– Ничего, если я приготовлю себе кофе?

– Конечно, Саймон. Можешь даже не спрашивать, – раздраженно бросила Зои.

– Извини. – Саймон подошел к чайнику.

Зои отложила ручку и уставилась ему в спину.

– Ты тоже извини. Я немного нервничаю, вот и все.

– Понимаю. У тебя забот полон рот. – Он насыпал в кружку кофейный порошок и добавил сахар. – Ты что-нибудь слышала о Джоанне?

– После церемонии открытия фонда мы не виделись. А что?

– Ничего, я просто спросил, – пожал он плечами.

– С тобой точно все хорошо, Саймон? Может, я чем-то тебя расстроила?

– Нет, вовсе нет. Я всего лишь… разбирался с кое-какими проблемами, вот и все.

– Проблемы с женщинами? – как можно небрежнее спросила она.

– Ну, что-то вроде того.

– Вот оно что… – печально вздохнув, Зои снова наполнила бокал вином. – Любовь чертовски усложняет жизнь, верно?

– Да.

– Так вот… – Она посмотрела прямо на Саймона. – Если бы ты думал, что влюблен в одного человека, а потом вдруг понял, что на самом деле любишь другого… как бы ты поступил?

– Могу я спросить, о ком речь?

От взгляда Зои у него учащенно забилось сердце.

– Да. – Она покраснела и опустила глаза. – Это…

В кармане Саймона зазвонил мобильный.

– Прости, Зои, мне надо подняться наверх. – Он поспешно выскочил из кухни и закрыл за собой дверь.

Зои с трудом сдержалась, чтобы не расплакаться.

Саймон спустился через десять минут, уже в куртке.

– Боюсь, меня вызывают. В качестве временной замены поставят Монику. Милая девушка, американка. Вы наверняка поладите. Она приедет сюда с минуты на минуту.

– Ладно, – пожала плечами Зои. – До встречи.

– Пока.

Прежде чем выйти из кухни, Саймон с трудом заставил себя посмотреть ей в глаза.

39

По просьбе Розы Джоанна достала из мини-холодильника пару маленьких бутылочек виски, разлила их на два стакана и добавила лед.

– Спасибо, моя дорогая. – Роза сделала глоток. – Слишком много волнений для женщины моего возраста. – Сжимая стакан с виски в руках, она с удобством откинулась на спинку кресла. – Как вы уже знаете, я некоторое время служила фрейлиной у герцогини Йоркской. Наши семьи много лет знали друг друга, и когда она вышла замуж за герцога, я, что вполне естественно, приехала из Шотландии вместе с ней. Они были очень счастливы, жили попеременно то в Лондоне, то в Сандрингеме. Потом здоровье герцога стало ухудшаться. У него выявили заболевание бронхов, что, с учетом его детских проблем со здоровьем, вызывало некоторое беспокойство. Чтобы поправиться, врачи посоветовали ему провести несколько месяцев на свежем воздухе, соблюдая полный покой. Но как бы к этому отнеслись жители страны? Ведь в те дни членов королевской семьи в каком-то смысле считали бессмерт– ными.

– Значит, так возникла идея о двойнике, который заменил бы герцога на время отсутствия? – уточнила Джоанна.

– Да. Думаю, вы знаете, что раньше среди публичных лиц это была довольно распространенная практика. Так уж совпало, что как-то вечером старший советник дворца посетил театр и увидел там молодого актера, который, по его мнению, вполне мог сойти за герцога Йоркского и заменить того на официальных приемах, открытиях фабрик и тому подобных мероприятиях. Молодого человека, некоего Майкла О’Коннелла, привезли во дворец и в течение нескольких недель учили «быть герцогом», что у нас с герцогиней обычно вызывало смешки. Когда он наконец прошел «испытание», настоящего герцога незамедлительно отправили в Швейцарию на лечение.

– Майкл был точной его копией, – проговорила Джоанна. – Я ничуть не сомневалась, что на фотографиях один и тот же человек.

– Да. Уже тогда Майкл О’Коннелл считался чрезвычайно талантливым актером. Ему всегда хорошо удавались перевоплощения – в те времена это было его амплуа. Так вот, он полностью избавился от ирландского акцента и даже довел до совершенства легкое

заикание, – улыбнулась Роза. – И в буквальном смысле превратился в герцога. Его должным образом приняли в королевскую семью, и все пошло как по маслу.

– Многие ли об этом знали?

– Только те, кому было абсолютно необходимо. Некоторым слугам наверняка казалось странным, что «герцог» по утрам во время бритья распевает ирландские баллады, но им хорошо платили, чтоб не болтали лишнего.

– Именно тогда вы с Майклом стали друзьями?

– Да. Он был очень милым, всегда стремился угодить и принял как должное всю эту ситуацию. И все же я всегда его немного жалела. Ведь Майкла просто использовали – до поры до времени, пока в нем нуждались, а потом с ним бы расплатились и без лишних раздумий отправили восвояси.

– Но все вышло несколько иначе, верно?

– Да, – вздохнула Роза. – Он обладал необыкновенной харизмой и превратился в некую улучшенную версию герцога. У Майкла было отличное чувство юмора, и часто перед посещением различных мероприятий он заставлял герцогиню хохотать до слез. И я не сомневаюсь, что именно с помощью всех этих «смешочков» он и затащил ее в постель, уж простите за грубое выражение.

– Когда вы поняли, что они любовники?

– Довольно скоро. Сперва, как и все остальные, кто знал герцогиню, я думала, что она просто отменно играет свою роль, как завзятая актриса. Затем, несколько месяцев спустя, домой приехал здоровый герцог, и Майкл О’Коннелл вернулся к прежней жизни. И на этом все бы и закончилось, вот только… – У Розы перехватило дыхание.

– Что?

– Герцогиня поняла, что по уши влюбилась в Майкла. В то время я покинула дворец, чтобы подготовиться к собственной свадьбе с Франсуа. И как-то раз, во время моего визита к ней, она спросила, готова ли я ей помочь, стать ее «посланницей», чтобы они с Майклом могли поддерживать связь. Герцогиня была в таком отчаянии, что мне оставалось лишь согла– ситься.

– И вы начали встречаться с Уильямом Филдингом возле универмага «Суон и Эдгар»?

– Не знаю, как его звали. Какой-то мальчик из театра, – пояснила Роза.

– Он тоже стал довольно известным актером.

– Но не во Франции, – надменно фыркнула Роза. – Конечно, я в то время с ума сходила по Франсуа, так что из-за влюбленности герцогини чувствовала к ней некую близость. Мы обе были так молоды, – вздохнула Роза. – И верили в романтическую любовь. Ситуация обострялась еще тем, что Майкла с герцогиней сперва свели вместе, а потом разлучили без всякой надежды на совместное будущее.

– Они виделись после того, как он перестал работать в королевском доме?

– Только один раз. Герцогиня ужасно беспокоилась о его безопасности, особенно когда ее тайна, так сказать, выплыла на всеобщее обозрение.

– Кто-то узнал об их романе?

– О да, моя дорогая. – У Розы заблестели глаза. – И не один человек.

– Поэтому Майкла О'Коннелла отправили в Ирландию в дом береговой охраны?

– Да. Как видите, – одобрительно улыбнулась Роза, – вы уже знаете бóльшую часть истории. Однажды герцогиня пришла ко мне вся в слезах и рассказала о его письме. Майкл писал, что его высылают обратно в Ирландию, и поскольку он не хотел ставить под угрозу ее деликатное положение, то решил, что лучше согласиться и уехать из страны. Правда, – подняла она брови, – вернуться ему было не суждено.

– Что вы имеете в виду?

– Разве не понимаете, как идеально они все продумали? Майкл, необычайно похожий на герцога Йоркского, возвращается в Ирландию, только что претерпевшую раздел. Ирландцы ненавидели англичан. Стоило лишь пустить слух, что в этом районе живет член британской королевской семьи, и остальное случилось бы само по себе. В то время он стал бы идеальным трофеем для ирландского республиканского движения.

– То есть правящие круги желали его смерти?

– Конечно. В сложившихся обстоятельствах было крайне важно навсегда убрать его с дороги. Но действовать следовало осмотрительно

и незаметно, чтобы герцогиня, узнав о случившемся, не начала задавать вопросов. Ведь учитывая ее… – Роза осеклась, – настроение в то время, никто точно не знал, как она отреагирует.

– И что произошло потом?

– От неминуемой смерти Майкла спасла его ирландская возлюбленная, которая вела хозяйство в его доме. Кажется, девушку звали Ниам. Судя по всему, однажды вечером она услышала, как ее собственный отец – кстати говоря, заядлый республиканец – планировал убийство Майкла. И Ниам помогла любимому сбежать на судне с хлопком обратно в Англию.

– Я о ней слышала. В Росскарбери я познакомилась с ее сестрой Киарой. Ниам Дизи умерла во время родов, вместе со своим ребенком, – добавила Джоанна.

– Боже. – Роза не смогла сдержать слезы. Достав из рукава носовой платок, она промокнула глаза. – Еще одна несчастная жертва в запутанной паутине обмана. Майкл всегда гадал, что же случилось с ней после его отъезда из Ирландии. Он ожидал, что Ниам последует за ним в Англию, но, конечно, не мог ей написать и узнать, когда именно. Или раскрыть в письме собственное местонахождение. Однако девушка так и не приехала. Теперь понятно почему. Майкл очень привязался к ней, хоть и вряд ли по-настоящему любил. Но о ребенке он ни разу не упоминал.

– Может, он и не знал, – задумчиво протянула Джоанна. – Вероятно, Ниам ему не сообщила.

– Наверное, она и сама не подозревала, пока не начал расти живот, – вздохнула Роза. – Те времена были гораздо более невинными. Ни о каких подробностях половой жизни девочкам не рассказывали. Особенно в католических семьях.

– Бедняжка Ниам и ее ребенок. Она была слишком наивной… и не представляла, в какого непростого мужчину влюбилась. Но прошу, продолжайте, – подтолкнула Джоанна.

– Так вот, Майкл вернулся в Лондон и сумел связаться с герцогиней. Они встретились в моем лондонском доме. Он рассказал ей, как правящие круги пытались устроить его смерть. Само собой, герцогиня пришла в ярость. Она не спала всю ночь, раздумывая, как же его защитить, а потом вновь пришла ко мне и рассказала, что решила сделать. Я предупредила герцогиню, что если замысел когда-

либо вскроется, это сильно отразится и на ней, и на ее семье. Но она ничего не хотела слушать. Майкла О’Коннелла нужно уберечь от беды – и точка. В конце концов, больше никто не смог бы его защитить. Майкла использовали и выбросили, и герцогиня – из любви или от угрызений совести – хотела поступить как до́лжно.

– Что же она сделала?

– Написала еще одно письмо, которое я лично доставила к нему домой, скрыв обычным способом.

– Понимаю. – Джоанна изо всех сил старалась осмыслить факты. – И Майкл О’Коннелл использовал содержание этого письма, чтобы обеспечить себе безопасность, новую личность, приличный дом и блестящее будущее?

– В точку, юная леди. Сомневаюсь, что он стал бы о чем-либо просить, если бы от него так явно не пытались избавиться. Майкл никогда не был жадным. Но, – вздохнула Роза, – он решил, что чем известнее станет, тем в большей безопасности окажется. К тому же он заслужил свою славу, поскольку сыграл одну из величайших актерских ролей двадцатого века.

– Несомненно. И да, гораздо легче убить никому не известного человека, чем богатого и успешного актера. Видимо, вы хорошо его знали, Роза.

– Да, и сделала для него все, что могла. Он был хорошим человеком. Как бы то ни было, после этого страсти вроде бы улеглись. Герцогиня, сделав все возможное для защиты Майкла, смирилась с его потерей, и они с настоящим герцогом возобновили отношения.

– Знаете, Роза, а ведь именно это озадачивало меня в последние несколько дней, – призналась Джоанна. – Брак герцога и герцогини всегда считался одним из величайших успешных союзов в истории монархии.

– И я искренне верю, что так и было. Любовь бывает разная, мисс Хаслам, – проговорила Роза. – Отношения Майкла и герцогини вылились в короткий, но страстный роман, и нам никогда не узнать, смог бы он продлиться дольше нескольких месяцев. Убедившись, что Майкл в безопасности, герцогиня поддерживала герцога во время всех последующих невзгод и испытаний. И больше не упоминала имени своего возлюбленного.

– Но позже, когда он стал знаменитым Джеймсом Харрисоном, их пути наверняка пересеклись.

– Да, но, слава богу, к тому времени он уже познакомился с Грейс. Так уж совпало, что я знала ее много лет. Нас вместе представили ко двору. Она всегда была совершенно чокнутой, однако Джеймс попался на ее крючок.

– Значит, они поженились по любви?

– Вне всяких сомнений. Они боготворили друг друга. Джеймс защищал Грейс от мира, в котором она никогда не чувствовала себя комфортно.

– Что вы имеете в виду?

– Как я уже сказала, Грейс Уайт с самого детства была эмоционально неуравновешенной. Не родись она в аристократической семье, ее давным-давно упрятали бы в сумасшедший дом. Родители просто радовались, что дочь удалось хоть кому-то пристроить. Впрочем, рядом с Джеймсом Грейс, казалось, расцвела. Его любовь сбалансировала ее… нестабильный характер. У них родился сын, Чарльз, и все шло хорошо… до отречения короля.

– Понимаю. Герцог превратился в короля, герцогиня – в королеву. И стало жизненно важно, чтобы тот тайный роман никогда не получил огласки.

– Именно так, моя дорогая. Доверие к королевской семье уже упало ниже некуда. Прежний король совершил немыслимый поступок – отказался от английского трона, чтобы жениться на американке.

– А его брату, герцогу Йоркскому, предстояло править страной, – задумчиво протянула Джоанна.

– Точно. Я в то время уже вышла замуж за Франсуа и жила во Франции, но волны потрясения докатились и туда. Ни герцог, ни герцогиня даже не предполагали, что однажды взойдут на престол как король и королева Англии. И, что еще важнее, не думали об этом и те, кто работал за кулисами и точно знал, что случилось десять лет назад.

– И как же они поступили?

– Помните джентльмена в инвалидном кресле, который так напугал Грейс во время поминальной службы?

– Его трудно забыть. – Джоанна словно наяву увидела, каким холодным взглядом тот окинул Грейс при выходе из церкви.

– Он – весьма высокопоставленный сотрудник британской секретной разведслужбы. В то время в его обязанности входила забота о безопасности королевской семьи. Он отправился в особняк Харрисонов и потребовал, чтобы Джеймс ради будущего монархии отдал письмо, которое ему написала герцогиня. Тот, само собой, отказался, поскольку знал, что без письма будет беззащитен. К несчастью, Грейс подслушивала за закрытой дверью и уловила суть разговора.

– Господи.

– Возможно, не будь она столь нервной и эмоционально зависимой, ничего бы не случилось. Однако, узнав, что ее муж прежде состоял в довольно крепкой связи с другой женщиной, с которой Грейс никогда не смогла бы соперничать, она почувствовала себя преданной. И кем! Единственным человеком, которому полностью доверяла. Грейс возмущалась, что Джеймс хранил от нее секреты, обвиняла мужа в том, что он все еще влюблен в герцогиню. Поймите, Джоанна, речь не о разумной женщине. После этого открытия Грейс полностью слетела с катушек. Она всегда любила выпить, а теперь еще начала в пьяном виде прилюдно намекать на тайну, которую нужно сохранить любой ценой. Короче говоря, превратилась в проблему.

– Боже, какой ужас. И как поступил Джеймс?

– Позже он рассказал мне, что после окончания той встречи Грейс совершенно обезумела. Она приперла его к стенке и потребовала показать письмо. Когда Джеймс отказался, Грейс принялась перерывать весь дом, надеясь отыскать, где оно спрятано. И Джеймсу ничего не оставалось, как достать из тайника одно из писем, присланных герцогиней. Конечно, совсем не то, которое сильные мира сего так хотели вернуть, а обманку.

– Но Грейс поверила, что это то самое письмо?

– Да.

– Именно его она мне и прислала?

– Да, – вздохнула Роза. – Конечно, в нем не говорилось ничего по-настоящему важного, но Грейс не за чем было знать об этом. Она отказалась вернуть письмо Джеймсу, заявила, что навечно сохранит его у себя как доказательство неверности мужа. И всю жизнь носила с собой. Где она прятала это письмо, находясь в санатории, так и

осталось загадкой, но незадолго до отъезда в Англию в ноябре прошлого года Грейс мне его показывала.

– Но ведь этот роман был задолго до знакомства Грейс и Джеймса!

– Конечно, моя дорогая, но, как я уже сказала, она совсем спятила. Памятуя о моей дружбе с Грейс и о том, что я в числе немногих знала правду о той истории, Джеймс написал мне во Францию и поделился своими страхами. Он понимал, что наш друг в инвалидном кресле и его приближенные скоро непременно пронюхают о том, что выведала Грейс, и о ее несдержанности. К тому времени она уже пыталась покончить с собой, обвинив в попытке самоубийства Джеймса, крутившего роман с герцогиней. Он с отчаянием осознавал, что те, наверху, способны на что угодно и даже злополучное письмо, находящееся в его распоряжении, не в силах спасти женщину, которая может в любой момент выдать тайну. Поэтому Джеймс решил начать действовать сам, чтобы их опередить.

– Как ему удалось уберечь ее от опасности?

– Он привез Грейс во Францию. Они немного пожили у меня, потом Джеймс поместил ее в уютную лечебницу в Швейцарии, неподалеку от Берна, где записал под именем Розы Уайт. Наверняка в наши дни у бедняжки диагностировали бы маниакально-депрессивный психоз или что-то в этом роде, однако, уверяю вас, в то время это был самый гуманный выход. Несколько месяцев спустя Джеймс объявил, что Грейс покончила с собой во время отпуска, который проводила у меня, своей давней подруги. К тому моменту уже бóльшая часть Лондона знала о ее неуравновешенном поведении, поэтому история получилась вполне правдоподобной. Похороны прошли в Париже, мы закопали пустой гроб. – Роза смотрела вдаль. – Впрочем, дорогая моя, для Джеймса жена все равно что лежала внутри. Я никогда еще не видела человека, настолько убитого горем. Ведь он прекрасно понимал, что ради безопасности Грейс им, возможно, уже никогда не суждено увидеться.

– Боже милостивый. – Джоанна печально покачала головой. – Неудивительно, что он не женился снова. Его супруга все еще была жива.

– Именно, но об этом больше никто не знал. Потом началась война, во Францию вторглись немцы, и мы с мужем переехали в наш дом в Швейцарии, неподалеку от того санатория. По мере

возможности я навещала Грейс. Она то кричала, то что-то бессвязно бормотала, спрашивала про Джеймса, постоянно умоляла меня забрать ее домой. В глубине души мы с мужем надеялись, что ее здоровье пошатнется – ради ее же блага, поскольку подобное существование трудно назвать жизнью, – но Грейс всегда была крепкой женщиной, во всяком случае физически.

– Все эти годы она жила в швейцарской лечебнице?

– Да. И, признаюсь, со временем я стала навещать ее все реже, поскольку мои усилия казались тщетными. Я только всякий раз ужасно расстраивалась. Но как-то утром, семь лет назад, мне прислали письмо, в котором один из врачей лечебницы просил о встрече. Когда я приехала, доктор сообщил, что Грейс стало лучше. Полагаю, наука не стояла на месте, поэтому им удалось найти лекарство, стабилизировавшее ее состояние. Врач предположил, что она достаточно здорова, чтобы покинуть лечебницу и жить во внешнем мире. Сперва я скептически отнеслась к его словам, но, пообщавшись с Грейс, полностью избавилась от сомнений. Она вполне разумно рассуждала о прошлом и о том, что тогда произошло. И умоляла помочь ей хоть на закате лет насладиться неким подобием нормальной жизни. – Роза изящно пожала плечами. – Что мне оставалось? Мой любимый муж уже несколько месяцев покоился в могиле, и я торчала в огромном особняке в полном одиночестве. Поэтому я решила купить дом поменьше и взять Грейс к себе. Мы договорились с врачом, что в случае любых ухудшений она тут же вернется в больницу.

– Как же, проведя столько лет взаперти, она освоилась во внешнем мире? – пробормотала Джоанна скорее самой себе, чем в ответ Розе.

– Ей все доставляло несказанное удовольствие. Грейс радовала даже простая возможность самой решать, что и когда есть на завтрак. Ведь, благослови ее Господь, много лет спустя она наконец-то обрела свободу.

– Да, – улыбнулась Джоанна.

– Итак, мы, две пожилые женщины, стали жить вместе, радуясь обществу друг друга. Совместное прошлое связывало нас крепкими узами. Но примерно с год назад у Грейс начался кашель, который никак не проходил. Лишь через несколько месяцев я смогла убедить ее пойти к врачу – можете себе представить, как она боялась к ним даже

приближаться. Анализы выявили у нее рак легких. Врач, конечно, хотел положить ее в больницу и сделать операцию, но, думаю, вы догадываетесь, как Грейс отреагировала на это предложение. Она наотрез отказалась. И это – самая трагическая часть во всей истории. После стольких лет взаперти Грейс обрела в конце концов немного счастья и покоя, а потом узнала, что жить ей осталось всего год… – Роза нащупала носовой платок и вытерла глаза. – Простите, моя дорогая. Воспоминания еще очень свежи. Мне ужасно ее не хватает.

– Могу себе представить, – проговорила Джоанна.

Взяв себя в руки, Роза продолжила рассказ:

– Несколько месяцев спустя Грейс увидела статью о смерти Джеймса в «Инглиш таймс» и вознамерилась вернуться в Англию. Я понимала, что это путешествие ее убьет, ведь к тому времени она уже всерьез разболелась.

– Да, видели бы вы, в какой убогой обстановке она жила. Но что, ради всего святого, было в тех деревянных ящиках?

Этот вопрос вызвал у Розы улыбку.

– Ее жизнь, моя дорогая. Она вечно вела себя словно сорока: таскала ложки из ресторанов, рулоны туалетной бумаги и мыло из уборных и даже прятала еду с нашей кухни под кроватью в своей комнате. Возможно, причина в том, что в лечебнице ей многого не хватало, однако она копила все подряд и, уезжая из Франции, настояла, что возьмет ящики с собой. Целуя Грейс на прощание, я… знала, что больше ее не увижу. И в то же время понимала, что ей нечего терять.

Поддавшись горю, Роза еще глубже вжалась в кресло. Ее силы заметно убывали, и Джоанна решилась спросить напрямую. Сейчас или никогда.

– Роза, вы знаете, где это письмо?

– Я больше не могу говорить. Сперва мне нужно хорошенько поесть. Давайте закажем что-нибудь в номер, – властно заявила Роза. – Будьте добры, передайте мне меню.

Джоанна, у которой скопилось много вопросов, не стала спорить. Заставив себя запастись терпением, она наблюдала, как Роза искала в сумочке очки, потом внимательно изучала меню. В конце концов женщина устало поднялась на ноги и подошла к телефону на прикроватной тумбочке.

– Добрый день, принесите ко мне в номер два стейка с кровью с соусом «Беарнез» и бутылку «Кот-Роти». Благодарю. – Положив трубку, она улыбнулась Джоанне и всплеснула руками, как взволнованный ребенок. – Ах, как же я люблю еду в гостиничных номерах. А вы?

* * *

Если можно было мысленно расхаживать взад-вперед, сидя в инвалидном кресле, то старик именно этим и занимался. Он выехал из-за стола и покатил к двери как раз в тот миг, когда в кабинет вошел Саймон. При виде единственного человека, способного разделить его тревогу, старик немного успокоился.

– Есть новости?

– Нет, сэр. Завтра попробуем снова.

– Проклятие! Завтра может быть слишком поздно! – рявкнул он.

– Вы отыскали Хаслам или Алека О'Фаррелла? – спросил Саймон.

– Есть зацепка о местонахождении О'Фаррелла, ее как раз проверяют. Уверен, они отсиживаются где-нибудь в отеле, планируют, как подороже продать эту грязную историю. По крайней мере, эти двое все еще в стране. Я приказал своим людям тщательно проверить списки пассажиров в аэропортах и на паромных терминалах. Хотя они могли уехать по поддельным паспортам, – вздохнул он.

– А как насчет нашей «посланницы», Розы Ле Блан, урожденной Фитцджеральд?

– Пассажир с таким именем не значится ни на одном рейсе в Англию, хотя, само собой, это ничего не значит. Она легко могла приехать сюда на машине или на поезде. Если Роза здесь, мы ее найдем, но не дай бог Хаслам доберется до нее первой… Я уверен, мадам Ле Блан знает, где это проклятое письмо.

– Сэр, без него у Хаслам и О'Фаррелла нет никаких доказательств.

Старик, казалось, не слышал.

– Я всегда знал, что глупец никогда не вернет письмо и нас ждет катастрофа. А ведь из-за этого обещания пройдоху даже возвели в

рыцари!

– Сэр, по-моему, вам нужно расширить сеть. Другие тоже должны знать, что именно ищут.

– Нет! Пусть работают вслепую. Нельзя рисковать утечкой информации. Я полагаюсь на вас, Уорбертон. Интуиция всегда подсказывала мне, что это письмо спрятано в одном из домов Харрисона, поэтому возвращайтесь туда. Если Хаслам что-нибудь выяснит, она обязательно за ним придет. Оба дома находятся под усиленным наблюдением. В случае появления Хаслам с ней придется разобраться. Ни при каких обстоятельствах не позволяйте эмоциям затуманивать ваши суждения. Если вы чувствуете, что не в состоянии довести дело до конца, лучше скажите прямо сейчас.

Повисло молчание, потом Саймон проговорил:

– Нет, сэр, я справлюсь.

– В противном случае работу закончит кто-то другой. Надеюсь, вы это понимаете.

– Да, сэр.

– Ведите себя как обычно. Не хочу, чтобы Хаслам или О’Фаррелл пронюхали, что мы их раскусили. Пусть они сами приведут нас к цели. Понимаете?

– Да, сэр.

Старик развернул инвалидное кресло и уставился на реку. Он долго молчал, потом тяжело вздохнул.

– Вы же понимаете, что, если правда выплывет наружу, британской монархии придет конец. Доброй ночи, Уорбертон.

* * *

Сидя как на иголках, Джоанна наблюдала за Розой, которая мучительно медленно пережевывала каждый кусочек принесенного ужина. Сама она, понимая, что нужно поесть, с жадностью проглотила свою порцию, даже не почувствовав вкуса.

Наконец Роза промокнула губы салфеткой:

– Мне уже лучше. Пока мы болтаем, моя дорогая, давайте выпьем кофе.

Пытаясь справиться с разочарованием, Джоанна еще раз позвонила вниз и заказала доставку в номер.

В конце концов принесли кофе и Роза продолжила говорить:

– Теперь-то хорошо известно, что с самого возникновения монархии у членов королевской семьи были любовники и любовницы. И сам факт, что герцогиня Йоркская влюбилась в двойника своего мужа, не слишком взволновал дворец. С этим вполне можно было справиться. Даже замять историю с опасными любовными письмами, которые она настойчиво ему писала – одно из них вы сами видели, – не представляло особого труда. Ведь в то время никто не верил, что ей когда-нибудь суждено стать королевой, а ее мужу – королем. – Роза чуть заметно улыбнулась и, немного помолчав, продолжила: – Однако, по иронии судьбы, самая простая, но могущественная сила в мире в одночасье изменила ход истории.

– Любовь.

– Да, моя дорогая. Любовь.

– И герцогиня все же стала королевой.

Роза кивнула и сделала глоток кофе.

– А теперь подумайте, Джоанна, что такого могло произойти между Майклом О’Коннеллом и герцогиней Йоркской, если это превратилось в самую тщательно охраняемую тайну двадцатого века? Доказательство которой содержалось в простом письме, умышленно написанном охваченной страстью женщиной в стремлении спасти своего любовника. В письме, которое он где-то спрятал и использовал в качестве единственной защиты против обширного арсенала тех, кто жаждал его смерти.

Джоанна тряхнула головой, потом обвела взглядом комнату в поисках ответа. И вдруг потрясенно застыла. Все посторонние звуки, казалось, исчезли, она даже не слышала доносящегося с улицы шума машин.

– О боже мой! Конечно же нет…

– Да, – подтвердила Роза и в свою очередь налила виски пораженной Джоанне, которую била нервная дрожь. – Вы угадали. Но я вам ничего не говорила. – Роза покачала головой. – Такое потрясение я видела лишь однажды на лице Грейс, когда подтвердила ей то, что она слышала через дверь кабинета на Уэлбек-стрит.

– А не лучше ли было ей солгать? Заставить поверить, что она ослышалась? Боже мой. – Джоанна отпила виски. – Я-то вроде совершенно нормальная, но после такой правды… не могу нормально двух слов связать.

– Не сомневаюсь. Да, я в самом деле сперва хотела убедить Грейс, что та ослышалась, но понимала, что не поможет. Эта женщина просто так бы не успокоилась. У нее хватило бы ума заявиться к человеку, который разговаривал в тот день с Джеймсом в кабинете, чтобы услышать все из первых уст. Этот человек, сэр Генри Скотт-Томас, вполне мог уничтожить и ее, и Джеймса, если бы узнал, что ей все известно. Позднее он стал главой МИ-5 и в результате несчастного случая при езде верхом был парализован ниже пояса.

– Мужчина в инвалидном кресле… – прошептала Джоанна. Ее мозг, казалось, перестал работать. Тряхнув головой, она попыталась прогнать серый туман. Нужно взять себя в руки и задать еще несколько вопросов. – Письмо… в нем подтверждается то… о чем мы только что говорили? – Джоанна не смогла заставить себя произнести эти слова вслух.

– Кто знает. Когда я доставила его, оно было надежно спрятано внутри свертка. Впрочем, если письмо все эти годы сохраняло Джеймсу жизнь и позволило ему снискать славу и сколотить состояние прямо под носом у тех, кто желал его смерти, то вероятнее всего да.

– А почему они так и не добрались до вас? В конце концов, именно вы доставляли письма.

– К тому времени я уже покинула дворец и была помолвлена с моим любимым Франсуа. А сразу после доставки того свертка мы поженились и уехали на Луару. Никто не знал о моем участии в этом деле, – тихо хихикнула Роза. – Герцогиня действовала чертовски умно, пока правда не выплыла наружу.

Джоанна вдруг осознала, что всего две недели назад в Йоркшире сама назвала Саймону имя «посланницы».

– Роза, вы в самом деле в опасности! Недавно я сказала кое-кому ваше имя. Боже, мне так жаль. – Джоанна встала. – Уже столько людей погибло… Они ни перед чем не остановятся… Вам нужно немедленно уехать!

– Я в безопасности, по крайней мере сейчас, моя дорогая. В конце концов, мне одной известно, где это письмо. К тому же мои старые

поддельные документы времен Второй мировой войны после стольких лет сослужили отличную службу. Франсуа заплатил специалисту кучу денег, и мы превратились в мадам и месье Левуа, граждан Швейцарии. По материнской линии в нем было немного еврейской крови, и Франсуа настоял, просто на всякий случай, чтобы я всегда держала при себе паспорт на это имя. – Роза чуть заметно улыбнулась. – И я приехала в страну и поселилась в этом отеле как мадам Левуа.

Джоанна с восхищением смотрела на необыкновенную женщину, которая так долго хранила тайну, но подвергла свою жизнь риску из любви к давней подруге.

– Вы сказали, что доставили сверток, а не письмо.

– Верно.

– А что лежало в том свертке?

– Моя дорогая, – зевнула Роза, – мне ужасно хочется спать. Понятно же, что эти письма были очень деликатными, в особенности последнее. Попади они не в те руки, и разразилась бы катастрофа. Поэтому герцогиня придумала очень хитроумный способ их прятать.

– Какой?

– Вы ведь видели письмо, которое прислала Грейс. Несмотря на его возраст, наверняка вам бросилось в глаза что-нибудь странное.

Джоанна попыталась вспомнить.

– Да. Если не ошибаюсь, по краям были крошечные дырочки.

Роза чуть кивнула в знак одобрения.

– А теперь, поскольку у нас почти не осталось времени, я помогу вам с последним кусочком головоломки. Но помните: все это лишь ради бедняжки Грейс.

– Конечно, – устало кивнула Джоанна.

– У герцогини в жизни было две страсти. Во-первых, в своих садах она выращивала великолепные розы и, во-вторых, потрясающе вышивала. – Роза взглянула на Джоанну, которая застыла с непонимающим видом. – Что ж, мне давно пора в кровать. Я скоро уеду из Англии и, пока все не успокоится, поживу у друзей в Америке. Наверное, мне лучше исчезнуть на несколько месяцев, пока не улягутся страсти.

– Пожалуйста, Роза! Не поступайте так со мной! Скажите, где письмо! – умоляла Джоанна.

– Моя дорогая, но я ведь только что уже сказала. Вам осталось только напрячь мозги и внимательно посмотреть по сторонам.

Джоанна поняла, что дальше упрашивать нет смысла.

– Мы еще увидимся?

– Сомневаюсь. А вы – нет? – У Розы заблестели глаза. – Я абсолютно уверена, что вы его найдете.

– Ну не знаю… Розы, вышивка…

– Да, моя дорогая. И в тот миг, как оно окажется у вас в руках, мне придется незамедлительно покинуть Англию. Вы в самом деле собираетесь опубликовать эту историю, невзирая на последствия?

– Да, именно так. Из-за этого письма погибло уже много людей. И я… кое перед кем в долгу. – В глазах Джоанны блеснули слезы.

– Перед вашим возлюбленным?

– Я… да, – вздохнула она. – Он умер, пытаясь спасти мне жизнь. И во всем виновато письмо.

– Что ж, тогда вперед. Как вы уже убедились, любовь заставляет нас принимать самые безрассудные и часто ошибочные решения.

– Да.

Роза поднялась и мягко коснулась рукой плеча Джоанны.

– Я оставляю все это вашей совести. И судьбе. Прощайте, моя дорогая. Если вы сумеете выжить, чтобы рассказать эту историю, то так или иначе оставите свой след в мире. В этом можете не сомневаться. Провожать вас не стану, хорошо?

Роза прошла в спальню и закрыла за собой дверь.

Эндшпиль

Стадия игры, когда на доске остается всего несколько фигур

40

– Привет, Саймон, – поздоровалась Зои, когда на следующий день в обеденное время он появился в кухне на Уэлбек-стрит.

– Привет. Все хорошо? – Саймон, казалось, выглядел напряженным.

– Да. Теперь, раз ты вернулся, мисс Берроуз уйдет?

– Она ушла, как только я приехал. Мне как-то не хочется делить с ней дом.

– Ясно. – Зои обмакнула палец в соус, который помешивала на плите. – Она привлекательная девушка.

– Боюсь, не в моем вкусе, – коротко ответил Саймон, насыпал в кружку растворимый кофе и залил горячей водой. – Что ты готовишь?

– А что можно приготовить для принца? – вздохнула она. – Главным блюдом на сегодняшнем ужине будет бефстроганов. Не лобстер «Термидор», конечно, но сойдет.

– Господи, сегодняшний ужин! Я совсем о нем забыл.

– Арт звонил мне вчера вечером. Он в Сандрингеме, сказал, что тебе нужно забрать его ближе к вечеру и привезти сюда. Я оставила Джоанне сообщение с просьбой приехать к восьми, как раз будет ко времени. К сожалению, двое моих друзей отказались прийти, так что нас будет только трое.

– Джоанна приедет? – Сердце Саймона пропустило удар.

– Да, хотя она даже не ответила на мое сообщение. Но мы очень сблизились, и мне бы хотелось узнать ее мнение об Арте.

– Может, позвонить ей и уточнить, сумеет ли она прийти?

– Да, наверное. – Зои вытерла руки о фартук. – Помешивай соус, ладно?

Она вернулась через несколько минут.

– Автоответчик, – вздохнула Зои, наблюдая, как Саймон роется в кухонных шкафчиках.

Обернувшись, он протянул ей бутылочку.

– Добавь немного табаско. Так соус будет еще пикантнее.

Позже в тот же день Саймону позвонили на мобильный.

– Мы нашли О’Фаррелла. Знал ведь, что он долго не выдержит без виски. Этот тип подписал квитанцию для оплаты с кредитной

карты при покупке в магазине спиртных напитков в Докленде.

– Ясно.

– Мы проверили знакомых О’Фаррелла. Похоже, у него есть приятель-журналист из Штатов, которому принадлежит квартира неподалеку от того магазина. Мои люди выяснили, что в данный момент в ней явно кто-то живет. Сейчас за домом пристально наблюдают. Мы узнали номер телефона той квартиры. Если О’Фаррелл выйдет в интернет, чтобы отправить статью, мы сможем тут же ее перехватить.

– А Хаслам?

– Ни следа.

– Сегодня вечером Хаслам приглашена сюда на ужин, хотя я сомневаюсь, что она придет. Ведь это все равно что войти в логово льва. Мне оставаться на месте?

– Да. Если ничего не выяснится, то, как и планировалось, заберите его королевское высочество из Норфолка. В это время вместо вас подежурит Берроуз. И держите оружие под рукой, Уорбертон. Я буду на связи.

Около пяти вечера Саймон остановил машину возле прелестного уединенного дома в поместье Сандрингем. Открыв дверцу, он выбрался из автомобиля. Дворецкий уже распахнул перед ним входную дверь.

– Боюсь, его королевское высочество немного задержится. Он предложил вам подождать внутри и выпить чаю.

– Благодарю.

Вслед за дворецким Саймон вошел в дом и проследовал по коридору в небольшую, но богато обставленную гостиную.

– «Эрл Грей» или «Дарджилинг»?

– Без разницы.

– Отлично, сэр.

Дворецкий вышел из комнаты. Не в силах усидеть на месте, Саймон принялся расхаживать взад-вперед. С какой стати именно сегодня герцогу нужно было задержаться? С каждой секундой, проведенной вдали от Уэлбек-стрит, он все больше нервничал.

Дворецкий принес чай и снова ушел. Саймон, по-прежнему рассеянно прохаживаясь по комнате, сделал глоток, потом еще и еще. Вдруг кое-что привлекло его внимание. На стене среди множества

бесценных картин висело нечто совсем простое. И подобную вещицу он уже недавно видел. Саймон подошел ближе, чтобы ее рассмотреть, и крепче сжал чашку во внезапно задрожавшей руке.

Он почти не сомневался, что она идентична, вплоть до мельчайших деталей.

Саймон достал мобильный телефон, чтобы позвонить, но в этот момент вошел дворецкий.

– Его королевское высочество готов к отъезду.

У Саймона решительно отобрали чашку и выпроводили его из комнаты.

* * *

Избрав себе в качестве удобного наблюдательного пункта телефонную будку на противоположной стороне Уэлбек-стрит, Джоанна позвонила на мобильный.

– Стив, это Джо. Не спрашивай, где я, но если хочешь сделать шикарную фотку, тащи свою задницу к дому Зои Харрисон. Сюда вот-вот прибудет герцог. Да, серьезно! Кстати, в доме есть черный ход, если пожелаешь поснимать внутри. Но, чтобы до него добраться, придется перелезть через несколько стен. А после жди возле дома, пока я не позвоню. До встречи.

Она набрала еще один номер, потом еще и еще, сообщая в фотоотделы всех ежедневных лондонских газет о том, куда сегодня приглашен на ужин принц Артур, герцог Йоркский. Теперь ей оставалось лишь дождаться приезда фотографов.

* * *

Когда Саймон незадолго до восьми вечера свернул на Уэлбек-стрит, один из фотографов тут же заметил машину.

– Проклятие! – выругался герцог, увидев перед домом Зои множество камер.

– Хотите уехать, ваше королевское высочество?

– Для этого уже немного поздновато. Вперед, нет смысла медлить.

Дождавшись, пока открылась дверца «Ягуара» и фотографы столпились вокруг машины, Джоанна перебежала через дорогу и ринулась в самую гущу толпы, пробираясь к дому впереди герцога и Саймона. Как Джо и предполагала, входная дверь распахнулась, словно по волшебству, и она ввалилась внутрь.

– Джо! Ты все-таки пришла! – рассеянно приветствовала ее Зои, с беспокойством глядя на Арта, который только что вошел в дом.

Саймон тут же захлопнул и запер дверь.

– Да, – выдохнула она, снимая фетровую шляпу, и встряхнула волосами. – Там настоящее столпотворение.

– Какое чудесное платье. Раньше я видела тебя только в джинсах.

– Потому что я обычно не ношу ничего другого. Но сегодня вечером решила принарядиться.

– И очки тебе очень идут. Ты выглядишь совсем по-другому.

– Хорошо, – искренне заметила Джоанна.

Зои поцеловала ее в щеку, затем обратила внимание на Арта, который застыл за спиной Джоанны.

– Привет, милый. Как ты? – начала она.

От раздавшегося шума все чуть не подпрыгнули на месте. Створка почтового ящика открылась, и в образовавшуюся щель просунулся кончик телеобъектива. Саймон тут же захлопнул створку. Судя по характерному скрежету пластика, камеру извлекли обратно.

– Предлагаю вам перейти в гостиную. Только дайте мне несколько секунд, чтобы задернуть шторы, – сказал Саймон недовольному принцу.

– Благодарю, Уорбертон.

Арт последовал за Саймоном по коридору. Зои удержала Джоанну за руку.

– Через миг я официально представлю тебя Арту, – прошептала Зои.

– Нужно сделать реверанс? Как мне его называть? – спросила Джоанна.

Зои подавила смешок:

– Просто веди себя как обычно. Он сам скажет, как к нему обращаться. Хотя лучше не упоминай, что ты журналист, – с легкой иронией проговорила она.

– Понятно. На сегодня я превращусь в кинолога, – кивнула Джоанна, вместе с Зои направляясь в гостиную. Но у самой двери вдруг остановилась: – Извини, мне нужно в туалет, – и, прежде чем Зои успела ответить, бросилась вверх по лестнице.

– Саймон, ты не мог бы принести шампанское? – попросила Зои, когда он вышел из гостиной. – Оно на кухне в ведерке со льдом.

– Конечно. – Саймон влетел в кухню, взял бутылку и отнес ее на столик в гостиной. – Теперь я вас покину, – произнес он и, перепрыгивая через две ступеньки, поднялся наверх.

Моника Берроуз ждала его на втором этаже.

– Она здесь, в спальне мальчика. Я только что ее видела. Заметив меня, она нырнула в ванную, – шепотом сообщила коллега.

– Ладно. Предоставь это мне. Спускайся вниз и займи пост возле входной двери.

– Конечно. Крикни, если понадоблюсь.

Проводив взглядом Монику, сбегающую по лестнице, он встал возле двери в ванную, чтобы дождаться Джоанну.

– Саймон! – донесся вдруг снизу крик Зои. – На кухне!

– Уорбертон! – присоединился к ней голос герцога.

Слетев вниз по двум лестничным пролетам, Саймон рванул по коридору в сторону кухни.

– Убери его отсюда! – прокричала Зои, в ужасе глядя на мужчину, который, застыв на пороге черного входа, стойко делал фотографии.

Саймон бросился к наглецу, повалил на пол и вырвал камеру у него из рук.

– Я всего лишь выполняю свою работу, шеф, – пробурчал он, когда Саймон сунул ему обратно камеру, из которой извлек пленку, и повел его через дом к входной двери.

По пути Саймон вытащил бумажник из кармана джинсов фотографа и записал имя, которое значилось на его водительских правах.

– Вам будет предъявлено обвинение в незаконном проникновении в чужое жилище. А теперь убирайтесь вон.

Саймон распахнул входную дверь и вышвырнул фотографа на улицу. Потом вернулся в кухню, где герцог утешал потрясенную Зои.

– Все хорошо? – спросил он ее.

– Да. Я сама виновата, что не заперла заднюю дверь.

– Вряд ли. За вопросы безопасности здесь отвечает Уорбертон. И работает крайне отвратительно.

– Приношу свои извинения, сэр.

– Не вини Саймона, Арт. Он всегда напоминает мне все запирать. И великолепно справляется. Не знаю, что бы я без него делала, – примирительно сказала Зои.

– Верно! Саймон – отличный парень, – поддержала появившаяся в кухне Джоанна.

Саймон обернулся и в тот же миг по ее виду понял: она нашла письмо.

– Что ж, давайте успокоимся и продолжим вечер, – раздраженно заметил герцог. – Мы позовем, если вы нам понадобитесь, Уорбертон.

– Да, сэр.

Саймон вышел из кухни и, поднявшись по лестнице, вошел в спальню Джейми. Да, все как он и ожидал. Гобелен исчез. В мусорной корзине в ванной лежала пустая рамка, а искусно вышитый детский стишок, который все эти годы хранился под стеклом и бесхитростно скрывал свою тайну, исчез.

– Нам всем конец, – пробормотал себе под нос Саймон.

Выйдя из ванной, он поднялся по лестнице в свою спальню и поспешно вытащил из кармана мобильный.

– Хаслам здесь, сэр. И нашла его.

– Где она?

– Внизу, наслаждается приятным ужином в компании наследника престола, третьего в очереди на трон. Она знает, что сейчас мы ее и пальцем не тронем.

– О’Фаррелл ей уже ничем не поможет. Мы нашли в его компьютере всю историю. Он ждал лишь письма. Уэлбек-стрит оцеплена. На этот раз ей не уйти.

– Нет, но в настоящее время, пока в доме находится его королевское высочество, у нас связаны руки.

– Тогда нужно немедленно его оттуда увести.

– Да, сэр. Прошу прощения, но у меня есть идея.

– Выкладывайте.

Саймон поделился своей задумкой.

* * *

– Сегодня вечером я лишний раз убедился, что тебе нельзя здесь оставаться, Зои. Мы немедленно уезжаем во дворец. Там ты, по крайней мере, будешь в безопасности. – Арт сложил нож и вилку. – Кстати, ужин потрясающий. А теперь простите, дамы, мне нужно в уборную. – И он вышел из столовой.

Женщины проводили его взглядами.

– Ну, что скажешь? – спросила Зои.

– О чем?

– Об Арте, конечно! Ты сегодня ужасно нервная, Джо, за ужином не проронила почти ни слова. Все хорошо?

– Да. Извини, я просто устала, вот и все. Твой принц… очень милый.

– Правда? Звучит неубедительно, – нахмурилась Зои.

– Ну, он немного… царственный и все такое, но это не его вина, – рассеянно заметила Джоанна.

– Ну да, он такой. – Зои неуверенно рассмеялась. – Я… теперь уже во всем сомневаюсь, – прошептала она.

– Почему?

– Ну, не знаю.

– Есть кто-то еще? – решила проверить свою догадку Джоанна. Она успела заметить, как Зои сегодня смотрела на Саймона.

– Да… может быть. Но я не уверена, что ему нравлюсь.

– Что ж, если ты покончишь с этими отношениями, не знаю, кто будет больше разочарован – Арт или твой доблестный защитник, – беспечно проговорила Джоанна.

– О чем ты?

Джоанна нервно взглянула на часы.

– Да так… ни о чем. Саймон тебя очень любит.

– Правда? – В глазах Зои вспыхнул огонек.

– Да. По-моему, ты должна последовать зову сердца. Жаль, что нам с Маркусом выпало так мало времени. Не трать свое впустую, – прошептала ей на ухо Джоанна, когда в столовую вернулся Арт. – Ладно, теперь моя очередь сбегать в туалет. Вернусь через минуту.

Она встала, бросила на Зои последний взгляд и, чувствуя, как на глаза наворачиваются непрошеные слезы, вышла из комнаты, пересекла прихожую и направилась вверх по лестнице. Заметив ее, Моника подала знак Саймону, стоящему за дверью столовой. Он кивнул и достал мобильный.

– Пора, сэр.

Тем временем Джоанна, запершись в ванной, лихорадочно набирала номер Стива.

– Это я. Подготовь мотоцикл. Выйду через две минуты. Сразу трогай с места без лишних вопросов.

Она успела лишь открыть дверь ванной, когда с улицы донесся вой сирен и громкий, усиленный мегафоном голос:

– Это полиция. Мы получили сообщение о бомбе на Уэлбек-стрит. Всем жителям следует немедленно покинуть свои дома. Повторяю: всем жи…

– Твою ж мать! – Джоанна в отчаянии стукнула костяшками пальцев по стене. – Вот дерьмо!

* * *

В столовую вошел Саймон.

– Нужно уходить немедленно. Ваше королевское высочество, мисс Харрисон, прошу вас.

– В чем дело? Что случилось? – спросила Зои, вставая с места.

– Что там творится? – раздраженно поинтересовался герцог.

– Сообщение о бомбе, сэр. Боюсь, нам придется освободить здание. Следуйте за мной, снаружи уже ждет машина.

Зои с Артом вышли из столовой вслед за Саймоном.

– Где Джоанна? – встревожилась вдруг Зои.

– Наверху, в туалете. Я ее выведу! – крикнула Моника Берроуз с верхней площадки лестницы.

– Нужно ее подождать, – предложила Зои.

– Скажи им, чтобы уходили! – прошипела женщина, и в спину Джоанны уперлась твердая холодная сталь.

– Идите на улицу, Зои. Я сейчас выйду! – дрожащим голосом крикнула Джоанна.

– Хорошо! – раздался ответный крик Зои, затем хлопнула входная дверь, и в доме воцарилась тишина.

– Не двигайся. У меня приказ стрелять на поражение, – предупредила Моника и, упираясь пистолетом ей в поясницу, повела Джоанну в спальню Джейми.

Через несколько минут к ним поднялся Саймон.

– Отпусти, Моника, я сам ею займусь. – Он поднял руку с зажатым в ней пистолетом.

Упиравшееся в спину дуло исчезло. Джоанна села на кровать. Рядом она увидела женщину, которую приметила еще на церемонии открытия памятного фонда.

– Джоанна.

– Что? – спросила она, глядя на Саймона в упор.

– Почему ты не бросила это дело, пока была такая возможность?

– А почему ты мне солгал?! Тогда в Йоркшире ты нес такую чушь! Позволил мне поверить, что я права.

– Я пытался спасти тебе жизнь.

– Ты все равно опоздал, – с напускной храбростью заявила Джоанна. – Алек все знает и к настоящему времени, вероятно, уже отправил эту историю куда следует. Если со мной что-нибудь случится, он знает, кого в этом винить.

– Алек мертв, Джоанна. Его нашли в квартире приятеля в Докленде и вовремя остановили. Боюсь, игра окон– чена.

– Ах ты ублюдок! – с ужасом выдохнула она. – Но… письмо-то у меня, – вызывающе добавила Джо.

– Обыщи ее, Берроуз.

– Отвали! – рявкнула Джоанна, пытаясь высвободиться из захвата женщины.

Вдруг прогремел выстрел. Джоанна и Берроуз резко обернулись. Пуля, выпущенная из пистолета Саймона, попала в стену и застряла в штукатурке. Джоанна с ужасом посмотрела на друга детства и поймала его жесткий, холодный взгляд. Теперь пистолет в руке Саймона был направлен прямо на нее.

– Не стоит подвергать себя унизительному личному досмотру, Джо. Просто отдай нам, что мы хотим, и никто не пострадает.

Джоанна судорожно кивнула, даже не пытаясь заговорить. Сунув руку в карман платья, она вытащила небольшой кусочек ткани и

протянула его Саймону.

– Вот, держи. Ты получил, что хотел. Скольких тебе пришлось убить, чтобы вернуть его, Саймон?

Никак не отреагировав на ее слова, он кивнул Берроуз, веля приглядеть за Джоанной, и сосредоточил внимание на кусочке ткани, покрытом изящной вышивкой.

«Колечко из роз…»

Здесь были и слова стихотворения, и сами розы.

Несмотря на охвативший ее страх, Джоанна, словно загипнотизированная, наблюдала, как Саймон перевернул клочок материи и осторожно снял подложку. Неужели после стольких лет правда наконец-то откроется? На обратной стороне кусочка ткани, прикрепленный к самой вышивке, оказался листок плотной кремовой бумаги, такой же, на котором было написано письмо, присланное ей Грейс.

Достав перочинный нож, Саймон разрезал аккуратные стежки и отделил бумагу от ткани. Потом прочитал письмо и кивнул Монике.

– То самое.

Аккуратно сложив листок, Саймон сунул его во внутренний карман пиджака и снова направил пистолет на Джоанну.

– Итак, что нам с тобой делать? Кажется, ты слишком много знаешь.

– Ты ведь не можешь хладнокровно убить меня, Саймон, – пробормотала Джоанна, больше не в силах смотреть в глаза друга, в которых застыл лед. – Господи, да мы же столько лет знакомы, с детства были лучшими друзьями. Дай мне убежать. Я… исчезну. Ты больше никогда меня не увидишь.

Заметив колебания Саймона, Моника Берроуз предложила:

– Давай лучше я этим займусь.

– Нет! Это моя работа.

Саймон сделал шаг вперед, и Джоанна отпрянула.

– Саймон, ради бога! – закричала она, съежившись в углу комнаты. Голова шла кругом, сердце колотилось с бешеной скоростью.

Он склонился над ней, так что его лицо оказалось совсем рядом, и направил пистолет ей в грудь.

– Саймон, пожалуйста! – взмолилась она.

Друг покачал головой:

– Не забывай, Джоанна. Это моя игра. И играть будем по моим правилам.

Она взглянула на него и прошептала хриплым от страха голосом:

– Я сдаюсь.

– Пиф-паф! Ты мертва! – И он дважды выстрелил в упор.

Едва успев вскрикнуть, Джоанна рухнула на пол. Саймон опустился на колени рядом с ней и пощупал пульс, затем послушал сердцебиение.

– Она мертва. Позвони и сообщи, что миссия полностью выполнена. Я приберусь здесь, потом отнесу ее в машину.

Берроуз, не двигаясь с места, изучала распростертое тело Джоанны.

– Ты знал ее с давних пор?

– Да.

– Боже, – выдохнула она. – Тогда тебе было нелегко в нее стрелять.

Моника подошла ближе и склонилась к телу, чтобы проверить пульс Джоанны.

– Ты знаешь правила, Берроуз, – повернулся к ней Саймон. – В нашем деле нет места сантиментам. Но лучше лишний раз перестраховаться.

И он снова выстрелил.

Через пятнадцать минут, когда открылась входная дверь дома номер десять, на Уэлбек-стрит никого не было. Наблюдатели, устроившиеся через дорогу, видели, как Уорбертон и Берроуз вышли на улицу, поддерживая с двух сторон еще одного человека, и направились к машине, припаркованной в нескольких футах от дома.

– Они в пути, – сообщил один из наблюдателей в портативную рацию.

Когда Саймон и Берроуз отъехали от дома, за ними на некотором расстоянии последовал еще один автомобиль.

Десять минут спустя они остановились на окраине закрытого промышленного района и перенесли тело из своей машины в ту, что была припаркована в нескольких футах позади. А потом, вернувшись в свой автомобиль, на максимальной скорости умчались прочь.

Двадцать минут спустя тишину окрестных улиц нарушил звук мощного взрыва.

41

Сунув руку в карман, Саймон вытащил письмо и протянул его через стол старику в инвалидном кресле.

– Вот, сэр. В целости и сохранности.

Без малейшего намека на эмоции сэр Генри Скотт-Томас взял его и прочитал.

– Благодарю, Уорбертон. Тело доставили без проблем?

– Да.

– У вас измученный вид, – заметил сэр Генри, изучая Уорбертона.

– Признаюсь, мне пришлось совершить крайне неприятный поступок, сэр. Мы с ней дружили с детства.

– Уверяю вас, мы этого не забудем. Подобная преданность встречается редко. Я обеспечу вам немедленное продвижение по службе. Кроме того, в конце месяца на ваш банковский счет поступит солидный бонус за тяжелую работу.

– Думаю, мне лучше отправиться домой и немного поспать, – проговорил Саймон, чувствуя подступающую к горлу тошноту. – Завтра, когда точно станет известно, кто погиб при взрыве бомбы, нас ждет еще один трудный день.

Сэр Генри кивнул:

– После похорон предлагаю вам взять небольшой отпуск и улететь туда, где тепло и солнечно.

– Я как раз об этом думал, сэр.

– Еще два вопроса – и вы свободны. Как справилась Берроуз?

– Она была сильно потрясена после случившегося. Сложилось впечатление, что Берроуз раньше не видела, как кого-то убивают с близкого расстояния.

– Такого рода вещи обычно, так сказать, отличают мужчин от мальчиков. Ей известно содержание письма?

– Нет, сэр. Могу вас заверить, она понятия не имела, что вообще происходило, – ответил Саймон.

– Прекрасно. Вы проделали отличную работу, Уорбертон. Первоклассную работу. А теперь доброй ночи.

– Доброй ночи, сэр. – Саймон встал и направился к двери, но, помедлив, снова повернулся к старику. – Еще кое-что, сэр.

– Да?

– Возможно, я проявляю сентиментальность, но вы, случайно, не знаете, где находятся останки Грейс? Просто я подумал, что после всего было бы правильно воссоединить ее с мужем, которого она так любила.

Старик немного помолчал, потом кивнул.

– Вполне. Я об этом позабочусь. Доброй ночи, Уорбертон.

С трудом держа себя в руках, Саймон добрался до мужского туалета дальше по коридору, где его обильно вывернуло наизнанку. Вытерев рот рукавом, он опустился на пол, отлично понимая, отчего Иэн Симпсон дошел до такого состояния.

Сам он никогда не сможет забыть страх в ее глазах, ощущение предательства, когда он нажал на курок.

Обхватив голову руками, Саймон разрыдался.

* * *

На рассвете следующего утра по дороге в Дорсет сэр Генри Скотт-Томас прочитал короткую статью на третьей странице «Таймс».

> В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЗРЫВА БОМБЫ ПОГИБЛИ ЖУРНАЛИСТЫ
>
> Прошлым вечером возле промышленной зоны в Бермондси в автомобиле взорвалась бомба, унеся с собой жизни двух человек: сидевшей за рулем двадцатисемилетней журналистки и ее редактора. Взрыв произошел после вечерних звонков о якобы заложенной бомбе, в результате которых движение транспорта в части Вест-Энда было ограничено на два часа. Жертвами взрыва, предположительно, стали Джоанна Хаслам, работавшая в «Морнинг мейл», и Алек О’Фаррелл, возглавлявший отдел новостей в том же издании. Полиция подозревает, что они могли слишком близко подобраться к раскрытию планов Ирландской республиканской армии. После февральского теракта в Канэри-Уорф

полиция находилась в состоянии повышенной готовности…

Он просмотрел другие статьи в газете и наткнулся на короткую заметку внизу четырнадцатой страницы.

ВОРОНЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ В БАШНЮ

Сегодня утром охранники лондонского Тауэра объявили, что всемирно известные вороны вернулись домой. Птицы, которые традиционно охраняли Тауэр на протяжении пятисот лет, полгода назад таинственным образом исчезли. Их искали по всей стране, но тщетно. Хотя во время Второй мировой войны в результате беспорядков, вызванных бомбардировками люфтваффе[34], численность воронов сократилась всего до одного, никогда прежде Тауэрская башня не оставалась без их защиты. Птиц начали охранять еще во времена Карла II, когда король издал указ об их защите. Согласно легенде, если вороны однажды навсегда покинут Тауэр, монархия падет.

Прошлой ночью смотритель с немалым облегчением обнаружил Седрика, Гвилума, Харди и остальных воронов в их жилище неподалеку от Тауэр-Грин. После того как птицы хорошо поели, смотритель объявил, что они в отличной физической форме, однако затруднился объяснить их временное исчезновение.

– Мы прибыли, сэр.

– Благодарю.

Водитель достал из машины инвалидное кресло и помог выбраться и сесть в него сэру Генри.

– Куда вы, сэр?

Сэр Генри указал направление.

– Оставьте меня здесь и заберите через десять минут.

– Очень хорошо, сэр.

Как только водитель ушел, сэр Генри внимательно посмотрел на могилу перед собой.

– Итак, Майкл, мы снова встретились. – Собрав все силы, он открутил крышку канистры, которую сжимал в руке, и высыпал ее содержимое на могилу. – Покойся с миром.

Частицы праха, казалось, танцевали в лучах раннего утреннего солнца, многие из них оседали на растущем на могиле розовом кусте.

Старческие руки сэра Генри вдруг задрожали, в груди возникла ноющая боль, которая усиливалась с каждым вдохом.

Но его это не слишком волновало. Наконец-то все закончилось.

42

Зои, пытаясь подавить рыдания, смотрела, как гроб опускается в землю. Она перевела взгляд на бледные, осунувшиеся лица родителей Джоанны, застывших напротив нее у изголовья могилы, на Саймона, чье лицо походило на страдальческую маску.

Когда церемония закончилась, собравшиеся начали расходиться. Одни направились на чай на ферму Хасламов, другие – прямиком в Лондон, в редакции своих газет. Зои медленно побрела к церковным воротам тихого очаровательного кладбища, приткнувшегося на краю небольшой деревушки на вересковых пустошах.

Ее догнал Саймон.

– Привет, Зои. Как ты?

– То ничего, то в полном ужасе, – вздохнула она. – Я просто не могу принять случившееся. Совсем недавно она обнимала меня на кухне, а теперь… Господи, ее больше нет. Как и Джеймса, и Маркуса… Я уже начинаю задумываться, не проклята ли наша семья.

– Даже если ты будешь вечно корить себя, Джоанну, твоего дедушку или Маркуса уже не вернешь.

– Я читала в газетах, что они с редактором вскрыли какой-то террористический заговор. Но она ни разу даже не упоминала об этом.

– Ну, ничего удивительного.

– Да. Что ж… – Зои сглотнула; от противоречивых эмоций пересохло во рту. – А ты как?

– Честно говоря, тоже довольно паршиво. Вновь и вновь прокручиваю в голове тот вечер. Жаль, что я не дождался ее, как ты предлагала. – Саймон остановился у ворот и оглянулся на могилу, на свежий холмик земли, освещенный ярким йоркширским солнцем. – Я взял отпуск. Хочу хорошенько над всем поразмыслить.

– Куда поедешь?

– Не знаю. Может, немного попутешествую, – печально улыбнулся он. – Здесь, в Англии, меня уже ничто не держит.

– Когда уезжаешь?

– В ближайшие пару дней.

– Я буду скучать по тебе. – Слова сорвались с ее губ прежде, чем она успела их остановить.

– Я тоже буду по тебе скучать. – Он прочистил горло. – Как жизнь во дворце с принцем?

– Хорошо, – проговорила Зои. – Думаю, после всего случившегося разумнее всего мне было переехать. Честно говоря, я еще толком не освоилась, но прошло всего несколько дней. Завтра мы с ним впервые официально появимся вместе на публике. Подумать только, на премьере фильма, – улыбнулась она.

– Жизнь полна иронии, – пожал плечами Саймон.

– Вот уж точно.

– Поедешь к родителям Джоанны на чай? – спросил он. – Я представлю тебя своим маме и папе. Они очень впечатлились, узнав, что мы знакомы.

– Боюсь, не смогу. Я обещала Арту сразу же вернуться. Меня ждет новый водитель. – Она кивнула на «Ягуар» на маленькой автостоянке. – Ну вот, кажется, пришло время прощаться. Большое спасибо за все. – Зои подалась вперед и поцеловала его в щеку.

Он крепко сжал ее руку.

– Спасибо. Прощай, Зои. Мне очень нравилось присматривать за тобой.

Она быстро пошла вперед, не желая, чтобы он заметил ее слезы, но, услышав, как Саймон что-то пробормотал себе под нос, остановилась и обернулась, не в силах скрыть возникшую в душе надежду.

– Ты что-то сказал, Саймон?

– Нет. Просто… пожелал удачи.

– Хорошо. Спасибо. – Зои печально улыбнулась. – Прощай.

Саймон не сводил с нее взгляда, пока она садилась в «Ягуар». А после, когда машина уже скрылась из виду, добавил:

– Любимая моя.

* * *

На следующий день Саймон поднялся на верхний этаж Темз-хауса, прошел по застеленному толстым ковром коридору и остановился возле пожилой секретарши в приемной.

– Здравствуйте, на три у меня назначена встреча с сэром Генри, – проговорил он.

Однако женщина не ответила. Лишь глаза ее наполнились слезами.

– О, мистер Уорбертон!

– В чем дело?

– Сэр Генри умер прошлой ночью у себя дома. Судя по всему, от сердечного приступа. Никто ничего не смог сделать. – Женщина спрятала лицо за промокшим кружевным платочком.

– Понимаю. Какая… трагедия. – Саймон едва сдержался, чтобы не сказать «ирония». – К сожалению, я не знал.

– Еще никто не знает. Об этом объявят сегодня в шестичасовых новостях. Но, – всхлипнула она, – нам велено продолжать работу, как будто ничего не случилось. В кабинете сэра Генри вас ждет мистер Дженкинс. Так что проходите.

– Спасибо. – Саймон подошел к тяжелой, обшитой дубовыми панелями двери и постучал.

– Уорбертон! Входите, старина.

– Здравствуйте, сэр, – проговорил Саймон, ничуть не удивленный видом Дженкинса, ухмыляющегося, словно школьник, из-за огромного письменного стола. – Приятно видеть вас здесь.

– Хотите выпить? Как вы понимаете, сегодня суматошный день. Жаль, что старина скончался, но признаюсь, что все его подчиненные вздохнули с облегчением. Сэр Генри упорно оставался на своем посту, и все мы, конечно, потакали ему, но я уже много лет вполне успешно выполнял его работу. Само собой, это строго между нами. Вот, держите. – Дженкинс протянул ему бокал бренди. – Ваше здоровье.

– За вашу новую должность? – вопросительно поднял бровь Саймон, когда они чокнулись бокалами.

Дженкинс постучал себя по носу:

– Придется подождать официального объявления.

– Поздравляю. – Саймон посмотрел на часы. – Простите, что тороплю вас, сэр, но сегодня вечером я улетаю в отпуск и до сих пор не успел заехать домой, чтобы собрать вещи. Зачем вы хотели меня видеть?

– Давайте присядем. – Дженкинс указал на кожаные кресла в углу комнаты. – После… э-э… небольшого огорчения вы, без сомнений,

полностью заслужили свой отпуск. Но так уж вышло, что, пока вы будете за границей, у нас найдется для вас дело. И, учитывая деликатность ситуации, мне бы не хотелось посвящать в нее кого-либо еще.

– Сэр, я…

– Моника Берроуз не вышла на работу. Мы узнали, что на следующий день после инцидента на Уэлбек-стрит она вернулась в Штаты. Ее въезд в страну зарегистрировали в службе паспортного контроля Вашингтона. Однако она до сих пор не появлялась в своем офисе.

– Но, сэр, если Берроуз вернулась в Штаты, мы ведь больше за нее не отвечаем? Не наша вина, что она решила отправиться домой.

– В самом деле. Но вы уверены, что она понятия не имела, из-за чего начался весь сыр-бор?

– Абсолютно, – твердо проговорил Саймон.

– Тем не менее при сложившихся обстоятельствах меня беспокоит, что столь деликатная информация могла уплыть на ту сторону Атлантики. После всего случившегося нам меньше всего нужные подобные недоработанные мелочи.

– Понимаю, но могу заверить, что их нет.

– К тому же ЦРУ хочет знать, что случилось с Моникой. Не хотелось бы создавать напряженность в отношениях, поэтому я пообещал, что вы к ним заглянете. Не вижу в этом проблем, раз уж вы все равно летите в Штаты.

– Откуда вы знаете? Я ведь только сегодня утром забронировал билет на рейс в Нью-Йорк!

– На это я даже не стану отвечать, – поднял бровь Дженкинс. – Так вот, от Нью-Йорка недалеко лететь до Вашингтона. Ради спокойствия ЦРУ, с которым я надеюсь поддерживать гораздо более тесные отношения, чем мой предшественник, нужно кого-то к ним отправить. А учитывая злополучную ситуацию, с которой вы так умело справились, для всех же будет лучше, если поедете вы. Они потребуют полный отчет о том, что произошло тем вечером, захотят узнать о психическом состоянии Берроуз и тому подобное. Плюс в том, что в этом случае ваш отпуск будет полностью оплачен, все по высшему разряду. Мы уже поменяли ваш билет на первый класс. Вам понадобится максимум два или три дня, чтобы их успокоить.

– Хорошо. – Саймон с трудом сглотнул. – Честно говоря, сэр, я просто хотел немного отдохнуть от службы, – твердо добавил он.

– И у вас будет такая возможность. И все-таки, однажды став агентом, вы остаетесь им навсегда. Вам ведь известны правила, Уорбертон.

– Да, сэр.

– Отлично. При выходе распишитесь в получении кредитной карты компании. Но слишком уж не безумствуйте.

– Всеми силами постараюсь, сэр. – Саймон поставил бокал на стол и поднялся на ноги.

– По возвращении вас будет ждать хорошее повышение по службе. – Дженкинс тоже встал и пожал ему руку. – До встречи, Уорбертон. Оставайтесь на связи.

Дженкинс проводил взглядом вышедшего из кабинета Саймона. Талантливый агент, они с сэром Генри прочили ему великое будущее. Во время эпопеи с Хаслам парень в полной мере проявил свой характер. Возможно, роскошный отпуск немного смягчит его боль.

Дженкинс налил себе еще бренди из графина сэра Генри и с удовольствием обвел взглядом свои новые владения.

* * *

Зои застыла у зеркала и провела рукой по волосам, которые парикмахер, приходивший в ее покои во дворце, свернул в пучок на затылке.

– Слишком туго, – раздраженно пробормотала она, пытаясь немного ослабить узел и смягчить стиль прически.

Накрасили ее тоже слишком ярко, потому Зои смыла всю косметику и сама заново наложила макияж. Ладно хоть платье от «Живанши» из темно-синего шифона выглядело сногсшибательно, однако сама Зои ни за что такое бы не выбрала.

– Я похожа на разодетую куклу, – печально прошептала она, глядя на свое отражение.

Вдобавок ко всему Арт позвонил ей час назад и сообщил, что задержится на другом мероприятии. Они встретятся уже внутри кинотеатра, а значит, Зои, выйдя из машины, предстанет перед прессой

в полном одиночестве. Что еще хуже, когда она в последний раз разговаривала с Джейми, голос у сына был очень печальный. Он больше не хотел учиться в этой школе, поскольку мальчики изводили его насмешками. Кроме того, у нее осталось всего двадцать четыре часа, чтобы дать окончательный ответ Голливуду, а она так и не поговорила с Артом…

– Джеймс, Джоанна и Маркус умерли, а Саймон уехал! – простонала Зои, в отчаянии опускаясь на пол.

В памяти всплыл вчерашний день и лицо Саймона.

«Я тоже буду по тебе скучать», – сказал он.

– Господи! Я безумно люблю его! – выдохнула Зои, предаваясь жалости к себе.

Почти все на свете лишь позавидовали бы ее положению, однако в данный момент она чувствовала себя самой одинокой женщиной в мире.

Услышав звонок мобильного, Зои встала и при виде имени Джейми на экране тут же взяла трубку.

– Привет, дорогой, – как можно жизнерадостнее проговорила Зои. – Как дела?

– Нормально. Я звоню спросить, что мы будем делать в каникулы на следующей неделе.

– А чем бы ты хотел заняться?

– Не знаю. Просто уехать подальше от школы. И от Англии.

– Хорошо, малыш. Тогда давай что-нибудь придумаем.

– А у тебя получится? Ты ведь теперь живешь во дворце…

– Я… – Хороший вопрос. – Я попробую.

– Ладно. По крайней мере, Саймон сможет приехать и забрать нас.

– Джейми, Саймон уехал.

– Вот как. – Голос сына дрогнул. – Я буду по нему скучать.

– Да, я тоже. Послушай, я поговорю с Артом и посмотрю, что можно сделать.

– Ладно, – повторил Джейми, явно такой же опечаленный, как и она сама. – Я люблю тебя, мама.

– Я тоже тебя люблю. Увидимся в следующую пятницу.

– Да. Пока.

Повесив трубку, Зои подошла к окну, из которого открывался вид на великолепные дворцовые сады. Как же ей хотелось распахнуть

дверь, сбежать вниз по бесчисленным лестничным пролетам, миновать нескончаемые коридоры, устланные бесценными коврами, и скрыться среди деревьев. Несмотря на огромные размеры дворца, за проведенные здесь десять дней Зои, как бы нелепо это ни звучало, чуть не сошла с ума от клаустрофобии. Она чувствовала себя так же, как в тот день, когда оказалась запертой в доме на Уэлбек-стрит. Вот только в тот раз рядом был Саймон, который помог ей справиться.

Здесь каждое желание Зои было сродни приказу, и вышколенный персонал исполнял все, что она хотела. Ей не оставили лишь свободы приходить и уходить по своему усмотрению. А Зои безумно хотелось выбраться за высокие дворцовые стены, просто выйти в одиночестве на улицу и прогуляться хотя бы до магазина за молоком.

– Я так не смогу, – прошептала она, потрясенная тем, что впервые осмелилась высказать свои чувства вслух. – Я сойду с ума. Господи, просто тронусь…

Зои отошла от окна и принялась расхаживать взад-вперед по огромной спальне, пытаясь решить, что же делать.

Любила ли она Арта настолько, чтобы пожертвовать в угоду этому чувству своим собственным «я» и счастьем своего ребенка? Что за жизнь ожидает здесь Джейми? Проведя десять дней во дворце, Зои уже знала, что, по мнению «семьи», мальчика следует держать в тени. Когда она спросила Арта, что конкретно это означает, он лишь отмахнулся.

– Любимая, ему еще восемь лет учиться в школе-интернате. А с каникулами разберемся по ходу дела.

– Это ведь твой сын, – прошипела Зои.

И услышала стук в дверь.

– Иду! – прокричала она, сунула мобильный в крошечную сумочку, которую стилист подобрал в тон к ее платью, и, глубоко вздохнув, направилась к двери.

* * *

К выходу на посадку Саймон успел в последнюю минуту.

– Немедленно поднимайтесь на борт, мистер Уорбертон. Посадка на ваш рейс почти закончилась.

– Конечно. – Саймон протянул женщине паспорт и посадочный талон.

В этот момент зазвонил мобильный. Взглянув на экран, он увидел номер Зои и тут же ответил – просто не мог иначе.

– Зои, как ты?

– Паршиво, – всхлипнула она. – Я сбежала.

– Откуда?

– Из дворца.

– Почему? Как?.. Где ты?

– Прячусь в туалете кафе в Сохо.

– Что?! – Саймон едва ее слышал.

– По пути на премьеру фильма я сказала водителю, что мне срочно нужно в туалет. Я больше так не могу. Просто… не в силах это продолжать. Саймон, что мне делать?

Услышав в трубке рыдания Зои, он не обратил внимания на взволнованные жесты сотрудницы аэропорта, которая стояла возле выхода на посадку.

– Я правда не знаю, Зои. А чего ты сама хочешь?

– Я хочу… – Она вдруг замолчала.

Женщина у выхода изобразила, что перерезает себе горло, и указала на дверь, ведущую к самолету.

– Да? – подбодрил он.

– О, Саймон, я хочу быть с тобой!

– Я… – Он сглотнул. – Ты уверена?

– Да! Иначе зачем бы мне стоять здесь, посреди вонючего туалета, в платье стоимостью несколько тысяч фунтов стерлингов? Я… люблю тебя!

Сотрудница возле выхода покачала головой, пожала плечами и закрыла дверь. Саймон послал ей улыбку.

– Итак, – продолжил он, – откуда тебя нужно спасать на этот раз? – Зои сообщила. – Ладно, – проговорил Саймон, шагая в обратном направлении по коридорам, ведущим на посадку. – Постарайся найти запасной выход, обычно он бывает на кухне. Потом дай мне знать.

– Конечно. Спасибо, Саймон, – усмехнулась в трубку Зои.

– Я приеду за тобой в течение часа. И кстати…

– Да?

– Я тоже тебя люблю.

Пешка становится ферзем

Когда пешка достигает восьмого ряда клеток, то превращается в самую сильную фигуру на доске – ферзя

43

Ла-Пас, Мексика
Июнь 1996 года

Нанятый Саймоном таксист миновал живописную набережную и заполненные туристами улочки и остановил машину в более захудалом районе города. Напротив, возле стены с нанесенным граффити, тусовалась группа молодых людей, явно не знающих, чем себя занять. Впрочем, отсюда открывался потрясающий вид на пляж. За полосой белого песка, на котором под лучами яркого солнца загорали несколько туристов, расстилалась мерцающая аквамариновая гладь Тихого океана.

Саймон вошел в кафе «Кабана», неряшливый вид которого противоречил экзотическому названию, и заказал у мексиканца, потеющего за барной стойкой, двойной эспрессо, потом устроился за столиком у открытого окна. Он окинул взглядом зал, но единственной женщиной в этом заведении оказалась высокая стройная блондинка с покрытой золотисто-коричневым загаром кожей, похожая на калифорнийку. Она соскользнула с табурета возле барной стойки и направилась к столику Саймона.

– Здесь занято? – спросила она с американским акцентом.

– Пока нет, но я кое-кого жду.

Она уселась на стул и с четко выраженным йоркширским акцентом заявила:

– Да, Саймон, тупой придурок. Ты ждешь меня!

Он пораженно застыл, глядя на преобразившуюся женщину. Саймон был знаком с ней с самого детства, но сейчас ни за что на свете бы не узнал. Единственное, что осталось прежним, – ее карие глаза.

Вскоре они вышли из кафе и, спустившись на пляж, сели на песок. Как всегда, ей хотелось знать все в мельчайших подробностях.

– Как прошли мои похороны?

– Крайне трогательно. Все заливались слезами, включая меня.

– Хорошо, что хоть кого-то взволновала моя смерть, – пошутила она. – Честно говоря, если я не буду воспринимать все с юмором, то просто разрыдаюсь.

– Не волнуйся, еще как взволновала.

– Как мои мама с папой?

– Честно?

– Конечно.

– Раздавлены горем.

– О боже, Саймон, я… – Ее голос дрогнул. Сбросив босоножки, она зарылась пальцами ног в песок. – Хотела бы я… – Она покачала головой. – Жаль, что я не могу им рассказать.

– Джоанна, это был единственный выход.

– Знаю.

Они немного помолчали, глядя на море.

– Как ты… вообще? – спросил Саймон.

– О, справляюсь потихоньку, хотя довольно тяжело быть человеком без имени. Как ты и просил, я выбросила паспорт и кредитные карточки Моники Берроуз сразу же по прибытии в Вашингтон. Потом отправилась в Калифорнию и заплатила человеку, чей контакт ты мне дал, кучу денег, чтобы он переправил меня через границу. Последние пару недель я работала в баре неподалеку отсюда, но деньги быстро заканчиваются.

– Что ж, по крайней мере, ты выбралась из Великобритании живой.

– Да, хотя порой я начинаю задумываться, не лучше ли мне было умереть. Боже, это так тяжело, Саймон. Я пытаюсь не опускать руки, но…

– Иди сюда.

Саймон притянул подругу к себе, позволяя ей выплакать всю скопившуюся боль. Он нежно гладил ее по волосам, зная, что отдал бы все на свете, лишь бы все обернулось иначе.

– Извини, я… – Джоанна села и грубо вытерла глаза костяшками пальцев. – Я просто расклеилась, увидев тебя. Не волнуйся, со мной все будет хорошо.

– Боже, не извиняйся, Джо. Ты отлично справилась, правда. Я тебе кое-что привез. – Саймон порылся в кармане и достал конверт. – Как и обещал.

– Спасибо. – Джоанна взяла конверт и вытащила американское свидетельство о рождении, паспорт гражданки Соединенных Штатов и карточку с номером. – Маргарет Джейн Каннингем, – прочитала она. –

Родилась в Мичигане в 1967 году… Эй, Саймон! Ты сделал меня на год старше! Какая прелесть.

– Извини, но это самое близкое, что я смог найти из «готовых» подлинных удостоверений личности. У тебя есть номер социального страхования, так что ты сможешь легально устроиться на работу.

– Ты уверен, что все это законно?

– Конечно, поверь мне, тебе придется только добавить свою фотографию. Я специально оставил пластик открытым, как чувствовал. Ведь теперь ты скорее похожа на героиню «Спасателей Малибу». Кстати, мне так больше нравится.

– Что ж, время покажет, так ли уж сильно везет блондинкам, – фыркнула Джоанна. – Кстати, о блондинках. Как Зои?

– Счастливо живет вместе с Джейми на очень комфортабельной вилле в Бель-Эйр, любезно предоставленной компанией «Парамаунт».

– Что?! Она рассталась с Артом?

– Да. Ты разве не читала об этом?

– Боже, нет. В последние несколько недель я вообще боялась брать прессу в руки. Все думала, что на первой полосе непременно увижу свою фотографию с надписью «Разыскивается!», – испустила смешок Джоанна. – Но я знала, что Зои сомневалась в своих чувствах к Арту. Она в конце концов решилась из-за съемок в фильме?

– Отчасти да, но, по правде, была и другая причина… – Шею Саймона залил знакомый яркий румянец.

– Ты имеешь в виду…

– Да, – с улыбкой подтвердил он. – И мы безумно счастливы вместе.

– Очень рада за вас обоих. Кстати, может ли твоя старая подруга Маргарет Каннингем прийти на свадьбу? – поинтересовалась Джоанна. – Пожалуйста! Меня никто не узнает, ведь даже ты…

– Джо, ты и сама знаешь ответ. К тому же это было бы несправедливо по отношению к Зои или Джейми. Мы с тобой на своей шкуре узнали, каким тяжким бременем может быть сохранение тайны. Прости, если это звучит грубо, но уж что есть.

– Я все понимаю. Просто… скучаю по ней. И по всем, кого люблю. – Джоанна легла на спину и посмотрела в синее небо. – Слава богу, что эта жуткая история хоть кому-то принесла счастье. Из-за нее погибло столько людей. И бедняга Алек.

– Знаешь, отчего-то мне кажется, что подобный конец он посчитал бы достойным завершением своей жизни. Ведь Алек отправился на тот свет, раскрыв самую скандальную историю двадцатого века. До самого конца он оставался репортером до мозга костей.

– Прости, Саймон, но это не оправдывает чью-либо смерть.

– Конечно же нет.

– Мне до сих пор снятся кошмары о вечере, когда я «умерла», – содрогнулась Джоанна. – Я вплоть до самого последнего момента искренне верила, что ты меня убьешь.

– Все должно было выглядеть правдоподобно, Джо, чтобы убедить Монику Берроуз. Мне нужен был свидетель, который сообщил бы руководству, что я выполнил грязное задание.

– Ох уж эти глупые игры в индейцев и ковбоев, прямо как в детстве на вересковых пустошах, – задумчиво проговорила она. – «Это моя игра, и играть будем по моим правилам», а потом я говорила: «Сдаюсь», и ты заявлял…

– Пиф-паф, ты мертва, – закончил за нее Саймон. – Хвала Господу за эти игры. Ведь так я смог спокойно предупредить тебя, чтобы ты «умерла».

– Но в стену спальни Джейми ты стрелял по-настоящему, верно?

– Целиком и полностью, – кивнул Саймон. – И хотя следующие две пули были холостыми, я обливался холодным потом, поскольку не было времени как следует все проверить. Мне пришлось заряжать оружие, пока я взбегал по лестнице в спальню Джейми. Следовало торопиться, иначе был риск, что Моника тебя прикончит.

– Как же ты смог ее убить?

– Когда Моника подошла, чтобы проверить твой пульс, то забыла о собственном пистолете. Я выхватил оружие у нее из рук и, прежде чем она поняла, что происходит, сделал выстрел.

– Боже, Саймон, ведь Моника была моложе меня…

– Ее неопытность спасла тебе жизнь, Джо.

Приподнявшись на локтях, Джоанна внимательно посмотрела на Саймона.

– Подумать только, ведь я когда-то в тебе сомневалась. Мне никогда не отплатить за то, что ты сделал для меня тем вечером…

– Ну, надеюсь лишь, что в мой судный день Он меня простит. Выбор-то в конечном счете был невелик: либо ты, либо она.

– А что твой босс? Обрадовался, что столько лет спустя заполучил свое сокровище? – спросила Джоанна.

– Неимоверно. Возможно, прозвучит глупо, но ближе к концу я даже сочувствовал ему. Он просто выполнял свою работу. Пытался защитить то, во что верил.

– Ну нет, Саймон. Никогда и ни за что он не вызвал бы у меня ни одной слезинки. Подумай обо всех, кто погиб. Грейс, Уильям, Киара, Иэн Симпсон, Алек, несчастный Маркус…

– Но ведь не он изначально заварил всю эту кашу.

– Похоже, что нет.

– Кстати, на следующий день после того, как я вернул ему письмо, старик скончался от обширного сердечного приступа.

– Не жди, что я буду о нем скорбеть.

– Конечно нет. Но знаешь, что самое странное? Я понял, где спрятано письмо, всего за пару часов до того, как ты появилась на Уэлбек-стрит.

– Каким же образом?

– Я был в Сандрингеме, ждал герцога, чтобы отвезти его в Лондон, и заметил вышивку в рамке на стене. Почти идентичную той, которую видел над кроватью Джейми несколько недель назад. Доберись я туда раньше, всего, что случилось потом, можно было бы избежать. – Саймон откинулся на песок. – Я знаю, как ты докопалась до правды.

– В самом деле?

– Да. Судя по всему, сорока на хвосте принесла, – подмигнул Саймон.

– С ней все хорошо?

– Думаю, да. Как я слышал, она в безопасности в Америке.

– Я рада. Она отличная женщина, – тихо сказала Джоанна. – Кстати, ты уже задумывался об иронии судьбы? Ну, бывший возлюбленный Зои – его тезка.

– Да. Странно, правда? И нынешний герцог, похоже, сильно расстроился, когда Зои ушла от него… Можно сказать, история повторяется.

– Безусловно, – согласилась Джоанна. – Кроме того, ты, должно быть, уже выяснил, почему дворец был так решительно настроен

против отношений Зои и герцога? Ведь на самом деле, благодаря Джеймсу, они двоюродные брат и сестра, так что Джейми…

– Просто не лезь в это, Джо, – передернул плечами Саймон. – Кстати говоря, среди аристократии вполне обычно жениться на кровных родственниках. Большинство членов европейских королевских семей состоят в родстве друг с другом.

– Какой ужас, – вздохнула Джоанна.

– Да уж. Ладно, давай сменим тему. Ты уже решила, что будешь делать дальше?

– Нет, разве что могу с уверенность заявить, что теперь буду зваться Мэгги. Всегда терпеть не могла имя Маргарет, – чуть заметно улыбнулась Джоанна. – Что ж, раз я полноправная гражданка Америки, то можно подумать и о будущем. Не смейся, но я всегда мечтала написать шпионский роман.

– Джо…

– Серьезно, Саймон, давай смотреть правде в глаза. В эту историю все равно никто не поверит. Так почему бы и нет? В любом случае я придумаю героям другие имена.

– Предупреждаю тебя, не стоит.

– Ладно, поживем увидим. А у тебя какие планы? – поинтересовалась она.

– Мы с Зои решили в обозримом будущем остаться в Лос-Анджелесе. Было бы разумно начать все с нуля. Тем более после выхода «Неугомонного духа» Зои, судя по всему, завалят предложениями о работе. Пару дней назад мы ездили присматривать школу для Джейми. В прежней ему пришлось несладко, но здесь у всех родители – знаменитости, и он ничем не будет выделяться.

– А что с твоей работой?

Саймон пожал плечами:

– Еще не решил. В конторе предлагают перевести меня в здешний офис, однако Зои загорелась безумной идеей, чтобы я открыл ресторан. Она хочет вложить туда деньги.

– Ну, мы всегда об этом говорили, – хихикнула Джоанна. – Вот только сможешь ли ты отказаться от прежнего образа жизни?

– По правде говоря, я не убийца. И тот факт, что во время этой истории мне пришлось отнять несколько жизней, будет вечно меня

преследовать. – Саймон покачал головой. – Надеюсь, ни Зои, ни Джейми никогда не узнают, что я сделал.

Джоанна накрыла его руку своей.

– Ты спас мне жизнь, Саймон. Вот что ты сделал.

– Да. – Он сжал ее ладонь. – Джоанна, ты ведь понимаешь, что ради твоего же блага нам лучше больше не видеться.

– Понимаю, – печально согласилась она и пожала плечами.

– Кстати, у меня для тебя еще кое-что есть. – Саймон достал из кармана шорт конверт и протянул ей.

– Что в нем?

– Двадцать тысяч фунтов в долларах – премия, которую мне заплатили за находку письма. Эти деньги по праву твои. Они помогут тебе начать все сначала.

– Саймон, я не могу их взять, – покачала головой Джоанна, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

– Конечно же можешь. Зои зарабатывает огромные деньги, к тому же мой босс настоял, что оплатит все расходы, пока я в Штатах расследую исчезновение Моники.

– Спасибо, Саймон. Обещаю, что найду им хорошее применение.

– Я в этом не сомневаюсь, – кивнул он и, когда Джоанна сложила конверт и убрала в рюкзак, добавил: – Там есть и кое-что еще. Я подумал, что ты должна его прочитать. Что ж… – Саймон помог ей встать. – Боюсь, пришло время прощаться. – Он крепко обнял ее.

– О боже. – Джоанна разрыдалась, уткнувшись ему в плечо. – Мне невыносима мысль, что я никогда тебя больше не увижу.

– Знаю. – Он нежно стер ее слезы пальцем. – Пока, Бутч.

– Держись, Сандэнс, – прошептала она.

Махнув ей рукой, Саймон развернулся и зашагал прочь. Лишь когда он ушел с пляжа, Джоанна подхватила рюкзак и спустилась к самой кромке воды.

Встав коленями на песок, она нашла бумажную салфетку и высморкалась. Потом сунула руку в конверт, который он ей оставил, и достала свернутый лист бумаги.

Йорк-коттедж, Сандрингем
10 мая 1926 года

Мой дорогой Сиам,

пойми, что лишь любовь к тебе заставляет меня писать эти строки. Страх, что кто-то желает причинить тебе вред, для меня превыше заботы о себе или здравого смысла. Я доверила это письмо надежным рукам, и, даст бог, оно попадет к тебе без всяких помех.

Хочу сообщить радостную новость о появлении на свет нашей малышки. У нее твои глаза и, возможно, твой нос. Эта девочка – настоящая принцесса, даже если в ее жилах течет не королевская кровь. Мне бы очень хотелось, чтобы настоящий отец смог увидеть ее, взять на руки, но, конечно, это невозможно, и мне предстоит печалиться об этом до конца своих дней.

Дорогой мой, умоляю тебя сохранить это письмо в целости и сохранности. Одной угрозы его существования для тех немногих, кому известна правда, должно быть достаточно, чтобы позволить тебе благополучно прожить всю жизнь. Я верю, что, когда придет твой час покинуть этот мир, ты избавишься от него, чтобы, ради блага нашей дочери, оно не оставило след в истории.

Больше я не смогу тебе писать, любовь моя.

Твоя навеки

Вместо подписи стоял все тот же знакомый росчерк. Конечно, это был не оригинал, но даже ксерокопия не умаляла значимости только что прочитанных строк.

Принцесса, родившаяся в королевской семье, была зачата от простолюдина при самых невероятных обстоятельствах. У этой малышки, в то время лишь третьей в очереди на трон, почти не существовало шансов взойти на престол. Однако, по иронии судьбы, некто предпочел любовь долгу, и маленькая принцесса стала королевой.

Джоанна встала, сжимая письмо в руке. Ее вдруг охватило острое искушение отомстить за все разрушенные жизни, включая свою собственную. Но гнев схлынул так же быстро, как и появился.

– Наконец-то все кончено, – прошептала она призракам, которые, возможно, подслушивали.

Джоанна подошла к кромке воды, разорвала письмо на кусочки и подбросила их в воздух. Ветер тут же подхватил обрывки бумаги и унес прочь.

Потом она вернулась в кафе «Кабана», чтобы залить свои печали текилой.

Сидя возле барной стойки, Джоанна потягивала напиток, постепенно осознавая, что сегодня для нее началась новая жизнь. Нужно отыскать в себе силы принять ее и двигаться дальше, позабыв о прошлом. Обычно в этом помогали друзья и родные. Но Джоанна осталась совершенно одна.

– Как же я справлюсь? – пробормотала она, заказывая второй коктейль.

Все это время Джо цеплялась за предстоящий визит Саймона как за спасательный круг. Но теперь, с его уходом, нить, связывающая ее со всем, что она когда-либо знала, оборвалась навсегда.

– Боже мой, – прошептала Джоанна, наконец-то осознавая всю чудовищность ситуации.

– Привет, огоньку не найдется? – спросил вдруг мужской голос с сильным американским акцентом.

– Извините, я не курю, – бросила Джоанна, не глядя на него. Здесь, в Мексике, мужчины вились вокруг нее, как пчелы, слетевшиеся на мед.

– Ладно, тогда мне зажигалку и апельсиновый сок, – обратился мужчина к бармену. Джоанна краем глаза заметила, как он уселся на барный стул рядом с ней. – Тебе подлить?

– Я…

Услышав типично английскую фразу, Джоанна повернулась к соседу. Перед ней был мужчина в цветастых шортах, футболке и соломенной шляпе, покрывающей длинные темные волосы. На фоне загорелой до орехово-коричневого цвета кожи ярко выделялись знакомые голубые глаза.

– Мы ведь знаем друг друга, – улыбнулся он. – Ты же Мэгги Каннингем? Кажется, когда-то мы целый год вместе учились в Нью-Йоркском университете.

– Я… – заикаясь, пробормотала Джоанна.

Сердце бешено колотилось в груди. Неужели из-за текилы у нее начались странные галлюцинации? Или Саймон решил проверить, не проколется ли она? Хотя мужчина ведь назвал ее «Мэгги»…

Джоанна смотрела на соседа раскрыв рот, жадно впитывая взглядом все его черты, и все же…

– Я все равно куплю тебе еще порцию. – Он подал знак бармену наполнить ее стакан. – Может, поболтаем, вспомним старые времена?

Они вышли из кафе и направились к тихому столику на шаткой деревянной террасе. Джоанна решила, что лучше пока молчать, потому что этого… просто не могло быть. Она вдруг обратила внимание, что мужчина сильно прихрамывает, и потрясенно опустилась на стул.

– Кто ты? – мрачно пробормотала Джоанна.

– Ты знаешь, кто я, Мэгги, – проговорил он в своей обычной отрывистой манере. – Твое здоровье. – Мужчина стукнул стаканом о ее стакан.

– Я… Как ты здесь оказался?

– Думаю, так же, как и ты. Кстати, меня зовут Каспер, твое собственное дружелюбное привидение. – Он с ухмылкой посмотрел на нее. – Я не шучу.

– Боже мой, – выдохнула Джоанна и бессознательно протянула руку, чтобы коснуться его и убедиться, что он настоящий.

– А моя фамилия Джеймс. Подумал, это будет уместно. Мне повезло – в отличие от тебя я сам выбрал себе имя.

– Как? Где? Почему?.. Маркус, я думала, ты…

– Да, мертв. И, пожалуйста, зови меня Каспер, – тихо произнес он. – Сама знаешь, что и у стен есть уши. Честно говоря, они думали, что я не выкарабкаюсь. У меня развилась полиорганная недостаточность, и некоторое время после операции я находился в коме. А к тому времени, когда все же пришел в сознание, о моей смерти уже сообщили родным и в средства массовой информации.

– Зачем так сделали?

– Я сам с тех пор об этом думаю. Вероятно, они просто не знали, как много мне известно, поэтому отвезли меня в какую-то частную

больницу и держали под круглосуточным наблюдением. Не хотели рисковать, что я, очнувшись, выболтаю все какому-нибудь врачу или медсестре, которые случайно окажутся поблизости. Они явно хотели представить случившееся как обычный несчастный случай, чтобы никто не задавал вопросов, к тому же не сомневались, что я все равно отправлюсь на тот свет, поэтому заранее объявили о моей кончине. Так что, когда я все-таки очнулся и мое тело снова начало функционировать, у них возникла небольшая проблема.

– Странно, что они не прикончили тебя окончательно и бесповоротно, – пробормотала Джоанна. – Обычно эти люди именно так и поступают.

– Думаю, в том, что я еще жив, есть некоторая заслуга твоего приятеля Саймона – или, лучше сказать, моего новоявленного дальнего родственника, – поднял бровь Маркус. – Он рассказал мне, что сообщил начальству, будто это я отобрал письмо у Иэна Симпсона и где-то спрятал до того, как мы свалились в воду. Поэтому ублюдок в меня и выстрелил. Так что, когда я все-таки очнулся, им пришлось хотя бы ненадолго оставить меня в живых, чтобы выяснить, так ли это. Понимаешь?

– Саймон тебя прикрыл…

– Вот-вот. А после отдал мне письмо, точнее, то, что от него осталось, чтобы я вернул им. И велел говорить, что я ничего не знал – просто получил немного денег от Иэна Симпсона, который попросил меня помочь с поисками. Потом Саймон сообщил, что я официально мертв, и спросил, как бы мне хотелось зваться в новой жизни.

– Ты отказался?

– Мэгги, – вздохнул Маркус, – наверное, ты снова назовешь меня трусом, но эти люди… ни перед чем не остановятся. Когда я чудом воскрес из мертвых, то не особенно стремился в ближайшее время возвращаться на тот свет.

– Ты не трус, Маркус… точнее, Каспер. – Она неуверенно протянула руку и накрыла его ладонь. – Тем вечером ты спас мне жизнь.

– А Саймон спас меня. Он в самом деле отличный парень, хотя я до сих пор понятия не имею, что, черт возьми, тогда творилось. Может, однажды ты меня просветишь.

Маркус закурил, и Джоанна заметила, что его левая рука дрожит не переставая.

– Возможно.

– Что ж, – улыбнулся Маркус, – вот он я.

– Где ты жил?

– В реабилитационном центре в Майами. Похоже, пули, что угодили мне в живот, задели позвоночник, и я очнулся с парализованной нижней частью тела. Сейчас мне лучше, хотя я долгое время заново учился ходить. И, к сожалению, с виски пришлось завязать навсегда. – Он указал на стоявший перед ним сок. – Да уж, Саймон упрятал меня в чертовски милое местечко и оплатил все расходы… – усмехнул– ся он.

– Хорошо.

Они немного помолчали, просто глядя друг на друга.

– Это нереально, – в конце концов произнес Маркус.

– Ты мне говоришь? – отозвалась Джоанна.

– Когда Саймон позвонил и сказал, что везет меня в Мексику на встречу с кем-то знакомым, я решил, что он меня разыгрывает. Поверить не могу, что ты здесь. – Маркус удивленно покачал головой.

– Да уж… Тем более если учесть, что мы оба «мертвы».

– Может, это и есть загробная жизнь? Если так, – он махнул рукой в сторону пляжа, – она мне вполне нравится. Кстати говоря, я всегда питал слабость к блондинкам…

– Мар… Каспер, веди себя прилично, пожалуйста!

– Ну, некоторые вещи никогда не меняются, – улыбнулся Маркус и сжал ее ладонь. – Я скучал по тебе, Джо, – прошептал он. – Безумно.

– Я тоже по тебе скучала.

– Итак, куда двинемся дальше? – поинтересовался Маркус.

– Полагаю, куда захотим. Весь мир открыт для нас – ну, кроме Англии, конечно.

– Как насчет Бразилии? – предложил он. – Я тут слышал об одном замечательном кинопроекте.

Джоанна усмехнулась:

– Думаю, даже МИ-5 не так-то легко будет отыскать нас в джунглях Амазонки. Я согласна.

– Хорошо, пойдем, – вставая, проговорил он. – Но прежде, чем мы начнем планировать совместное будущее, почему бы не спуститься на

пляж? Мне очень хочется улечься на песок и расцеловать каждую частичку твоего тела. Пусть даже без шоколадного соуса.

– Как скажешь, – улыбнулась Джоанна и тоже встала.

* * *

Со своего наблюдательного пункта над пляжем Саймон видел, как молодые мужчина и женщина, крепко обнявшись, медленно зашагали по песку навстречу новой жизни.

Эпилог

Лос-Анджелес Сентябрь 2017 года

Саймон обнаружил Зои в шезлонге у бассейна. Он окинул взглядом ее по-прежнему подтянутое, слегка загорелое тело, на котором прошедшие двадцать лет и две беременности почти не оставили следов, и поцеловал жену в макушку.

– Где дети? – поинтересовался Саймон.

– Джоанна отправилась на вечеринку в честь восемнадцатилетия подруги – кстати, в самой короткой мини-юбке из всех, что я когда-либо видела, а Том на бейсбольном матче. Ты сегодня рано. В ресторане затишье?

– Напротив, зал забит под завязку. Но я вернулся, чтобы заняться бумажной работой. Там даже в кабинете невозможно сосредоточиться, меня постоянно отвлекают. Что читаешь? – спросил он, заглядывая ей через плечо.

– О, новый триллер, который вышел на прошлой неделе. Все только о нем и говорят. Сюжет построен на тайнах британской королевской семьи, поэтому я решила дать книге шанс, – с улыбкой пояснила Зои.

У него вдруг бешено заколотилось сердце – впервые с тех пор, как он уволился с прежней работы.

Саймон взглянул на обложку.

«Любовное письмо»
М. Каннингем

«Джоанна, нет!»

– Ясно, – отозвался Саймон.

– И вправду захватывающе, хотя, конечно, совершенно неправдоподобно. Ну, такого ведь просто не бывает. Верно, Саймон? – проговорила она.

– Конечно же нет. Ладно, пойду выпью чего-нибудь холодненького. Тебе принести?

– Не откажусь от чая со льдом.

Обливаясь потом, Саймон вошел в дом. Прошагал в кабинет и, выложив на стол папки со счетами ресторана, проверил на айфоне электронную почту.

---

notes

Примечания

1

Церковь Святого Павла – приходская церковь в Лондоне, в районе Ковент-Гардена, построенная в XVII веке. Также известна под названием «Актерская церковь».

2

Бутч Кэссиди и Сандэнс Кид – грабители с большой дороги, легенды Дикого Запада.

3

Снап – карточная игра, в которой игроки пытаются найти пары карт одного ранга.

4

Уменьшительное от имени Джеймс.

5

«Жители Ист-Энда» – британская мыльная опера, где показана повседневная жизнь простых обитателей вымышленного округа Уолфорд в Ист-Энде, восточной части Лондона.

6

Дралон – сверхпрочное акриловое волокно, устойчивое к разного рода воздействиям.

7

Темз-хаус – штаб-квартира британской спецслужбы МИ-5. Расположена в Лондоне в районе Миллбанк, на северном берегу Темзы.

8

«Шпион, выйди вон!» (*Tinker, Tailor, Soldier, Spy*) – детективный триллер о поисках шпиона в рядах британской разведки.

9

Брайз Нортон – крупнейшая военно-воздушная база Великобритании, расположенная в Оксфордшире, в 121 км от Лондона.

10

«Антикварные гастроли» – британское телевизионное шоу, в котором оценщики антиквариата путешествуют в различные регионы страны или за границу, чтобы оценить антиквариат.

11

Гирос – блюдо греческой кухни, разновидность шаурмы.

12

Панчетта – типичный мясной продукт итальянской кухни, разновидность бекона.

13

Йоркширский пудинг – традиционное британское блюдо, которое обычно подается как гарнир к ростбифу.

14

Гринпис признан нежелательной организацией на территории РФ. (*Здесь и далее*)

15

Имеется в виду громкий скандал в прессе, когда в распоряжении СМИ оказалась запись разговора Джеймса Гилби и принцессы Дианы, во время которого он называл собеседницу ласковыми прозвищами и просил его поцеловать. Этого хватило, чтобы сделать выводы о неверности Дианы.

16

Нетбол – чисто женский вид спорта, сильно напоминающий баскетбол.

17

Имеется в виду экранизация книги 1967 года режиссера Джона Шлезингера.

18

Саймон Ле Бон – английский певец, вокалист группы Duran Duran.

19

Ирландская республиканская армия (ИРА) – военизированная группировка ирландских националистов, основанная в 1916 году.

20

«Радио четыре» – британская радиостанция BBC, транслирующая разговорные программы.

21

Прозак – антидепрессант.

22

Дэвид Ллойд Джордж – премьер-министр Великобритании с 1916 по 1922 год.

23

Стаут – темный элевый сорт пива.

24

Джеймс Джойс – ирландский писатель и поэт, представитель модернизма.

25

У. Шекспир. Гамлет.

26

Пэдди – прозвище ирландцев.

27

Содовый хлеб – разновидность хлеба быстрого приготовления, в котором в качестве разрыхлителя вместо традиционных дрожжей используется пищевая сода.

28

Банши (*от ирл.* Bean Sidh – женщина-дух) – в ирландском фольклоре и у жителей горной Шотландии – предвестница смерти. Согласно поверьям, является возле дома обреченного на смерть человека и своими характерными стонами и рыданиями оповещает, что час его кончины близок.

29

В 1921 году было подписано соглашение, которое разделило Ирландию на две части: Северную Ирландию, оставшуюся в составе Великобритании, и Южную Ирландию (ныне Республика Ирландия).

30

Блетчли-парк – усадьба в Милтон-Кинсе, где во время Второй мировой войны декодировали сообщения немецкого флота.

31

«Уайт» в переводе с английского «белый».

32

«Неугомонный дух» – классическая комедийная пьеса британского драматурга Ноэля Кауарда, по которой в 1945 году был снят фильм.

33

«Бак физ» – смесь шампанского с апельсиновым соком.

34

Люфтваффе – название германских военно-воздушных сил в составе вооруженных сил Германии.

Table of Contents

Люсинда Райли Любовное письмо
Примечание автора
Королевский гамбит
- Пролог
- 1
- 2
- 3
- 4

Белый конь
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- Пат
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19

Рокировка
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24

Изолированная пешка
- 25
- 26

27
28
29
Взятие
30
31
32
33
Шах
34
35
36
37
38
39
Эндшпиль
40
41
42
Пешка становится ферзем
43
Эпилог
Примечания
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34